

КОРОЛЕВСТВО АДАЛЬФ

Артёмий Чайко

Трудно осознавать, что ты — единственная надежда целого мира. Ещё труднее добровольно взвалить на себя сию неподъёмную ношу. И хорошо, если события вокруг напоминают волшебную сказку, но, что делать, когда всё начинает рушиться прямо на глазах? В канун Нового Года труженица заштатной конторки Алёна встречает на заснеженной улице нищего бродягу по имени Силий. С этого момента вся её жизнь коренным образом меняется, вновь открывшаяся тайная тропа ведёт в таинственный мир древнего королевства... Здесь правят совсем иные законы: обычные люди обретают великие возможности, но вместе с тем сакральный мир таит в себе и великие опасности...

ПУТЕШЕСТВИЕ

Напутствие к чтению

Каждую строчку следует читать внимательно, запоминайте все мелочи, ибо если вначале видите вы ниточку, то она непременно приведёт вас к клубку, в книге этой всё взаимосвязано, как и во Вселенной, и чтобы понять её полностью, необходимо наблюдательным быть, скрупулёзным в строчках и дотошным в событиях.

Вступление

И вот я снова берусь за перо. Много я видел, много где побывал, много что было вокруг меня. Бывало так, что у меня не было места, где я бы мог уединиться с письмом, чаще у меня не было времени, а иной раз даже просто чистого листа и пера, но никогда не было так, чтобы мне нечего было поведать вам, мои благодарные слушатели! Говорят, будто многословен я, но и в этом есть свой смысл, ибо *brevis esse laboro, obscures fio*[1]...

Глава I

Обычный серый день

Вот Она: Она носит обыкновенное русское имя Алёна. У неё большие серые глаза, не очень длинные тёмно-русые волосы, часто собираемые в "хвостик" и немного взъёрошенная чёлка. Она носит серые вещи, светлые плащи и шарфы, даже летом кутается, потому что всё время мёрзнет. Сейчас ей всего двадцать три, но она уже знает, что мир скучный и безысходный. Это печать современности, чем раньше поймёшь бесполезность существования, тем умнее отразишься в глазах унылого окружения. Нигилизм в моде не первый год, теперь многие настраиваются на эту волну ради имиджа, но только не она. Алёна и вправду разочаровалась в жизни, и уже давно. Когда ей было семь, она впервые услышала, как мать на кухне говорила соседке по коммуналке, что смысл жизни любой женщины состоит исключительно в успешном замужестве. Пусть он попивает, пусть нехорош собой, пусть даже руку к благоверной прикладывает время от времени, но главное, чтобы он был, чтобы был муж. Мать Алёны, как каждая правильная режимно-совковая женщина, возвращённая в ныне уже не существующем СССРе, была убеждённой антифеминисткой. Муж был для неё самоцелью и смыслом жизни, и, может быть именно поэтому она и не выгоняла своего пропойцу, с позволения сказать, отца Алёны. А этот мужичок, достаточно затрапезного вида, вообще не интересовался дочерью, в принципе мало чем интересовался, кроме выпивки.

И вроде бы, такой образ мужчины, присутствовавший в жизни Алёны на протяжении многих лет, должен был отбить у неё всяческое желание выйти замуж, однако бесконечно повторяемый гипноз матери оказался сильнее наглядного примера отца. Алёна так же как и мать, искренне уверовала в необходимость иметь мужа, но не очень преуспела на этом поприще. Возможно, именно из-за её сильного желания выйти замуж мужчины и не решались на долгие отношения с ней. И пусть ей всего двадцать три, но она уже давно

считает себя самой старой девой в мире.

Иногда мы слышим о свершившихся чудесах, но остаёмся уверенными, что с нами-то они произойти в принципе не могут, таково устройство нашей думы, называемой умными учёными стереотипным восприятием. Но, порой, и те, кто сами встречали Богов во плоти, не верят, что это правда. Алёна как раз из их числа, её и без того маленький мир с годами становился только меньше, вместо неба, на которое она давно не смотрела, был серый асфальт под ногами, вместо цветущей зелени — грязные стены захудалых строений. Она всё реже брала в руки подозрную трубу, все реже смотрела вверх, и всё чаще на свои туфли.

Как губка, впитав в себя всё слышанное от матери, она просто живёт, не высовываясь, ведь абсолютно верно, что она лишь одна из многих таких же, и что большего ей не достичь. Да ещё и "добрые" люди все как один твердили ей много лет, что лучше синица в руках, что журавлей вообще не бывает, акромья как на картинках. Работает она в простой советской конторке, которая, правда, ныне зовётся офисом. Хотя это иностранное словцо вовсе не добавляет конторке ни смысла, ни значимости. Все, от директора до самого мелкого клерка знают, что если их конторка вдруг перестанет существовать, мир не падёт, и вряд ли вообще кто-то об этом задумается. Так, потонув в море экзотичных слов, конторка, а вместе с ней и наша героиня, живут уверенностью, что название делает кого-то успешным, что встречают по одежке и всё прочее в таком же духе.

— До свидания, Елизавета Евгеньевна, — безадресно произнесла Алёна, стоя возле двери и накручивая на шею старый, покрытый катышками и местами распустившийся шарф серого цвета.

Немолодая дама в безвкусном парике на мгновение оторвалась от газеты с кроссвордом и тупо поглядела на Алёну поверх очков затуманенным рутиной жизни и ничего не выражающим взглядом. Она ничего не ответила, трудно было даже сказать, поняла ли она вообще, что обращались именно к ней.

— Пока, пока! — натрыжно задорно произнёс потрёпанный мужичонка в таком же сером, как и он сам, костюме, что сидел справа от Елизаветы Евгеньевны. Ему явно хотелось казаться моложе своих лет, однако, начинающаяся лысина выдавала своего владельца. Он попытался принять непринуждённую позу эдакого современного нигилиста, но вместо этого как-то так вульгарно развалился в кресле, что то от недовольства даже заскрипело.

В дверях Алёна столкнулась со своей сослуживицей, покрашенная как портовая девка, секретарша неслась куда-то по коридору, и чуть было не сшибла её с ног.

— До завтра! — буркнула Алёна, пытаясь пройти мимо, но девка остановила её.

Пуча глаза и дико артикулируя безвкусно яркими губами, она стала с жаром рассказывать о том, как классно оторвалась в "ночнике", как ужралась бухлом, и как её потом тошнило. Алёна уже трижды пожалела, что не вышла раньше, а эта подруга всё продолжала и продолжала нести какую-то совершенно бредовую ахинею. Наконец, когда та выплеснула всё, что волновало её скудный ум, Алёна смогла пройти дальше.

Алёна смотрит новости про Адальир

Алёна вышла из здания конторы и взглянула на часы, стрелки на которых показывали полдевятого. Она всегда поздно заканчивала работу, задерживаться без оплаты переработок было здесь хорошим тоном. Секунду она смотрела на мелкий снежок, идущий так неспешно с небес, а потом двинулась к своему дому. Проходя мимо магазина, торгующего видеотехникой, она остановилась. Её внимание привлёк телевизор, выставленный в витрине,

а, вернее то, что шло в этот момент по нему, телевизором-то теперь мало кого удивишь: на голубом экране, напряжённо сдвинув брови на переносице, сидел нарочито серьёзный диктор, слева за его спиной висел логотип канала "ТНК":

— Мы получаем крайне тревожные новости из королевства Адальир. И, вот, к нам в студию только что... — диктор замялся и стал растягивать слова, чтобы выгадать время, что-то читая на экране подсказок. — Пришло сообщение с пометкой "молния". Здесь сказано, что командование "Объединённой Армии Освобождения Адальира" готовит военное вторжение на территорию королевства, несмотря на официальный протест руководства страны и сопредельных государств. Напомним, что вчера на специальной сессии Совбеза ООН по разрешению Адальирского кризиса, официальный секретарь Объединённых Наций Аффи Конан заявил, что крайне обеспокоен сложившейся ситуацией и призвал противоборствующие стороны сесть за стол переговоров. "Вопрос разрешения Адальирского кризиса касается не только королевства, но отражается и на стабильности всего региона", отметил мистер Конан. К другим новостям...

Алёна поправила шарф, спрятав в него уже изрядно замёрзший нос. Тем временем диктор на экране продолжал:

— Над столицей отмечается небывалая облачность, три снежных фронта одновременно надвигаются на город, принося с собой снег и непогоду. Кроме того синоптики отмечают высокую вероятность грозы, в столичном небе фиксируются несвойственные для данного периода года электрические явления, приводящие к незначительным сбоям в работе энергосистемы города. Жители столицы уже отмечали "моргание" света. Опасности это, по всей видимости, не представляет, однако, рекомендуется быть осторожными в обращении с металлическими предметами, такими, как корпуса автомобилей, поручни в метро и железные двери, которые, наэлектризовавшись, бьют током...

По экрану прошла чёрно-белая рябь, и раздался треск, свет в витрине на мгновение погас, и уличные фонари тоже мигнули. Алёна подняла взгляд и увидела среди белой ваты облаков слабое радужное свечение, которое тотчас погасло, и вниз полетели звенящие снежинки. Телевизоры в витрине вновь синхронно начали показывать всё того же диктора:

— Небесное электричество способно вызывать некоторые аномальные явления, как например, слабое северное сияние, гало и радуги, — добавил диктор. — Не стоит волноваться, по утверждениям синоптиков гидрометеорологического центра все явления прекратятся вместе с уходом облачного фронта...

Алёна встречает Силия

Когда диктор договорил, Алёна отряхнула нападавший на плечи снежок и вновь зашагала своим обычным путём сквозь заснеженные дворы напрямик. Но почему-то вдруг свернула и решила пройти не обычным путём через главную улицу города, а выйти к дому ещё через один двор. Сказать, что она сокращала путь, устав сильнее обычного, было нельзя, ведь дорога её становилась из-за этого поворота только длиннее.

Что-то вело её, направляло. Никогда в другой раз она бы не пошла через тёмные незнакомые дворы: она боялась темноты и знала опасности большого города, но сейчас ноги сами несли её.

Её сердце согревало какое-то до безумия приятное ощущение, похожее на детское ожидание новогодних подарков в сочельник[2]. Как будто судьба что-то приготовила для неё, что-то хорошее, очень хорошее, от чего её душа переполнялась наивной радостью.

Сейчас, сказать по правде, она не осознавала, что заставило её свернуть, так сильно она была погружена в себя. А внутри её души, среди хоровода будничных мыслей, уже теплился новый свет, что разливался теперь по телу, как лампадное сияние во мраке старинного храма, но ещё не осознавался разумом.

Алёна преодолела очередной двор, но вдруг, словно что-то вспомнив, замерла на месте и осторожно обернулась. У арки, через которую она только что прошла, прямо на тротуаре сидел какой-то нищий. Снег кружился в тусклом свете фонаря и слетал на землю, прикрывая серый камень мостовой белоснежным бархатом хлопьев. Человек сидел на "бровке" прямо на снегу, положив локти на колени и свесив ладони между них. Пальто, что было на нём, хоть и казалось толстым, явно не грело как следует, к тому же было всё в дырах и расходящихся швах, таким же потёртым смотрелся и сплошь покрытый катышками его старый шарф. Алёна невольно поёжилась, стянув рукой края воротника. Рядом с бродягой лежал лохматый чёрный пёс, явно без роду и племени.

Бродяга сидел здесь, как видно, уже давно, его спутанные волосы и жиденькая "козлиная" бородёнка в три волосины совсем замёрзли и уже стали покрываться инеем. На кончике бородки даже подрагивала сосулька. Несколько секунд Алёна молча смотрела на него, а он важно покурил догоревший до фильтра замусоленный окурок и отпуская в небо скудные дымные кольца, хотя и их-то вряд ли мог давать табак, разве что горячая на морозе целлюлоза. Несколько мгновений девушка ещё колебалась, её пугали незнакомые бродяги, но, в конце концов, решившись, она подошла к нищему и протянула ему оставшуюся в кармане мелочь. Алёна хотела сказать "возьмите", но только опустила взгляд и промолчала, её всегда смущали такие ситуации. Подавая нищим, особенно у входа в церковь, она всегда испытывала странное чувство вины за то, что у этих людей нет крова и еды. За то, что она не может дать больше и за то, что ещё миллионы оных бродяжничают по миру, голодают и замерзают, в то время как у неё есть тёплая постель и вкусная еда.

— Доброй ночи, Сударыня! — вдруг произнёс незнакомец тихим, чистым голосом с лёгким придыханием. — Благодарю вас! — он подставил ладонь в рваной шерстяной перчатке типа краг чёрного цвета, и монетки со звоном упали в неё. Бродяга улыбнулся, и Алёна смогла рассмотреть и его добродушное лицо, и скрытые за толстыми очками лучезарные глаза, которые всё ещё не утратили блеска, несмотря на возраст, который, как показалось Алёне, должен был быть не менее пятидесяти — шестидесяти лет.

Бродяга склонился над своей ладонью и стал кропотливо пересчитывать монеты, отбрасывая их пальцем в сторону. Она повернулась и стала уходить, как вдруг пёс поднял голову и громко гавкнул, словно её окликая. С минуту она стояла спиной к бродяге, роясь в сумочке. Потом вытащила, запрятанный от карманников на самое дно кошелёк, а из него вынула все оставшиеся деньги — несколько банкнот среднего достоинства. Она вернулась к нищему и протянула ему их.

— Возьмите, пожалуйста, — сказала она, избегая его взгляда, — тут совсем немного, но может быть, вам пригодится...

— Спасибо, дочка, — ласково произнёс он почти шёпотом, — но ты уже дала мне денюжки... — он не стал протягивать руки.

Ещё секунду Алёна стояла, собираясь с мыслями, а бедняк растерянно смотрел на неё, как будто чего-то ожидая. Не зная, как поступить, она, молча, положила купюры на край рваного полиэтиленового пакета, который лежал рядом на снегу и принадлежал, по-

видимому, оборванцу, а сама поспешила уйти. Она не заметила, как нищий с благостной улыбкой взял деньги и положил их вовнутрь пакета. Когда Алёна отошла на несколько метров, то поняла, что должна сделать для этого бездомного ещё что-нибудь. А он словно прочитал её мысли:

— Я же тебе говорил, а ты споришь, Фома неверующий! — торжествующим шёпотом обратился он к своей дворняге, а пёс только заскулил в ответ.

— Вы, наверное, хотите есть? — произнесла Алёна робко, снова приблизившись к нищему.

— Хочу... — шёпотом признался бродяга и выдохнул пар.

— Вам здесь не место, вы, должно быть, замёрзли... Хотите спать?

— Хочу... — снова подтвердил незнакомец и улыбнулся.

Алёна не знала, как сказать то, что хотела, но, наконец, собралась с духом:

— Вы не подумайте ничего дурного, но вы бы не согласились бы переночевать у меня? Я найду для вас хорошее место, дам чистое одеяло, вы даже сможете принять душ... — девушка замерла в ожидании ответа, как ящерка, греющая спинку на трухлявом пенёке в солнечный летний день.

— Gratias ago[3], дитя! Я и впрямь совсем замёрз, а моя псина и того хуже... — он попытался встать, но, словно снеговик, примёрз к асфальту. — И если бы ты помогла старику подняться, то он был бы бесконечно рад твоему приюту.

— Давайте, поднимайтесь! — Алёна протянула свои маленькие ручки и попыталась поднять бродягу. Тот встал, на удивление быстро.

Вдруг Алёна заметила, что оборванец окружён каким-то странным голубоватым ореолом, и, неожиданно для себя самой, произнесла совершенно дикую фразу:

— От вас сияние какое-то исходит? — спросила она на полном серьёзе.

Оборванец с немного наигранным удивлением осмотрел себя со всех сторон.

— Время не рассчитал, — неразличимо пробормотал он себе под нос, и тут же, спохватившись, посмотрел на девушку растерянным взглядом, словно сам понял, что сморозил лишнего.

— Что? — широко раскрыв свои серые глаза, переспросила Алёна, она подумала, что ослышалась.

— Это снег искрится в свете фонаря, — поспешил пояснить бродяга, скрывая в ладони за спиной, потрескивающую искру.

Так ли это было на самом деле, или нет, действительно ли он удивился, или так хорошо сыграл это удивление, и что за статика гуляла по его пальцам останется известным только ему одному. Но вот, то ли от инея, а, то ли от непонятно чего, бродяга действительно, подобно лампочке, испускал слабое электрическое свечение. Быть может, это погода наэлектризовала его?

— Пойдёмте, — несколько сконфуженно от своей предыдущей фразы сказала Алёна, — я приготовлю вам поесть.

Незнакомец замялся.

— А как быть с ним? — он указал на пса и встревожено уставился на девушку.

— И ему что-нибудь сообразим, голодом спать не ляжет... Как вас зовут, у вас есть имя?

— Силий.

— Силий? И всё, — удивилась девушка, — так коротко? Странное имя...

— Василий Борисович Гончаров, — расправив плечи, галантно представился бродяга.

— Гончаров? Совсем как эту... — Алёна осеклась...

— Нет, нет, — поспешил откреститься Силий, — к ней я никакого отношения не имею! То есть, конечно, все люди братья и сёстры в той или иной мере, но это не тот случай.

— Так сильно не любите Наталью? — хихикнула Алёна.

— Вообще-то Александр Сергеевич просил не говорить о ней дурного, — Силий задумчиво расправил бородёнку, — поэтому я промолчу, — он улыбнулся. — Скажем, лучше, что это я написал "Обломова"...

— Ясно, а я Алёна, — девушка тоже улыбнулась. Пойдёмте, что ли?

— *Idea optima est!*[4] — скороговоркой произнёс Силий, и повернулся к своему псу. — Слышишь, Фариселл? Нас любезно пригласили на ночлег, а отказываться от приглашений не очень-то красиво, особенно, если оно исходит от чистого сердца.

Пёс Фариселл одобрительно гавкнул, и они пошли втроём по совсем белой улице большого города куда-то вглубь снежной ночи.

* * *

Рука с баллончиком краски скользнула вдоль обшарпанной серой стены, оставляя радужный след, распылённого аэрозоля. Парень в розовой куртке с капюшоном явно знал своё дело, виртуозно чертил ломаные линии да при этом ещё и пританцовывал, и вскоре на стене очертились два силуэта: худой девушки в светлом плаще и мужчины в старом пальто и с "козлиной" бородёнкой на подбородке. Рисунок на стене, хоть и был условно-схематичным, но в нём без труда угадывались изображаемые персонажи... Ветерок покачивал фонарь, свет от которого попеременно освещал то один, то другой край картины... Вторая рука показалась рядом, женская и изящная. Девушка в радужной толстовке и жёлтой кепке подключилась к настенному рисунку, ловко пририсовав рядом с мужчиной чёрного пса.

Баллончики опустели, урбанистические художники пустых улиц, потеряв интерес к завершённой картине, растворились в вечернем городе. Снег кружился в свете фонарей и медленно стелился по тротуару, а на стене в стиле "граффити" через ночной мегаполис не спеша брели худенькая девушка в плаще и сером шарфе, мужчина в рваном пальто и его безродный чёрный пёс...

Брелов и Гном Андрей

Брелов доиграл концерт, но по-прежнему был бодр и полон сил. Музыканты из его группы всегда диву давались, насколько он работоспособен. Сам Брелов говорил, что он лентяй, и это утверждение не было лишено правдивости. В те времена, когда он учился в университете, и потом, когда он ещё не начал петь, ему приходилось зарабатывать на жизнь самыми разными способами. Он и подметал дворы, и служил в нескольких конторках серым клерком, и даже торговал джинсами, но никогда не проявлял к этим занятиям особого рвения. Единственной его страстью была и остаётся музыка, которой он и отдавал всё своё свободное время. Альтернативный кельтский рок — так он сам именовал избранное группой музыкальное направление.

Зал, хоть и не был большим, но так ревел от восторга, что мог бы дать фору не одному стадиону. Сведённые с ума божественными звуками электрогитар и магическими ритмами звонких барабанов фанаты хором скандировали слова финальной песни, которая называлась "Ты можешь всё!", и повествовала о жизни и подвигах легендарного воина минувших эпох,

что в одиночку одолел семерых королей. Музыка стихла, завершённая оглушительным барабанным боем, но песня всё ещё продолжала звучать над залом, подхваченная сотнями голосов собравшихся здесь любителей рока. Каждый, кто сейчас надрывным криком повторял за музыкантом нехитрые рифмы, чувствовал, что это он тот великий воин, что это он избранный, и он может всё, и в тот момент это было правдой.

Вот текст этой песни Брелова:

Свет зарниц разливался по небу,
Славы свет следовал, где б он не был,
И внимали ему короли,
И другие великие этой земли...

Шаг за шагом ступал он к победе,
Обращал неприятеля в прах,
Славы свет следовал, где б он не был,
Когда он приходил, то развеивал страх...

И внимали ему короли,
И другие великие этой земли,

И все армии в шелках,
И один в поле воин,
Те, кто сыт и доволен,
Все, кто голоден и болен,

Все, кто ищут яркой жизни,
Кто не жаждет её,
Если ты готов поверить,
То ты сможешь всё...

Ты можешь всё!

За душой ни гроша,
Только вера в руках,
На счету ничего,
Лишь побитый им страх,

Но внимают ему короли,
И другие великие этой земли...

И все армии в шелках,
И один в поле воин,
Те, кто сыт и доволен,
Все, кто голоден и болен,

Все, кто жаждет сладкой жизни,
Кто не ищет её,
Если ты в себя поверишь,
То ты сможешь всё...

Ты можешь всё!

Брелов тяготел к фольклору Туманного Альбиона, поэтому старался совмещать в своих песнях современные звучания электрогитар и барабанов с древними кельтскими мотивами. Внешне он выглядел как классический рок-певец. У Брелова было немного вытянутое очень бледное, почти белое лицо с глубокими синими тенями, лежащими под глазами, как у вампира со стажем. Длинные чёрные волосы, которые он иногда собирал в хвостик, а чаще носил распущенными, потому что ему нравилось, как они блестят. Глаза его казались тёмными на свету, но в темноте светились странным зелёным цветом. Крепкий, в меру "накаченный", с тяжёлым взглядом, излучающим вечный философский сплин. В музыке, которую он писал, его многое не устраивало, как, впрочем, и каждого талантливой автора. В частности, он любил скрипку и писал для каждой песни партию на этом инструменте, но часто не мог включить её в исполнение, поскольку не находилось скрипача, который бы устроил его уровнем исполнения. И дело было не столько в мастерстве, хотя, конечно, и в нём тоже. Брелов искал для группы такого же человека, как и он сам, который не просто умеет играть музыку, но живёт ею, эдакого одержимого скрипача, но пока ему не очень-то везло в этом поиске. Приходившие музыканты не выдерживали его темпа и самоотдачи долго и вскоре бросали коллектив.

Пора было складывать вещи, концерт они отыграли, и освободить место для следующей группы. Брелов зашёл в свою временную гримёрную за сценой. Он присел на стул и, подперев подбородок рукой, о чём-то задумался. Вскоре следом зашёл бас-гитарист Андрей по прозвищу Гном, полноватый мужчина чуть за тридцать, с внешностью то ли коренного ирландца, а то ли коренного гнома. У него были кудрявые волосы и такая же борода, которая только добавляла ему сходства со сказочными персонажами древних кельтских сказаний. Он присел рядом и усталым движением отёр со лба пот.

— Уф! — выдохнул он, раздув свои пышные усы, — отыграли прилично, я аж запарился! Прикинь, Арчи, меня дважды током ударило, не то чтобы ударило, так, кольнуло, но, сказать по правде, не очень-то приятно! Надо проверить, что тут у них с электричеством, хотя может и моя "старушка" барахлит.

— Да, — Брелов кивнул, — ты поосторожней, бывает, они током бьют, так и убить может. Помнишь же, как Талькова чуть не убило вот так же во время исполнения "России"?

— Слушай, — басист вновь вытер лицо рукавом, пот так и катил с него градом, но, казалось, больше от волнения, нежели от усталости. — Я вот что подумал, тебе не кажется, что мы живём какой-то выдуманной жизнью? — наконец выдавил он.

— Тебе кто-то сказал, что в нашем возрасте уже пора снимать банданы и остепеняться? — с усмешкой предположил Брелов.

— Нет, я не о том, — парень отмахнулся своей большой ладонью. — Просто подумалось, что как-то, не знаю я. Ну, короче, что я вроде здоровый мужик, а скачу по сцене на одной ножке, как мальчишка, а ещё и играю во всякие игры, в этот "Вавилон"...

— Тебя это напрягает, предпочитаешь пиво дуть да по футболом таскаться? — удивился

Брелов.

— Не напрягает, — сказал он так недовольно, что слова его прозвучали неубедительно, вероятно, Брелов попал в точку, — я думаю, что стоит уже подумать о будущем. Не век же мне бегать с гитарой и "косить" под ирландского лепрекона...

Брелов задумчиво поправил упавшие на лицо волосы.

— Хочешь уйти из группы? — хмуро догадался он.

— Ну, нет! — с наигранным возмущением в голосе возразил Андрей. — Ну, может на время, я, честно говоря, немного устал...

— Продолжай! — кивнул Брелов, поняв уже, впрочем, что происходит.

— Да ты сам знаешь, мы вроде и зал собираем и играем от души, а денег вечно не хватает, раскрутиться не можем. В общем, мне дело предложили, совместное предприятие. Там хорошие деньги должны быть, но вот с игрой в троллей придётся завязать, — Андрей опустил глаза, словно ему было неловко сообщать о своём решении. — Нет, ты не думай, Арчи, я про вас не забуду. Вдруг я как-то смогу в будущем помочь группе? Это же рост, пусть и в бизнесе. Там деньги, а где деньги — там большие возможности! Ну, ты понимаешь?

— Да, я понимаю... — было видно, что Брелов еле сдерживает нарастающую злость. — Группе помогали твои руки, которые просто созданы для баса, но это твоя жизнь, и не мне тебя учить. Где бизнес, там деньги, а где деньги — там вечная нехватка времени...

Андрей уже понял, к чему ведёт Брелов, и стал отчаянно возражать.

— Ну, ты же меня знаешь, старик! Ты же мой друг! Я на группу всегда время найду, мы будем общаться, может, сыграем ещё вместе! Я же никуда не уезжаю! — с жаром говорил он.

Брелов в ответ только кивал.

— Вот именно потому что я считаю тебя другом и знаю много лет, вот именно поэтому я и скажу тебе чистую правду без лукавства: если ты сейчас откажешься от того, к чему лежит твоя душа, то потом уже никогда не наверстаешь и не вернёшься к этому. Надо знать об этом, принимая решение, и не обманывать себя. Если ты хотел узнать моё мнение, то я буду рад любому твоему выбору, если он принесёт тебе то, чего ты желаешь, но только не думай, что побрившись, и надев костюм, ты станешь кем-то другим. Ты будешь сидеть в офисе и перекладывать бумажки как профессиональный зануда, но внутри тебя это будет всё тот же гном с бас-гитарой, поверь мне! Вот так! — Брелов развёл руками, вся фраза прозвучала довольно агрессивным потоком, кроме последних слов, сказанных с философской лёгкостью.

— Спасибо и на этом! — Андрей скривился, мол, не доволен, как это ему не верят. Потом они ещё немного посидели молча, и бас-гитарист ушёл.

Брелов посмотрел ему вслед с раздражением, ему уже не впервой было видеть людей, сворачивающих со своего пути. Кого-то сманивали деньгами, кого-то грубо сталкивала с выбранных рельсов унылая сила конформности, страх перед чужим неодобрительным мнением. Сам Брелов уже прошёл этот этап и не изменил своим стремлениям, хотя это было весьма непросто, и теперь мог лишь жалеть тех, кто оказался слабее его в принципиальном вопросе самовыражения.

Брелову было жаль расставаться с собратом по музыкальному оружию, но он не хотел отговаривать кого бы то ни было от принятых решений. Он не знал, кто прав, чей путь вернее, он знал только то, что сейчас придёт домой, сядет к компьютеру, и, возможно, сочинит новую песню. Злоба вновь начала расти в нём, когда он подумал, что придётся искать нового бас-гитариста, и лишь волевым усилием, Брелов смог вернуться в равновесие.

Надо сказать, что приступы ярости были для него обыденным явлением, уже много лет Брелов пытался подчинить себе эмоции, но полностью сделать это так и не удавалось.

"Гном" Андрей был далеко не первым, отколовшимся от рок-группы Брелова, человеком. Больше всего Брелова поражал поначалу тот факт, что все его музыканты, одержимые общей идеей вначале, позже теряли веру, и в них не оставалось даже толики былой одержимости. Куда она улетучивалась?! Как будто это были два абсолютно разных человека: вначале одержимый одним, в конце какого-то участка пути противился этому с той же силой, что раньше вдохновляла его. Возможно, думал Брелов, зачатки того, что люди окрестили талантом, есть в каждом, просто в некоторых они гибнут под давлением окружения, а в абсолютном большинстве не могут даже прорасти, не могут перейти из стадии увлечённости к настоящему самовыражению, которое называют творчеством. Ясная разница — тот, кто знает, как писать, это не тот, кто пишет, потому что не может не делиться своими образами с другими. Писатель по образованию — это тот же дворник, который просто научился здорово мести двор. Дворник же, сочиняющий сонеты стоит много больше, ведь его творчество не приносит прибыли, а посему не подгоняется ограниченным временем и не подстраивается из расчёта на публику. Как говорится, настоящая музыка рождается лишь на необитаемом острове, когда ты играешь её лесу и океану.

Раньше искать единомышленников, наверно, было сложнее, пока не было Интернета. Трудно искать единомышленников среди тех, кто под боком, всех знаешь вдоль и поперёк, всё знаешь, все свои, и ни одного настоящего друга... Теперь создать сообщество людей, объединённых общей идеей, кажется, не составляет труда — залей сайт, провозгласи, что ищешь собратьев по разуму и оружию, и через некоторое время у тебя будет полный форум кельтов, гномов, готов или любых иных существ, которые тебе нужны. Однако Брелов столкнулся с непонятной для него проблемой в этом деле. Наиболее заинтересованные его музыкальными экспериментами участники Интернет-сообщества Брелова в реальной жизни боялись выйти на сцену, не могли связать двух слов более-менее складно, короче, оказывались вовсе не теми, за кого их принимал Брелов, общаясь заглазно. Их образы в сети были так лаконичны и совершенны, потому что выстраивались долго и кропотливо, реальные же действия, требующие быстрых реакций и ораторской виртуозности, оказывались для них куда как сложнее...

[1] Если я стараюсь быть кратким — становлюсь непонятным (Лат.).

[2] В советское время Рождество не считалось официальным праздником и поэтому некоторые люди, как в семье у Алёны, именовали сочельником ночь накануне Нового Года (прим. автора.).

[3] Спасибо! (Лат.).

[4] Отличная идея! (Лат.)

Тусовка во дворе, Диана получает в подарок семь драконьих зубов

Вернёмся немного в прошлое. Это было прошедшим летом, вернее, в самом его конце, в преддверии той прекрасной золотой осени, которую так любит Александр Сергеевич. Как это обычно и бывает августовскими вечерами, когда дома так душно, что все гуляют допоздна, в обычном сером дворике на лавочке расположилась скромная компания местных неформалов. Они пили газировку и пиво, слушали музыку, по очереди припадая ухом к наушнику старенького МРЗ-плеера, играли на гитаре, пели песни про волшебников и

драконов, в целом, просто хорошо проводя время. Среди них была и Диана, правда, она не взяла с собой смычок и по этой причине не могла сыграть на своей скрипке что-нибудь чарующее, и, смущённая этим, просто сидела на спинке скамейки, иногда подпевая музицирующим своим глубоким, звенящим, как струны старинной лиры, голосом.

На асфальте очертились точки случайной мороси, но это не слишком смутило собравшихся, лишь одна девушка в короткой розовой юбке и с черными, как уголь волосами, сидящая рядом с Дианой, раскрыла большой и очень старый чёрный зонт, который закрыл почти всех собравшихся. По толпе пробежал лёгкий смешок, и вновь зазвучали гитарные струны и молодые голоса городских менестрелей.

Диана подняла глаза к облакам, которые серым водоворотом вращались над двором, неожиданно закрыв синеющее небо вечерней поры. В центре этих рельефных клубов всех оттенков серого, где облака завершали свою причудливую спираль, мелькнула слабая голубоватая вспышка, озарившая края туч неоновыми бликами, и сразу же в воздухе запахло озоном. Сухой щелчок прозвучал где-то за соседними домами, и на сером фоне, за уходящими под небеса фасадами мелькнула ломаная линия молнии, сменившаяся затем на слабо-очерченную радугу.

Диана неспешно слезла со спинки, встав ногой сперва на сиденье, а уж после спустившись на тротуар. Она словно чего-то ждала, со странным, задумчивым видом смотря в сторону выхода из дворика. Через мгновение там показался силуэт человека. Диана вновь посмотрела на небо, облака уже уплыли в какую-то чудесную и ведомую только им одним страну, небо очистилось и вновь синело прямо над головой, возвышаясь божественным куполом, что извечно и неустанно венчает землю во все времена, по какому-то неведомому закону.

Человек, вошедший во двор, приблизился и скинул капюшон своей потёртой и сильно испачканной в грязи зелёной накидки, обнажив светлое лицо, озарённое радостной улыбкой. Глаза его слабо светились травяной зеленью, а на шее искрился кристалл горного хрусталя на сером шнурке.

— Привет, Кудесник, — улыбнулась Диана.

— А ты, чего здесь? — удивился парень.

Диана показала скрипку.

— Вот, вывела Варю погулять, — то ли пошутила, а то ли всерьёз ответила Диана.

— Варю?

— Ну, говорят, что это работа Страдивари, понимаешь? Стради-Варя, итальянка с русским именем, — Диана улыбнулась.

— Ясно.

Парень провёл рукой по влажным волосам, пригладив их. Он с немым обожанием смотрел на девушку, словно заворожённый. Затем полез в мешочек грубой ткани, привязанный у пояса, и вынул оттуда маленький потёртый узелок, сделанный, очевидно, из старенького носового платка. Когда при этом его движении полы плаща разошлись, Диана увидела под ним странный наряд, напоминающий одеяние вольных стрелков из рассказов про Робина Гуда.

— Что это? — спросила она.

Парень загадочно улыбнулся и раскрыл тряпицу.

— Теперь ты будешь обладать тем, чего больше ни у кого нету! — сказал он довольно.

Диана наклонилась к ладони, на которой лежало семь странных изумрудных предметов, напоминающих клыки.

— Зубы дракона, — пояснил парень, и начал перекачивать их пальцами в ладони, чтобы отряхнуть от приставших частичек почвы и мелких листочков.

Девушка встревоженно посмотрела на парня.

— Нет, нет, я его и пальцем не трогал, — поспешил откреститься он, — стал бы я убивать дракона, зная, как ты к этому отнесёшься, — он улыбнулся. — Это детёныш Лиандерикса сбросил свои третьи клыки, знаешь, сколько я его караулил? Говорят, они счастливые и приносят удачу тому, кто ими обладает! — он протянул Диане подарок. Клыки были изумрудными и прозрачными одновременно, словно сделанные из горного хрусталя необыкновенного зелёного цвета.

— И что я буду с ними делать? — Диана, чуть наклонив голову, искоса взглянула на парня, её огромные голубые глаза с поволокой довольно поблёскивали.

— Не знаю, — парень пожал плечами, — если хочешь, я могу отдать их Эльнору кузнецу, чтобы он сделал тебе какую-нибудь украшенью! — он улыбнулся, было видно, что парень по уши влюблён и безумно рад сделать для девушки что-то приятное.

— Лучше клинок! — оживлённо вскинув голову, ответила Диана, глаза её сверкнули. — Говорят, что клинок с драконьими клыками приносит своему владельцу непобедимость и защищает его дух в сражениях!

— Хорошо, — парень кивнул, — я попрошу его сделать самый лучший клинок во всём Адальире, благо, у меня осталось достаточно золотых монет, чтобы оплатить такой заказ, ещё с рейда в Илверре, помнишь?

— Конечно, помню! — Диана завернула изумрудные клыки в платочек и вернула свёрток парню. — У меня тоже есть Илверрские монеты, только они дома, подождёшь, я принесу?

— Да нет, что ты! — он отмахнулся. — Я же говорю, у меня есть, мне для тебя не жалко, да и куда их девать-то, солить что ли? — парень усмехнулся.

Лицо Дианы вдруг стало задумчивым, она посмотрела своими голубыми глазами куда-то сквозь собеседника и привычным движением, чуть подняв голову, томно опустила взгляд.

— Спасибо, — она пристально поглядела ему в глаза, — и помни, я жду!

— О'кей, я всё сделаю быстренько, одна нога здесь, другая там! — парень вновь накинул капюшон на голову, и, немного дольше приличного подержав Дианину руку, направился к выходу из двора.

— Кто это был? — спросила девушка с зонтом, когда Диана вернулась к скамейке.

Диана бросила взгляд вслед удаляющейся мужской фигуре.

— Да так, один знакомый авиаконструктор... — ответила она и улыбнулась, а за домами вновь сверкнула молния, и закапал мелкий дождик при ясном небе, "царевна плачет", говорят в народе про такую погоду.

Алёна и Силий на кухне

Но, вернёмся к настоящему, где мы и оставили наших героев.

Через час Силий уже сидел на кухне маленькой квартирки, доедая свой суп. Пёс его лежал у ног, догрызая какую-то кость, которая нашлась у хозяйки в холодильнике. На кухню зашла Алёна в халате, накинутом поверх уличной одежды. Она, видно, так замёрзла, что скинула только свой белый плащ и шарф и сразу же пересела в домашнее.

Теперь Алёна смогла полностью рассмотреть своего гостя. Силий действительно был немолод, у него были длинные тёмно-русые волосы, местами спутавшиеся, но, как ни странно, выглядящие довольно чистыми, чересчур полноватое лицо, украшенное лёгкой улыбкой и небольшие, но по-молодому лучезарные глаза, скрытые прямоугольными очками с толстенными линзами. Временами Алёне даже начинало казаться, что глаза Силия словно бы светятся изнутри слабым зелёным светом. К удивлению хозяйки, оборванец был чисто выбрит, и только на подбородке его росла редкая "козлиная" бородёнка в три волосины, которую он постоянно поправлял, протаскивая между сжатых пальцев.

К этому моменту Силий уже закончил нехитрую трапезу и ловко заплёл свою бородёнку в жиденькую косичку, которая, по-видимому, норовила расплестись и удерживалась лишь красной шерстяной ниточкой, завязанной узелком на самом её конце. Закончив прихорашиваться, бродяга протянулся к радиоприёмнику, висящему рядом на стенке шкафа, и покрутил рукоятку настройки, пытаясь, как заядлый сёрфингист, поймать волну.

— Что, не работает? — спросил он, когда попытка не удалась.

— Давно уж, — отозвалась девушка. — Задолжала, вот и отключили точку, там копейки, правда, но как-то всё руки не доходят на почту сбегать...

— Ясно, вечная проблема.

— Хотите добавки? — спросила Алёна, увидев пустую тарелку, и, не дождавшись ответа, стала наливать ещё. Как тарелка супом, кухня стала медленно наполняться атмосферой волшебства, Алёна почувствовала это и бросила на гостя настороженный взгляд. Раньше ей доводилось ощущать такое только в Сочельник в далёком детстве.

— Нет, спасибо, хозяйка! Всё было очень вкусно, — сказал Силий. — Ещё бы сигаретку... — добавил он мечтательной интонацией.

Алена молча сняла с полки пачку и протянула её Силию. Тот осторожно раскрыл предложенное богатство, и, вытащив пару сигарет, протянул пачку обратно.

— Оставьте себе, — махнула рукой девушка, — я, в общем-то, бросаю... А вы фильтрами дымите, вредно это, хуже чем табак, как медик говорю.

— Правильно, я тоже скоро брошу, а ты одна здесь живёшь? — спросил Силий, оглядевшись. Его обращение на "ты" не вызывало у Алёны никакого протеста, ведь он был раза в два с половиной старше.

Девушка посмотрела на него, очевидно, соображая, действительно ли ему интересно, или он просто поддерживает беседу, и тут заметила у Силия на шее небольшой кристалл на зелёном шнурке, напоминающий горный хрусталь.

— А что это у вас? — спросила она, указывая на украшение.

Силий растерянно поглядел на кристалл, словно бы видел его впервые, да и вообще плохо представлял, откуда это он здесь взялся.

— Это дефендер первого уровня, используется, как знак различия, помогает направлять энергии стихий, усиливает тетраморфы и снимает отрицательные эффекты слабых концентраций, — спокойно ответил он какую-то абракадабру.

— А, — протянула девушка, словно это было ей давно известно, — знаю, у меня тоже такой есть, по зодиаку горный хрусталь, как и у вас. Только вот я в астрологию не верю...

— Я тоже, — согласился Силий.

— А зачем носите? — удивилась Алёна.

— Это не совсем то, — Силий почесал в затылке и снова пропустил бороду сквозь

сжатые пальцы.

— Зачем вы её всё время расправляете? — увидев это движение, спросила Алёна. — Это что-то вроде нервного тика?

— *Consuetudo est altera natura*[1], - в ответ улыбнулся Силий

— Привычка — вторая натура, это точно! — Алёна мгновенно перевела слова оборванца. — А откуда вы так хорошо латынь знаете, вы были когда-то учителем?

— Можно и так сказать. Я вижу, ты тоже знаешь язык древних, в медицинском преподавали?

— Откуда вы узнали? — удивилась Алёна.

— Ты сама сказала, что медик, да к тому же у тебя в прихожей белый халат висит на вешалке... Твой?

— Верно, мой. Я по образованию медсестра.

— Как это красиво звучит! — лицо Силия сделалось вдохновенным и задумчивым, и на мгновение он даже закрыл глаза. — Старинно и возвышенно: "медсестра", "сестра милосердия"!

— Да ну, медбрат в юбке — и вся возвышенность! — усмехнулась Алёна.

Силий открыл левый глаз и смерил девушку взглядом.

— Так, ты одна живёшь? — нараспев повторил он вопрос, на который так и не получил ответа.

— Да, у меня здесь совсем никого нет, — она грустно опустила глаза и уставилась в пол. — А вы спрашиваете, потому что хотите пожить у меня? Если вам надо где-то перезимовать, то я поселю вас на этой кухне и псину вашу не обижу, живите себе...

— Ты очень добра, — по-отечески вымолвил Силий и слегка улыбнулся, — храни тебя Бог, дитя, но я скоро уйду. А что ты делаешь по вечерам, если ты совсем одна?

— Не знаю, — она сделала неопределённый жест рукой. — А, что?

— Да я хотел в благодарность за пищу и приют развлечь тебя нехитрым рассказом, так коротали время наши предки, сидя у костра в те далёкие времена, когда не было ещё ни компьютеров, ни телевидения, ни даже радио...

— Да их и сейчас нету, — скептически произнесла девушка, — шоу всякие, дурдом, смотреть противно.

— Согласен! — с лица Силия не сходила умиротворённая улыбка, от которой странное ощущение волшебства, испытываемое Алёной только усиливалось. — Я хотел рассказать об одном чудесном месте, где я сам был и где может оказаться любой, о месте, где и ты могла бы побывать...

— Тогда я налью чаю, — она сняла с полки две изящные фарфоровые чашки и, кинув в них по пакетiku с листьями, на скорую руку залила их несвежим кипятком.

— Это очень красивый и необычный край Света, — уверенно заверил Силий.

— Ой, расскажите, пожалуйста! — искренне запросила девушка. — Только я устроюсь поудобнее, а то спина так устала, всё сидючи да сидючи на работе весь день, не разогнёшься потом! — она села за угол стола к стене и положила голову на руки. — Так устала сегодня! А вы говорите! Я давно ни с кем не говорила у себя дома, это, знаете ли, так нелегко — быть всё время одной, особенно если привыкла к общению!

— Я знаю... — понимающе кивнул Силий, как бы сам себе.

Силий "чинит" таракана

— Боже! — вдруг вскрикнула Алёна, едва увидев движение на столешнице, и, вздрогнув, чуть не разлила чай по столу. — Таракан!! — она сняла с ноги тапок и с размаху ударила по столешнице, расплющив насекомое.

Силий аж вздрогнул, его лицо сделалось необычно серьёзным и озабоченным, всем своим видом он давал понять, как осуждает девушку за её поступок.

— Зачем же так быстро расправляться с простым жучком? — спросил он благостно-умиротворённым голосом. — Если он мал, меньше тебя и лапок у него шесть, а не четыре, это не значит, что ты имеешь право отнимать его жизнь! — добавил он назидательно.

— Но тараканы такие мерзкие! — воскликнула Алёна. — Они противные и тошнотворные!

— Правда, а чем? — Силий удивлённо поднял брови. — Разве что только тем, что не похожи на нас с тобой!

— Все тараканы мерзкие создания, — Алёна помотала головой, — все просто гадость!

— Даже этот? — с растерянной улыбкой удивления спросил Силий. Он взял раздавленного жука со стола и, перевернув, показал Алёне.

Той было противно, но ради гостя, так озаботившегося простым жуком, она всё же заставила себя посмотреть на убитого ею таракана. Только теперь она почему-то не испытала отвращения и страха, как это бывало обычно. Она увидела тонкие золотые усики, маленькие глазки и так красиво расписанное брюшко насекомого. Теперь Алёне вдруг даже стало жаль, что она поторопилась расправиться с таким красивым созданием. Ей было грустно смотреть на раздавленного жука с оторванными лапками и сознавать, что это она стала причиной такого исхода, поэтому Алёна пристыжено отвернулась.

А Силий, тем временем, как ни в чём ни бывало, стал собирать жука, словно тот был сделан из конструктора. Сперва он присоединил к телу таракана оторванные лапки, затем расправил сломанный усик, перевернул жука на живот, провёл по спинке пальцами и опустил ладонь с насекомым к полу. Алёна с удивлением посмотрела на то, как по волшебству оживший таракан сполз с ладони Силия и скрылся под холодильником.

— Как это, как вы это сделали, — сбивчиво пробормотала она, — это волшебство?!

— Нет, это не волшебство, и сделал это не я, а ты, вернее мы. Ты ведь хотела, чтобы он ожил, вот и получилось! — Силий довольно улыбнулся, и теперь Алёна поймала себя на мысли, что действительно втайне надеялась, что произойдёт нечто подобное, боясь, однако, признаться в этом странном желании даже себе самой.

— Э-э-э... — протянула она, собираясь с мыслями. Ей просто было пока не понятно, как расценивать увиденное только что, и она, конечно же, растерялась.

— Давай-ка, я лучше продолжу свой рассказ? — предложил Силий, в момент разрядив обстановку.

— Да, да! Рассказывайте о чудесном крае! — Алёна старательно попыталась сделать внимательный взгляд, в то время как глаза её неукротимо смыкались от внезапного сна и навалившейся прямо-таки вековой усталости. Хотя, впрочем, это не очень-то смущало нового гостя со странным именем Силий. Он вроде бы даже рад был, что слушательница засыпает, как будто это он сам нагнал на неё дремоту и теперь был доволен успехом.

— Этот мир очень далёк, но я видел его собственными глазами и слышал, как говорили о нём два мудреца в частной беседе за чашкой крепкого чая. Поверь мне, дитя, всё, что я расскажу — правда: имя ему Адальир. В этом краю Света всё как надо, если восходит солнце, то землю озаряет свет, если наступает ночь, то тьма укрывает долины. Там сильные

духом сильны и телом, так сильны, что могут спорить с великанами. Там имеет значение лишь то, что ты есть, но не то, что думают и говорят о тебе другие...

— Ой, вы случаем не сектант какой? — резко проснувшись, спросила Алёна неодобрительной интонацией и даже приподнялась на локте.

— Нет, что ты! — поспешил откреститься Силий. — Сектанты отпугивают людей от веры, рушат религии ради наживы, я не стал бы убеждать человека в чём-то таком, придёт время и каждый отыщет, если ему суждено, дорогу в свой храм.

— А то я их ужасно не люблю и до смерти боюсь с их одержимостью... Продолжайте, извините, что перебила! — пробормотала Алёна, и её голова вновь опустилась на лежащие на столе руки.

Силий поглядел в её сторону, и увидел, что девушка уже спит, прямо на столе, при этом мерно посапывая.

— Я покажу тебе этот мир, он нуждается в тебе, а ты в нём, — произнёс бродяга шёпотом, словно говорил он самому себе. — Вот видишь, Сэр Фариселл? — теперь он уже обращался к своему псу. — Она та, которую мы столько искали, вот она, а ты не верил!

Пёс тихо заскулил, как бы что-то отвечая хозяину на своём непонятном собачьем языке.

— Она уже в стране грёз, пришла пора ей найти свой путь, узнать своё предназначение, — Силий добродушно улыбался глазами и самым краешком рта, — познать то, о чём говорят в монастырях и храмах Адальира — связь миров сквозь чувственную сферу.

Вавилон призывает Брелова

Брелов вернулся домой за полночь, неспешно расчехлил гитару, скинул на диван свою мятую косуху и по обыкновению сел за компьютер. Внезапно сам собой зашумел разгоняющимся кулером системный блок, и монитор озарился слабым золотым свечением. Брелов стал пристально вглядываться в экран, глаза его загорелись, как два изумруда, и принялись внимательно изучать каждую точку на мониторе, словно он ждал чего-то важного и боялся это проглядеть. На экране возник мерцающий золотым и серебряным светом прямоугольник, сплошь расписанный странными закорючками, напоминающими древнее кипрское письмо. В центре его перемигивался древнеегипетский глаз — символ мудрости. Под ним возникла медленно заполняющаяся зелёная шкала, на фоне которой горело два слова: "Babylon — loading"[2].

Когда индикатор шкалы заполнился полностью, Брелов щёлкнул "ввод". По мерцающему прямоугольнику снизу вверх побежали пляшущие строчки, сотканые какими-то иероглифами, не менее странными и замысловатыми, чем те, что покрывали его фон. Брелов напряжённо всматривался в экран, ожидая сообщения. Когда неразличимый текст скрылся за краем монитора, под надписью "Вавилон-загрузка" и шкалой стали возникать строчки, загружающегося сообщения, и Брелов смог прочитать следующий текст: "Вавилон. Центр слежения. Отправитель: Sl_Vchn. Задача: Сбор отряда для осуществления рейда Сообщение: Брелов, собери ударную группу, предстоит сложное и ответственное задание в Адальире, выбери четверых наиболее подготовленных к серьёзному путешествию. Сбор у Джулиуса на точке 21 — 7 в полночь. Силий."

Брелов провёл руками по волосам, убирая их со лба назад, как будто этим движением помогал мыслям быстрее двигаться. Глаза его загорелись пуще прежнего, и взгляд стал сосредоточенным и встревоженным. Он обвёл им комнату и остановился на больших настенных часах, сделанных в готическом стиле с многочисленными заклёпками и

цепочками на корпусе. Стрелки показывали без пятнадцати девять. Брелов спешно подошёл к шкафу, вытащил из него зеленоватый плащ с капюшоном и странный меч, похожий на игрушку, гарда его, защищающая руку от соскальзывающих ударов противника, была выполнена из двух рукояток мотоциклетного руля с ручками тормозов, а спереди на ней располагалась жёлтая мотоциклетная фара. Клинок был разделён поперечными полосами на три равных части, словно одна была вложена в другую, как антенна радиоприёмника. Оружие Брелова выглядело весьма тематично для рок-певца, но не казалось опасным, хотя, впрочем, даже в полумраке комнаты было видно, как сверкает его остро отточенное лезвие.

Накинув плащ и спрятав под него свой "рокерский" меч, музыкант с озабоченным видом вернулся к компьютеру и набрал в окне "Вавилона" какое-то сообщение, затем нажал "ввод", и на экране появилось диалоговое окно адресата. Брелов ещё секунду размышлял, после чего уверенно ввёл в поле адреса колонкой следующие имена получателей, разделив их запятыми: "Дэльвьир, Авельир, Килль, Силль", потом ещё раз щёлкнул "ввод" на клавиатуре и поспешил выйти из комнаты. "Отправлено. Доставлено" — рапортовал "Вавилон" через секунду, а когда за музыкантом закрылась дверь, золотой прямоугольник мало-помалу померк, и системный блок сам собой выключился.

Тем временем, письма Брелова уже неслись по сети к местам назначения...

Дэльвьир

Мечи сошлись с деревянным стуком: спортивного вида мужчина с чуть выющейся бородой и по-звериному мудрыми глазами уверенно отразил удар противника. Наступающий, одетый как рыцарь и в старинном шлеме сделал ещё один заход, но также был отброшен назад. Он остановился, опустил свой деревянный меч и поднял забрало. Лунный свет лился в большие затянутые изнутри сеткой-рабицей окна спортзала, пронзая смог мегаполиса, и покрывал противников голубоватым сиянием.

— Нет, Дэльвьир, тебя так просто не сразить! — немного недовольно вымолвил человек в шлеме, переводя дух.

— Стараюсь держать форму, — небрежно пояснил мужчина с бородой немного хриловатым голосом. Ему, казалось, совсем не польстили слова противника.

Раздался тихий писк КПК, и сквозь карман джинсов Дэльвьира стал просвечивать прямоугольник экрана. Он ловким движением вынул портативный компьютер и посмотрел на экран, где уже мерцал золотой прямоугольник с древнеегипетским "глазом" и заполняющейся шкалой...

— Вызывают? — встревожено поинтересовался человек в доспехах, откладывая меч в сторону.

Дэльвьир кивнул.

— Что-то стряслось, надо идти. Закончим в следующий раз! — он сунул меч подмышку и побежал к двери.

Человек в доспехах проводил его напряжённым взглядом и в одиночку продолжил тренировку уже с воображаемым противником, ему-то он точно не уступит по мастерству...

Авельир

— Нет, сегодня не смогу зайти, нет, — стройный молодой человек с длинными чёрными волосами и театральным готическим гримом на лице переложил трубку к противоположному уху. Руку его покрывала чёрная блестящая перчатка с накладными

железными ногтями, а на изящном пальце, которым он придерживал телефон, красовался не в меру большой белый перстень с розовым завитком и витиеватой надписью на английском "love kills", означающей в переводе "любовь убивает". — Что? Нет, и тебе лучше не стоит, да, да... Я потом позвоню, знаешь, аврал на работе, сервер сдох, вот, ковыряемся, сидим, — за спиной парня кто-то скептически хмыкнул, но он и глазом не повёл. — Да, крошка, я позвоню... — телефонная трубка вернулась на своё место, очередная поклонница на том конце погрузилась в сладостное ожидание будущих встреч.

Несведущий человек решил бы, что это актёр в своей гримёрной отшивает надоедливых почитательниц своего таланта, но всё было немного иначе. Авельир не был актёром, а лишь специалистом по компьютерной технике, и находился он не в гримёрной, а в помещении службы технического обеспечения одной крупной компании. Он обожал готический стиль, красил волосы в чёрный цвет и не выходил из дому, не наложив на лицо белого грима и не накрасив глаза и губы чёрной краской. Авельир всегда носил наглухо застёгнутые вещи с высоким воротом, непременно чёрного или тёмно синего цвета, преимущественно типа френчей. Вместо пуговиц на его одежде располагались бесчисленные застёжки в виде ремешков, на блестящих пряжках, крепящихся к полам. Уму непостижимо, как он ухитрялся застёгивать их и расстёгивать по утрам и вечерам, ну, не спал же он в них, в самом деле, не снимая?! Руки гота всегда скрывали чёрные перчатки с серебряными когтями. За его страсть к такому стилю он и получил своё прозвище Авельир по имени древнего героя-божества одного из средневековых сказаний, который внешне очень походил на современного гота, впрочем, готом его тоже иногда называли. Авельир был необычным человеком, это проявлялось во всём, а не только в экстравагантной внешности, он был утончённым ценителем изящных искусств, живописи и, особенно, музыки. Но самым удивительным был его дар притягивать к себе женщин. Он был подобен магниту, к которому отовсюду сбегались толпы самых разных девушек, слетавшихся, словно феи на огонь ночью в саду.

Особенной популярностью Авельир пользовался, естественно, в среде неформалов. Стоило ему показаться на какой-нибудь тусовке, как сразу вокруг него возникал ажиотаж.

Когда начальник отдела, где работал Авельир, смотрел по утрам в окно, он нередко замечал, как до работы парня провожала целая толпа девушек-неформалов, они буквально висли на парне, с воодушевлением ловя каждый взгляд его, каждое слово. Разумеется, это вызывало зависть "белых воротничков", которые просто не могли понять, что девушки находят в "размалёванном, как клоун" чуде. Однако завидовали они не только его популярности среди женщин, но также, на подсознательном уровне, свободе и смелости самовыражения тех людей, которых они нарочито пренебрежительным тоном называли "неформалами", "готами" и "эмами".

Поначалу Авельира даже хотели уволить за его внешний вид, но, поучившись в своё время на юридическом, парень знал законы, и отстоял-таки своё место. Директор только негласно распорядился, чтобы Авельира больше не пускали на совещания. Такое положение дел Авельира вполне устроило, ведь он терпеть не мог просиживать штаны по всевозможным заседаниям.

Сотрудники компании в целом недолго любили Авельира. Считали его эдаким чудачком, все, за исключением компьютерщиков из его отдела, что, впрочем, его тоже устраивало, в конце концов, как говаривал один из мастеров: "это они к нам приходят за помощью, когда не могут мэйл отправить, а не мы к ним". Так оно и было на самом деле.

В своём отделе Авельира ценили как высочайшего специалиста. Хотя он и не был

профессиональным программистом, но умел каким-то образом на интуитивном уровне "чувствовать" технику, иной раз буквально наугад, но всегда идеально верно подбирая то или иное решение возникшего вопроса.

Кроме того у Авельира был особый дар, все его чувства были обострены до предела. Он, как кот, отлично видел в темноте, на глазок различал миллионы оттенков, как пёс, чувствовал самые тонкие запахи и слышал разговоры, которые велись шёпотом за закрытыми дверями кабинетов через коридор. Из-за обострённого слуха он даже не мог часто бывать в ночных клубах и на тусовках, шум, обычный для остальных, просто оглушал его. После подобных вылазок, которые, к слову сказать, были в его жизни явлением не частым, парню приходилось некоторое время восстанавливаться, отсиживаясь в тишине собственной квартирки. Тогда он выключал телефоны, брал какую-нибудь книгу и вместе с её неспешными строчками просто слушал исцеляющую тишину.

Парень не врал, сейчас он был на работе, потому что сервер действительно сломался, вот только сам Авельир в нём не ковырялся. Разобранный на составляющие, компьютер лежал на соседнем верстаке, а над ним корпела толпа взъерошенных хакеров. То и дело из собрания раздавался радостный возглас "всё, сообразил!", но вскоре творческий поиск вновь продолжался, ибо догадка не подтверждалась.

Авельир развернулся на кресле и с философской скукой в глазах уставился на работающих.

— Что, ребят, помочь? — наконец спросил он, снисходительной интонацией, с какой, наверное, древние короли обращались к своим вассалам.

Из толпы выглянула круглая голова одного из программистов, сверху покрытая кудрявыми волосами, а снизу такой же кудрявой бородой, так, что трудно было понять, где верх, а где низ.

— Давно пора, Дон Жуан хренов! — сердито сказал он. — Я скоро облезу от этого убогого ящика!

— Да, видать, наши компы, как и девуськи всех близлежащих районов общаться желают исключительно с Авельиrom... — задумчиво произнёс из толпы чей-то другой голос.

— Ну, давай, поглядим, что тут у вас, — Авельир с щелчком размял пальцы, затёкшие от долгого разговора, и с деловым видом направился к серверу, но внезапно остановился и обернулся к своему столу, вернее к своему рабочему компьютеру, который стоял на этом столе.

Прозвучал короткий режущий ухо электронный звук, возвещающий о полученном сообщении. На мониторе сверкал прямоугольник с древнеегипетским "глазом" в центре, на фоне его снизу вверх проносились странные письма, строчки, которые по затейливости и витиеватости сильно напоминали древние кипрские знаки, а внизу экрана медленно росла зелёная шкала загрузки. С минуту Авельир что-то там напряжённо читал, а потом бросился к двери и выскочил из помещения. Оставшиеся здесь как-то не сильно среагировали на это, лишь тот кудрявый бородач недовольно взглянул Авельиру вслед, но тотчас вернулся к своему занятию. Наверное, они уже привыкли к такому поведению гота.

Килль

Килль сидел в полуночном кафе, наскоро поедая пирожок и запивая его кофе. За стеклянными дверьми заведения ждал старенький патрульный "ГАЗик". Он уже привык заскакивать в это кафе на дежурстве, здесь было вкусно и недорого, а что ещё нужно

патрульному, чтобы нормально поужинать? Напарник уже поел и ждал его в машине, отсюда было отлично видно, как он читает газету, положив её на руль.

Килль — это был всего лишь его псевдоним в одной онлайн-игре, где он участвовал. Регулярно игра из Интернета переходила в реальный мир, становясь ролевой, столь модным нынче способом самореализации. Это в игре он был сверх-героем Киллем, ну а в миру — простым лейтенантом. Иногда он даже не успевал заметить, где кончалась игра, и начиналась реальная жизнь. Это как определённый азарт, но не тот, что заставляет безответственно спускать последние деньги в игровых автоматах, и не та слабоумная агрессия, которую азартом называют охотники, а настоящий азарт, стремление самосовершенствоваться и превосходить самого себя в состязаниях с собственным неумением, нежеланием или страхом неудач.

Ему нравилось бороться с собой, потому что всякий раз из битвы он выходил исключительно победителем. Килль был среднего роста и очень хорошо сложен. Его легко можно было бы представить спортивным чемпионом, скажем, по плаванию. Он носил короткие светлые волосы, постриженные "площадкой", на манер Шварценеггера. Лицо его было немного грубоватым, но вместе с тем отражало интеллектуально высокий уровень. Высокий лоб, взгляд аналитика-стратега говорили о нём, как о человеке незаурядного ума, впрочем, возможно, недостаточно развившемся в данном направлении. И, правда, Килль больше уделял внимания своему телу, нежели уму. Он много тренировался, был одновременно записан в несколько секций. Все говорили, что у него задатков больше, чем умений, и это высказывание не было лишено правдивости.

Килль был уверен, что в любой момент своей жизни должен быть готовым выполнить самую сложную задачу, которую возложит на него судьба и проведение, ибо верил, что создан делать Мир лучше и светлее. Он мечтал быть настоящим рыцарем без страха и упрека, именно поэтому он и пошёл работать в МВД. Эта вера каждый день заставляла его двигаться вперёд в физическом и духовном самосовершенствовании, эта вера и привела его в ряды армии поклонников новой ролевой игры "Вавилон-Адалъир", где он мог, наконец, стать тем, кем был в своих фантазиях.

В кармане зазвонил смартфон. Килль вынул его и увидел на экране мерцающий прямоугольник со знакомой надписью "Вавилон-загрузка"...

Килль поспешил на улицу и буквально подбежал к машине.

— Мне нужно отлучиться ненадолго, подменишь меня? — обратился он к напарнику.

Тучный мужчина лет тридцати в серой форме, что сидел за рулём, нехотя кивнул.

— Вот как всегда, — посетовал он недовольным голосом, — поэтому-то с тобой никто и не желает вместе дежурить.

— Спасибо, дружище! — Килль как будто даже не обратил внимания на недовольство товарища, он быстро вытащил с заднего сиденья какой-то рюкзак бурого цвета и, ловко закинув его на плечо, бегом бросился в сторону заснеженного города.

Водитель только усмехнулся.

— Всё, — сказал он сам себе, с досадой хлопнув ладонью по приборной доске, — завтра же запишусь в какую-нибудь ролевую лагу, авось тоже свихнусь, то-то всех озадачу! — он громко рассмеялся собственной шутке и принялся дальше читать газету.

Силль

Следующий адресат Силль тоже получил письмо Брелова, он также был участником

сообщества "Вавилона" в Интернете. Силль, как и Авельир, работал в большой совместной русско-американской фирме компьютерщиком. Собственно, от американцев здесь было только название и львиная доля капитала. Управляли же конторой всё те же совковые клерки, называющиеся ныне модным словом "менеджер". Невзирая на трудовое законодательство, в этой организации, как и у Алёны на работе, все уверенно перерабатывали. Сейчас Силль сидел в помещении технического узла конторы, вокруг него на столах стояли компьютеры, опутанные бесконечными проводами. Он как раз лазил по сайту онлайн-игры "Вавилон-Адальир", сделанному в стиле кельтской традиции и разукрашенному древними галльскими узорами, в тот момент, когда в комнату заглянул какой-то мужик.

— Андрей, — обратился он к Силлю, — у меня обозреватель виснет то и дело, завтра глянь, не забудь! — он перевёл взгляд на монитор и утомлённо скривился. — Ты снова своей ерундой занимаешься? Хотя бы на форуме общался, а не в игры для дебилов резался.

Силль нехотя повернулся к нему:

— А чем, по-твоему, болтать всякую чушь на форуме лучше, чем играть в игру? — он был явно раздражён, как человек, которого долго донимали одним и тем же, причем, весьма не умным вопросом. — Тем более здесь всё взаправду! — Силль, неожиданно для вошедшего, прямо-таки рассвирепел, что было для него не свойственным и получилось немного натянуто. — Может быть, только благодаря нашему воинству вы все существуете, может быть, именно я — та самая преграда, которая не позволяет тебе, и таким, как ты свалиться в бездонную пропасть вселенского хаоса?!

В динамиках что-то щёлкнуло, словно компьютер ответил на его гневные речи, и на экране проступил прямоугольник диалогового окна "Вавилон-Загрузка", шкала стала заполняться, Силль напряжённо всмотрелся в текст, вытанцовывающегося сообщения.

— Что пишут? — усмехнулся, стоящий в дверях. — Пора спасать мир? — он надменно и отрывисто рассмеялся, словно цедя смех скупым ситом. — Ну а где твой облегающий костюм с плащом? Каждому супергерою такой полагается! Или ты комиксов не читал? — он всё не унимался, чувствуя явное превосходство над компьютерщиком, и, казалось, получал удовольствие от насмехательства над ним и от своего некрасивого поведения в целом.

Силль удивлённо и совсем беззлобно посмотрел на противника:

— Ну а почему я не могу спасти мир или хотя бы его частичку? — откровенно удивился он, и негодование тотчас вновь заиграло в его венах. — Кто сказал, что я сейчас не могу выйти из этой проклятой конторки и полететь в другой мир?! Может быть, я только потому и терплю вас всех, бездушных дельцов и никчёмных торгашей, по двенадцать часов в сутки, что знаю нечто большее, чем вы?! Может быть, меня там ждёт прекрасная женщина, ради которой я готов на всё?! Может быть, она столь прекрасна, что ради неё я готов ещё раз сто выслушать подобный бред?! Ты рискнёшь поручиться головой, что Вавилон — только игра, и что я не тайный воин Адальира?! — Силль вскочил со стула и впери́л в противника исполненный решимости взгляд.

— Скажи водке — нет! — рассмеялся в ответ пришедший и смерил Силля уничижительным взглядом. Сам ведь он был уже менеджером среднего звена, а этот выскочка Силль только лишь технической поддержкой... — Я могу тебя заверить, что всё твои Вавилоны и прочие Бермуды — ахинея! Лучше делом занимайся, а то так и будешь до старости прозябать в своей каморке. Ты, видать, от игр своих совсем с катушек слетел, борец со злом, дурак ты! — он раздражённо плюнул на пол и ушёл.

Силль проводил его взглядом и вдруг... довольно улыбнулся. Он ещё какое-то время сосредоточенно смотрел в экран компьютера, а потом быстро собрался и вышел на улицу. Увы, но в другой мир он не полетел, никаких подвигов не совершил, даже не встретил возлюбленную красавицу, а лишь поспешно зашагал по свежему снегу куда-то вглубь ночного города. Но теперь отчего-то он довольно улыбался, казалось, он даже рад, что этот субъект посмеялся над ним, будто так и было задумано...

[1] Привычка — вторая натура (Лат.).

[2] Вавилон — загрузка (Англ.).

Диана отправляется в Адальир

Старая подъездная дверь со скрипом раскрылась, и на крыльцо грациозно выпорхнула безумно красивая девушка. У неё были большие голубые глаза, глядящие томно из-под густых бровей, и пышные светло-пепельные волосы. Одета она была в розовый свитер с высоким воротом и длинными рукавами, из которых даже не было видно её рук. Чёрный дутий жилет, надетый поверх него и стильно повязанный розовый шарф, один край которого едва доставал девушке до груди, а второй разве что не волочился по земле. На ногах её были высокие чёрные сапоги и шерстяные колготки тоже чёрного цвета, отлично подчёркивающие красоту её ног. Это была Диана. Подмышкой она несла свою верную подругу, всё ту же свою старенькую скрипку по имени Варя, обёрнутую от холода мохеровой кофточкой. Девушка была радостна и весела, словно сегодня был праздник. Спускаясь с крыльца, Диана вдруг услышала, как заиграла флейта, она остановилась и вынула из кармана жилета серебристый телефон, который и насвистывал своими электронными губами эту незамысловатую мелодию. Щёлкнув клавишей, она всмотрелась в его озарившийся золотым светом экран, а после лицо её сделалось серьёзным, и она поспешила вернуться домой.

Она долго рылась в шкафах, подбирая нужную одежду и укладывая её в светло-зелёный рюкзак, потом перешла к туалетному столику. Там, отыскав среди помад, пудры и прочей парфюмерии клинок с изумрудной рукояткой, отправила и его в заплечную сумку. Под конец сборов, Диана сунула руку за компьютерный столик и вытащила оттуда изящный серебряный меч, золотой лук и колчан с длинными стрелами. Меч отправился в прикреплённые к поясу ножны, словно бы сотканые из молодых листьев Венериного волоса, а лук со стрелами она закинула за спину.

Полностью экипировавшись, Диана, однако, никуда не пошла, а вместо этого запустила компьютер и устроилась перед ним в креслице...

Сон Алёны

Впервые Алёна видела такой сон, он был как явь, как виденье. Вокруг возвышались серые стены. Она видела огни кострищ и факелов. Она слышала звон металла и шелест знамён, как на средневековом рыцарском турнире. Всё вокруг походило на двор старинного замка. Стоящий кругом мрак внезапно разрезал луч слепящего света, ударивший ей прямо в глаза. В туманной пелене замелькали огромные тени, их пляска в луче света была угрожающей и неистовой, словно это шаманы прыгают в своих танцах вокруг ритуального костра. Теперь она отчётливо видела, что свет льётся из раскрывшихся ворот, холодный свет, слепящий своей белизной. А ворота эти были в каком-то нечеловеческом строении, сколь велико было это сооружение, судить было трудно, поскольку большую часть замка скрывала

тьма, но стена с воротами была поистине чудовищна. Не менее двухсот метров в высоту, а в стороны — необозрима, шла так далеко, сколь хватало человеческого взгляда. За дверьми, как во воротах ада вырисовывалась фигура в плаще ростом с трёх нормальных людей. Это что-то приближалось к девушке с той стороны. Страх сковал молодую плоть как цепью. Не в силах сойти с места и выносить этот ужас, Алёна отвела глаза, чтобы было не так страшно. Её взгляд привычно упал к ногам: там, в пруду среди сверкающих звёзд было её отражение, но был там совсем другой человек. Статный, молодой мужчина в лазурных доспехах. Из-под сверкающего шлема выглядывали кудри, русые как его усы и борода. Хотя воин был явно молод, но в волосах уже проблёскивала седина. На груди, соединяя края серебряной накидки, сверкал хрустальный медальон.

Это зрелище ошеломило Алёну. Её сердце заходило и готово было выпрыгнуть из груди. В горле пересохло, дыхание сбилось, подняв глаза, она увидела приближающегося великана, который словно в замедленном кино вынул из ножен не отбрасывающий бликов меч, чёрный как каменный уголь ночью.

Тело девушки пробило дрожью, она словно оглохла, все звуки унеслись прочь, куда-то вдаль, а издали обратно вернулся рёв толпы. Оглушительный рёв, как будто тысячи ораторов стояли сейчас на кухне маленькой "совковой" квартирки и скандировали ей прямо в уши странные слова, разобрать смысл которых ей не удавалось, кроме двух "Герддрон грядёт!". Внезапно какая-то невероятная сила вырвала дух Алёны из мрачного плена. Тьма развеялась, страх улетучился, и грохот голосов стих.

Она, осторожно преодолевая боязнь, открыла глаза: туман плыл над молодым лугом, искрящимся изумрудной росой, а голубизну чистого неба пронзали золотые лучи. Где-то рядом в поле бежала резвая река, Алёна не могла её видеть, но отчётливо слышала её бурное журчание. И миг из памяти стёрлись и ворота и чудовищная фигура неведомого воина. В отдалении возвышался древний лес, над лугом сотнями порхали бабочки и, чертя отрывистыми движениями короткие ломаные линии, летали фантастически-огромные стрекозы с перламутровыми глазами. Отовсюду неслись залиvistые трели звеневших волшебным колокольчиком птичьих голосов. Ощувив внезапную дремоту, Алёна невольно присела на луг, она ощущала пальцами прохладную росу и вдыхала свежий воздух полей, понимая в то же время, что ныне на дворе новый год, и она вроде бы сидит на кухне маленькой квартирки в компании бродяги и его безродной собаки. И хотя она помнила об этом, но все её семь чувств доказывали, что она на лугу, слушает пение птиц и журчание вольного потока. А поскольку все мы видим мир лишь нашими чувствами, то этим хитрецам не составляет труда обмануть нас. Ведь мир это не то, что есть вокруг тебя, даже не то, что ты видишь, а то, что ты обо всём этом думаешь.

"— Господи, как же я здесь очутилась-то?!" — пронеслось у неё в голове.

— Ты захотела и перенеслась, как навигатор на своём самолёте пересекает пространство легко и лихо, ты пересекала время, эпохи и миры! — вслух объяснил взявшийся неизвестно откуда Силий, который уже сидел в траве напротив и словно прочитал её мысленный взглас.

Алёна для себя обычным в таких случаях движением удивлённо подняла брови:

— Но как это возможно? — недоумевающе переспросила она.

Силий мерно пожёвывал травинку и даже вроде бы был не здесь, а где-то в отдалении. Он смотрел куда-то вбок, словно видя что-то в высокой траве, что-то, чему он философски улыбался самым краешком рта. Сейчас он вообще производил впечатление человека,

познавшего абсолютно всё на Свете и оттого прибывающего в сладостном умиротворении и единении с миром и самим собой.

— Когда человеку хочется чего-то на самом деле, когда ему что-то жизненно необходимо, когда это необходимо не только ему, но и для всеобщего блага, всё бытие подчиняется этой необходимости. Простые желания могут сбыться или не сбыться, но когда приходит время неких событий, они происходят, несмотря ни на что. Словами Платона: "adversus necessitatem ne dii quidem"[1]! Вот сейчас ты готова постичь смысл вещей и связь мира с сознанием. Наш мир — это лишь то, что мы видим, то, что воспринимаем. Без нашего восприятия мир остаётся собой, он всегда один. Важно лишь, под каким углом на него смотреть. Если восприятие искажено ненавистью, злостью и алчностью, то прекрасные миры становятся пожранной огнём пустыней. А если глаза широко открыты и вбирают солнечный свет со всей его чистотой, то мир вокруг расцветает. Мир — это то, что мы обо всём этом думаем, но и то, что мы думаем, — есть весь мир. Представь наш луг так, чтобы поверить себе, и ты очутишься на нём. Ощути всей душой далёкий мир Адальира и солнечное убранство его храмов, и ты сможешь коснуться их...

— О чём вы говорите? — Алёна по-прежнему пребывала в полнейшем смятении.

— О мирах, о временах, — просто ответил Силий, — об их мистической связи через чувственную сферу, населяющих их существ. Достаточно ощутить любой из миров, чтобы попасть в него. Это так же просто, как взглянуть на солнце, просто не все могут вовремя поднять глаза к небу, — последняя фраза прозвучала камнем в её огород. Алёна сразу задумалась, когда последний раз обращала свой взор туда, откуда пришла она и все прочие люди, и поняла, что действительно очень уж давно не смотрела на солнце, звёзды и небесную твердь.

Связь миров сквозь чувственную сферу

Сон, а вернее видение, которое было таким реальным, стало незаметно сменяться: искрящийся луг растаял в темноте, свежие запахи утреннего леса унеслись куда-то прочь, и только голос Силия, успокаивающей колыбельной всё ещё продолжал звучать: "Связь миров сквозь чувственную сферу...". На место ароматов полевых цветов холодный ветер принёс смрад пожарища. Вновь небо затянуло клубами чёрного дыма. Вновь, вместо трелей птиц и шума листвы Алёна слышала ревущий хор голосов, возвещающих приближение чудовища. Испуганная, растрёпанная, со слезами, стоящими в глазах, она оторвала голову от стола, вырвавшись из плена сна, как из темницы.

— Он здесь! Кто-то приближается! — прокричала она спросонья, и, дёрнувшись, смахнула с края стола хлебную корку, рассыпав на пол крошки.

Силий с сосредоточенно-напряжённым выражением лица сидел напротив, казалось, ожидая её пробуждения. Он медленно протянул руку и коснулся пальцами ладони девушки, и тотчас страх исчез.

Вдруг раздался странный заунывный гудящий звук, словно авиамотор сбрасывал обороты. Городские огни за окном на мгновение погасли, и свет в кухоньке тоже моргнул. На какое-то время весь огромный мегаполис погрузился во тьму: тёмные улицы, тёмные дома, только цепочки автомобильных фар на бескрайних магистралях... Погасло всё, даже подсветка высотных зданий и праздничные огни. Холодильник затих и тут же, скрипнув, снова зашумел. Пол качнулся, чайник скользнул по конфорке, съехал в сторону и с металлическим звуком упёрся в край плитки. Алёна испуганно скосилась в его сторону.

Силий нервно огляделся, словно пытаясь понять, что же произошло. Повисла странная тишина, которую разогнал вновь нарастающий привычный шум мегаполиса. Стало ясно, что вокруг что-то изменилось, энергетика перемен заполнила пространство неопределённой тревогой.

— Неужели, прошёл?! — произнёс Силий шёпотом, адресуя свой вопрос, казалось, окружающему пространству.

— Кто?! — испуганно вскрикнула девушка.

— Слушай меня внимательно! — Силий понизил голос и зачастил. — Нам надо срочно уходить, уходить отсюда!

— Я ничего не понимаю! — воскликнула Алёна в полном замешательстве. — Куда уходить, это розыгрыш?!

— Бежать! Non est jocus![2] Ты сама только что видела визитёра!

— Чудовище во сне? Оно отправилось за нами?!

— Да, Алён, и очень скоро оно нагрянет сюда!

В памяти девушки вновь зазвучали голоса адского хора, и возникла фигура великана, выходящего из необозримых врат.

— Что же нам делать?!

Силий отпустил руку девушки, и её в тот же момент начало трясти. Девушка не знала, кто этот Гердрон, но ужас от возможного столкновения с ним бил ознобом. Силию пришлось вновь положить свою ладонь поверх её, чтобы успокоить.

— Бежать! — уверенно повторил Силий. — Бежать в Адальир!

Бегство от Гердрона

То ли от страха, а то ли от того, что гость вызывал у неё странное доверие, но Алёна подчинилась и поспешила за Силием в подъезд. Силий и Алёна выбежали на улицу, мороз обжигал их лица, а с неба летели снежинки вперемишку с мелкими льдинками, танцующими на снежном ветру и отблёскивающими в свете фонарей. Вспомнив слова бродяги, Алёна впервые за много лет подняла глаза к алмазным россыпям Вселенной, а потом они бросились бежать.

— Быстрее, быстрее! — кричал Силий, и, всё сильнее тянул девушку за руку вслед за собой в темноту узкого заснеженного переулка. Мимо проносились покрытые снегом фонари, в тёмных стёклах сверкали отблески городских огней. Пёс Силия бежал рядом с развевающимися ушами, то и дело глухо гавкая и оборачиваясь на свой след.

Город вокруг показался Алёне вдруг совсем чужим, столь же чужим, сколь родной теперь виделась ей маленькая квартирка, в которой она жила так долго, и откуда она сейчас убегала вместе со странным человеком по имени Силий. В этой квартирке, где всё было столь привычным, она чувствовала себя в полной безопасности. А город, который она считала родным столько лет, ныне не мог защитить от того, чьё имя было Гердрон, и кто искал их во тьме.

На мгновение Силий замер. Вновь зазвучал тот же протяжный гул, идущий по нисходящей, вновь качнулась земля. Алёна поглядела вверх: лампочки в плафонах фонарей нервно мерцали, как будто им не хватало электроэнергии... Воздух внезапно наэлектризовался, это было заметно по слабым голубоватым разрядам, что гуляли по металлическим карнизам и стеблям фонарей.

— Это он! — воскликнул бродяга, бесцельно обводя округу взглядом и глядя, будто

сквозь дома. — Герддрон грядёт!

Алёна начала озиаться, но всё было тихо, очень тихо, даже подозрительно тихо. Теперь, когда даже их шаги стихли, стало слышно, как снежинки со стуком бьются о металлические плафоны фонарей, и как под одеждой отбивает ритм волнуемое сердце.

— Сюда! — вскричал Силий, и резким движением буквально отбросил девушку от чернеющей арки проезда.

В ту же секунду, выскочив, словно из-под земли, огромный, окутанный дымом грузовик, с истошным рёвом и свистом снёс Силия с места и, подняв его на радиатор, как разъярённый бык справедливо поднимает на рога тореадора, влетел бампером в стену котельной напротив арки. В небесах, среди серой ваты облаков блеснула ветвящаяся молния.

От внезапности Алёна потеряла дар речи и на мгновение оглохла от того треска и грохота, с которым кабина грузовика протаранила дом. Силий был сейчас зажат между огнедышащим радиатором шестиколёсного монстра и треснувшей стеной котельной из серого кирпича. Шансы выжить, в таком положении, для любого человека были равны нулю.

— Силий!!! — надрывным стоном прорвался её голос, и рваным эхом его разнесло по округе. С крыши сорвались перепуганные вороны, и их переполошённое карканье на секунду заполнило весь переулочок. Пёс Силия плавно скрылся в тени помойного бака, откуда теперь только сверкали его глаза, и доносился то вой, а то рычание.

Алёна упала на колени, отклонившись назад и упершись руками в рыхлый снег. Из глаз её хлынули небывалые потоки слёз. Она плакала беззвучно и оттого ещё сильнее. Голоса не осталось уже даже на всхлипы.

Грузовик всё не унимался, выбрасывая дымные облака из всех щелей и издавая рёв, монстр о шести колёсах, пробуксовывал в талом снегу, неистово вжимаясь капотом в стену, стремясь уничтожить Силия до полного его исчезновения. В небесах упорно продолжала ветвиться серебряная электрическая нить...

Девушку всю трясло, слёзы бежали по её щекам как горные потоки, но по-прежнему беззвучно, голос покинул её, и, казалось, навсегда.

Наконец, грузовик сдал назад, и мало-помалу вновь исчез во мраке арки. И только, когда погасли лампочки в его разбитых фарах, из девушки прорвались громкие отрывистые всхлипывания.

Силий, практически впечатанный в кирпичную кладку, как муха в масло, медленно сполз по ней вниз, и, упершись ногами в какую-то приступку, по дуге упал вперёд, угодив лицом прямо в снег. Следом посыпались крошки битого кирпича. Рваное пальто его дымилось и расточало запах гари. Молния в небесах погасла, и слабый отзвук грома раскатился над пустынной улицей...

Не в силах встать на ноги, не то, что удержаться на них, Алёна, захлёбываясь слезами, на четвереньках доползла до Силия. Кое-как уселась прямо на снег, и, еле управляя судорожно трясущимися руками, перевернула бродягу на спину.

Пёс Силия приблизился к девушке и ласково лизнул её в щёку. Снег, идущий с неба, застыл прямо в воздухе, в этот момент он не таял. Словно в ожидании, вокруг всё замерло. Снег, идущий с небес, этот безродный пёс и Алёна с Силием на руках посередине заснеженного переулка. Даже свет от фонарей не падал на землю, а, казалось, словно бы кружился в морозном воздухе.

Алёна вдруг страстно возжелала, чтобы свершилось волшебство, и Силий ожил, это желание было неконтролируемым и в тот момент совсем не казалось ей несбыточным,

несмотря на всю свою наивную нелепость. Это ощущение внезапно полностью овладело Алёной, все прочие и мысли и чувства ушли куда-то на задний план и просто растворились в новом стремлении, только это теперь стало важным. Чтобы свершилось волшебство, чтобы странный бродяга Силий встал, чтобы в него вернулось Божественное дыхание. До тех пор, никогда не испытывая ничего подобного, Алёна всем своим естеством, каждой клеточкой тела желала этого... Переполняемая этим новым ощущением, девушка невольно сжала кулаки и изо всех сил зажмурилась, словно пытаясь сконцентрировать внутреннюю энергию и собственной волей воскресить Силия...

Молния в небесах больше не сияла, молния Силия погасла, но тут же вспыхнула новая, Её молния...

Вдруг Силий открыл глаза. Из Алёны птицей вырвался исполненный радости нечленораздельный выкрик на выдохе, будто она долго задерживала дыхание, а теперь в раз полностью освободила лёгкие. Тут же она торопливыми неуклюжими движениями стала отирать мокрые щёки. Но слёзы всё ещё продолжали предательски бежать даже пуще прежнего. От всего пережитого у неё вдруг дико разболелась голова. Силий вскочил на ноги, одежда его всё ещё дымилась, но сам он был невредим!

— Бежим, бежим же скорее! — вскричал он, и вновь потащил девушку за собой в узкую щель между домов с утроенной силой.

— Но там нету прохода! — неуверенно пробормотала она, всё же поддаваясь воле Силия.

Надо было видеть её лицо в этот момент! Она бежала в расхристанной одежде с выражением абсолютного счастья на лице, как у человека, на которого сошла божественная благодать. Она что-то бормотала, выкрикивая отдельные слова, срывая голос и судорожно вытирая то левой, то правой рукой льющиеся слёзы, теперь, правда, бегущие по вине радости. И это понятно, ведь произошло чудо, которое было ей так необходимо, всё вокруг наполнилось этим неистовым волшебством...

Силий был сосредоточен, как никогда. Он нёсся всё быстрее, с каждым шагом наращивая скорость и темп. Пёс бежал рядом, не отставая и регулярно гавкая, а Силий постоянно расправлял, протаскивая между пальцев, свою "козлиную" бородёнку. Возможно, это движение как-то помогало ему сосредоточиться...

— Испортил мне косичку, — недовольно приговаривал он, адресуя упрёк шестиколёсному монстру, — а ведь так здорово заплёл её в этот раз!

Алёна оглянулась на рёв из-за спины, грузовик был здесь. Непонятно, какими силами он втиснулся в эту щель. Должно быть, здесь потрудились не один десяток первоклассных чародеев.

— Быстрее, бежим! Беги, беги, что есть мочи! — кричал Силий, а Алёне казалось, что её ноги вот-вот отвалятся. И как в кошмарном сне, сила покидала измождённое тело, а движения становились всё более раскоординированными.

Свет разбитых фар неуклюже обрисовал силуэты бегущих на стене впереди.

— Это тупик! — завизжала Алёна. — Силий!

— Беги, беги, не останавливайся! — уверенно отозвался Силий, пытаясь перекричать ревущий мотор грузовика. — Верь мне, просто верь! Нужна подмога!

Это и вправду был тупик: глухая кирпичная стена, а свернуть было уже некуда. Алёна уже чувствовала спиной жар, исходящий от радиатора машины, так нелегко было бежать по вязкому мокрому снегу. Но тут кабина грузовика врезалась в какой-то выступ, возникший

словно по просьбе Силия, выворотив кусок стены и замедлившись на секунду. Битый кирпич брызнул во все стороны, и этой задержки хватило бегущим, чтобы оторваться на пару метров.

— Сюда! — крикнул Силий, указывая куда-то в основание стремительно приближающейся стены.

— Куда?! — с хрипом выкрикнула Алёна, но это был скорее риторический вопрос.

Когда до роковой стены оставалось всего пара метров, Силий прямо на бегу подскочил девушку и сбил её с ног так молниеносно, что она даже не успела испугаться. Они вместе рухнули на мокрый снег. Тротуар в этом месте пошёл немного под уклон. Алёна, взвизгнув, шлёпнулась на спину как жук, очень мягко и по инерции поехала к стене в тупик. Только тут она разобрала у основания стены приоткрывающийся дренажный люк, в котором мелькнуло чёрное от сажи лицо какого-то оборванца. Он прищурился, встретившись взглядом со светом фар, и махнул рукой, указывая путь. Хотя, впрочем, иного-то пути и не было.

Каким-то поистине чудом или Божьим проведением Алёна и Силий буквально влетели в люк, проскользнув под приоткрытой решёткой. Следом за ними прошмыгнул и пёс, успев, очевидно, в самую последнюю секунду. А потом, под рёв мотора грузовика и свист воздуха крышка люка упала на своё прежнее место.

Бежавшие полетели в темноту, чьи-то руки заботливо ухватили Алёну за плащ и оттащили в сторону, Силий скрылся в темноте с другого края. Глухо гавкнул пёс, и эхо разнесло звук по подземным коммуникациям.

Где-то наверху прогремел гром, это грузовик протаранил стену. Из решётки водостока вниз брызнули оранжевые искры, и повалил едкий чёрный дым. Вслед за ним сквозь прутья решётки проскользнуло что-то сверкающее, это был горный хрусталь, подобный дефендеру Силия с обрывком розового шнура...

— Бежим сюда! — скомандовал тот, что открыл люк. Алёна осторожно приоткрыла глаза, зажмуренные при падении, и увидела слабо освещённые своды подземных коммуникаций. — Бегите туда! — мужик в лохмотьях махнул рукой и сломя голову бросился в противоположном направлении.

— Спасибо, Джулиус! — крикнул Силий.

Человек на секунду остановился:

— Где мне теперь спать только? Ума не приложу! — с досадой вымолвил он и скрылся в темноте.

— Сюда, за мной! — Силий поднял Алёну с грязного пола, и они снова побежали куда-то в темноту.

Спасение

Вскоре они очутились в освещённом тусклой лампочкой помещении, стены которого были опутаны паутиной труб. Возможно, это был канализационный коллектор. Силий усадил девушку на старый деревянный ящик из-под бутылок. Алёна тут же подобрала ноги и прижала колени к подбородку. Хотя её сапоги были все изорваны, а ноги насквозь промокли, ей всё равно не хотелось касаться ледяной воды, которой был залит пол коллектора. В центре комнаты на торце стоял ещё один ящик, большой и грязный, а на нём лежал закрытый ноутбук.

— Алёна, я принимаю тебя в тайное братство, — спокойным голосом начал Силий, — ныне ты наша сестра, и любой из нас отдаст за тебя жизнь.

Алёна сперва не поняла, кого Силий имеет в виду, говоря про братство, и вдруг заметила, что вдоль стен виднеются силуэты пятерых человек, одетых как монахи в рясу, в длинные серые плащи с надвинутыми на лицо капюшонами.

— Кто это? Что за братство?! Нас чуть не раздавило! — испугалась девушка.

— Это братство Вавилона, тайный союз хранителей Адалыра. Главный вавилонец здесь — Брелов. Покажись, рок-менестрель! — из тьмы выступил парень в серой накидке и капюшоне, надвинутом на лицо. Из-под капюшона выглядывал только его подбородок и несколько длинных прядей тёмных волос. — Он — предводитель вавилонцев, он поведёт тебя, — пояснил Силий.

— Куда?! — переспросила Алёна.

— В Адалыр! Ты готова? — Силий напряжённо заглянул в её большие серые глаза.

— Да... — неуверенно пробормотала она, ей не хотелось снова встречаться с грузовиком.

— Тогда быстрее в путь! — скомандовал Силий. — Алёна — избранная Вавилоном, её сила нужна Адалыру, — добавил он, обращаясь к собравшимся вавилонцам. — Вы должны доставить её к воротам Вавилона для встречи с Конструктором.

— Я избранная?! — Алёна стала вопрошающе озираться по сторонам.

— *Divinum opus sedare dolorem!*[3] — уверенно произнёс Силий.

Он быстрыми шагами приблизился к ноутбуку и раскрыл его, из-под крышки компьютера сразу же выскочили три проворных зелёных жучка, тотчас растаявшие в воздухе. Алёна решила, что это ей просто-напросто померещилось от пережитого стресса, и не придавала должного значения. Пальцы оборванца ловко пробежали по клавиатуре, и монитор озарился золотым сиянием. На экране появилось изображение заснеженных горных вершин, столь величественных, что у Алёны просто дух захватило. Силий крутанул навигационную сферу, заменяющую компьютерную мышку, и картинка сразу же сменилась. На экране ноутбука возникло изображение зеленеющего луга, и стоящего в отдалении векового леса. Над зелёными волнами поднималось ровное голубое небо, пронизанное золотистыми солнечными лучами. Эта картина просто поразила Алёнин взор, истосковавшийся за длинную слякотную зиму по зелени и листве.

— Вот ты где! — Силий снял с шеи свой кристалл горного хрусталя на длинном зелёном шнурке и осторожно поднёс его к экрану. Внутри камня что-то сверкнуло, а компьютер зажужжал и застрекотал, словно в нём запустился модем. Лампочка под потолком несколько раз неуверенно моргнула, и сверху с городских улиц вновь донёсся тот нисходящий гул тормозящего двигателя. Внизу экрана возникла шкала загрузки системы, которая стала быстро заполняться зелёной краской. Силий начал медленно опускать камень, и, едва горный хрусталь коснулся поверхности экрана, как по ней тут же кругами разошлись волны, словно это была вода, а не стекло. Алёна в изумлении раскрыла рот. Из группы вавилонцев донёсся лёгкий смешок. Силий с напряжённым видом стал уверенно спускать кристалл в экран, но тот уже не хотел двигаться дальше, а лишь покачивался, наполовину погрузившись, подобно поплавку. Компьютер перестал стрекотать, шкала выдала полную загрузку. Кристалл вздрогнул и, словно соскользнув, полностью погрузился в экран ноутбука. Силий довольно улыбнулся.

— Готово! — обрадовался он, наматывая шнурок от камня на какой-то пластиковый

крючочек под клавиатурой, чтобы тот не сорвался в экран полностью.

Брелов приблизился к девушке и положил ей руку на плечо, в ответ она лишь взглянула на него совершенно недоумевающим взглядом.

— Мы полетим сквозь свежесть листвы и трели птиц! — воскликнул он чистым, звенящим голосом. Теперь она рассмотрела сколь бледно лицо этого человека, практически белое, словно его напудрили как клоуна в цирке. Она не поняла этой странной фразы, но, на всякий случай, всё равно кивнула.

— Запомни, Алёна, — Силий понизил голос, словно собирался поведать девушке великий секрет, — не всё происходит так, как мы задумали, часто одни планы рушатся, но за руинами тут же открывается новая дорога, которая и есть наш единственно истинный путь. Это главный закон братства Вавилона, это путь Адалъира, не противься ему никогда, и тогда всё само станет на свои места! Ты поняла?

Алёна растеряно кивнула.

— Ты избранная Вавилоном, твоя сила нужна Адалъиру, только ты теперь решаешь свою судьбу!

Алёна снова кивнула, мысли её окончательно запутались.

Силий молниеносно-незаметным движением расправил бородёнку, высвободив, связывающую её красную шерстяную ниточку.

— Солнечного света вам на путях Адалъира! — напутствовал Силий. Он стремительно провёл рукой по Алёниным волосам, оставив среди них свою ниточку.

— А как же ты?! — только и успела воскликнуть Алёна, но тут же комнату озарил ослепительный свет, брызнувший из монитора ноутбука. Потом полились золотые лучи, и уже не было видно ничего, свет поглотил окружение, и силуэт Силия исчез тоже. Брелов подхватил Алёну на руки и вместе с ней прыгнул в экран ноутбука.

И вот уже погас свет, и в коллекторе стоял один Силий в рваном пальто, и только капли с мерным стуком падали с труб...

Силий повергает Гердрона

Лишь только путники исчезли, а экран погас, Силий вынул из-под плаща длинный сверкающий меч и развернулся ко входу в коллектор. Кристалл горного хрусталя теперь свисал с клавиатуры вдоль ящика, разбрасывая по комнате мерцающие блики. Лицо Силия стало напряжённым, будто он готовился к атаке. В глубине катакомб раздались тяжёлые шаги, по поверхности мутной воды, заливающей пол, внутрь комнаты двинулись круги, и вновь замерцала лампочка...

Силий прижал меч плоской стороной лезвия к ноге, таким образом, скрыв его, и стал медленно переступать, двигаясь к центру комнаты, где стоял компьютер.

В проёме показалась мощная фигура водителя грузовика в серой спецовке. На планке виднелся логотип строительной корпорации, к которой, очевидно, и был приписан злосчастный грузовик, разбитый в переулке во время погони.

Силий поднял взгляд и встретился глазами с водителем. Тот смотрел на него затаумленным взглядом и вообще мало походил на человека, словно кто-то влез внутрь него. Силий отвернулся к противоположной стене и сосредоточенно закрыл глаза.

— Отпусти его! — сказал он в пространство, максимально сконцентрировавшись и обращаясь к тому, кто завладел чужим телом. — Это только наше дело, зачем тебе этот работяга?

Лицо водителя исказилось чудовищной гримасой, сочетающей в себе одновременно презрение, ненависть и самодовольство.

— Имя моё велико, — прорычал дальнбойщик, оскалившись, — я пожру тебя, теперь мои возможности безграничны, ведь я отыскал-таки путь в твой мир! — он двинул правой рукой, выводя из-за спины полутораметровый меч. В левой его руке сверкнул меч поменьше, который словно рос из его ладони.

Силий продолжал стоять неподвижно.

— Отпусти его, Герддрон, — вновь предложил он оппоненту, — ты не получишь избранную, кем бы ты не прикидывался! Здесь твоя власть кончается! Довольно прятаться в чужих телах, яви своё истинное лицо!

— Я получу тебя! Мы получим и тебя и весь Адалъир! — остервенело зарычал Герддрон устами водителя грузовика. — Хочешь моё лицо? Так смотри!!!

Силий прижал меч рукоятью к груди и приготовился. Фигура водителя за его спиной вся перекосилась, голова его вдруг задымилась и превратилась в факел, помещение коллектора тут же наполнило смрадным дымом. Он вскинул мечи, растущие прямо из рук, и одновременно обрушил оба их клинка на Силия сзади. Силий молниеносно развернулся и стремительно отразил оба удара одним взмахом своего меча.

Est modus in rebus![4] — воскликнул Силий, пронзив противника гневным взглядом.

Завязался поединок, чудовище, овладевшее телом водителя, мастерски наносило удары один за одним, но Силий так же ловко отражал их все. Со стороны казалось, что он даже не сильно напрягается, меч в руках Силия словно бы сам двигался, то взмывая вверх, то летя вниз, в невероятном танце виртуозно отражая все нападки противника. Герддрон вновь ринулся в атаку и взмахом длинного меча разбил и без того блеклую лампочку, раздался хлопок, вниз полетели оранжевые искры, и коллектор погрузился во мрак. Теперь, в темноте глаза Силия засияли словно изумруды, их свет был столь ярким, что освещал помещение коллектора не хуже рукотворного светила.

В очередном захвате Силий поразил монстра в голову, удар пришёлся сбоку и плоской стороной меча, поэтому не причинил сильного вреда. Чудовище лишь дёрнулось, извергнув из раны россыпь искр и струю чёрного дыма, и на мгновение замерло. Силий ринулся вперёд, собираясь уничтожить противника. В царившем мраке виднелись лишь два сияющих изумруда и огнедышащий факел, стремительно приближающиеся друг к другу с разных концов помещения. Но, завершая движение, Герддрон ухитрился сделать ловкий выпад и насквозь пронзил Силия коротким мечом. Клинок вышел из Силия сзади. Герддрон приблизил к лицу оппонента свою огненную голову и как будто ухмыльнулся, потому что он должен был ухмыльнуться в такой ситуации, ведь он победил. Сквозь пламя и клубы дыма на ирреальной голове чудовища стали проступать железные черты его истинного лица.

Силий поднял на него просветлённый взгляд, несвойственно криво усмехнулся и многозначительно приподнял левую бровь, словно всё произошедшее входило и в его планы тоже. Герддрон опешил и даже не успел среагировать, как меч Силия пронзил и его огненное тело.

Чудовище истошно взвыло. Силий провернул меч вокруг оси, задорно подмигнул чудищу и резким движением вырвал клинок обратно. Монстр пошатнулся, подался немного вперёд, падая на колени, и тут же рухнул назад в талую воду, не успев отпустить меч и высвободив его, таким образом, из противника. По воде пошли круги, огненный факел с шипением погас, наполнив коллектор удушающим паром.

Силий тяжело вздохнул, зажал рану рукой и отошёл назад. Там он привалился спиной к стене и медленно опустился на пол. Трудно было понять, насколько серьёзно он был ранен, крови видно не было вовсе, а лицо его по-прежнему было спокойным и умиротворённым. Он закрыл глаза и откинулся головой на стену за спиной.

— Теперь всё зависит от тебя! — произнёс он вполголоса. — Не подведи меня!

Странно, но где-то вдалеке праздничным голосом зазвучала флейта. От фигуры Силия медленно отделился светящийся контур, словно бы его двойник, сотканный из света семи радуг, стоял теперь подле него, в темноте коллектора, играя на старинной дудке...

Силий перемещает отряд Брелова в Адальир

Алёна с трудом раскрыла глаза, навстречу ей летел свежий ветер, волосы её развевались, а тело обволакивало тёплой волной. Отовсюду слышалось залиvistое щебетание птиц. С трудом, перебарывая движущийся воздушный поток, она повернула голову, а со всех сторон в ветре танцевали изумрудные листья и розовые лепестки. В ноздри ударил свежий запах омытой дождём листвы. Сквозь слезящиеся на ветру глаза и зелёный туман, окутывающий всё вокруг, девушка смогла различить впереди искрящуюся росой опушку и стоящий стеной лес, тот самый, что был на экране компьютера Силия.

Через мгновение она уже видела стремительно приближающуюся землю и слышала звук падения. Рядом, на поле спланировал ещё один из путешественников. Затем и сама она упала в густую луговую траву, подняв в воздух облако пылицы и капель росы. Падение оказалось не очень мягким, Алёна сильно ударилась ладонями о землю, перекувырнувшись через голову и кубарем покатилась под уклон. Странно, что в помещении коллектора кроме неё самой и Силия было пятеро, а на луг приземлилось шестеро человек, вместе с ней семеро. Последним приземлился Брелов, но упал он на зависть удачно, даже профессионально. Перекувырнувшись через голову, даже ухитрился встать на одно колено, правда, опершись при этом руками о землю, видать, было не впервой. Вообще все вавилонцы были хорошо экипированы, у каждого был рюкзак, и создавалось ощущение, что они приготовились к длительному путешествию.

Сквозь неподвижные в безветрии травы, Алёна смогла теперь различить, что плащи у этих людей не серые, какими показались они впотьмах, а зелёные, и очень удачно сливаются с цветом растительности, словно осознанно мимикрируя под окружающие себя цвета, будто на лугу и нет никого о двух ногах.

[1] Против необходимости не властны сами Боги (Лат.).

[2] Я не шучу (Лат.).

[3] Успокаивать боль — божественное дело (Лат.).

[4] Всему есть предел (Лат.)

Глава II

Легенды Гленнвилля

Утопающий в зелёных красках старинный городок Гленнвилль располагался в самом сердце девственных лесов Гленнвуда у подножья Горы Теней Шадоурока. Гленнвилль был центром торговли и самых разнообразных ремёсел, здесь собирались всевозможные умельцы, купцы и просто искатели приключений со всего необозримого Гленнвуда. Несмотря на не особенно приятное соседство с владениями Гиртрона, Гленнвилль вот уже больше трёхсот тридцати лет не знал войн и разорения, да и последняя война в Арвельдоне звучала в здешних краях лишь отдалённым эхом, поскольку не преодолела рубеж западных скалистых гор. Жизнь здесь шла своим чередом — медленно и размеренно, однако последнее время в городке всё чаще стали происходить странные события. Странные — потому, что трудно назвать их плохими или хорошими. В сущности, от случающегося иной раз переполоха было больше шума, нежели смысла. Просто многие стали отмечать себе, что в округе не всё в порядке, но, что именно не в порядке, никто понять не мог.

Одним из таких тревожных событий стал слух о якобы появившемся в Гленнвуде странном народе. Мол, раньше эти существа жили под землёй и питались серой, а ныне вылезли из своих нор, гонимые подземным жаром, возможно, пробуждающегося вулкана, и заполонили окрестные леса своими полчищами. Многие отмахивались от подобных рассказов, а иные верили и боялись ходить в лес поодиночке. И хотя истории такого рода всегда существовали и будут возникать впредь, порождаемые исключительно фантазией неутомимых рассказчиков, слух о подземном народе Гленнвуда имел всё-таки некоторую весьма реальную подоплёку.

Во-первых, в окрестностях Гленнвилля на опушке леса действительно стали появляться странные существа, и хотя жители уже привыкли к самым разнообразным гостям, но эти не были похожи ни на кого из известных народов, отдалённо напоминая смесь гирльда с человеком. Во-вторых, известный в округе лесник Фелькирод утверждал, что когда он ходил на старую вырубку за сучьями, то сам лично видел, как из норы в земле под старым сосновым пнём вылез странный человек с чёрной чешуйчатой кожей и, чуть завидев его, уполз в лес. После этих историй кое-кому стала приходить на ум старая легенда о проклятии мага Кальвиериниуса, который, скрываясь от преследования рыцарей Ормунда, искал убежища в Гленнвуде, но был выдан местными жителями и казнён, как приспешник Т'эрауса. Перед тем, как его казнили, Кальвиериниус пообещал, что проклянёт земли Гленнвилля и Илверра и сказал, что в один прекрасный день все жители Гленнвуда будут истреблены чудовищами, пришедшими из-под земли, которые и займут их место. Но за прошедшие триста лет эта история крепко подзабылась, и даже сейчас её стали вспоминать очень немногие. Ведь этих существ мало кто видел, да если бы они и были всамделишными, то от них пока что не было никакого вреда.

Наиболее широкое распространение слух о людях подземелья получил на северо-западе Гленнвилля у самого подножья Шадоурока. И это было связано не только с массовой безграмотностью населения и крепостью местных верований и суеверий, но и со странным событием, произошедшим в одном из трактиров, где якобы собственной персоной поселился

один из "людей подземелья". Всё началось как-то дождливой ночью, когда трактирщик, славящийся своей сердобольностью, выйдя за порог, споткнулся о кого-то, валяющегося у ступенек. Странный пришелец был так слаб и жалок, что добродушный трактирщик сжалился над ним и приютил доходягу у себя. Соседи стали криво смотреть на нового постояльца: больше всего людей шокировал его внешний вид: он был похож на человека, но с очень уж острыми чертами лица и черной, как каменный уголь кожей, больше смахивающей на панцирь гирльда, но спорить с трактирщиком напрямую никто не решался. Лишь прислужники на кухне стали жаловаться повару, а тот осмелился посетовать трактирщику, что новый жилец ночами забирается по стене в окно кухни, как кошка, и съедает все припасы и приготовленные на утро блюда. Но трактирщик прощал гостю всё: "Наголодался, бедный, как видно!" — отвечал он на жалобы слуг. А пришелец меж тем, как выяснилось, совсем не понимал людской речи, и посему научить его правилам поведения было сложно. Понимал он лишь зов к обеду, но, сколько не ел, а толще не становилось его брюхо и сам он, как был, так и оставался худым как жердь. Вскоре стал он ходить по всему трактиру даже днём, заходил в чужие кельи, но никто не противился, боялись, что трактирщик выгонит их за порог, а трактиров было мало и все забиты под завязку. Так что пришлось бы перебираться в Илверр (Далёкие Земли), что за сто пятьдесят миль отсюда, далековато, да и дела торговые шли лучше в Гленнвилле, и многие имели здесь хороший заработок.

Однажды вышла забавная история, как-то вечером, когда торговцы и иные люди собрались в холле трактира, дабы обсудить дела минувшего дня, туда забрёл и новый любимец хозяина. Увидев его, один заезжий купец изумлённо поднял брови и закричал: "-Дорио[1], дорио!" — что на языке его народа обозначало "нечисть", а все решили, что странник признал племя этого существа, с тех пор так и стали звать его Дором. Теперь Дора уже не боялись, поскольку он перестал быть непонятным существом, а стал в глазах обитателей трактира лишь потерявшимся чужестранцем. Торговец же, что даровал ему имя, не знал языка Гленнвуда и не смог пояснить, что он имел в виду. Впрочем, как часто бывает, всех это устроило.

Отряд Брелова приходит в Гленнвуд

Поднималось свежее утреннее солнце и медленно скользило лучами по дубовым стенам этого старого трактира. Как раз на него в этот утренний час и смотрел рок-музыкант Брелов, укрывшись со своим отрядом в зарослях усыпанного фиолетовыми ягодами кустарника.

— Нам надо туда, — сказал рокер, указывая рукой на большой бревенчатый дом на пригорке. — А ты неправильно одета, — добавил он, обращаясь к Алёне.

Девушка удивлённо оглядела себя с ног до головы, но ничего неправильного не заметила, разве что одежда оказалась весьма потрёпанной. Попав из слякотной зимы в тёплое лето, Алёна была довольна уже тем, что согрелась, и всё ей теперь казалось весьма правильным. А Брелов тем временем вынул из рюкзака какие-то вещи, завёрнутые в узелок, и протянул их ей.

Переодевание

— Пойди за кусты и переоденься, только побыстрее, — попросил он.

Алёна кивнула и, взяв вещи, скрылась в зарослях. Там она с удивлением обнаружила, что в узелке было какое-то допотопное платье, светло-зелёная накидка, подобная плащам её

новых спутников и кожаный корсет на шнуровке, как те, в которые обычно одеты женщины на старинных гравюрах. Но, несмотря на удивление, она быстро переоделась, а снятые вещи сложила в свой плащ и перевязала шарфом, чтобы удобнее было нести. В таком виде она вернулась к своим новым спутникам, и Брелов представил ей остальных вавилонцев:

— Это мои друзья, ты можешь верить каждому из нас как себе самой, — уверенно сказал Брелов. — Это наиболее продвинутые, "олдовые" мои помощники: Дэльвьир — первоклассный фехтовальщик и Авельир, его ещё называют готическим рыцарем, — вслед за его словами воины снимали капюшоны, открывая Алёне свои лица.

Дэльвьир был жилистым и мощным, он носил вьющуюся бородку и усы, лицо его выглядело немного жёстким, смотрел он исподлобья уверенным, по-звериному умным взглядом. Чёрно-белый готический грим Авельира сперва даже напугал Алёну, но рассмотрев его доброе лицо, она успокоилась.

— Это сэр Фариселл, — продолжал Брелов, — рыцарь из Далёких Земель, много знает и обладает большой силой, если сомневаешься в чём-то, лучше спроси его.

Фариселл приложил руку к груди и одобрительно кивнул. Этот воин был небольшого роста и непонятного возраста, на вид молодой, но с морщинами зрелого мужчины на лице и чётко очерченными скулами, которые, впрочем, его не портили. У него были карие глаза и чуть печальный взгляд, чёрные всклокоченные волосы и красивые густые брови, и вообще он держался немного высокомерно, словно принадлежал к какому-то знатному роду. Эта высокомерность, однако, не казалась наигранной, а наоборот, выглядела весьма ему свойственной, будто он привык к высокому положению, впитал это ощущение ещё с материнским молоком. Так, должно быть, держались дворяне давно минувших эпох. Но больше манер Фариселла Алёну удивило, что имя низкорослого рыцаря было созвучно имени пса Силия.

— И наши собратья Силль и Килль, — добавил Брелов.

Килль в этот момент выглядел немного напряжённым, словно смущался, но не хотел это показывать. Алёна сразу отметила в парне сочетание обычно противоположных качеств: хорошего физического развития и явной интеллектуальности. Особенно девушку удивила его небывалая энергия, которая чувствовалась во всём его облике, эта энергия словно была ключом и выплёскивалась через край, даже когда он просто неподвижно стоял на месте. Вместе с тем, он был сосредоточен и явно умел владеть собой.

Силль же при первом взгляде не произвёл на Алёну должного впечатления. Лишь позже девушка рассмотрела в парне неуловимый шарм, но ответить себе, в чём он заключался, ей так и не удалось. У Силля были большие светлые глаза, неопределяемого подобно александриту цвета, густые брови, прямой нос с чуть излишне раздутыми ноздрями, немного великоватый рот и ямочка на подбородке. Волосы у него были тёмно-русые и немодно постриженные, такую причёску с длинной чёлкой, закрывающей весь лоб, мог бы носить какой-нибудь хиппи в восьмидесятых годах, но отнюдь не современный яппи. Эта ретро-нотка, однако, только добавляла ему шарма. Все вавилонцы были вооружены мечами, только у Авельира из-за плеча выглядывал лук и колчан со стрелами, а у пояса висел небольшой арбалет.

Алёна ещё раз обвела всех собравшихся неуверенным взглядом. Ей казалось, что всё происходящее — только странный сон, и он вот-вот развеется, но раз этого не происходило, то она всё-таки решила продолжить странную игру и довериться своим спутникам.

Приход в трактир

После визуального знакомства, они все вместе направились в сторону трактира. Правда не сразу, а выждав немного, поскольку у дверей заведения толпилось несколько всадников в длинных чёрных плащах, плотно облегающих торс и расходящихся книзу. Они показались Брелову подозрительными, и он решил ждать, пока они не уедут. Брелов объяснил товарищам, что заметил у них синие воротники и манжеты, и добавил, что им ни в коем случае нельзя себя обнаруживать. Только Алёне было невдомёк, что значили слова рок-музыканта. В трактире Брелов на удивление быстро договорился об отдельных комнатах для Алёны и остального отряда, что было очень странным, учитывая вечное отсутствие свободных мест. Брелов говорил с трактирщиком уверенно и по-свойски, словно знал его много лет, остальные молчали, переминаясь у стойки, Алёна же, сильно надвинув капюшон, лишь наблюдала за диалогом из-под его края, осторожным взглядом обводя гудящий голосами постояльцев холл. Получив крышу над головой, отряд Брелова поспешил скрыться в своей келье и не показывался оттуда до вечера. Пришедшие с Бреловым заняли комнату ближе к лестнице, а Алёну поселили в конце коридора так, чтобы контролировать проход к её келье. Девушка очень устала за рабочий день и сразу отправилась спать. Вавилонцы же уселись на полу в соседней комнате, вытащили из рюкзака Силля ноутбук и, разложив на полу какие-то карты, принялись что-то чертить, то и дело сверяясь со схемой на экране. Возможно, они прокладывали маршрут предстоящего пути...

Малиновое вино

Только когда солнце село за гору, Брелов и остальные спустились в холл. Там они расположились за столом в самом тёмном углу, словно от кого-то прятались, и принялись уплетать пышный хлеб, запивая его медовым напитком. Только Фариселл не ел эту еду, а хлебал какую-то похлёбку из глубокой деревянной тарелки. Как и все за столом, Алёна сидела, надвинув на лицо капюшон накидки, которую она получила накануне. Она до сих пор плохо соображала, что происходит, кто эти люди, и где она очутилась, но происходящее ей почему-то нравилось. После слякотного мегаполиса это было всё-таки хоть какое-то развлечение, вроде столь популярных ныне ролевых игр в рыцарей, замки и средневековье.

Здесь был какой-то странный воздух, слишком чистый по сравнению со столичным смогом, от него даже немного кружилась голова. Так всегда бывает с жителями крупных городов, в чистых лесах свежий воздух дурманит их. Здесь слишком громко и слишком чарующе пели птицы. И даже вкус хлеба, который она ела, и мёда, который пила, был совсем иными, нежели тот, к которому она привыкла дома. Слишком насыщенный, что ли, и слишком богатый вкус был у всего на этом столе. В холле по-прежнему было очень много народу, и все о чём-то оживлённо беседовали, мерный гул голосов действовал усыпляюще. Алёна откинулась на спинку увесистого дубового стула и стала задрёмывать, но вскоре её разбудил громкий хохот постояльцев. Брелов, который в полголоса обсуждал что-то с Фариселлом, тоже обернулся на звук: оказалось, какой-то монах в длинной серой рясе развлекал гостей, показывая чудесный фокус прямо на грязном столе в центре холла. С хитрой улыбкой на устах этот невероятно красивый черноволосый парень творил заклинание, заставляя большого неуклюжего жука светло-зелёного цвета порхать в воздухе в нескольких сантиметрах над столешницей, чем приводил в восторг всех собравшихся зевак. Жук растерянно махал лапами, беспомощно пытаясь хоть за что-нибудь уцепиться, а колдун водил над ним указательным пальцем, и куда направлял он свой перст, в ту же сторону

начинал возвращаться и жук. От каждого нового поворота насекомого зал взрывался истерическим хохотом.

Колдун то и дело вполголоса произносил очередное заклинание, каждый раз звучащее по-разному, но заканчивающееся всегда громким выкриком "pass!". Услышав это, Брелов весь как-то напрягся и стал похож на натянутую струну боевой арфы.

В этот момент полноватая и розовощёкая прислужница в засаленном переднике поставила на стол новые кушанья, разложенные на большом, почерневшем от времени серебряном подносе. Тут было всё: виноград, яблоки, мясо и несколько бутылок какого-то тёмно-малинового напитка. Вавилонцы сразу стали разбирать яства на свои деревянные плоски, только мяса они не тронули, как пояснил Брелов, в путешествиях необходимо соблюдать вегетарианскую диету.

— Ты чем там занимаешься, дружище? — спросил Авельир, обращаясь к Дэльвьёру.

— Прожуй сперва! — буркнул бородач недовольно.

— А всё-таки, а? — не унимался гот. По выражению его лица было явно видно, что он собрался посмеяться над товарищем и старательно искал для этого повод.

— Пытаюсь понять, что стало с моим коммуникатором, — пояснил, наконец, Дэльвьёр. Всё это время он усердно ковырял корпус своего КПК, поддев его кончиком ножа. Наконец защёлка поддалась, и крышечка с щелчком отскочила в сторону, угодив как раз в тарелку Фариселла.

— Прошу прощения, — пробормотал Дэльвьёр, и выражение его лица невольно сделалось брезгливым, потому что он тотчас представил, что это в его супе утонула какая-то компьютерная дребедень из засаленного кармана.

Фариселл не торопясь вынул пластмассу из тарелки и протянул её Дэльвьёру, а сам невозмутимо продолжил трапезу. Алёна поочерёдно посмотрела на обоих и хихикнула.

— Ну и что там? — поинтересовался Авельир, неучтиво вытягивая шею и пытаясь заглянуть в КПК. — Может, тебе помочь? Я всё-таки хакер как-никак!

— Хакер ему точно уже не понадобится, накрылась машинка! — с досадой произнёс Дэльвьёр, ставя раскрытый аппарат на край стола.

Алёна с удивлением увидела, как из корпуса миникомпьютера во все стороны со стрекотом брызнули полчища странных зелёных жучков, смахивающих на тех, что прятались в ноутбуке Силия. Насекомые, похожие на крохотных богомоллов, быстро перебирали четырьмя задними лапками, а двумя передними, задранными высоко над головкой, несли различные детали КПК. Когда все они покинули корпус гаджета, оказалось, что внутри КПК Дэльвьёра совсем ничего не осталось.

— Аж блеснит, — с каким-то странным злорадством процедил Дэльвьёр, проводя пальцем по идеально вычищенному корпусу миникомпьютера, — даже скрип слышно! Слышите?

— Да не расстраивайся ты так, дружище! — ободрил его Авельир. — Справим тебе другой точно такой же! Бьюсь об заклад, что ты его на барахолке купил за полцены!

Дэльвьёр поглядел на гота как на убогого и только махнул рукой.

— Да ладно, все знают, какой ты сноб, чтоб на рынках отовариваться! — сказал Брелов. — Не напрягайся!

— Данных-то там много было? Бэкап сделать успел?

— Я не сноб, — важно возразил бородач, — просто технику надо брать только новую, а вот, скажем, джинсы я и в секунд хэнде могу купить. И бэкап я, конечно же, сделал, небось

не дурнее некоторых.

— Какие проворные жучки! — заметил Фариселл. — Раньше таких не видел.

— Вот только на кой им детали и провода? — искренне недоумевал Брелов.

— Может быть, они их едят, ну, сам знаешь, говорят, полезно есть "железо", — пошутил Авельир.

— Ну вот откуда они берутся? — возмутился Дэльвьир. — Это уже третий КПК от низ погибает!

— Наверное, залезают через USB-порт, или через выход наушников, — предположил Авельир, — а больше-то неоткуда.

— Не, бред всё это! — отверг идею Дэльвьир. — Я думаю, они набиваются туда во время прохождения через портал...

— Ну-ка, ну-ка, это уже интересно, — заинтересовался Брелов, закидывая в рот очередную виноградину.

— Возможно, мы цепляем во время перехода ещё какие-то миры, вот оттуда-то и лезут эти кровопийцы!

— Сомневаюсь, Дэльвьир, — Брелов покачал головой, — просто надо надевать на него чехол, а не бросать в карман как попало.

— Я всё это знаю, он был в чехле, — недовольно возразил Дэльвьир, который считал себя очень правильным и пунктуальным. — А теперь сам видишь, что с ним сделали эти монстры! — он собрал оставшиеся детали в корпус и засунул всё вместе обратно в карман.

— Возможно, Дэльвьир прав, — добавил Фариселл, — здесь такие жучки точно не водятся, если вы успели заметить.

Алёна с интересом наблюдала за всем происходящим, но в разговор не вступала, всё же ей было немного боязно находиться в столь странной ситуации.

Тем временем, вавилонцы занялись напитками.

— Малиновое вино? — недоумённо протянул Силль, рассмотрев одну из бутылок. — Разве здесь подают малиновое вино?!

Услышав про малиновый напиток, Брелов аж привстал со стула, словно кого-то высматривая, и стал скользить напряжённым взглядом по гуляющим в зале. Он старался делать это незаметно, и только сидящие за столом могли видеть, как движутся во мраке его зелёные глаза.

— Что происходит? — спросил Килль и испуганно поглядел на Брелова. Надо сказать, что его было трудно напугать, но когда лицо Брелова становилось таким напряжённым, содрогались даже стальные нервы, и ему тоже делалось не по себе.

— В трактире лазутчики Свиртенгралля, — пояснил Фариселл.

— Малиновое вино — это условный знак, — шёпотом продолжил Брелов. — Его прислал кто-то из наших, этот кто-то даёт нам понять, что враг рядом! Но почему он решил использовать столь древний код?!

— Он, вероятно, давно здесь и не знает о смене пароля, — догадался Фариселл.

— Кажется это не он, а она... — Авельир сдвинул капюшон назад и кивнул в сторону деревянной стойки, где подавали крепкие напитки.

— Где? — Брелов начал суетливо озираться.

— Вон там, голубоглазка с белоснежными кудрями, — Авельир украдкой указал пальцем на сидевшую возле стойки девушку в зелёной накидке с выглядывающим из-за плеча золотым луком. — А она ничего себе... — гот улыбнулся.

— Я её не знаю, — сказал Брелов задумчиво. — Глаза голубые — значит, не из наших?

— А я знаю? — развёл руками Авельир.

Девушка с луком в этот момент что-то произнесла. Слов слышно не было, да и сидела она на другом краю холла, а между ними всё время шныряли постояльцы, и клубился дым от курительных трубок, заметно было лишь едва уловимое движение её сочных, алых губ.

— Что она говорит? — Брелов повернулся к Авельиру, который обладал обострённым восприятием и мог легко расшифровать своим натренированным глазом любое слово даже на большом расстоянии.

— Она говорит, что здесь адепт гильдии Свиртенгралля, он пришёл из Шадоурока.

— Прихвостень Т'эрауса? — переспросил Силль.

— И я, кажется, уже знаю, кто это, — туманно добавил Брелов, бросив мимолётный взгляд в сторону столика, у которого забавлялся с жуком странный чародей.

— Надо подойти к ней, — резонно предложил Дэльвьир, — узнать кто она и откуда.

— Это правильно, — одобрил внезапно подключившийся к разговору Килль, — но где она?!

Пока они говорили, белокурая красавица уже исчезла, группа пьяных постояльцев трактира лишь на мгновения скрыла её от взоров вавилонцев, но и этого хватило, чтобы ловкая незнакомка, воспользовавшись моментом, скрылась из виду.

— Она не хочет, чтобы мы знали, кто она, — пояснил Фариселл. — Возможно, на это есть свои причины, а такие причины надлежит уважать.

— Let it be[2], — кивнул Брелов. — Она и так нам здорово подсобила!

После этого все быстро собрались и поспешили вновь укрыться в своих кельях.

Алёне казалось, что она попала то ли в фильм, а то ли в какую-то очень уж реалистичную компьютерную игру. Она даже на самом деле испугалась, когда услышала, что в трактире бродит какой-то неведомый враг. Всё вокруг было ирреальным, а вавилонцы, что говорили об окружающем с будничным равнодушием, только добавляли загадочности. Произшедшие чудеса не укладывались в голове, были недоступны пониманию, как и эта смена времён года, в мгновение ока переместившая её из слякотной зимы в цветущее лето. Но, избыток впечатлений не позволял вдумываться в происходящее логически, и вся фантастичность открывшегося мира отодвинулась на задний план, уступив место восхищённому созерцанию.

Ночь в трактире

Лёжа на деревянной кровати в этом странном трактире, сошедшем словно с картинки из старинной книги, Алёна никак не могла уснуть и всё ворочалась с боку на бок. За сегодня с ней произошло столько необычного, сколько не было за всю жизнь. И, конечно, чтобы "переварить" всё это нужно было время. Кроме того, трактир был изрядно обветшавшим, стены его покачивались и скрипели, когда ветер атаковал их в ночной мгле. Девушка отчётливо слышала стоны балок и перекрытий, шорохи крыльев ночных птиц за окном, и возню летучих мышей на чердаке. Всё здесь было просто исполнено самой разнообразной жизни, которая была повсюду, в каждой щёлочке старого бревенчатого трактира. Такого не встретишь ни в одном мегаполисе. Снизу доносились голоса постояльцев, всё ещё не утомившихся гуляк, а по окнам шуршали мотыльки огромных размеров с пыльными крыльями и золотистыми глазами. Так она и лежала, не смыкая глаз, прислушиваясь к тревожащим звукам и вдыхая аромат дуба и сосны, что слагали стены трактира.

Появление Дора

Тем временем в трактире стояла глубокая ночь. Все уже давно спали, кроме Алёны и Брелова, который сидел в коридоре, с упорством грызя сухари, прихваченные за ужином. Как и обычно, ночью, когда все нормальные люди клюют носом, рок-менестреля начинали одолевать творческие мысли. Так всегда бывает с по-настоящему талантливыми творцами. Он снова думал о своей рок-группе и о том, что теперь у него уже целых две проблемы: первая — старая: где раздобыть скрипача-гения, а вторая — новая: где найти хотя бы убогую на первых порах замену покинувшему группу бас-гитаристу. По крыше робко застучал начинающийся дождик, Брелов отчётливо слышал его невесомые шаги, потому что комнаты им достались под самой крышей, и в голове рок-музыканта сам собою уже начал складываться мотив новой песни. Для Брелова это было самым приятным моментом, он уже знал, что песня напишется, но ещё не брался за перо и наслаждался самым первым её рассветом. Вдруг раздался какой-то грохот, и из двери в конце бревенчатого коридора с визгом выскочила взъерошенная Алёна.

— Там, там кто-то есть!!! — прокричала она в ужасе.

Брелов, обнажив меч, бросился в комнату. Тут же из соседнего помещения выскочили остальные вавилонцы и поспешили за своим предводителем. Ворвавшись, сперва впотьмах никто ничего не увидел. Пока все, застыв в дверном проёме с мечами наизготовку, ждали нападения, Брелов резким движением перевернул своё оружие и щёлкнул чем-то в рукояти. Мотоциклетная фара на перекрестье меча зажглась и осветила комнату. В луче света вдруг показалось странное существо, похожее на гигантских размеров кошку, которое сидело на спинке дубового стула у самого окна и что-то держало в передних лапах. Брелов присмотрелся и увидел, что это существо держит в руках горбушку хлеба, очевидно из той еды, которую Алёна прихватила со стола за ужином. Это тощее, покрытое чёрной панцирной кожей, существо было ни кем иным, как тем самым Дором — любимцем хозяина.

— Это ещё что? — пробормотал Авельир, и они с Бреловым переглянулись.

— Я такого раньше тоже не видел! — Брелов было занёс меч, но воришка был таким жалким и испуганным, что удара не последовало. — *Vade in pace!*[3] — пожалев пришельца, предложил он, но Дор, словно каменный, застыл на месте.

Вскоре на шум прибежал и сам трактирщик. Завидев сталь лезвий, сверкающую во тьме, лысеющий толстяк в ужасе бросился внутрь, но обнаружив, что его питомец цел и невредим, успокоился. Извиняясь и кланяясь, толстяк за руку вывел существо прочь. Пока они оба пробирались через разбуженных мужчин, Дор был тих и испуган, жался к ногам трактирщика и всё время озирался, но поравнявшись с Алёной, он вдруг обнажил клыки и злобно зашипел. Девушка взвизгнула и, отпрянув назад, прижалась к стене. Брелов сжал рукоять меча, и мотоциклетная фара вновь обрисовала жёлтый круг. Трактирщик сразу понял намёк: он ускорил шаг и буквально бегом скрылся за поворотом, по-прежнему продолжая извиняться и заверять всех, что этого больше не повторится.

Несмотря на то, что всё успокоилось, Алёна всё же не решалась вернуться в келью одна, и вавилонцам пришлось пойти вместе с ней.

[1] Чудовище (Илверр.).

[2] Пусть будет так (Англ.).

[3] Ступай с миром! (Лат.).

Рассказ рекрутов Вавилона

Брелов прошёлся по комнате. Встал подле окна и пригладил руками распавшиеся волосы. Было видно, как напрягся его лоб, словно он что-то обдумывал.

— Мы должны объяснить ей, что произошло, — наконец констатировал он уверенным голосом. — Она имеет право знать, куда попала и ради чего совершила этот поступок. Как бы мы не оправдывали свои действия Проведением, Великой Судьбой и Дорогой Адальира, но мы, не спрося Алёну, втянули её в эту игру.

Алёна, затаив дыхание, слушала слова Брелова, которые против светлых речей Силия звучали достаточно угрожающе. Как всё-таки по-разному, подчас, может подаваться одна и та же история, изменяясь лишь по причине характера и мировоззрения разных рассказчиков.

— Для кого-то Адальир — это шанс, но для кого-то и тяжкое бремя. Как бы там ни было, но теперь она уже не сможет, как прежде, воспринимать окружающий её мир, смотреть фильмы, слушать песни и изучать компьютерные глубины своего системного блока. То, что она постигнет в Адальире, навсегда останется с ней. Наш поступок полностью изменит Алёнину жизнь, коренным образом перевернёт все сложившиеся стереотипы. Это освобождение, но вместе с тем и новые трудности на пути к совершенству. Она должна знать, куда попала, и что вообще тут происходит.

Брелов замолчал, приблизился к Алёне, сидевшей всё это время на краешке дубовой кровати, и присел перед ней на корточки.

— Ну? — растеряно спросила девушка, ожидая чего-то невероятного, что должен поведать ей новый друг.

— Меня зовут Арчи, я рок-музыкант. Брелов — это мой сценический псевдоним и имя в братстве Вавилона, теперь и ты это знаешь. Силий, человек, который тебя доставил сюда — правая рука богов, но обо всём по порядку. Знаешь, где мы сейчас находимся?

Алёна явно не ожидала такого вопроса: она невольно оглядела бревенчатые стены Гленнвудского трактира и пожалала плечами, хотя уже догадывалась, что попала в какое-то чудесное место, но не могла до конца поверить своей догадке.

— Нет, а где? — спросила она совсем без интереса в голосе, ну впрямь, не скажет же этот рокер сейчас, что они на другой планете? Скорее, на полигоне для ролевиков...

— Мы в Адальире, это другой край нашего света...

— Это то государство из новостей? — поспешила предположить Алёна.

— Нет, — Брелов мягко улыбнулся, Алёнин вопрос показался ему немного наивным. — Эта страна носит такое же имя "Адальир", но она находится не на Земле, не в нашем с тобой мире, если выражаться по-научному — это параллельный мир...

Алёна округлила глаза и от удивления даже привстала с кровати.

— Адальир намного древнее нашей Земли, — продолжал Брелов, — этот мир был одним из первых, и когда-то люди имели с ним прочную связь. Переправа находилась в древнем Вавилоне в Месопотамии, путь вёл в одноимённый город в Адальире, но люди Земли стали поступать неправильно, и падение Вавилонской башни уничтожило портал...

— Александр Македонский, завоевав полмира, пытался разобрать завалы башни и найти портал, но не успел этого сделать, — добавил Дэльвьир.

— Больше, чем на два тысячелетия Земля утратила связь с благословенной землёй Адальира, — продолжал Брелов. — Но однажды один малоизвестный программист, создавая новую программу, случайно написал в её коде древнее заклинание, которое вновь открыло

врата портала и связало миры. Знаки, словно сами возжелали лечь в нужном порядке...

— Портал обладал собственной волей и разумом, — подхватил рассказ Авельир, — он забрал Конструктора, создавшего программу в столицу Адальира, город Вавилон. За тот период, пока связь миров была нарушена, в Адальире произошли судьбоносные события, тёмные силы стали захватывать власть в отдалённых землях. Адальиру была нужна помощь, помощь людей с Земли...

Брелов обернулся к Авельиру и согласно кивнул.

— Вавилон счёл, что раз Конструктору удалось восстановить связь миров — значит, пришло время людям вновь обрести древнее знание, — Брелов немного помолчал, дав Алёне перевести дух. — Сама судьба выбрала нужный момент, — продолжил он, — и пора призывать людей Земли на борьбу с древним злом Адальира, понимаешь?

Девушка неуверенно кивнула. Вряд ли в этот момент она что-то понимала и уж точно не верила, ну в самом деле, какой ещё параллельный мир?!

— Мы готовы действовать всегда и везде, мы верим в то, во что не верят простые люди, мы можем коснуться собственной мечты руками, — гордо произнёс Дэльвьир.

— Мы — воины Вавилона и защитники Адальира. — Брелов пристально посмотрел Алёне в глаза. — Однако, мы живём самой обычной жизнью на Земле и ничем не отличаемся от всех прочих, живущих на ней, за исключением того, что у каждого из нас в компьютере установлена та самая программа, в которой живёт возродившийся портал. Он созывает нас и таких как мы по всей Земле, когда Адальиру требуется помощь.

— А как вы узнаете друг друга? — спросила девушка.

— По хрустальным медальонам, — Брелов вынул из-за пазухи большой кристалл горного хрусталя на шнурке. — Такой должен носить каждый вавилонец.

— Дефендер первого уровня, снимает отрицательные эффекты слабых концентраций! — сообразила Алёна, и, заметив удивлённый взгляд Брелова, поспешила пояснить свою осведомлённость: — Мне Силий рассказывал.

— Да, — кивнул Брелов, — дефендер первого уровня, у каждого из вавилонцев такой есть. Говорят, что горный хрусталь был создан богами из воды, говорят, что когда в Адальире не останется зла, когда оно будет полностью побеждено, горный хрусталь вавилонских медальонов вновь превратится в воду...

— Красивая легенда! — мечтательно протянул Авельир.

— И ещё по зелёным глазам...

— Как это? — удивилась Алёна.

— У тех, кто долго пребывает в Адальире, глаза приобретают ярко-зелёную окраску, — пояснил Авельир, — это связано с особыми лучами здешнего солнца.

— И мои тоже? — занервничала Алёна и невольно ощупала веки.

— Конечно, — подтвердил Брелов.

— Ну, и ничего, мне всегда хотелось другой цвет глаз! — философски заметила девушка.

— Только сильно не обольщайся, он не всегда будет таким, а лишь после путешествий.

— А как вы попадаете в Адальир? Через компьютер Силия, это как-то связано? Я так испугалась, когда мы прыгнули в экран...

— Мы собираемся в обозначенном месте, а затем путешественники между мирами доставляют нас в Адальир, и мы выполняем ту или иную миссию, — сказал Брелов. — Ты сама это видела, монитор просто создаёт необходимо электромагнитное поле, используемое

для перемещения, но на самом деле всё это гораздо сложнее.

— Этих путешественников называют навигаторами, Силий величайший навигатор, ибо он владеет силами всех четырёх стихий, так называемыми тетраморфами, — добавил Авельир.

Брелов заметил, что девушка напугана и поспешил успокоить её:

— Да не бойся ты так, в Адальире не место страху! Понимаешь?

Алёна неуверенно повертела головой.

— Ну, как тебе объяснить-то? — замялся рок-музыкант. — На Земле, чтобы стать сильнее нужно, скажем, ходить в спортзал, чтобы научиться фехтовать, нужно изнурительно долго упражняться со шпагой, заниматься спортом и так далее, понимаешь?

Теперь Алёна уверенно кивнула.

— Но в Адальире нужно просто верить в свою силу, — глаза Брелова сверкнули зелёным огнём, — и тогда ты будешь обладать этой силой. В Адальире ты силён настолько, насколько сам веришь в это. Здесь ты можешь делать всё, во что ты веришь.

— А если я поверю, что могу летать, — оживлённо предположила девушка, — что тогда?

— Тогда ты сможешь это, — подтвердил Дэльвьир, — при помощи своей веры ты даже сможешь трансформировать предметы, но для этого нужно иметь искреннюю убеждённость.

— Она не совсем, наверное, понимает, — мягко произнёс Авельир, — нужно ей объяснить предметно.

— Ну, давай, — согласился Брелов.

Алёна перевела взгляд на готического рыцаря.

— Вот, например, у многих из наших на Земле нет настоящего оружия, их мечи сделаны из дерева или пластмассы. Но они искренне убеждены, что это супероружие. — Авельир вынул из ножен свой изящный меч с антрацитовым лезвием, расписанным какими-то невероятными узорами, и продемонстрировал его Алёне. — И в Адальире они становятся настоящими мечами.

— Я знавал одного парня, который при перемещении мог взять с собой вообще любой предмет, хоть зубную щётку, там, или карандаш, — добавил Дэльвьир. — А в Адальире он становился мечом или секирой, потому что здесь в отличие от земного мира важно не то, что ты видишь, а то, во что ты веришь и то, что ты обо всём этом думаешь. И главное тут — искренность. У нас он даже картошку чистил не ахти, а здесь даже я не рискнул бы с ним сразиться, просто он верит в себя на сто тридцать процентов.

— Ты можешь быть здесь тем, кем ты сама себя считаешь, — Авельир улыбнулся, — это так просто, нужно всего лишь поверить в себя, поверить в то, чего тебе хочется.

— А кто такой Герддрон? — спросила Алёна, чем немало удивила вавилонцев.

— А откуда ты знаешь это имя? — уточнил Брелов.

— Я видела его во сне перед тем, как этот грузовик врезался в стену, и мы с Силием спрятались в канализации... — растеряно пробормотала она.

Вавилонцы переглянулись, им ведь ничего не было известно о событиях, предшествовавших их встрече с Силием.

— Мы много пропустили, — недовольно констатировал Дэльвьир.

— Ну, это, — неуверенно заговорил Авельир, — герддроны это воины, которым мы противостоям в Адальире, — он обернулся к Брелову. — Может, рассказать ей всё с самого начала?

— Наверное, стоит, — Брелов одобрительно кивнул, — а то она так ничего и не поймёт. Но только в двух словах, ОК?

— ОК! Так вот, — Авельир приблизился к Алёне и присел на край кровати, — когда-то на заре времён в Адальире царствовали двое созидательных богоподобных существ Третьего Круга: Т'эраус — властитель всех животных и Кэльвиар — властитель всех растений. Потом каким-то образом в Адальир проник древний демон сновидений Даосторг, он способствовал грехопадению Т'эрауса. Т'эраус стал сеять зло и ненависть, он пошёл войной на весь Адальир, но был побеждён. Даосторг же сохранил некоторое влияние в северных краях, оккупировав великую крепость Кйа-Ори и столицу её град Свиртенгралль. Продолжая творить свои бесчинства, со временем он обрёл ещё большую силу и исполнил два воплощения, став сперва Старгерольдом, а потом Гиртроном. Гиртрон, так зовут его и поныне, но произносить это имя вслух за пределами Гленнвуда не стоит. Он научился делать воинов из собственной тени, этих воинов и именуют герддронами. Их тела состоят из железа, а нутро из льда, либо из огня и дыма, поэтому их ещё называют огнеголовыми. Они живут и действуют по принципу ионного обмена в узлах кристаллической решётки металлов, и простой меч им не страшен.

— На самом деле "герддрон" это то же самое "Гиртрон", только произносимое на георальдский манер, так называли чудищ на диалекте гирльдов. Все они действительно очень похожи меж собой, — поправил Брелов. — Уже потом герддронами начали именовать воинов, сотворённых из тени Гиртрона.

— Есть, правда, ещё и герддроны южных краёв, — добавил Дэльвьир. — Это воины древнего колдуна Граса Даркфлесса, который живёт в государстве, именуемом Фаллен-Граундом — Падшей Землёй. Его герддроны значительно слабее, если слово "слабее" вообще применимо к ним, воинов Гиртрона, они берут числом, а не умением. Внешне их можно с лёгкостью отличить по обугленным забралам. Дело в том, что они живут в казармах-катакомбах в глубинах подземелий дворца Фаур-Каста, где стоит вечный дым и зловонье. Это железные титаны под три метра, в глубинах катакомб Фаур-Каста они жгут уголь и купаются в потоках лавы, набираясь энергии огня для будущих свершений, ибо им трудно выживать в холоде. Кроме того, герддроны Свиртенгралля отличаются тканым обмундированием, с ярко-синими воротниками у плащей, по которым их можно безошибочно узнать...

— Поэтому тебе не понравились те всадники у трактира? — догадалась Алёна, обращаясь к Брелову. — У них были синие отвороты и манжеты!

Брелов кивнул.

— Он принял их за воинов Гиртрона, — подтвердил Дэльвьир. — Хитрый демон давно заменил всех воинов в своих армиях на герддронов, чьи полчища угрожают теперь всему Адальиру. Эти существа могут путешествовать в виде теней, вселяться в людей и трансформировать материю, как им заблагорассудится.

— Ещё есть дартгроты, они похожи на герддронов, но умеют летать. Это так называемые первовоины, созданные самим Т'эраусом для армий Даосторга на заре времён, одни из самых опасных тварей, возрождённых Даркфлессом, — сказал Брелов. — К счастью, мы их пока не встречали. Будь они в числе здешних армий Гиртрона, Гленнвуду было бы несдобровать. Эти существа канули в лету много веков назад и были возвращены к существованию Даркфлессом, сим деянием он разрушил своё существо и превратился в затворника собственного доспеха, что стал для него новым телом. Расплодив дартгротов в

землях Фаллен-Граундского королевства, Даркфлесс полностью извёл некогда живший там народ трозэллинов, которого ныне уже совсем не осталось.

— Дартгроты любят тепло, оно необходимо им, как и герддронам Фаур-Каста, для поддержания жизненных сил, — пояснил Авельир. — Говорят, даже на привалах эти чудовища жгут костры, подобно людям. Думаю, именно поэтому их нету в Свиртенгралльских границах, здесь они просто перемёрзнут все.

— Ну, как? — вступил в разговор Фариселл. — Ты готова поверить во всё то, что узнала ныне?

Алёна явно растерялась.

— Мне кажется, что я уже давно всему поверила, — честно призналась она. — Но, почему именно я?! Почему Силий выбрал меня, чтобы принять в ваше братство, я же не "брат"?! — она обвела собравшихся вопрошающим взглядом.

— Ты — избранная! — развёл руками Брелов.

— Так сказал Силий! — добавил Авельир.

— Но, почему я избранная, что во мне такого особенного?! — Алёна невольно оглядела себя с ног до головы, словно пытаюсь разглядеть свой дар глазами.

— Честно говоря, — признался Брелов, — сам я ума не приложу, что в тебе такого ценного есть, и зачем нам доставлять тебя в Вавилон?! Но Силий никогда не ошибается, он всегда знает, что говорит.

— Да, это точно! — подтвердил Авельир. — Если он считает тебя избранной, то так оно и есть, возможно, потом он откроет нам эту тайну.

— Возможно, мы и сами узнаем её, — добавил Брелов.

Алёна понимающе покивала и потупила взгляд, уставившись в дощатый пол.

— А сколько этих герддронов вообще? — вдруг спросила она.

— Бесчисленные армии, — скупое отозвался Дэльвьир. — Хотя в былые времена Гиртрону удалось захватить северо-восточный Кристалькраут всего с пятнадцатью тысячами воинов...

— Не важно, сколько герддронов или дартгров противостоит нам, важно понять главное правило братства Вавилона, — сказал Брелов. — Нужно принять и привыкнуть, что с того момента, как ты стал воином Адальира, ты должен хранить это в тайне. Порой, окружающие смотрят на тебя, как на чудака, когда ты, вырядившись по-походному и взяв меч, садишься за компьютер или расхаживаешь в таком виде по городу, и необходимо привыкнуть к этому.

— Часто нас даже осуждают, говорят, что мы зря прожигаем жизнь, — добавил Килль, который хорошо знал подобное отношение в силу своей работы, ведь работнику МВД вдвойне трудно быть ролевиком.

— *Damant, quod non intelegunt!*[1] — философски заметил Фариселл.

— Да, — кивнул Авельир, — осуждают, потому что не понимают, и порой приходится выглядеть, в самом деле, странно или даже откровенно глупо, чтобы не быть раскрытым. Ведь ты, небось, и сама посмеивалась над всевозможными ролевиками, ведь правда?

Алёна смущённо опустила глаза, на что Авельир только улыбнулся.

— Бывало... — призналась она неохотно.

— Всё верно, — заверил её Авельир торжествующим тоном, — мы этого и добиваемся! Нельзя, чтобы непосвящённые знали про Адальир и про наши сверхвозможности, про наше предназначение и силу.

— Теперь, раз ты избранная, тебе должно вдвойне следить за собой! Необходимо, чтобы тебя не воспринимали всерьёз, тогда тайна Адальира будет сохранена, — пояснил Брелов. — Когда твой непосвящённый оппонент смеётся над тобой и над твоей верой в Адальир — ты выиграла, ибо смеющийся не верит тебе, а значит, ты скрыла великую тайну существования Адальира самым надёжным способом!

Гиртрон прибывает в Фаур-Каст Фаллен-Граунда

Это было много раньше описанных событий, тогда, когда магистр Силий ещё даже и не помышлял начинать наше путешествие в Адальир. Но Гиртрон уже и тогда готовил упреждающие шаги. Разум чудовища был поистине гениален...

Сегодня день был темнее, чем обычно в это время года. Небо затянуло унылым дымом, ползущим с гор. Очевидно, начиналось бурление в жерле давно уснувшего Гоаронта, древнего вулкана Фаур-Каста. Замок вечного короля этих земель Граса Даркфлесса не успевали очищать от копоти, хоть чистили обычно только фасад, оставляя стены, обращённые к скалам, чёрными и грязными. Но с таким дымом, как сегодня, можно было даже и не пытаться что-то там чистить. Гранитное сооружение возвышалось до самых небес, закопчённые стены ужасающего дворца зубцами своими подпирали хмурый небосвод и подавляли размерами. В основании замка располагалось три двери, одни огромные ворота в центре и две небольшие арки с двустворчатыми дверями по бокам. Центральные ворота имели огромный размер, но и они терялись на бесконечно огромной крепости.

Даркфлесс был не в духе уже с самого утра. Он не спал ночью, вернее, он вообще никогда не спал, а сегодня не смог даже и на мгновение отключить восприятия. Грас сидел в тронном зале, созерцая в узкое высокое окно широкую пыльную дорогу, ведущую к необозримо-огромным воротам из чёрного камня, что замыкали третью стену внешних защитных укреплений. Первые два кольца стен высотой футов в двести были разомкнуты со вчерашнего вечера. Даркфлесс ждал гостя. Им был ни кто иной, как второй после Т'эрауса владыка крепости Кйа-Ори, наместник падшего божества, король Свиртенгралля огнеподобный демон сновидений Гиртрон.

Даркфлесс и так славился жестокостью и тем, что легко впадал в ярость буквально на пустом месте, но перед приездом короля Свиртенгралля древнего духа Гиртрона он становился просто исчадием зла. Даже приближённые старались держаться подальше от него, и лишь необоримые колдуны рисковали тревожить покой монстра в эти моменты.

Ряды воинов выстроились вдоль дороги, ведущей к воротам замка. И так, замерев с копьями у плеча, они стояли с самого утра, ожидая прибытия Гиртрона. Несколько раз за утро уродливая фигура Даркфлесса показывалась в воротах, но во двор он вышел только сейчас. Внешне чудовище больше напоминало старинный паровоз о двух ногах, нежели человека. Высотой Даркфлесс был метров пять с половиной, а то и все шесть. Ступал он тяжело, издавая ужасающий округу грохот и лязгая металлом доспехов. Шлем, служивший этому странному королю-колдуну заодно и головой, расширялся к верху, и был сплошь покрыт шипами. Верхняя часть его заканчивалась несколькими рядами остро отточенных щербатых зубьев, антрацитового цвета, но со сверкающими сколами и остриями. Каждый фрагмент его доспех, от шлема до лат был покрыт росписью из странных знаков, всё это были заклятия и символы, удерживающие чудовищный дух колдуна в рукотворном теле и предохраняющие сие творение от разрушения.

Лязгая доспехами, Даркфлесс прошёлся по дороге, ведущей к воротам, волоча следом шлейф изрядно потрёпанного плаща и придирчиво изучая стройные ряды своих воинов. Потом он вернулся к дверям Фаур-Каста, взор его устремился ввысь. Среди облаков вспыхнул огонь цвета спелого лимона, его трещащие разряды растеклись по тучам, охватывая их снизу, воздух наполнился запахом гари, а земля под ногами Граса взялась тонким слоем инея. Сомнений быть не могло, только одно существо в мире могло сочетать в себе лёд и пламя...

— Скачут! — исступлённо прокричал дозорный на воротах.

Герддроны на башнях Фаур-Каста трижды протрубили в боевой рог, их победные голоса далеко разнеслись над Фаллен-Граундом. Следом звонко и раскатисто прогремел приветственный медный гонг цитадели, и гулко застучали боевые барабаны.

На пыльной каменной дороге показалась вереница конных. Наездники лихо вывернули из-за горы справа, и, звеня тяжёлыми доспехами, устремились к воротам. Впереди войска скакало двое воинов-великанов в тёмно-синих латах, покрытых тончайшей голубой росписью. За плечами их звенели по две пары серебряных крыл со стальным опереньем, в руках они держали развевающиеся на ветру знамёна. На каждом флаге, на чёрном фоне был нарисован белый круг, а внутри круга старинная книга и чёрная корона. То были символы древнего королевства Георальд, когда эта страна правила во всём Адальире. Книга символизировала главный труд, написанный рукой павшего божества Т'эрауса, "Тайную книгу созидания", что лежала в основе небезызвестного культа. Белый круг на чёрном фоне изображал луну и символизировал власть Гиртрона над сновидениями. А в виде аляповато нарисованной короны на знамени изображался тёмный антиадальир Даосторга, корона шести королей, олицетворявшая в древние времена государство гирльдов и символизировавшая верховную власть в обеих частях древнего Георальда.

Следом за знаменосцами проскакало шесть пар, закутанных в плащи и обвешанных сталью, герддронов Свиртенгралля. Их принадлежность было легко отличить по зеркально-серебряным шлемам и ярко-синим отворотам плащей. За герддронами скакал сам повелитель Гиртрон на исполинском коне в окружении воительниц Кйа-Ори, издревле известных на весь Адальир своими чарами. Облачённые в чёрные плащи, спутницы монстра кроме того были окутаны странным туманом, так что разглядеть их детально было невозможно. Плащ Гиртрона, спадающий почти до земли сверкал инеем, из его складок струился ледяной туман, бледными хвостами, остающийся в воздухе за спиной короля. Из забрала его антрацитового шлема то и дело вырывалось гудящее пламя, а клинок у пояса окутывал лимонно-жёлтый вихрь. Замыкали отряд также шесть пар герддронов и ещё двое знаменосцев в самом хвосте вереницы.

Воины, вдоль дороги, мгновенно вытянулись и приветственно ударили копьями оземь, подняв бурное облако пыли. Звон доспех прокатился по воинству, Даркфлесс устремил взор в сторону ворот, в которых уже показались очертания прибывших воинов. Гиртрон с сопровождающим его отрядом буквально влетел во двор замка. Воины Даркфлесса сразу же расступились, и конь Гиртрона, выйдя из окружения, галопом понёсся через пустошь перед дворцом в сторону замка Фаур-Каста, оставляя за собой клубящуюся пыль.

Грас Даркфлесс приложил руку к груди и в почтении склонился перед властителем Свиртенгралля. Гиртрон натянул поводья, и лошадь встала подле Даркфлесса. Все замерли в напряжённом ожидании. В стальных глазницах Гиртроновского шлема стояло ровное алое сияние, словно гудящая на ветру, завеса огня горела из глубины черепообразной маски

чудовища недобро и пугающе.

Ужасающий седок на исполинском коне величаво прошёлся вокруг Граса Даркфлесса, сопровождаемый взглядом того, и вновь встал спереди, напротив высоких дверей Фаур-Каста.

— Ваше Величие! — воскликнул Даркфлесс своим преисполненным почтения ржаво-металлическим басом.

— Мы будем говорить наедине! — голос Гиртрона прогремел как рокот вулкана. — В твои покои, Грас, живо! — скомандовал он.

Даркфлесс обернулся к дверям, которые уже раскрывались расторопными слугами. Он отшагнул в сторону, пропуская Гиртрона вперёд, и тот прямо на коне въехал в холл крепости. Двери медленно закрылись за их спинами. Во дворе всё стихло, лишь со стороны ристалища доносился свист стрел да звон мечей. Герддроны не решились даже пошелохнуться, так силён был в них страх перед Гиртроном, лишь Дартгроты, напоминающие больших ржавых птиц, с грохотом вяло расползлись по двору замка, разум их скудный лишён был чувства страха.

Наездницы из когорты Свиртенгралля, прибывшие с Гиртроном, стали игриво прогуливаться по двору вдоль выстроенных рядами воинов Даркфлесса, но здесь для них не было пищи, ведь на герддронов чары не действуют...

Гиртрон и Даркфлесс беседуют в чертоге

В тронном зале Гиртрон спрыгнул с коня, проломив при приземлении гранитный пол своими сапогами, и направился к длинному каменному столу верховного совета гильдии, во главе которого располагался трон. Тут же, откуда ни возмись, появился согнутый в поклоне почтительности слуга, который услужливо подхватил отпущенные Гиртроном поводья и поспешил увести коня-великана прочь из залы.

Гиртрон рывком отбросил плащ, оставив в воздухе облако ледяного тумана, и занял место на троне Фаллен-Граундского короля. Даркфлесс, сопровождая каждое движение металлическим скрежетом, проследовал за ним и примостился рядом, расположившись на одном из стульев из-за стола гильдии. Однако для него стул советника оказался явно мал, и ему пришлось неимоверно скрючиться, чтобы поместиться на нём. В конце концов, тот не выдержал веса великана и развалился, и Даркфлессу пришлось усесться прямо на кучу обломков.

Гиртрон замер и минут с пять сидел молча и неподвижно, казалось, что он просто уснул. Огонь в смотровых щелях его шлема поблёк и светился теперь еле-еле, едва отражаясь в гранитных сводах дворца. Грас сидел пред ним и следил за повелителем, ожидая, когда тот, наконец, изречёт хоть что-нибудь. И Гиртрон действительно заговорил, причём сразу же перейдя к отдаче указаний:

— Я хочу, чтобы ты послал своих герддронов к границам С'арруса, пусть они перекроют все дороги и тропы из Гленнвуда. Пусть дартгроты заблокируют реку на переправе. Прикажи им хватать каждого, кто отважится пересечь границу с Арвельдоном, теперь я уверен, что призрачный отряд Вавилона приходит именно из Зелёных Земель! — в смотровых щелях вновь запылало алое пламя.

Даркфлесс в знак повиновения покорно кивнул. Его огромная и бесформенная железная голова при этом нижним краем коснулась доспеха на груди, издав омерзительный скрежет. Гиртрон отвернулся чуть в сторону, словно задумался, и добавил, понизив голос, хотя с его

рѣвом это было весьма трудно, да и, честно говоря, плохо вышло:

— Мне нужен из них только один муж: у него длинные чёрные волосы, безбородый, чело его бледное, как ночная луна, будто его кожа никогда не видывала солнечного света. Он не отсюда, он плохо говорит, как на языке Гленнвуда, так и на наречиях Илверра и Арвельдона, зато отлично управляется с мечом. Кстати, Грас, меч его это не обычный клинок. На рукояти у него горит странный огонь, — Гиртрон начертил в воздухе нечто напоминающее крест и ткнул пальцем в его воображаемый центр. — Он светит им во мраке, словно факелом, только, свет, говорят, как у моего спутника, — взгляд Гиртрона скользнул по его пылающему клинку. — Он нужен мне живым, и если твои воины встретят его, пусть доставят в замок, а если не смогут поймать, то пусть проследят, где он скрывается! Ты опишешь им его детально, как я описал тебе, пусть запомнят навечно, только он один обладает таким оружием. — Гиртрон замолчал, запрокинул голову назад, и после добавил: — Если твои слуги наткнутся на Арбитра Стихий, пусть не обнаруживают себя, а под покровом ночи перебьют всех прочих, кто будет с ним!

Даркфлесс снова склонился, как бы подтверждая, что всё исполнит. Со стороны это выглядело даже странно: Даркфлесс сам владел всем вокруг, каждый в стенах замка и за его пределами знал его чудовищный нрав, гнев и властолюбие, он и сам был больше Гиртрона по росту и весу более чем втрое, но сидел сейчас как послушный слуга, молча соглашаясь со всеми приказаниями. Посвящённому ясно, что удивляться здесь нечему: Даркфлесс, сколь ни был бы он велик и могуч, он всего лишь колдун, пусть и достигший многого в своём ремесле, куда ж ему равняться с демоническим чудовищем, сподобившимся разрушить первооснову сущности созидательного божества Т'эрауса!

— И ещё, Грас, — Гиртрон приблизил своё, с позволения сказать, лицо к большому железному уху Даркфлесса практически вплотную, словно собирался поведать тому древний секрет, — мне доставили написанный тобой свиток, в нём ты писал, что сфера Громобоя теряет стабильность. Что это значит?!

Даркфлесс задумчиво сложил свои огромные клешни на уровне груди.

— Четыре дюжины лучших магистров гильдии Фаур-Каста исследовали сферу с прошлой весны. В итоге они сообщили мне, что во внешней границе возникла брешь, она пока небольшая, глазам её видеть не дано, но она пролегает в области заключённой силы... — металлический голос Даркфлесса звучал, словно поющая в кузне наковальня.

— Ты хочешь сказать, что рушатся чары, воздвигнутые над оком?! — пламя в очах Гиртрона разгорелось пуще прежнего.

— Я не знаю, ваш слуга, тёмной магии властитель, давно не посещал Фаллен-Граунда, без его наблюдений над сферой, мои слуги теряются в догадках!

— У него сейчас другие важные дела. Смотри, чтобы к оку не допускали никого, чья кровь красна, а сердце бьётся. Чтобы сфера не касалась ни земли, ни камня, ни дерева, ни воды, лишь рукотворных пьедесталов, ибо Он использует любую лазейку, дабы высвободить дух свой из заточения!

— Не лучше ли вам, повелитель Гиртрон, забрать его с собой? — предложил Даркфлесс.

Гиртрон на это лишь гневно выбросил через решётку забрала облако чёрного дыма.

— Я не могу забрать его! Ты что, не понимаешь?! Я давно бы увёз око в Свиртенгралль и похоронил бы его за всеми известными пределами! — из складок плаща Гиртрона стал

струиться недобрый ледяной туман. — Но мне придётся везти сферу через многие земли, а на пути нашем стоит Гвирендорф, великие чащи Арвельдонского леса по левую руку, и западные леса Гленнвуда по правую! Надо будет протащить треклятый шар через пустошь С'арруса, переправить через Кристеллию, а ты сам знаешь, какую силу таит в себе река Богов, и я уже не говорю о Зирвельдоне, где деревьев больше, чем семян в подсолнухе! Если дух Его соприкоснётся с природой Кэльвиара, Он высвободится, нам не надобно этого!

— Да, мой повелитель, — Даркфлесс вновь склонил голову, — но, если око надломится здесь, то мы можем не сдержать Его!

— Око сохранит целостность! — проревел Гиртрон с таким остервенением, что сам Даркфлесс отшатнулся назад, когда забрало его шлема обдало огненным вихрем. — Пусть око неотлучно находится в тронном зале при тебе, следи, чтобы солнечного света сфера не видела! И ещё, я привёз тебе подарок от Стронцвета, как я уже сказал, он занят важным делом, но всё же выкроил время для тебя и кое-что создал, пред тем, как отбыть в Георальд. Он просил передать тебе это, — Гиртрон поднял правую руку и протянул Даркфлессу небольшой обруч. — Пусть твои adeпты заключат око в него, это задержит разрушение, Стронцвет лично ковал его на заре.

— Простой обруч? — с этими словами, Даркфлесс протянул огромную ладонь и принял предмет. Коснувшись ладони Даркфлесса, стальные когти Гиртрона отвратительно лязгнули. Как оказалось, обруч, который был больше ладони Гиртрона, Грасу не налез бы и на мизинец.

— Нет, — Гиртрон вынул из складок плаща и продемонстрировал Даркфлессу железный листок с какой-то чеканкой. — Здесь нужные слова, их необходимо выжечь слева направо на обруче после того, как в него будет заключено треклятое око.

— Теперь сфера будет обуздана?

— На время, а после я заберу око, как и сказал. Скоро в близлежащих Свиртенграллю пределах произойдут судьбоносные события, всё изменится. Мои войска скоро выступят в Южный Георальд, и я преподам своим Ормундским вассалам урок покорности! После этого дорога к Свиртенграллю будет расчищена, и мы сможем, наконец, избавиться от надоедливого шара. Мне нужна ударная армия, поэтому я заберу войска из Шадоурока, и мне понадобятся твои дартгроты и огнеголовые для удержания контроля над скалистой крепостью.

— Я отправлю туда семь легионов со стоянок из Гвирендорфа и половину тех, что есть в Фаур-Касте, это ещё три легиона, но как они выживут и сохранят энергию в ледяном климате Кйа-Ори?

— Недра Шадоурока готовятся извергнуть огонь, я дал своим рабам приказ углубить катакомбы под скалой, чтобы усилить поднимающийся жар. Энергии огня теперь хватит всем твоим воинам. Прикажи им валить лес в Гвирендорфе и брать хворост с собой, чтобы сохранить энергию в переходе до Шадоурока, этого будет достаточно. Видишь, Грас, сейчас даже вулкан на нашей стороне, его энергия очень кстати!

Гиртрон замер, ледяной туман, стекающий из складок его плаща, достиг пола и стал растекаться вокруг древнего демона снов голубоватым кольцом, а пламя за забралом поблекло, сменившись чёрным дымом.

— И вот что ещё, Грас, — Гиртрон насколько смог понизил голос, то, что он собирался сказать, не следовало слышать даже самым приближённым. — Мой колдун, чёрной магии властитель, чьё мастерство ты столь высоко ценишь, увидел своим тайным зрением нечто

очень важное, нечто, касающееся лично тебя...

— Что же?! — Даркфлесс принял ожидающую позу.

— Стронцвет просил передать, что тебе угрожает опасность.

— И от кого она исходит, о повелитель?! — искренне изумился Грас.

— Он видел, хоть и не очень отчётливо какую-то маленькую женщину, которая была здесь, в Фаур-Касте, она опасна для тебя!

Грас не смог сдержаться и громко расхохотался, его смех, зазвучавший подобно лязганью ржавых мечей, вмиг облетел весь чертог, заставив стражников переглянуться. За годы, проведённые в облике метущегося духа в рукотворном теле, он совсем разучился смеяться. Угрожающе рокочущее эхо донеслось даже до самых дальних покоев замка. В лунном тронном зале, где чудовище хранило ту самую сферу, полы задрожали как при извержении вулкана, стол качнулся и сфера, что возлежала на пьедестале, также содрогнулась. Вслед за этим внутри каменного шара, сомкнутого железными обручами, вспыхнул и начал вращаться странный вихрь, напоминающий млечный путь. Сфера словно ожила, она тоже слышала хохот монстра.

— Что тебя здесь насмешило?! — разгневался Гиртрон.

— Да простит меня великий властитель Свиртенгралля, но я не думаю, что какая-нибудь женщина может угрожать мне! — в ответ проревел железный великан.

Гиртрон бросил на Даркфлесса свой пылающий взор.

— Я тоже нахожу всё это очень и очень странным, но Стронцвет ещё никогда не ошибался, так что избегай иметь дело с людьми! Тебе ясно?!

Грас покивал.

— Не забывай про Артемиду, может быть, колдун имел в виду именно её, — Гиртрон несколько раз сжал и разжал пальцы, очевидно, разминая железные суставы доспеха.

— Я распорядюсь уничтожить всех людей, которых заметят мои войны в пределах Фаур-Каста! — заверил Грас. — Можете быть спокойны, повелитель!

Гиртрон поднялся с трона и на мгновение замер, пристально смотря на Даркфлесса.

— Я всегда спокоен, поэтому не подведи меня! — угрожающе произнёс Свиртенгралльский король. — Снаряжай герддронов и дартгровов в дозор и следи за оком, сейчас наступает такой момент, когда любая маломальская ошибка недопустима, мы не должны дать им ни малейшего шанса, ибо силы наши ныне столь велики, что не сравнятся ни с чем, что было ранее! Тем более грядёт солнцепомрачение и мне хотелось бы, чтобы пророчества Филлерста осуществились до конца...

— Но Филлерст сказал, что демоноборец победит Свиртенгралльского короля... Вы хотите, чтобы он одолел вас?! — изумился Даркфлесс.

— Я хочу, чтобы свершилось пророчество Филлерста, ты меня понимаешь? — Гиртрон как бы на что-то намекал.

Даркфлесс кивнул, теперь он понял, о чём говорит Гиртрон.

— Я всё исполню, повелитель, вы можете полностью положиться на меня!

— Приложи все свои силы, Грас! Жду твои легионы не позже, чем через полнолуние, и оставь один легион здесь, они могут пригодиться, мне почему-то так думается, — с этими словами Гиртрон развернулся и пошёл прочь к дверям тронного зала, слуги поспешно раскрыли перед ним створы и учтиво склонились. Гиртрон вышел на затянутый чёрным дымом вулкана двор Фаур-Каста, и двери вновь сомкнулись.

Даркфлесс остался сидеть в полумраке при окне, провожая взглядом удаляющиеся

фигуры Свиртенгралльского короля и его вассалов.

Грас Даркфлесс рассылает патрули

По отбытии Гиртрона Грас Даркфлесс немедленно приказал позвать к себе своих фаворитов, смертоносного Визиронта и огнеподобного Шэугкана.

То были настоящие монстры. Говорят, что Шэугкан некогда был человеком, но после соприкосновения с энергиями Гиртрона так же обратился демоном. Теперь он всегда носил наглухо застёгнутые доспехи, надёжно скрывающие его тело от солнечных лучей, ныне якобы губительных для него, и длинный шлем из драконьего черепа, забрало которого доходило Шэугкану аж до груди. За этот доспех вавилонцы иногда называли чудовище просто крокодилом.

Также имелась и другая легенда о происхождении Шэугкана. В ней рассказывалось, что Шэугкан приснился Гиртрону, а так как Даосторг в своём третьем воплощении научился создавать воинов даже из теней, то Шэугкан материализовался. Вообще, первые упоминания Шэугкана относятся к самому началу Новой Эпохи, примерно триста лет назад, когда король Гиртрон ещё только начинал своё восхождение. В летописях Клианор описан воин, который совершал набеги на степные поселения С'аррусовой пустоши, разорял селения крильнов в Эрнонде на южных склонах Свиреальского хребта и промышлял разбоями на лесных тропах Зирвельдона, жители которого впервые и окрестили его "кровожадным крокодилом о двух ногах". Просто в северных топях близ Тарнтгора водилось очень много этих животных, и Шэугкан сильно походил на них своим прикидом. Где-то сотню с половиной лет назад его заметил правитель Фаур-Каста Грас Даркфлесс. С одобрения Гиртрона он взял чудовище к себе на службу, да и произвёл его в полководцы. Таким образом, какая бы из легенд о происхождении Шэугкана не оказалась более правдивой, в любом случае, Гиртрон имел непосредственное отношение к этому демону. Также было известна тяга Шэугкана ко всевозможным красотам. Попав в Фаур-Каст, он первым делом стал одеваться в дорогие ткани, украшать свои доспехи драгоценностями и вообще проявлять живой интерес к роскоши, отчего и пошли слухи о том, что раньше Шэугкан был человеком, мало того, знатным дворянином из Зирвельдона, или даже служителем Зирвельдонского хэза. Со временем он стал в определённом смысле даже законодателем мод Фаллен-Граундского королевства. Знать и гильдийцы Фаур-Каста, а также прочие приспешники Даркфлесса из сопредельных земель то и дело косились на его пышные наряды и старались подражать Шэугкану в манере одеваться и использовать те же вещи, что и он. Так в Фаур-Касте впервые в моду вошёл расшитый изящными узорами кэвердэнский шёлк.

Кем был Визиронт, вообще никто не знал. Это было странное существо, а вернее будет сказать, сооружение, высотой в три метра, закутанное в серый плащ, расшитый витиеватыми узорами. Как он передвигался, из-за плаща видно не было, лишь иногда в боях Визиронт демонстрировал из-под накидки свою железную руку с палицей, когда, позабыв о магии, вступал в сражение силой рукотворного оружия. Головой чудовищу служил кованый шлем в виде расширяющегося к низу куба, на углах которого располагались длинные остро отточенные шипы. Спереди на шлеме был приделан череп какого-то существа, напоминающий театральную маску. У Визиронта была целая коллекция этих черепов-масок, которые он менял в зависимости от предстоящего дела, вернее меняли ему их вассалы. У чудовища не было лица, которое могло бы что-то выражать, и разнообразные маски заменяли ему мимику. Первые упоминания о Визиронте появились относительно недавно, в

самом начале событий, приведших к Войне Разочарования. Многие знающие люди и по сей день полагают, что этот монстр явился воплощением всей той ненависти, которую излили на праведную землю Арвельдона поддавшиеся на уловки слуг Т'эрауса волшебники и стихийные маги Гаур-Хэс.

Также находились и те, кто утверждал, будто основу его существа составляют призванные Гиртроном ледяные ветра Свиртенгралля, и что сам он лишь один из ураганов этого дикого, морозного края.

— Призови моих главных полководцев, — сказал Даркфлесс слуге, — пусть оставят свои свиты за дверьми!

Вскоре своды тронного зала Фаллен-Граундского короля огласились гулким эхом стальной поступи его самых верных приближённых. Двери медленно раскрылись. Даркфлесс обернулся и изверг из-под краёв шлема облако дыма, в клубах которого недобро проблеснули оранжевые языки пламени. Разгорающийся в чреве монстра огонь говорил о том, что Грас пребывает в волнении.

При входе стояли Шэугкан в длинном сером плаще и Визиронт. Латы Даркфлесса заскрежетали, он протянул вперёд угрожающую клешню и жестом приказал фаворитам приблизиться. Шэугкан двинулся первым, каждым шагом оглушая залу, Визиронт же, чей плащ спадал до самого пола, словно летел над ним, беззвучно и ровно.

Оказавшись пред троном Даркфлесса, они остановились, Шэугкан учтиво склонил голову:

— Приказывайте! — проревел Шэугкан.

Даркфлесс поднялся с трона и распрямился в полный рост, оказавшись вдвое выше своих вассалов:

— Выдвигайтесь немедленно, перекройте выход из Гленнвуда, пошлите герддронов в Гвирендорф, а дартгровов на речную переправу, сами же отправляйтесь на ту сторону реки в Арвельдон, на случай если кому-то удастся преодолеть все прочие кордоны! Хватайте всех, кто о двух ногах, особенно обладателей хрустальных медальонов и зелёных плащей!

— Будет исполнено! — проревел Шэугкан.

Визиронт отклонился назад и издал пронзительный крик, похожий на крик выпи. Даркфлесс повернулся к Шэугкану, ожидая, что тот пояснит сказанное.

— И кого же мы ищем? — перевёл вопрос Шэугкан.

— Главная ваша цель — воин с длинными чёрными волосами, бледным лицом и странным мечом, на рукояти которого горит круглый огонь жёлтого цвета! — ответило чудовище на троне. — Также передайте гонцам во все концы королевства, пусть все дартгроты и герддроны уходят из Гвирендорфа и направляются в Шадоурок, пусть рубят лес и запасаются дровами для перехода. Через три недели в Шадоурок должны быть переправлены девять легионов воинов, они станут стеречь Шадоурок!

— Будет исполнено! — вновь подтвердил Шэугкан своим ржавым рёвом.

— Выполняйте! — скомандовал Даркфлесс.

Фавориты молча развернулись и удалились из залы. Уже через час из ворот Фаур-Каста на северо-запад неслись сотни конных воинов, под предводительством Шэугкана, сопровождаемые пехотинцами во главе с Визиронтом и прочими воинами. Армада эта казалась огромной, но если бы вы когда-нибудь видели Гвирендорф, то поняли бы, что и такая армия могла бы легко затеряться в его необъятнейших лесах...

[1] Осуждают, потому что не понимают (Лат.).

Силий и Фея Электричества

Волны кругами расходились по мутной поверхности грязной воды, которой был затоплен коллектор. Из разбитой лампочки время от времени ещё срывались гаснущие налету оранжевые искры и чешуйки вольфрама. В центре помещения, свисающий с края клавиатуры, всё ещё светился кристалл горного хрусталя, дефендер первого уровня, использованный Силием для перемещения.

Сам Силий сидел на полу, откинувшись спиной на стену коллектора. Рядом валялся поверженный Герддрон, а в центре комнаты стоял второй Силий, полупрозрачный, окружённый слабым ореолом электрического сияния. Это выглядело так необычно, но действительно Силиев здесь было двое...

Первый Силий словно спал. Второй Силий выглядел умиротворённо и благодушно, на его спокойном лице держалась философски-самозабвенная улыбка. Силий номер два прошёлся по коллектору, остановился в дальнем его углу и, обернувшись, смерил себя первого задумчивым взглядом. На мгновение его лицо стало серьёзным и тут же вновь приняло обычное благодушное выражение. Он привычно взялся за бородёнку и вновь расправил её, протянув сквозь пальцы. Без ниточки, оставленной им Алёне, непослушные волоски отбились от рук...

Раздался треск, как тот, с которым в небесах проскакивают молнии, когда гроза кружит в самом зените. Радужные блики озарили помещение коллектора, смрад развеяло, и вокруг начал разливаться аромат озона. Потолок прочертили светящиеся голубые линии. Силий резко обернулся. Молния сошла с потолка и превратилась в сияющий шар, размером не больше мячика для пинг-понга, который застыл на уровне его груди. Силий сделал несколько быстрых шагов, приблизившись к молнии, и радушно подставил ей свою щедрую ладонь. Лицо Силия озарило золотым светом, и оно просияло как утреннее солнце. Он широко улыбнулся, словно встретил старого друга, которого давно не видел и по которому очень сильно соскучился. Перед Силием над его ладонью из электрических дуг медленно, но уверенно, ткалась крохотная фигурка. Вскоре она оформилась и превратилась в женообразное существо ростом сантиметров четырнадцать, с большими крыльями за плечами. Похожая на куклу, гостя подняла головку и только теперь раскрыла свои невероятно большие сияющие глаза.

Силий затаил дыхание. В глазах крылатки кружили разряды электрического ультрамарина. Крохотная девичья фигурка сияла как электрическая дуга, а крылья, казалось, были сотканы из самого яркого солнечного света, который только бывает на рассвете в Армильд-Клианор.

Она медленно опустилась на ладонь Силия, сияние её крыльев, с которых водопадами осыпались голубые искры, слилось со светом, исходящим от него самого, словно они стали единым целым.

— Фея электричества! Ты что здесь делаешь, как ты прошла? — наконец изумлённо выдохнул Силий. — А как там твоя сестрица поживает?

На мгновение все стены и потолок покрыло мелкой сеткой ветвящихся голубых молний, они словно бы проступили через стены и тут же, тем же путём, вернулись обратно в основу материи.

Силий нахмурился, словно понял, что означало сие электрическое явление, его лицо

вдруг стало непривычно озабоченным:

— Всё так серьёзно? — спросил он. — Но как он узнал, что у меня нет связи, чтобы рискнуть послать мне на помощь тебя?

Крылатка взглянула на Силия, сидящего на полу, и вновь обернулась к Силию стоящему перед ней:

— Гиртрон был в Фаур-Касте... — произнесла фея ясным, прозрачным голосом.

— Что?! — ошеломлённо переспросил Силий.

— Они... — крылатка не успела договорить, потому что Силий перебил её, прочитав мысли.

— Они знают об Избранной?!

— Я ничего не знаю наверняка, но Гиртрон лично отдал приказ перекрыть все подходы к земле Арвельдона. Патрули Граса Даркфлесса должны стеречь всю Пустошь, блокировать выход из Гленнвуда...

— А переправа?

— Реку Кэльвиара уже стерегут фавориты Граса — Шэугкан и Визиронт... Они знают об отряде, они попробуют перехватить людей Брелова, и поэтому нужно, чтобы вы, Арбитр Стихий, проконтролировали их путь, — крылатка на мгновение растаяла в воздухе, обратившись ультрамариновой искрой, и тотчас вновь обрела плоть.

— Но я сейчас не могу этого сделать! — Силий невольно усмехнулся, ему было как-то непривычно говорить, что он чего-то не может в этом настолько знакомом ему мире. — Нам нужна помощь! — констатировал он.

Крылатка-фея бросила в его сторону испуганный взгляд:

— Но, Арбитр, кто же ещё может справиться с этим делом лучше вас?! — искренне изумилась она.

Силий многозначительно улыбнулся и привычным движением расправил свою полупрозрачную "козлиную" бородёнку.

— Есть один человек, дорогая, который может! Он был равным мне много лет, надеюсь, он ещё не в Электрическом Риме, нужно встретиться с Плотником, он-то знает, как его найти!

Герддрон атакует Плотника

В комнате было темно, светился лишь монитор постоянно работающего компьютера, весь дом давно уже спал, и лишь Он в этот час начинал свой день. Полуночника звали Плотником, от его фамилии Плотников. Однажды Плотник, как и Алёна, встретил странного человека по имени Силий, правда, теперь он уже почти забыл тот день. Силий пришёл к нему одному из первых. Плотник был очень известной фигурой в среде вавилонцев, вернее стал таковым после встречи с Силием. Вавилонцами называли участников ролевой игры "Вавилон-Адальир", на их компьютерах была установлена программа, чудесным образом позволяющая посылать и получать сообщения участникам сообщества даже в отсутствии подключения к какой-либо сети. Одни считали это волшебством, а другие были уверены, что вся хитрость в беспроводной спутниковой связи. Плотник, а в миру Борис Андреевич Плотников, участвовал во многих походах Силия и неоднократно бывал в Адальире. Поскольку он был опытным воином, ему повезло обладать одним из особых компьютеров марки "XRsys-X-777", который, говорят, был создан тем самым программистом, возродившим Портал Вавилона, это была великая честь и для такого, как он насущная

необходимость. Машина эта была маломощной и медленной, на ней шли хорошо лишь программы сообщества вавилонцев, и плохо все остальные.

Сейчас Плотник занимался тем же, чем и практически всё свободное время: он сидел в Интернете, преумножая и без того бесконечно огромную информацию, полученную им из экрана. Возможно, это новый способ коллекционирования, сбор всего, что есть в сети, и это, поистине, вечное занятие, ибо объёмы терабайтные велики!

Часы на стене пробили полночь. Плотник стал замечать, что курсор мышки запаздывает, словно оперативная память компьютера была перегружена. Конечно же, он сразу понял, в чём дело. Это подтормаживание курсора было ему здорово знакомо, так происходило всякий раз, когда на его компьютер пыталось загрузиться сообщение из Вавилона. И вот экран озарило золотое сияние, вновь возникло окно, расписанное странными иероглифами, и поползла заполняться золотистая шкала с надписью "Вавилон — загрузка". Но загрузка прошла очень быстро, чего ранее не бывало, и, вместо привычно большого сообщения перед Плотником горело лишь три слова: "враг перед тобой!".

Плотник скользнул взглядом по экрану вверх, и, оторвав глаза от монитора, увидел, что прямо перед столом возвышается угрожающая фигура меченосца в отблёскивающей железной маске и чёрном как уголь плаще с ярко-синими отворотами воротника.

— Что вы здесь забыли, любезный? — на редкость спокойно для такой ситуации спросил Плотник и каким-то комичным движением приподнял одну бровь, словно удивился. Хотя, конечно, сразу сообразил, кто именно стоял перед ним, ведь он бы ни с чем не спутал этот синий ворот!

Воин с мечом надрывно и злобно захрипел что-то нечленораздельное, Плотник всем телом ощущал ту ненависть, которая исходила от этого существа. И хоть лица за маской видно не было, достаточно было лишь взглянуть в эти чёрные смотровые щели, чтобы понять: воин не знает ни жалости, ни сострадания.

— Зачем так переживать? — изо всех сил доброжелательно протянул Плотников, разводя руками. Справа от него возле стены стоял шкаф, а на его торце, обращённом к окну, висел длинный меч. Герддрон Свиртенгралля, стоявший напротив, не мог видеть торца шкафа, из-за чего, по-видимому, и не придал значения движению Плотника, тянувшегося за оружием.

Когда Плотников развёл руки так далеко, что правая его ладонь дотянулась до рукояти оружия, воин в зеркальной маске взмахнул мечом и молниеносно обрушил его на Плотника. Как раз в это мгновение Плотник сорвал свой меч с крепления на шкафу и успел развернуть его лезвие параллельно полу, отразив таки образом первый удар противника. Завязался бой. Плотник был невероятно ловким и сильным человеком и представлял большую угрозу, как противник. Он отражал все удары, наносимые, кстати, весьма, мастерски, безупречно защищая себя, вот, только, своё барахло, разбросанное по всей комнате защитить ему было гораздо сложнее. Всякий раз, когда он уходил от очередного удара, меч герддрона крушил то шкаф, то обращал в осколки монитор компьютера, то вспарывал старый матрац на столетнем диване. Уже через пять минут вся комната превратилась в подобие свалки. Единственное, что он успел спасти — это свой бумажник, подхватив его с края стола и сунув за пазуху. Лампа была разбита, и лишь искрящийся монитор слабо освещал комнату, синим светом искр, рассыпающихся фонтаном из лучевой трубки. Искры мерцали всё слабее, и Плотник уже отбивался на ощупь, и ориентируясь на звук. Вдруг в комнату скользнул луч электрического света, который шёл из коридора, и в приоткрытой двери возникла заспанно-

мятая и как всегда пьяная физиономия соседа по квартире:

— Слышь, Боря, — протянул он так вяло, словно сражение на мечах было для него чем-то обыденным и уже весьма надоевшим, — полночь! Дай спать, блин, тебе не надоело ещё маяться своей дурью?! Ну, хоть домой не тащил бы...

— Слышь, алкаш, сделай хоть раз что-то полезное, позвони в полицию! — пыхтя, прокричал Плотник срывающимся от напряжения голосом.

Сосед лишь вяло махнул рукой и поплотнее закрыл дверь.

— Совсем с ума сошли, вот что телевизор с людьми делает! — задумчиво пробормотал он сам себе, остановившись под дверью.

Но не успел он договорить, как косяки затрещали, и дверь слетела с петель. Выбитая дерущимися, она упала вперёд и накрыла пьянчугу. Тот лишь крикнул что-то непонятное, когда Плотник, сцепившись с герддрон в пылу схватки, выкатился в коридор по упавшей двери, как по трамплину.

Завершив падение, Плотник резким движением сбросил с себя неприятеля, и, вскочив на ноги, попятился. Поднявшийся следом, герддрон ринулся вперёд, тесня Плотника к соседней квартире. Неизвестно чем бы всё закончилось, если бы это чудовище ворвалось в другие комнаты, но Плотников в какой-то момент ухитрился подсечь противника, и, используя его же собственную инерцию, выбросить проклятого герддрона в окно. Он и сам не понял, как сумел повернуть этот пируэт, ведь герддрон, казалось, весил не меньше тонны. Однако нападающий тоже был не лыком шит, и, теряя равновесие, успел ухватить Плотника за руку когтями. Сцепившись, они оба вылетели в окно третьего этажа и полетели вдоль кирпичного фасада общежития. Приземлились летуны в помойный бак на кучу зловонного, но всё же более мягкого, чем асфальт, мусора. Герддрон рухнул на край контейнера и лежал без движения, Плотнику повезло больше. Очухавшись, он подполз к поверженному противнику и, на всякий случай, занеся над ним меч, чтобы если что сразу нанести удар, сорвал с воина шлем. Из-под сорванной маски герддрона повалил густой серый дым, а когда он рассеялся, то Плотников с удивлением обнаружил, что шлем внутри пуст как яичная скорлупа. Откуда-то издалека пропела флейта, Плотник в изумлении огляделся, но не смог увидеть источника звука. Плащ и доспехи герддрона продолжали дымиться, но дальше изучать противника Плотник отчего-то не захотел, и поспешил убраться подобру-поздорову. Как пантера легко, он выпрыгнул из мусорного контейнера и, зажав клинок подмышкой, прямо в домашних тапочках побежал прочь по грязной улице...

Через несколько кварталов Плотник остановился возле старого дома, стуча от холода зубами, отсчитал семь шагов от угла и, отыскав в основании строения тщательно спрятанный тайник. В открывшемся углублении лежала какая-то допотопная одежда и светло-зелёный плащ с капюшоном. Быстро переодевшись, Плотник было двинулся дальше, но вдруг замер и осторожно обернулся: из-за стоящего у него за спиной дома в небо поднимался столб ясной радуги, который медленно смещался в сторону, словно сносимый ветром. Плотник аж обомлел от этого зрелища, семь чудесных цветов на фоне антрацита ночного неба в обрамлении падающего снега действительно выглядели чарующе. А радуга меж тем продолжала приближаться и шириться, петляя среди ветхих строений своим иллюзорным основанием. Радужный водопад показался из-за угла соседнего дома, и его блики озарили лицо Плотника, которое тут же засияло радостью, и он широко улыбнулся. Вновь где-то в отдалении выдала лёгкую трель божественная флейта. Сомнений быть не

могло, это был Силий.

Сопровождаемый этим странным сияющим столбом, сходящим прямо с тёмных небес, из-за дома показался Арбитр Стихий. Он шёл в окружении радуги, играя на флейте, легко и стремительно, как резвый Гленнвудский дождик, и направлялся прямо к Плотнику.

Силий встречает Плотника

— Силий! Боже, как я тебе рад, ты и представить себе не можешь! — Плотник буквально подлетел к Арбитру Стихий. — Но, что это? Ты как-то странно смотришься...

Силий мягко улыбнулся.

— Один из Свиртенгралльских герддронов постарался, теперь я как никогда близок к трансцендентариуму, мне не стоило оставлять дефендер, но иначе я не мог сотворить перемещение. — Силий развёл руками. — Однако сила моя теперь стала больше, в Мире же Земли я стал менее действенным, это невероятно, но именно так.

Плотник озабоченно поглядел на Силия, казалось, собираясь с мыслями.

Силий неодобрительно покачал головой.

— Я же говорил тебе сотню раз, что всегда нужно соблюдать баланс чувств в сторону добра и радости, а ты скривился! — Силий усмехнулся, и Плотнику сразу же как-то полегчало, он приблизился почти вплотную и пристально оглядел Силия.

— Но ты его... Это... Да?

Силий утвердительно кивнул.

— Я поверг его, но он успел пожрать дух водителя грузовика, моих энергий не хватило, чтобы изгнать его. Я нашёл Избранную, я переправил её в Адальир, и, раз Гиртрон послал сюда своего вассала, значит, мы не ошиблись в Ней. Я только не могу постичь, как он прознал об этом? Я почувствовал энергию приближающегося герддрона, когда забирал Избранную, но Гиртрон не мог видеть мои планы, ибо он не владеет возможностью проникновения в энергосферу Земли, это произошло впервые, ранее воины Свиртенгралля не бывали здесь. Здесь должно быть что-то ещё!

— Думаешь, кто-то сообщил ему отсюда?

— Трудно сказать, Мысли мои на распутье...

— Я видел такого же, он возник как ниоткуда, потом мы боролись, и я выбросил его в окно, но он ухитрился схватить меня за одежду. Спасибо помойному баку, если бы он не попался на моём пути, посадка не была бы для меня столь мягкой!

Силий многозначительно покивал головой.

— Хорошо, что тебе не встретился дартгрот из когорты Визиронта! Когда я был моложе лет на сто, то пытался выбросить такого из окна древней цитадели Кхиарон в Южном Георальде... Он выволок меня на своих крыльях выше самых высоких башен в чистое небо, и только молнии удар смог разрушить его неблагочестивые планы.

— Ты, как и всегда прав! Думаю, это ошибки модулятора, портал стал пропускать их. Моего могло затянуть, если я допустил какую-то оплошность при движении в эфире.

— Я так не думаю, Плотник. Чтобы переправляться через портал, нужно тратить большую позитивную энергию, герддроны ею не обладают, если только к дверям миров не стали подходить ключи негативизма.

— Хочешь сказать, что силы Т'эрауса смогли-таки отыскать путь на Землю?!

— Трудно что-то заключать сейчас. Я видел герддрона, я сразил его, но откуда он прибыл, и каким образом проник в наш Мир, познать мне не удалось. По крайней мере, мы

точно знаем о переправке двоих воинов Гиртрона на Землю, что исключает случайность. Есть два пути, либо произошли серьёзные сдвиги энергий, либо кто-то, обладающий умением навигатора, помогает силам Свиртенгралля, что само по себе выглядит весьма странным...

— Я так понимаю, что нам следует торопиться, да?

Силий поднял руку, жестом призывая собеседника успокоиться:

— Да, но торопиться, никогда не следует. Я хочу рассказать тебе одну историю, пока мы не перешли к нашему делу. Так вот, друг мой, это история о двух братьях. Жили братья в большом круглом городе на одной его стороне, а работали в кузнице, что стояла на другой стороне в точке, точно противоположащей их дому... — Силий почесал подбородок и поправил, сползшие на нос, очки. — Ведь, правда, я ещё не рассказывал тебе историй, находясь вне нашего любимого материального мира?

Плотник кивнул.

— Но я думаю, ты найдёшь решение этого затруднения, — он развёл руками. — Прости, что я не очень об этом переживаю, но я просто не совсем могу поверить, что какой-то герддрон мог нанести тебе серьёзный урон!

— Трудно сказать, зачем нам дано это, но, во всяком случае, я теперь не могу управлять макромиром предметности, нам придётся искать решение этого, но давай я пока дорасскажу историю о братьях. Так вот, жили братья на одной стороне, а ходили на работу, на противоположную сторону. Первый брат ходил в кузницу по прямой, утром он шёл вперёд, а вечером, возвращаясь назад той же дорогой, проживал свою жизнь обратно, и не тратил ни минуты, поэтому жил он вечно...

— А другой? — Плотника явно заинтересовал рассказ Силия.

— А второй... — Силий многозначительно улыбнулся, и лицо его стало вдохновенным, словно он собирался поведать Плотнику какую-то очень важную тайну мироздания. — Второй брат ходил в кузню вокруг города кругом, выходил он с утра влево, а возвращался вечером справа, и шёл, хитрец, всегда только вперёд, так, что смерть не могла догнать его, поэтому он тоже жил вечно...

Плотник застыл, подобно статуе, осмысляя сказанное и пытаясь сообразить, где же здесь всё-таки кроется хитрость.

— И в чём мораль? — наконец, не поняв ничегошеньки, спросил он, улыбаясь немного смущённо от своей непрозорливости.

— Мораль в том, друг Плотник, что у каждого из нас всегда есть как минимум два способа, чтобы жить вечно, эту мудрость я узнал в Армильд-Клианор во время седьмого посещения святыни...

— Умно, — согласился Плотник, нарочито сделав ударение на последний слог слова, чтобы предать речи народный оттенок.

— Помнишь Крафтсмана?

— Того, который написал книгу по квантовой механике?

— Нет, — Силий поправил очки и привычным движением расправил бородёнку. — Того, который в Вавилоне.

— Я помню, — Плотник замялся, — но лично мы не знакомы, просто однажды мне довелось участвовать в проводимом им рейде...

— Мы должны найти его! — безапелляционным тоном отрезал Силий. — Попробуй

настроиться на него, а я уже вычислю его местонахождение.

Плотник задумался.

— Но, как я могу это сделать?

— Ты хранишь его энергетику в памяти, я использую её, и узнаю, где сейчас Крафтсман, — Силий пристально посмотрел Плотнику в глаза, проникая в энергию его подсознания. — Где-то, где-то в центре, я, кажется, начинаю его видеть!

— Что теперь? — Плотник нервно почесал в затылке.

— Туда! — Силий метнулся и сломя голову бросился бегом вдоль по улице, Плотник поспешил следом.

— Что, ты его нашёл? — прокричал он на бегу.

— Странно, но — не знаю! — Силий всё прибавлял скорость. — Максимальная энергия, схожая с той, что хранится в твоей памяти, исходит с той стороны, куда мы бежим, просто в новом для меня качестве, довольно трудно использовать старые навыки!

Плотник понимающе кивнул.

Вдруг Силий остановился.

— Это не он, не Крафтсман! — сказал он и огляделся. — Здесь ещё что-то очень мощное, слышишь?!

— Нет, — Плотник отрицательно помотал головой.

Небо стало затягивать густым дымным туманом, ветер качнул провисающие провода и принёс на улицу лёгкий морозец.

— А я слышу... Совсем как в преддверии Свиртенгралля... Туда! — Силий бросился в соседний переулок, выводящий к железнодорожному депо, Плотник последовал за ним.

— Какая-то другая энергия перекрывает всю прочую, это очень мощный импульс, и он исходит оттуда! — Силий неопределённо указал рукой вперёд.

— Что это может быть, как ты думаешь? — занервничал Плотник.

— Пока не знаю...

Он вновь понёсся вперёд, резво и ловко, словно был не человеком, а электрическим зарядом.

Силий и Плотник находят Первого Гердрона

— Скорее, скорее! — приговаривал Силий, семимильными шагами преодолевая тёмный мегаполис, в это время казалось, что его невесомое тело просто-таки летит над грязным асфальтом улиц.

— Что ты задумал, Арбитр? — Плотник уже немного запыхался и начинал сбиваться с ног.

Эта часть города лежала немного на возвышенности, и отсюда как на ладони отлично можно было обозреть весь противолежащий его край.

Рядом с дорогой пошли ряды складов, уличное освещение в этом районе практически отсутствовало, а те скудные лампочки, что болтались над редкими дверями, освещали лишь сами себя.

Неожиданно для Плотника фигура Силия замерла, он настороженно обернулся назад, затем посмотрел вверх. Дым в небесах понемногу рассеивался, стали проглядывать отдельные звёзды. Откуда-то из-за складов донёсся протяжный гудок локомотива.

Плотник начал нервно озираться, поведение и выражение лица Силия до крайности насторожили его. Он крадучись приблизился к Арбитру Стихий и легонько похлопал того по

эле зримому плечу.

— Что там, Uberrima Fides?[1] — спросил он почти испуганно, назвав Силия странным словом, которое по-латыни обозначало высшую степень доверия.

— Словно Зевс мечет молнии свои, или слух изменяет мне? — задумчиво произнёс Силий. — Там, я слышу, я чувствую мощный поток энергии, как тот, что я испытал на медни, когда улепётывал от грозного монстра, управлял которым один Свиртенгральский герддрон...

Плотник побледнел ещё больше, хотя с его вечно бледным лицом это уже было довольно-таки сложновато.

— Ещё один?! — отерев со лба набежавший супротив мороза пот, предположил он. Вторая рука его невольно двинулась в сторону, обращая остриё клинка вперёд, готовясь в случае чего отражать атаку. В этот момент кончик меча коснулся мостовой и высек чуть заметную, но от того не менее звонкую искру, так напряжена была его с виду спокойная длань.

— За мной! — Силий подобно тигру вспрыгнул на стоящий рядом гараж, пробежал по его крыше и, совершив невероятно длинный прыжок, очутился на кровле одного из складов.

Плотник спешно вскарабкался следом, с трудом удерживаясь на скользком металле. Поспевать за Арбитром Стихий теперь было нелегко. Плотник нагнал Силия лишь у края складской кровли. Тот стоял совершенно отрешённый, замерев, и вглядывался в унылый пейзаж тёмного мегаполиса. Там, в самом сердце мрачного гиганта, извиваясь змеей среди потрёпанных всеми ветрами новостроек и ещё уцелевших в бурях грядущих лет кирпичных старожилов, двигался бесконечно длинный состав, инженерное чудо — шестнадцать вагонов, ведомые старым паровозом, сошедшим словно с пожелтевшей фотокарточки начала двадцатого века. В окне кабины этого монстра, сочетающего футуристический хвост с доисторическим возницей, проблёскивало оранжевое пламя...

— Скорее, — скомандовал Силий, — бежим наперерез! — он одним прыжком перемахнул десятиметровый проём между складами и оказался на противоположной крыше.

Плотник ринулся следом по крышам соседних построек, явно отставая от Арбитра Стихий.

Они бежали по крышам домов и складов, спрыгивали на гаражи, пробегали по припаркованным во дворах машинам и вновь взбирались на спину каменных великанов промышленных районов города. Их движение прервалось на одной из складских крыш, где расстояние до противоположного края было слишком велико, и Плотник попросту не мог преодолеть его обычным прыжком.

Силий остановился, Плотник подоспел следом, сперва он, было, примерился для прыжка, но после передумал.

— Я не допрыгну! — резонно заявил он.

Откуда ни возьмись, налетел юный ветер, его холодные порывы прокатились по рифлёной кровле и обдали Силия вечерней свежестью. Волосы Арбитра Стихий, поддавшись воздушной волне, незримо колыхнулись, отлетая назад с лёгкостью утреннего тумана. Плотник невольно взялся за края ворота, сводя их, чтобы защититься от бриза.

С мгновение Силий раздумывал, а паровоз, тем временем, уже проносился мимо них, гремя рельсами за соседними домами. Силий обернулся к локомотиву, напрягая все свои семь чувств, в окне кабины показался чёрный шлем с обугленным забралом, из шлема сверху вырывалось уже хорошо знакомое пламя, завершающееся длинным хвостом едкого чёрного

дыма. Дымный хвост от головы герддрона сливался с клубами паровозного дыхания и уносился прочь вверх и назад, очерчивая в воздухе пройденный ими обоими путь. Это видел Силий, ему было дано распознать чудовище, Плотник же увидел лишь усталое лицо машиниста, но ни огня, ни дыма различить не смог.

— Воспользуемся мостом! — нашёлся Силий.

Плотник стал нервно озираться по сторонам, поблизости никаких мостов не было.

— Каким мостом, где здесь мост?! — воскликнул он с удивлением, а Силий лишь философски улыбнулся.

Где-то совсем недалеко, то ли во сне, а то ли наяву, пропела флейта. Правую полупрозрачную ладонь Арбитра окутало серебристым серпантинном молний. Справа от Плотника крыша стала двигаться, листы кровельного железа заскрежетали, обретая иную форму. Куча старого ржавого металлолома, что валялся на дне двора, разделяющего здания, сверкнула и стала стремительно взлетать вверх по стенам строений, формируя нечто у самых крыш, между которыми, вскоре образовался настоящий металлический мост с перилами, окутанный голубыми разрядами божественного электричества. Кровля под ногами ошеломлённого Плотника двинулась и сама вынесла его к мосту, ему осталось сделать только один несколько неуверенный шаг. Пересекая сверкающий в вихре молний мост, Плотник, заметил, что соседняя крыша тоже стала двигаться, превращаясь во что-то.

— Что это? — воскликнул он, на бегу указывая рукой вперёд.

Силий пожал полупрозрачными плечами и усмехнулся.

Они вбежали на крышу, в промозглом небе мегаполиса вновь сверкнула молния, поезд, за которым они гнались, уже стал скрываться из виду, вновь что-то загрохотало впереди, и между этой и следующей крышей в небо взметнулся смерч, в чреве которого воронкой вращалась груда металлического хлама и мусора. Плотник уже был на самом краю крыши, когда прямо под его ступнёй сформировался новый переход. Когда его нога коснулась странного моста, во все стороны брызнули холодные голубоватые искры, Плотник замер, и с немим вопросом обернулся к следующему за ним Силию. Но, встретив уверенный и сосредоточенный взгляд Арбитра Стихий, решился вновь продолжить движение.

Через некоторое время этой интенсивной гонки они оказались на крыше последнего в этом массиве дома, дальше строений не было, лишь забор да железнодорожные пути. Взору их открылась широкая панорама ночного города, его технологического района, плоский антрацитовый мрак, чётко расчерченный линиями огней и автомобильных дорог. Паровоз герддрона был здесь, пламя проблёскивало в окне кабины, смрадный дымный хвост венчал его. Извиваясь железной змеей по рукотворному ландшафту, стоколёсный монстр рвался к самому центру городских технологий... Силий устремил самый, насколько было возможно, пристальный взор к тому месту: там, вдалеке на противоположной стороне этой бездонной черноты в клубах технологичного дыма возвышалось необозримое величественное сооружение, сияющий габаритными огнями офис строительной корпорации...

— Он едет... — начал, было, Плотник, провожая состав напряжённым взглядом.

— К зданию строительной корпорации! — закончил за него фразу Силий. — Отсюда расплзается город, здесь вся мощь технологий, не зря он выбрал место это домом своим, ибо, как и в былые времена, тяга его лежит лишь к разрушению естества и созиданию собственных миров...

— Кто он?! — спросил Плотник и несколько нервно огляделся окрест.

— Первый Герддрон! — Силий расправил свою бородёнку, пропустив её между

пальцами, и задумчиво, словно сам себе произнёс странный стишок:

Нас с тобой объединяет
Сила древнего влечения
Жажда крови, жажда власти
Страсть к войне и разрушениям...

— Герддрон, ещё один?

— Нет, — Силий покачал головой, — то были простые Свиртенгралльские герддроны первого круга из теней двенадцати первоначальных, и тот, что правил грузовиком, и тот, что атаковал тебя. Я же говорю о самой тени Гиртрона, тот, что создан был из тени Демона Сновидений, его третьего воплощения в землях Адальира на вершине Шадоурока теперь здесь, в Мире Земли... Только их объединяет страсть к войне и разрушениям...

— Думаешь, это был он в окне локомотива, ты почувствовал его энергию?

— Конечно же, нет... Это был вассал его, овладевший духом машиниста, из первой дюжины, сродни уже виденных нами. Сам же Первый Герддрон сидит в этом дворце, его энергия столь сильна, что даже здесь я ощущаю его незримое присутствие... Его мощь растекается по небесам вокруг небоскрёба строительной корпорации, как лимонный огонь мощи Гиртрона кружит над Свиртенграллем!

— Кто же он?! — рука Плотника невольно ещё сильнее сжала рукоять меча.

— Генеральный директор строительного холдинга!

— Я всегда недолюбливал начальников...

Силий по-доброму улыбнулся шутке.

[1] Наивысшая степень доверия (Лат.).

Во дворце строительной корпорации

— Я должен удостовериться, что сам Первый Герддрон здесь! — уверенно заявил Силий, направляясь к забору. — Это слишком важно, чтобы откладывать на потом!

Плотник и слова сказать не успел, как Силий уже лёгким прыжком перемахнул изгородь и направился прямо к небоскрёбу. Силий двигался так быстро, словно летел, и Плотник еле поспевал за ним. Путь к чертогу Первого Герддрона оказался куда длиннее, поскольку дорога шла полукругом, обворачивая всевозможные строения. Плотник никак не мог взять в толк, почему Силий не двинулся поверх сооружений, как недавно, когда они гнались за локомотивом, применив своё волшебство, но спрашивать об этом не стал. Силий всегда знал, что делает, и всегда безупречно делал то, что знал, а знал он практически всё на Свете...

Они прошли множество строек и дорожных развилок, пересекли небольшой каменный мостик через сточную канаву, пока добрались до здания корпорации. У мостика Силий ненадолго замешкался, тщательным образом рассматривая его белый камень. Потом они пошли дальше, двигаясь по правой стороне дороги, слева к которой то и дело примыкали старые кирпичные здания и серые асфальтированные трассы. Когда Силий и Плотник проходили мимо очередного ответвления, с прилегающей дороги на основную вывернул большой жёлтый трактор с чёрным ковшом наперевес, и важно проследовал в сторону дворца Герддрона. Силий проводил его сосредоточенным взором и странно взглянул на

Плотника, на губах Арбитра Стихий заиграла самодовольная улыбка.

— Что? — удивился Плотник, не нашедший в происходящем ничего забавного, но в ответ Силий лишь ускорил шаги.

На крыльце высотного офиса строительной корпорации никого не было, очевидно, все уже покинули здание в столь поздний час. Силий попросил Плотника остаться здесь, а сам вошёл в холл. В "аквариуме" дверей он, собрав всю свою энергию, сумел сконцентрироваться и стать более-менее осязаемым, словно вновь обрёл телесный облик. Справа за стеклянной перегородкой он увидел консьержа. Седовласый старичок долго смотрел на полупрозрачную фигуру в вестибюле и даже вздрогнул, когда та проступила, будто материализовавшись из воздуха. Силий подошёл к окну и невозмутимо спросил консьержа будничной интонацией:

— Мне бы директора, — Силий вновь поправил бородёнку, привычным движением пропустив её между пальцев.

— Эээ... — консьерж смущённо, но злобно улыбнулся и незаметным движением нажал под столом секретную кнопку.

На лестнице в конце холла сразу же появилось двое здоровенных охранников в серой форме, которые тотчас преградили путь наверх. Силий, благостно улыбаясь, обернулся и проследовал в их сторону.

— Позовите директора! — вежливо попросил он.

Парни неуверенно переглянулись.

— Он занят, — рявкнул один.

— Его здесь нет, — добавил другой.

Силий почесал в затылке. Парни снова переглянулись, видать, поняв, что сморозили глупость. Вверху послышался какой-то шум. Силий поднял голову и устремил взор вверх. Над ним в необозримую высь уходила квадратная башня, вдоль стен которой висела лестница с прозрачными ограждениями и золотыми перилами. К перилам самого верхнего яруса приблизился человек, молодой мужчина в идеально сидящем костюме с элегантным галстуком, с чёрными блестящими волосами, убранными назад и большим перстнем на указательном пальце правой руки. У него было правильное лицо и сосредоточенный взгляд. Когда человек приблизился к перилам, пол под его ногами в начищенных до блеска туфлях взялся тонким слоем инея. Перстень на его руке венчал большой лимонного цвета кристалл. Несмотря на огромное расстояние, разделяющее его с Силием, Арбитр Стихий смог чётко различить лимонно-оранжевый огненный вихрь, пылающий в глазах этого человека. Вновь протяжный гул тормозящей электростанции пропел по нисходящей. Здание корпорации еле уловимо качнулось, свет города за высокими окнами холла на мгновение померк, а со стен и сводов к полу устремились мелкие кусочки штукатурки. Он тоже увидел Силия, их глаза встретились, и они сразу же узнали друг друга...

— Я попозже забегу... — пробормотал Силий и поспешил покинуть холл.

Охранники в замешательстве переглянулись, потом посмотрели вверх на своего босса. Тот нервно сжал кулаки и, брезгливо скривив рот, скрылся во мраке.

Продолжение пути

Плотник встретил Силия растерянным взглядом.

— Он здесь, точно! — воскликнул Силий, едва переступив порог корпорации. — Я видел его своими собственными глазами! Это он направил перехватчиков и это он сообщил Гиртрону об отряде!

— Первый Герддрон?! — переспросил Плотник.

— Первый Герддрон! — Силий просто-таки расцвёл, словно побывал у края радуги и нашёл там огромный горшок с золотом. — Это он и он здесь! Он сотрясает землю и вызывает возмущения электрической стихии, сколь же велика ныне стала его сила!

— Что будем делать теперь?

— Кэльвиар был прав, и это опять было Волшебное Проведение, оно с лёгкостью вывело нас к чертогу Первого Герддрона. А ведь я столько искал его в Адальире, я и подумать не мог, что чудовище попало на Землю! Но как он сам смог проникнуть сюда, кто открыл ему путь?! Как бы там ни было, но теперь мы точно знаем, где расположился теневой наместник Гиртрона, и, раз он здесь, то и век самого короля Свиртенгралля клонится к закату! Предсказание Филлерста начинает сбываться, и, прочие армии Т'эрауса, возможно, тоже уже обрели путь на Землю, именно поэтому нам нужно действовать именно здесь и прямо сейчас! Мы должны поторопиться и отыскать Крафтсмана, пока ещё остаётся время!

— Какое пророчество, я не понял ни слова?! — Плотник явно занервничал.

— Филлерст сказал, что век наследника Т'эрауса будет клониться к закату, когда его двойник обретёт плоть в Первоначальном Мире, а так он именовал Землю, с которой в Адальире в те времена уже давно была утеряна всякая связь. "Обретёт плоть", улавливаешь, о чём это? Он теперь и на Земле научился поработать чужие тела, пожирая разум, как было с гирльдами! Выходит, раз Первый Герддрон — двойник Гиртрона, наследник Т'эрауса, находится на Земле, то в Адальире должен находиться демоноборец, тот, кто сокрушит Гиртрона и обретёт его силу и могущество!

— Я всё-таки думал, что уничтоженный мной герддрон, перенёсся следом по не закрывшемуся portalу, — развёл руками Плотник, — но, если они здесь уже давно, и путь открыт, то им может быть известно о нас. Тогда понятно, как герддрон вычислил меня.

— Боже мой! — с несвойственной ему паникой спохватился Силий. — Как же я об этом не подумал?! Теперь Первый Герддрон знает, что я здесь! Он видел меня и знает, что я потерял привычный облик!

— И что? — пожал плечами Плотник, до конца не осознавая серьёзности сказанного Силием.

— А то, что он постарается всеми силами не дать мне вернуться к земному облику! Раз ты со мной, то и ты теперь подвергаешься этой опасности!

Силий замолчал и сам себе улыбнулся мимолётной и довольной улыбкой человека, чьи планы осуществились, явно превзойдя первоначальные его ожидания.

— Чему же ты улыбаешься?! — изумился Плотник.

— Просто, значит, я был прав! Но кто, всё же открыл портал в обратную сторону? Ни Гиртрон, ни Т'эраус не могли этого сделать сами!

— В чём ты был прав?! — по-прежнему недоумевал Плотник.

— Об этом долго рассказывать, — Силий не уставал поправлять свою незримую бородёнку, — а сейчас у нас, как ни странно, мало времени.

— Послушай, — Плотник озабоченно нахмурился, — вроде бы энергия герддронов в принципе не способна проходить во врата портала. Как же эти здесь очутились?!

Силий поглядел наверх на серые облака.

— Разумеется. Это факт. Но теперь они могут это делать, я вот сам не понимаю как, но могут. Возможно, я думаю, что-то там произошло, кто-то нарушил баланс энергий, — он неторопливо огляделся по сторонам, и остановился взглядом на Плотнике. — В любом

случае, теперь они могут сюда попадать. Вопрос только в том, обладают ли такой же возможностью, скажем, дартгроты или хранители Шадоурока, если да, то изменения действительно весомы.

— И как портал смог оказаться открыт, у тебя хоть есть предположения?!

— Ну, тут не разгуляешься, — Силий усмехнулся, — кроме Братства Вавилона "ИКСэРСИСы" есть ещё только у диггеров-параллельщиков, и лишь они одни могли нарушить баланс портала. Во всяком случае, мы скоро это узнаем, после того, как разберёмся с текущими делами...

— А параллельщики тут при чём?!

— Они воздействуют эмоциями на энергетику портала, но об этом позже, а сейчас нам надо поторопиться! Я не знаю, что именно предпримет Первый Герддрон, но, уверен, он уже начал выполнение контрмер! Если он послал двоих герддронов на перехват тебя и Избранной, то за Силием Вечным, поверь мне, он пошлёт всю свою армию! Однако... Если с перемещением чудовищ Свиртенгралля есть проблемы, то у нас ещё есть время! — лицо Силия тотчас сделалось как никогда серьёзным, и он бросился бегом в обратном направлении прочь от дворца строительной корпорации.

Плотник замешкался на мгновение, обдумывая всё увиденное им и сказанное Силием, затем ещё раз обернулся ко дворцу строительной корпорации и поспешил нагонять Арбитра Стихий.

Воскрешение Крафтсмана

Через некоторое время, которое показалось Плотнику мгновением, а для Силия текло достаточно долго, поскольку он испытывал новое для себя физическое состояние, они оказались на крыльце одного из городских госпиталей. Силий, используя память Плотника, настроился на энергетические волны своего бывшего помощника и выяснил, что Крафтсман находился именно в этом большом сером здании.

— Нас не пропустят! — занервничал Плотник.

— Я тебя не узнаю, дружище, — с улыбкой отозвался Силий, — не забывай, что видеть будут только тебя, а я пройду незамеченным, как утренний туман.

— А как пройду я?

— Я помогу тебе, — Силий разулыбался, — будешь заведующим ортопедическим отделением.

— Не понял? — Плотник скосился в сторону стеклянной двери госпиталя, за которой сидел, вальяжно читающий газету охранник. — Почему именно им?!

— Не знаю, — Силий пожал плечами. — Я всюду ощущаю его энергетику, значит, он здесь пользуется широкой любовью и доверием, каждая стена говорит его имя, кстати, он твой тёзка. Борис Борисович, Борис Борисович... И, вообще, лучше не придирайся к арбитру а то ещё получишь жёлтую карточку!

— Интересно, но туманно, и я ни шиша не понял, как ты сделаешь меня похожим на этого Бориса Борисовича? — Плотник недоверчиво заглянул Силию в глаза.

— Уже сделал! — Силий рассмеялся.

Плотник с подозрением обернулся к стеклянным дверям, но вместо своего отражения увидел в них какого-то лысеющего толстячка с пухлыми губами и маленькими глазками.

— Боже! — Плотник аж вздрогнул. — Это я что ли?!

— Да нет же, конечно! — сказал Силий интонацией учителя, который уже устал

объяснять прописную истину своему нерадивому ученику. — Разве не видишь, это Борис Борисович Лазарев.

— Заведующий ортопедическим отделением?

— Ты явно делаешь успехи! — Силий снова засмеялся. — И фамилия у него, кстати, пришлась, но, поспешим!

Они спешно вошли в холл, охранник заметил их и, отложив газету, стал приподниматься с кресла. Плотник обернулся к полупрозрачному Силию, что стоял в углу и вновь посмотрел на секьюрити. Охранник заложил карандаш за ухо, оказалось, он там кроссворды разгадывал. С напряжённым видом секьюрити открыл окошко своей комнатки и высунул в него седеющую голову. Плотник замер, спрятав меч себе за спину.

Секьюрити снял очки, протёр их и вновь надел.

— А... — протянул он, — Борис Борисович! А я вас что-то не признал вот...

— Богатым буду, — сквозь смех прошептал Силий в своём углу.

Плотник ощутил, что его губы стали непроизвольно двигаться, оформляя выдыхаемый воздух в конкретные звуки, и он произнёс за Силием ту же самую фразу, причём ещё и с какой-то несвойственной ему задорно-бойкой интонацией:

— Богатым буду!

Охранник засмеялся.

— Ну, дай то Бог! — седеющая голова вернулась обратно и занялась дальнейшим разгадыванием кроссвордов.

Плотник с немного недовольным видом обернулся к Силию.

— *Adhibenda est in iocando moderato!*[1] — он нахмурился. — Надеюсь, ты не станешь что-нибудь другое за меня делать, а то я уж боюсь!

— Не, — Силий отрицательно покачал головой и засмеялся, — что ты!

— Когда ты так улыбаешься, я чувствую себя мухой перед большущим пауком! — Плотник непроизвольно вытер рот рукой, словно чтобы стереть чужие слова, вложенные в его уста волей Арбитра Стихий.

— Вы что-то сказали, Борис Борисович? — в окошке снова появился охранник.

Плотник осторожно обернулся к нему и замешкался, а Силий вновь что-то прошептал.

— Это я сам с собой, — точь-в-точь повторил он слова Силия. — Пишу диссертацию по плоскостопию, вот сам с собой и обсуждаю!

— А... — секьюрити понимающе кивнул и вновь скрылся в окне.

Плотник бросил на Силия уже действительно возмущённый взгляд, мол, не хочу я, чтобы за меня говорили, на что Силий лишь рассмеялся пуще прежнего, почему-то эта новая затея очень его забавляла.

Они поднимались по лестнице, и все, встреченные ими на пути сотрудники госпиталя здоровались с Плотником, приветствуя его словами "здравствуйте, Борис Борисович!".

— А как Крафтсман тебя увидит, если ты не видим для людей? — забеспокоился Плотник, но Силий молчал, вместо ответа, раздался утренний голос флейты. Плотник удивлённо обернулся через плечо в сторону своего спутника, и увидел, что Арбитр Стихий немного отстал, он брёл несколькими ступеньками ниже и наигрывал на простецкой дудке такой же простецкий лесной мотивчик. Плотник остановился, изумлённым взором созерцая Силия.

— Используем древний Римский принцип, — Силий спрятал дудку в карман и несколько раз любовно похлопал по нему, в этот момент лицо его озарила просветлённая

улыбка.

— Это ещё что?

— Это долгая история, я потом обязательно тебе её расскажу, а сейчас нам надо торопиться, времени у нас не много. Короче, в двух словах: мы так долго в течении нашей жизни смотрим телевизор, что разум как бы настраивается на энергию монитора, человек научается воспринимать эти потоки очень чётко, кроме того, в основе принципа действия любой электроники лежит взаимодействие различных устройств, питаемых электрическим током, чувствуешь, к чему я веду? — лукаво уточнил Силий.

— Не совсем...

— Проверенная вещь! Иди в ординаторскую и заberi там телевизор, потом принесёшь его на следующий этаж. Я тебя там подожду.

— Э, а мне отдадут?! — растерялся Плотник.

— А то! Это же твой телевизор! Забыл?

Плотник нехотя пошёл в ординаторскую. Он вошёл туда с некоторым опасением, читаемым на лице. В ординаторской сидело несколько молодых сестёр в халатах и медицинских шапочках и один молодой практикант, тощий парень с длинным носом и чёрными кудрявыми волосами. Все они буквально хором поздоровались с Плотником, приняв его всё за того же за знатного ортопеда.

— Да, да! — Плотник кивнул в ответ на приветствие, потом несколько неуверенно прошёл через всё помещение, снял, с прикреплённой к стене подставки, маленький телевизор, и понёс его к выходу, стараясь делать вид, будто так и надо. Сёстры и практикант проводили его удивлённым взглядом, но никто ничего не сказал.

Плотник вышел из комнаты явно сконфуженный, и лишь когда дверь за ним закрылась, смог перевести дух, он остановился и вытер выступивший на лбу пот волнения. Общаться с простыми людьми и делать странные с точки зрения обывателей вещи оказалось куда сложнее, чем бороться с монстрами в параллельном мире.

— Да уж! — сказал он сам себе, подумав то же самое, и устало выдохнув, направился к лестнице, где возле перил его уже ждал Силий.

Дверь ординаторской приоткрылась и в щёлочке показалась голова того самого практиканта, он с неподдельным интересом стал наблюдать за "Борисом Борисовичем", который о чём-то оживлённо беседовал со стеной возле лестничной площадки.

— И что дальше? — спросил Плотник.

Силий указал пальцем на телевизор.

— Принесёшь эту штуку в палату Крафтсмана и включишь в розетку, а я передам в экран по проводам электросети, — пояснил он свои незамысловатые планы.

Плотник с опаской выглянул из-за косяка: вперёд уходил длинный светлый коридор госпиталя, в конце которого он увидел двух женщин, одна из которых, та, что помоложе, держала за руку маленькую девочку. Плотник глубоко вдохнул, словно бы собиравшись нырять, и сделанной, нарочито-уверенной походкой направился к ним.

Когда он подошёл ближе, то увидел, что вторая женщина была очень стара, но держалась она так статно, что издали казалась значительно моложе своих лет, она тоже приняла Плотника за заведующего ортопедическим отделением и поэтому приветствовала его сдержанным кивком головы. Плотник негромко поздоровался в ответ и попробовал войти в палату, только теперь он догадался, что это была жена Крафтсмана с дочерью и

внучкой. Тогда он передумал входить и обратился к женщине.

— Простите, вы... Э... А что с вашим мужем?

Женщина опустила глаза.

— Просто папе уже очень много лет... — сдержанно отозвалась девушка, и Плотнику сразу стало ясно, что Крафтсман собрался к праотцам.

Плотник невольно улыбнулся, за что уже почти вдова Крафтсмана посмотрела на него с явным неодобрением.

Внучка Крафтсмана подбежала к Плотнику и дёрнула его за штанину.

— Что ты хочешь? — спросил он, оборачиваясь к девочке.

— Ты ведёшь себя неприлично, Ева! — одёрнула внучку бабушка. — У дяди, наверное, свои дела есть.

— Нет, нет, — возразил Плотник, — пусть говорит. Что ты хотела?

— Вы доктор? — недоверчиво спросила девочка.

— Вроде того.

— Тогда вылечите, пожалуйста, дедушку, а то он обещал встретиться с нами Рождество, — попросила она с надеждой в голосе.

Плотник растерянно посмотрел на ребёнка, потом перевёл взгляд на жену Крафтсмана и на его дочь, в ответ женщины лишь отвели взгляд. Тогда он присел на корточки, поставил рядом телевизор и уверенно сказал:

— Я тебе обещаю, Ева, Рождество дедушка проведёт с вами, я его вылечу!

Девочка довольно заулыбалась, а пожилая дама посмотрела на Плотника с явным неодобрением и обидой.

— Зачем вы так? — с горечью в голосе спросила она.

— Потому что это правда, — развёл руками Плотник с выражением полной уверенности на лице. — Я его вылечу!

— Слышишь, что дядя говорит, он вылечит дедушку! — Ева стала шаловливо дёргать бабушку за подол.

Плотник попятился и скрылся за дверями палаты Крафтсмана.

— Э, сюда нельзя! — доктор, что был в палате, попытался выпихнуть Плотника назад, но не смог.

Плотник огляделся: на койке перед ним лежал совсем седой старик с большой лысиной, подключённый к аппарату искусственного дыхания. У противоположной стены возле окна стоял священник, держащий в руках библию, рядом с ним, склонившись над Крафтсманом, стоял ещё один человек в белом халате, по-видимому, ассистент врача, он нервно грыз ногти. Вокруг протяжно звучал странный писк. Плотник взглянул на монитор над постелью Крафтсмана, по нему шла ровная полоса. Плотник увидел в мониторе своё отражение, он снова был самим собой.

— Поздно пыраться, — сказал ассистент.

— Что здесь произошло? — воскликнул Плотник.

Священник раскрыл библию:

— Просто пришло его время.

— Но я хочу помочь! — Плотник поставил телевизор на стол, стоящий в ногах кровати.

Доктор взглянул на него как на сумасшедшего, потому что даже не знал, как сие расценивать.

— Телевизор ему больше не понадобится! — сказал он всё, что придумал. — Ладно,

иди, скажи его жене, что Крафтсман того... — добавил он, обращаясь к ассистенту.

Ассистент тяжело вздохнул и вышел из палаты.

Плотник кинулся под стол и, с трудом отыскав розетку, воткнул в неё вилку телевизора.

— Ты чё, совсем рехнулся?! — доктор схватил Плотника за руку. — Чё творишь, ты сектант или шизоид?!

Плотник ловко высвободил запястье и сдержанно оттолкнул врача в угол.

— Ты свою работу сделал, теперь не мешай другим, — заявил он. — Батюшка, ну, скажите же ему!

Священник немного опешил от дикости всего происходящего, и только пожал плечами.

— Ну, пусть он попробует включить свой телевизор...

— По-вашему это поможет?! — гневно вскричал человек в белом халате, было видно, что он не привык терять пациентов и прибывал в отчаянии по этому поводу.

— Ну, уж точно не повредит! — парировал служитель церкви.

— Да он же сумасшедший, сбежал из психиатрического отделения! — не унимался последователь Гиппократ. — Ещё и одет странно! Что это за наряд-то?! Ты Робин Гуд, что ли?!

— Стой и смотри! — несвойственно грубо скомандовал Плотник и щёлкнул кнопку питания.

На экране пошла рябь, все замерли.

Ассистент с понурым видом вышел из палаты и нехотя подошёл к жене Крафтсмана, уже по выражению его лица, становилось понятно, что он собирался сказать.

На экране возникло лицо Силия со скептически приподнятой бровью и странноватой блуждающей улыбкой на нём. Он постучал пальцем в экран с той стороны.

— Рано вы, товарищ Крафтсман, собрались нас покинуть! Есть работёнка для тебя, да и для всех нас, рано нам на покой, ну-ка, пора вставать! — Силий бодро засмеялся.

Доктор бросил в сторону Плотника исполненный злобы взгляд.

— Ты, что, насмехаешься над нами?! — разъярённо вскричал он. — Что, что это?!?!

Раздавшийся из-за спины нервно плачущий звук, заставил доктора обернуться, датчик снова отображал на мониторе удары живого сердца, пульс всё учащался, пока не достиг трёхсот, а после вновь пополз вниз, остановившись на семидесяти семи.

— Вы видели это, Батюшка?! — врач припал к экрану, потом бросился к Крафтсману.

Увиденное им не поддавалось никакому логическому объяснению: морщины на лице старика стали быстро разглаживаться, волосы из седых сделались тёмными, Крафтсман сделал глубокий вдох, и открыл глаза. Батюшка прижал библию к груди, и перекрестился. Правая рука Крафтсмана двинулась, он сорвал с себя кислородную маску и прочие датчики. Доктор с ошалелым видом попятился назад, и, упершись спиной в угол палаты, вяло сполз по нему, неуклюже усевшись на пол. Крафтсман резко сел на кровати и громко рассмеялся. Батюшка ошеломлённо посмотрел на него сияющим от восторга взором, и снова несколько раз перекрестился. Крафтсман бросился к монитору и обхватил его своими помолодевшими руками.

— Силий! — вскричал он. — Как же я рад видеть тебя! Что ты сделал?!

— Я вернул тебе двадцать лет твоей прекрасной жизни, отмотал ленту назад, потому что нам нужна твоя помощь!

— Что я должен делать?! Я готов!

— Для начала, познакомься с Плотником, иди с ним и он тебе всё расскажет!

Изображение Силия исчезло и на экране вновь заёрзали сверкающие помехи.

Крафтсман спрыгнул с кровати и бросился к Плотнику.

— Вы Плотник?

— Да, — Плотников растерялся.

— Очень рад, очень приятно! — Крафтсман долго тряс его руку.

— Я тоже очень рад!

После несколько излишне продолжительного обмена любезностями, виной чему было, возможно, волнение, Крафтсман выскочил из палаты, Плотник поспешил за ним следом.

— Как это возможно?! — в смятении пробормотал, сидящий на полу доктор.

— Разве вы, доктор, не верите в чудеса? — удивился Батюшка.

— Теперь верю...

— К сожалению, ваш муж умер... — наконец изрёк ассистент. — Мне очень жаль, — он посмотрел на вдову Крафтсмана, пытаясь изобразить опечаленность, но женщина в ответ стала странно улыбаться.

— А это его бесплотный дух? — спросила экс-вдова Крафтсмана.

— Что вы такое говорите?! — возмутилась дочь, беря мать за руку, их взгляд был устремлён за спину медику. — Если это такой юмор, то весьма глупо!

Ассистент уже решил, что женщины тронулись от потрясения, но, услышав за спиной шум, поспешил обернуться: перед ним стоял почивший мгновение назад Крафтсман.

— Дедушка! — обрадовано воскликнула Ева.

С минуту ассистент с Крафтсманом, молча, смотрели друг на друга, а после медик неожиданно, но весьма закономерно упал в обморок.

Крафтсман, не заметив этого, бросился к родным, они взялись за руки, и несколько мгновений с любовью глядели друг на друга. Плотник невольно отвёл взгляд. Ему стало как-то неловко подсматривать этот трогательный момент.

— Сара, Лиза, Ева, мне надо идти, — воскликнул Крафтсман, — но я вернусь, очень скоро вернусь, и мы вместе будем готовиться к Рождеству! — пообещал он.

Пожилая дама понимающе покивала и незаметным движением стряхнула сдержанную слезу.

— Видишь, дядя доктор сдержал обещание! — радовалась маленькая Ева.

— Больше не пугай нас так, папа! — Лиза расплакалась.

— Не буду, клянусь! — Крафтсман крепко обнял дочь.

— Бежим, скорее! — Плотник бросился по коридору в сторону лестницы, Крафтсман проследовал за ним.

Убегая по коридору, он ещё раз обернулся к своим родным, чтобы махнуть рукой, лицо его сияло как утреннее солнце после ночного дождя.

— Я скоро, нужно сделать кое-какие очень важные дела! — крикнул он на бегу.

— Береги себя! — крикнула ему в ответ Сара и тоже помахала рукой. За все годы служения Вавилону, она уже привыкла к странному поведению мужа, и никогда не спрашивала лишнего, потому что твёрдо знала: муж её борется со злом и защищает, в первую очередь, их...

Волшебный полёт такси

Плотник и Крафтсман выскочили на заснеженное крыльцо, Крафтсман всё это время был только в пижаме и каких-то шлёпанцах на босу ногу, которые нашлись в палате, но каким-то чудным образом никто из персонала госпиталя не попытался остановить их. Несмотря на идущий снег, казалось, что Крафтсман вовсе не мёрзнет, а вот Плотник поёжился.

Они спешно сбежали вниз по широкому крыльцу госпиталя и выбежали на тротуар. Перед ними простиралась широкая городская трасса, забитая машинами, стоящими в "пробке". Эта "пробка" была бесконечно длинна, машины только нерешительно подёргивались в ней взад-вперёд, но не ехали. Над магистралью в морозном воздухе висело плотное серое облако выхлопных газов, отовсюду слышались бранные возгласы водителей и нервные гудки автомобильных клаксонов. Привычная картина больших городов...

— Нужно такси, быстро! — пробормотал Крафтсман, нервно выдохнув облако пара. Плотник оглянулся по сторонам, но нигде поблизости такси видно не было.

— Нет, не так, попробуем снова! — сказал, внезапно появившейся за плечом Плотника, Силий.

...Плотник и Крафтсман выскочили на заснеженное крыльцо, снова спешно сбежали по нему к переполненной магистрали, где прямо напротив крыльца в "пробке" уже стояло старое и потёртое, но всё ещё жёлтое такси с большой вывеской на крыше и "шахматной" полоской по борту.

Плотник с Крафтсманом переглянулись. В небе блеснула молния.

— Работает! — обрадовался Крафтсман

— Живее в машину, — Плотник бросился вперёд, распахнул дверцу и юркнул в салон. — За мной, быстрее! — он галантно-театральным жестом поманил Крафтсмана.

Крафтсман запрыгнул в машину следом и поспешил захлопнуть дверцу.

Внутри машины не очень-то хорошо пахло затхлостью и бензином, а из динамиков доносился голос Ванессы Паради, поющей про таксиста Джо.

— Моя любимая песенка, — не оборачиваясь, пояснил таксист, явно балдеющий от этой музыки.

— Поехали, Джо! — чуть усмехнувшись, скомандовал Крафтсман.

Таксист явно оценил шутку, повернул к новоявленным пассажирам своё круглое, поросшее густой бородой лицо, скептически приподнял одну бровь и поправил пальцем, упавшую на глаза кепку:

— Жжжжжж! — натрыжно прожужжал он, изображая звук работающего мотора, и неистово налегая на руль, по-прежнему стоящей на месте машины. Затем он громко расхохотался, продемонстрировав большой золотой зуб.

— Мы хорошо заплатим! — смекнул Плотник, и вынул из-за пазухи тот самый бумажник, который успел прихватить из своей каморки во время сражения с герддромом. Ради спасения мира он готов был потратить все последние гроши.

— Хоть того лучше! — хрипло отозвался таксист. — Один шиш, пробка, так и до утра просидим! — он снова загоготал, сопровождая истерические всплески хохота, чинным поглаживанием переносицы, словно пытался этим движением успокоить себя.

Плотник с Крафтсманом снова переглянулись.

— По-твоему, это смешно? — почти гневно возмутился Плотник, обращаясь к

нерадивому водиле.

— Ну, это как посмотреть... — протянул Силий, полупрозрачной тенью, проступивший на переднем сиденье справа от водителя. Он деловито протирал очки краем видавшего виды шарфа, затем, дотерев их, надел на самый кончик носа, и повернулся к друзьям с каким-то наигранно-озабоченным выражением на лице. — Крафтсман, ты меня пугаешь! Неужто ты и впрямь всё позабыл? Чай, не в Электрическом Риме ещё, соберись! — вдруг бодро рывкнул он, словно пытаясь передать собеседникам заряд своей собственной энергии.

Таксист с опаской скоился на пассажиров, которые вмиг окаменев, уставились куда-то в пустоту. Он аж вздрогнул, когда Крафтсман неожиданно и громко заговорил в пространство, словно перед ним был собеседник.

— Да, да! Как же это я позабыл, ты совершенно правильно говоришь! — ответил он Силию, и звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

— Я молчал! — испуганно пробормотал водитель, отстраняясь.

— Я буду творить магию! — радостно и задорно воскликнул Крафтсман, взмахивая руками. В этот момент он выглядел полным сумасшедшим. — Призову на помощь стихии!

Плотник уселся поудобнее, и, пристегнувшись ремнём безопасности, подмигнул таксисту. Тот сразу же попытался напустить на себя ещё более отстранённый вид, для чего даже высунулся в окно и стал что-то громко насвистывать. Эти двое, разговаривающие сами с собой и готовящиеся "творить магию", явно его напрягали.

— Чё свистишь? Денег не будет! — устало выдавил водитель из окна соседней машины.

— Ко мне какие-то психи подсели! — шёпотом пояснил таксист, прикрыв рот рукой, и с опаской скоился на Крафтсмана. — Грозятся, колдовать будут, чтоб я быстрее ехал!

— Я всё ещё не чувствую энергии! — сказал Силий интонацией преподавателя, заметившего ошибку своего нерадивого ученика. — Давай же!

Машину неожиданно качнуло из стороны в сторону. Таксист вцепился в руль и метнул испуганный взгляд за окно: в зеркальце мелькнула радуга. Раздался лёгкий треск, водитель взвизгнул и отдёргнул руки от руля, по корпусу старенького такси медленно растекались голубые волны статики. Городской шум стал стихать, как намедни, становясь заунывным гулом, огни окружающих строений на мгновение померкли, но тут же вновь зажглись. В секундной тьме над переполненной магистралью встала радуга и вверх взметнулись две жёлтые точки фар, взлетающего такси. Поднявшийся ветер нервно качнул, висящие над трассой, дорожные знаки. Светофоры сбивчиво заморгали, в небесах сверкнула ещё одна почти бесшумная молния...

— Что за?! — вскричал толстый бородатый возница.

Оторвавшись колёсами от дорожного полотна, автомобиль продолжил резко взлетать вверх, внезапно начав двигаться правым бортом вбок по дуге снизу вверх, в полёте медленно заваливаясь на противоположную сторону. Под свист и взбудораженные возгласы прочих водителей, которые уже повыскакивали из своих машин полюбоваться на чудеса, такси буквально прилипло колёсами к стене госпиталя где-то на уровне третьего этажа, где как раз оказалось окно той самой ординаторской, в которой недавно побывал Плотник. Едва завидев приближающееся днище машины, сёстры с криками стали выбегать из комнаты, зрелище, надо сказать, было презабавное.

— Вперёд, задай движение! — бодро скомандовал Силий.

Крафтсман взмахнул руками и зажмурился, от его головы отделилось яркое световое кольцо, которое стало шириться во все стороны, растекаясь по пространству, и, заполняя

собой салон. Вскоре и сам корпус машины стал слабо светиться, заряженный этой странной энергией.

— Едет, едет! — донеслись снизу изумлённые возгласы зевак. — То есть, летит! Летит такси!!!

Люди на улицах, задрав головы и затаив дыхание, следили за странной машиной, медленно берущей разгон прямо по отвесной стене дома, не в силах оторвать взоров от чуда. Только теперь колёса такси взвизгнули и завертелись.

— Рули! — уверенно скомандовал таксисту Крафтсман.

Бородач вцепился в руль и выжал газ. Машина такси рванулась и понеслась вперёд по стенам домов, лихо перескакивая с одного строения на другое, при этом колёса её визжали, и оставляли на стёклах и фасадах чёрные следы оплавленной от трения резины.

— Быстрее, быстрее! — кричал Плотник, вжимаемый перегрузкой в кресло.

— Фонарь, врежемся! — то и дело вскрикивал таксист, встречая на пути очередное рукотворное светило.

— Рули, рули! — подбадривал его с заднего сиденья Крафтсман.

Машина пронеслась ещё несколько сотен метров по отвесной стене, когда впереди показался тоннель. Въезд в эту каменную трубу преграждали два огромный загруженных под завязку трейлера, которые столкнулись "лбами" на самом въезде в тоннель, из-за них-то и вышла эта "пробка". Места между крышами их фур и потолком тоннеля было очень мало, даже маленькая машина вряд ли могла бы там поместиться, не то, что старое жёлтое такси, которое было довольно-таки большим драндулетом.

— Не проскочим, — испугался Плотник, — места не хватит!

Таксист попытался затормозить, но управление более не подчинялось ему. Он надвинул кепку на глаза, и, вдобавок ещё закрыв лицо руками, завопил что было мочи.

— Проскочим! — заверил Силий, он вынул из-за пазухи свою любимую дудку и начал на ней что-то наигрывать. Его умиротворённое выражение лица никак не вязалось со стремительно приближающейся стеной дома, возвышающейся над тоннелем и визгом шин, с которым те скользили по фасаду. Машина всё набирала скорость, стена стремительно неслась навстречу, и уже стали хорошо различимы выходящие вдоль неё две дымные струи, извергаемые моторами столкнувшихся грузовиков-гигантов.

— Впереди стена, смотрите, сейчас влетят! — кричали взбудораженные горожане, бегущие за чудесной машиной по городским улицам. — Тормозите же, психи!!! Как они это делают?!

Флейта Силия выдала залиvistую соловьиную трель. Откуда не возьмись, прямо перед машиной с неба сошла молния, ударившая в один из трейлеров. Электрический вихрь тут же объял фуру, та содрогнулась и пошла вниз, мосты с грохотом вылетели из-под прицепа и тот рухнул днищем прямо наземь, освободив путь в спасительный тоннель. Такси оторвалось от стены, совершив "кикфлип", несколько раз провернулось вокруг своей оси и приземлилось колёсами в аккурат на крышу фуры. Как по трамплину по крыше трейлера, автомобиль влетел в тоннель, чудом ухитрившись уместиться в предложенное пространство, и вновь помчался вперёд в клубах чёрного дыма. Флейта вновь выдала чудесную трель.

— Держись! — воскликнул Крафтсман.

Такси сорвалось с края фуры, скользнуло по кабине тягача, едва задев колёсами капот, и, перелетев через патрульный экипаж дорожно-постовой службы, прыгнуло на дорогу

впереди, машина по инерции развернулась, осветив фарами, заполняющих протокол ДПСников. ДПСники с изумлением посмотрели на приземлившуюся перед их носом старенькую жёлтую машину такси, затем вверх, очевидно, прикидывая высоту прыжка, снова на машину, и совершенно ошеломлённо переглянулись. Один из сотрудников ДПС бросился к автомобилю, неистово свистя в свисток и размахивая полосатым жезлом, но встреча с властителями дорог в планы Силия никак не входила.

— Назад! — скомандовал Силий.

На секунду время как будто бы замерло, такси и ДПСник стояли друг против друга, лицом к лицу. От удивления ДПСник даже выронил изо рта свой свисток: внутри свалившегося буквально с неба автомобиля сидел закрывающий лицо руками толстяк, водитель, а рядом с ним полупрозрачный длинноволосый мужчина в старом пальто и истрёпанном шарфе, с редёхонькой бородкой и благостной улыбкой, ещё и играющий ко всему прочему на флейте.

— По-моему, он меня видит, — с интересом произнёс Силий, своим цепким взглядом изучая ДПСника со всех сторон.

— Кто?! — изумился Плотник.

— Сержант ДПС Стражников, — прочитал Силий жетон на левом кармане ДПСника. — А у него, оказывается, есть невероятные способности, о которых он непросительно забыл!

Машина двинулась задом, и, резко вывернув колёса в "полицейском" развороте, с визгом продолжила путь на противоположную сторону тоннеля. Плотник обернулся в заднее стекло, где следом за ними размахивая жезлом и свистя в свисток, вновь бежал всё тот же сотрудник ДПС.

Впереди вновь показался длинный хвост машин, которые просто заполнили трассу, ведущую из тоннеля. Водитель такси всё так же осторожно приподнял краешек кепки и приоткрыл правый глаз, дабы узреть, что происходит. За лобовым стеклом вновь мелькали окна домов, машина опять взмыла в воздух, и неслась по отвесной стене, нарушая законы притяжения.

— Скажите, когда приземлимся! — жалобно простонал он.

Силий в ответ многообещающе покивал.

— Мне нужно вернуться к моему земному облику, ибо я уже выхожу за границы контролируемого мной круга! — сказал Силий, обернувшись к Плотнику и Крафтсману.

— Хорошо, друг, — отозвался Крафтсман, — я выполню, что я должен, скоро мы будем на месте!

— Я ему помогу! — пообещал Плотник, приложив руку к груди и почтительно склонив голову.

— Вскоре встретимся, обязательно вернись в город! — Силий довольно улыбнулся. — Она тебе непременно понравится, дружище Крафтсман! Большие серые глаза, наивный взгляд! — добавил он, подмигнув Крафтсману, и тут же растаял в воздухе, оставив слабо светящийся контур, который через мгновение уже рассыпался миллионами искр, и унёсся назад, словно бы подхваченный порывом незримого ветра.

Таксист с ужасом посмотрел на то место, где только что был Uberrima Fides, и поспешил снова зажмуриться, потому что всё сиденье окутывал серебряный серпантин тончайших молний. Через мгновение машина оторвалась колёсами от стены здания и, описав странный вираж в ночном воздухе, плавно и беззвучно приземлилась на грязную

мостовую каких-то задворков, даже странно, что их не тряхнуло, то был ещё один подарок Арбитра Стихий.

[1] В шутках необходима мера (Лат.).

Телепортация Крафтсмана

Плотник высунулся из окна со своей стороны и стал оглядываться по сторонам.

— Куда теперь?! — вскричал он.

— Сюда, сюда, скорее бежим к точке! — Крафтсман уже выскочил из машины и бегом удалялся в глубину слякотных дворов прямо в шлёпанцах и халате. — Расплатись с таксистом, не забудь!

Плотник суетливо вытащил бумажник и стал считать деньги.

— Ничего не надо, что вы! — пробормотал таксист, еле переводя дух. — Жив, и на том спасибо!

— Ай, забирай всё! — Плотник высыпал всё содержимое кошелька на заднее сиденье, и, хотел было выскочить прочь, но вдруг что-то заметил. Он вернулся назад и вытащил из горстки монет одну. — Вверх "орлом", счастливая! — сказал он. — Я её заберу — и, сунув монетку в карман, Плотник бросился догонять Крафтсмана.

— Сдачу заberi, псих! — неожиданно выйдя из оцепенения, крикнул таксист, и трясущимися руками швырнул ему вдогонку горсть монет.

Плотник на ходу обернулся и махнул рукой.

— Оставь себе на чай, на много-много чая! — засмеялся он.

Монетки со звоном рассыпались по асфальту. Таксист тут же поспешил убраться. Машина резко развернулась, взвизгнула колёсами, и унеслась прочь.

Через мгновение они уже были в соседнем дворе. Плотник нагнал старика Крафтсмана в щели между двух гигантских серых многоэтажек, тот стоял посреди огромной талой лужи, воздев руки к небу. В правой руке он держал странный предмет золотого цвета, напоминающий секстант, а левой аккуратно передвигал, прикреплённую к нему поперечную планку с делениями, стараясь, навести её остриём точно на Полярную звезду. Непонятным было, где он успел раздобыть сей странный инструмент.

— Не приближайся, а то сам знаешь! — предостерёг Плотника Крафтсман.

Поднялся ветер, Плотник начал с опаской пятиться, он уже догадался, что именно здесь находилась наиболее удобная точка для адресного перемещения.

— Они должны быть уже где-то на выходе из Гленнвуда! — крикнул он Крафтсману. Но он мог больше не утруждаться объяснениями, ибо Крафтсман давно прочитал все его мысли, он был мастером на эти дела, ведь не зря же его фамилия Крафтсман, что означает "мастер".

— Я уже вижу их месторасположение! — ответил помолодевший старик, и в тот же миг с неба на него упал широкий радужный столб, как тот, что сопровождал Силия намерении. Вспыхнул яркий белый свет и по стенам домов вокруг раскатились сияющие голубым цветом электрические вихри.

Плотник заслонился от света руками, но продолжал смотреть в щели между растопыренных пальцев, как Крафтсман, окутанный серебряными молниями, взлетел над землёй и унёсся ввысь по радужному тоннелю. Вскоре всё погасло, в воздухе остался лишь сильный запах озона. Плотник был искренне потрясён, раньше ему ещё не доводилось

видеть мастера, способного вызывать портал одной силой своей мысли, разумеется, кроме Арбитра Стихий Силия, коему были подвластны все природные силы, окружающие нас.

Однажды Плотник спросил Силия: "Тебе и вправду подвластны все стихии?", на что тот с обыкновенной для него умиротворённой улыбкой на лице, спокойно ответил: "Это все мы подвластны стихиям, Плотник, я не повелеваю ими, а прошу помощи у них, ибо *concordia victoriam gignit!*[1] И это есть две большие разницы, в этом и заключается отличие моё от чародеев и колдунов...".

В тот же день, когда они гостили в преддверии Армильд-Клианор, и, сидя в триклинии, смотрели в окно на разыгравшуюся за горами бурю, между ними состоялся такой разговор:

— Почему, ты всегда так спокоен, когда вокруг бушует буря и ветер с корнями рвёт деревья? — спросил его Плотник.

— А что ты видишь там впереди? — в ответ спросил Силий.

— Бурю, — отвечал Плотник честно.

— А я вижу, как Господь творит ветер, — Силий улыбнулся, — разве нужно ребёнку бояться матери, метущей пол или отца, молотком гвоздь забивающего? — он развёл руками. — Вот и вся хитрость!

Почему-то сейчас Плотник вспомнил тот разговор, и ему показалось, что он начал понимать что-то очень важное, его наполнило избыточным ощущением радости и уверенности, словно изнутри его разливался волшебный солнечный свет. Он облегчённо вздохнул и побежал обратно в границы круга, чтобы, как и было обещано, вновь встретиться с Арбитром Стихий.

* * *

Покидая точку телепортации, Плотник шёл через город по одной из многочисленных улиц, вдруг он остановился, и увидел, как из тёмных небес ночного мегаполиса, плотно затянутых серой ватой снежных облаков, вниз спадает знакомая ему широкая радуга. Луч её уходил за дома и медленно плавал то влево, то вправо, и Плотник сразу понял, кто может вызывать это странное явление. И, когда он выскочил из-за очередного строения, перед ним снова показался Силий. Арбитр Стихий задумчиво бродил взад-вперёд по грязному двору, сопровождаемый ярким радужным лучом, скользящим вокруг него подобно струе воды. Завидев Плотника, Силий привычно улыбнулся.

— Нам нужно спешить, пока не закрылся... — сказал он туманно.

— Кто не закрылся?! — опешил Плотник.

— Магазин...

Появление Аллвэ

Алёна ещё раз оглядела собравшихся, в тот момент ей казалось, что она попала в компьютерную игру, причём, прямо в самый разгар событий, сразу уровень на третий. Ибо, вокруг была куча новых персонажей, которые вкратце пересказывали ей невероятные события, описывали сражения богов и хитрости демонов, с таким видом, словно это было чем-то обыденным и давно ей известно. Так бывает, когда попадаешь в среду людей, увлечённых общим делом, они невольно начинают говорить с тобой своим специфическим языком, и удивляются, как это ты не понимаешь сути сказанного. Оно и ясно, ведь они столько времени посвящают своему миру, что уже не могут предположить, что то, что стало

для них смыслом жизни, может быть неизвестно, или не дай Бог, не интересно кому-то ещё.

— Это похоже на какую-то компьютерную игру, — сказала Алёна, — у вас здесь столько всевозможных существ, и все какие-то страшные... Вот ты, Авельир, говоришь о них, как о своих малоприятных знакомых, а у меня мурашки по спине ползут, слыхано ли дело, огнеголовые воины, да ещё какие-то чудища с крыльями! А Гиртрон этот, вообще страх! Жути нагнали, — Алёна недовольно и немного театрально надула щёки, — прям, не знаю, что и думать! Во всяком случае, я из этого трактира ни ногой, или дайте мне уж Меч-Кладенец!

Брелов по-доброму рассмеялся.

— В Адальире действительно очень много самых разных существ, — многозначительно сказал он, словно на что-то намекая. — Но не все они опасные, есть и весьма полезные экземпляры, — взгляд рок-музыканта скользнул в сторону, так, будто он хотел указать им на что-то. — И, кстати, чтобы встретиться с ними не нужно, никуда, особо выходить!

Алёна посмотрела на рок-музыканта исподлюбья и недоверчиво прищурилась.

— Это, в каком смысле? — с подозрением уточнила она.

В этот момент из-под одеяла, комком лежащего в ногах лежанки, выглянуло какое-то существо, напоминающее чрезмерно большую и очень лохматую мышь.

Алёна невольно шарахнулась и отскочила к другому краю кровати.

— Что это?! — взвизгнула она в испуге.

— Это мой друг, — пояснил Брелов. — Ну, вылезай — вылезай! — подбодрил он странного гостя.

Лохматая мышь выбралась на свет и отряхнулась. Это было существо ростом примерно в один фут, покрытое длинной лохматой шерстью, с виду весьма смахивающее на огромную не в меру толстую мышь или хомяка. Лицо существа немного напоминало человечесьё, но вместе с тем, было видно, что это животное. Оно было одето в какие-то серые тряпки, явно самодельную одежду и держалось самоуверенно и по-хозяйски.

— Привет, Аллвэ, как жизнь? — Брелов криво усмехнулся, он вообще плохо умел это делать, но подумал, что улыбка сможет разрядить обстановку и хоть немного успокоит Избранную. Для неё-то он и постарался — вышло прескверно.

Аллвэ прищурил левый глаз и, задрав голову, почесал когтём подбородок.

— Да так себе, живём потихонечку, — отозвался он скрипучим голосом. В этот момент он заметил Алёну, которая глядела на него с ужасом с другого края кровати. Аллвэ закатил глаза и утомлённо вздохнул. — Ну, вот что здесь такого-то необычного? — возмутился он. — Я, что, чудище какое?!

— Ты должен её понять, — произнёс Брелов, стараясь быть убедительным, — она никогда не видела эльгвейтов живьём! Хм, впрочем, и на картинках она их тоже не видела, — добавил рок-музыкант, немного подумав.

— Ясно, — скрипуче протянул Аллвэ, — она из этих, то есть из тех, то есть из ваших, земных...

— Да-да, — покивал Брелов, — а у меня кое-что для тебя есть! — он развязал свой рюкзак и сунул внутрь руку, нащупывая гостинцы.

— Давай скорее, с этого начинать нужно, а то "Аллвэ, привет — Аллвэ, привет!", я тут совсем оголодал пока ты там прохлаждаешься непонятно где! — Аллвэ был явно раздражён и недоволен.

Брелов тем временем вытащил из рюкзака какие-то предметы и сопровождаемый

заинтересованными взглядами своих спутников, вывалил всё это кучей на одеяло.

— Здесь тебе сыр, какое-то печенье и арахис в шоколаде, — пояснил Брелов, пальцами перебирая продукты в ярких пластиковых упаковках, лежащие перед ним на кровати. — И, главное, не забудь, потом все обёртки спрятать, а то если кто увидит, вопросы будут, понял?

— Понял, понял, не впервой! — суетливо пробормотал Аллвэ, бросаясь к подаркам. — Надо всё припрятать! — он спрыгнул на пол и опрометью бросился к окну.

Когда он промчался мимо девушки, Алёна взвизгнула и поспешила подобрать ноги, взобравшись повыше на подушку. А Аллвэ тем временем открыл потайную дверцу в основании стены под самым окном и начал проворно перетаскивать туда полученное от Брелова добро. За дверцей оказалось углубление доверху забитое едой, которую этот Аллвэ не съел бы и за год, явно запасливое существо.

— А это, ты забыл?! — встревожился он во время очередной ходки, и уставился на рок-музыканта в напряжённом ожидании.

— Да нет, — пропел Брелов, разводя руками, словно собирался обнять старинного друга, — как я мог! — он сделал круговое движение правой кистью, и в его ладони чудесным образом возникла банка с колой.

— Боже мой, Боже ты мой, все Боги вместе и каждый в отдельности! — вскричал Аллвэ и в один прыжок оказался у Брелова на плече, затем пробежал по руке, выхватил банку и спрыгнул с ней на кровать, усевшись прямо возле босой Алёниной ноги.

Алёна так испугалась, что даже не сумела отодвинуться, не в силах от страха даже пошевелиться. Аллвэ ловко вскрыл банку, раскроив её когтем сбоку, с блаженным выражением на лице выслушал шипение пузырьков и начал смакуя пить урбанистический напиток.

— Это что-то волшебное, непередаваемое! — то и дело восклицал Аллвэ, по-свойски толкая Алёну локтем в пятку.

— Его прёт с колы, — засмеялся Авельир, — хорошо, что не с энергетических напитков, а то б отравили бедного эльгвейтика.

— Фигу тебе на постном масле, — неторопливо пропел Аллвэ, отрываясь от напитка. — Сам ты отравишься, а Аллвэ и гвоздь переварить может вместе с подковой, и подкову вместе с копытом, лошастью и телегой!

— Это точно! — многозначительно покивал Брелов. — А, что, ничего не слышно нового окрест?

— Что тебя интересует? — уточнил Аллвэ и улёгся на бок, положив голову Алёне на ногу. Алёна попыталась ненавязчиво высвободить ступню, но Аллвэ двинулся следом, явно не желая покидать удобного места.

— Да не бойся ты его! — Брелов видел, как напряжена девушка. — Он же совсем не похож на крысу! — рок-музыкант изо всех сил пытался успокоить Алёну.

— Да я не боюсь крыс, я их даже люблю, просто этот ваш Аллвэ как человек! — попыталась объяснить Алёна.

— Вот такого не ожидал! — опешил Дэльвьир. — Ну, представь, что это собака или кошка!

— Ой, вот не надо, — запротестовал Аллвэ, — я родился эльгвейтом им остаться и хочу! Ну, хочешь меня потрогать? — он обернулся к девушке и плотоядно ухмыльнулся. — Я не кусаюсь! Сильно...

Алёна немного поколебалась, но всё же решилась. Она осторожно протянула руку к

Аллвэ и провела пальцами по шерсти на его голове. От прикосновения Аллвэ поёжился и хрипловато захихикал.

— Вот видишь, ничего такого во мне нет! — засмеялся он.

В ответ Алёна тоже улыбнулась, он больше совсем не пугал её, а наоборот даже понравился. Брелов облегчённо выдохнул.

— Ну, а теперь, рассказывай, что там слышно, мне всё интересно! — предложил Брелов. Аллвэ ещё раз повернулся к Алёне.

— Захочешь меня ещё потрогать или почесать — я только рад буду! — заверил он, и ослабился, продемонстрировав острые зубы.

Они ещё раз обменялись с девушкой доброжелательными взглядами и Аллвэ начал рассказывать о событиях недавних дней:

— Новостей много, да только всё слухи, а им веры нет, сам знаешь... Говорят, в округе какие-то чужеземцы завелись, говорят, у них там столкновения уже с эрфниями случались. Мол, лезут на земли чужие и не знают границ, пока их, правда, мало слишком.

— А про Гиртрона что-нибудь говорят? — после этого вопроса Брелова все в комнате напряжённо переглянулись.

— Не надо его имя произносить, когда рядом Шадоурок! — занервничал Аллвэ.

— Да здесь же можно, — попытался возразить Брелов.

— Это вам можно! — разозлился Аллвэ. — Вы уйдёте себе, а мне с его энергетикой именной маяться?! Разве нельзя говорить о нём, не используя имени?!

— Ну, ладно тебе, ладно, — согласился Брелов, — можно, можно! Буду говорить "Он"! Хорошо?

— Другое дело!

— Ну, так, что про Него слышно?

Аллвэ задумчиво почесал нос.

— Ну, как сказать, — протянул он, обдумывая следующие свои слова, — с той стороны горы сам Он, понятное дело, не появлялся за это время. Говорят, герддроны шныряют в отрогах Гвирендорфа... Хотя, сам понимаешь, дружище менестрель, — спохватился Аллвэ, — Гвирендорф от нас далёко, так что, верить слухам, проделавшим столь длинный путь — это дело глупое и нестоящее.

— Да и в самом деле! — согласился Брелов. — А здесь, что слышно?

— Ты о чём, приятель? — Аллвэ встряхнулся и подбежал к Брелову. — Чего темнишь? Говори прямо, что интересуется!

— Действительно, — поддержал Дэльвьир, — он местные новости может тут годами рассказывать, а до нужной не дойти.

— Мы там внизу сейчас ужинали, — Брелов понизил голос, — и встретили, можно так сказать, одну из наших, понимаешь?

Аллвэ кивнул, его лицо стало серьёзным и настороженным, а уши собрались на макушке.

— Во-первых, мне бы хотелось знать, кто она, а во-вторых, она сказала, мол, в трактире лазутчик гильдии Свиртенгралля. У меня есть предположение, но хотелось бы выяснить наверняка.

— Так, — Аллвэ взялся за подбородок и задумался. — Чужих здесь последнее время не было, то есть я имею в виду, каких-то необычных. Торговцы лезут толпами, оно и понятно, на то и трактир, чтоб им лазить... Вот в комнате у кухни монах поселился недавно, гильдиец

вроде, но вот чей, точно не скажу. У него такая длинная серая ряса, а под ней на одежде рисунок: фиолетовый круг с золотыми узорами.

— Странная символика, — заключил Брелов. — Не знаешь, кто бы это мог быть? — обратился он к Авельиру.

Тот помотал головой.

— Знаешь, сколько здесь всевозможных орденов и гильдий? Это ж Гленнвилль! В здешней геральдике разбираться чтобы, специалистом надо быть! — пояснил готический рыцарь.

— Ну, а кто ещё?

— Под кухней живёт какое-то чучело, кстати, вы его только что видели, его хозяин подобрал...

— И впрямь чучело, жуть такая! — пожаловалась Алёна.

— Где подобрал? — удивился Авельир.

— Не знаю я, — Аллвэ раздражённо отмахнулся. — Житья от него никому нет, я и то лишний раз стараюсь с ним не встречаться, а то ещё проглотит, вечно голодная тварь! Раньше на кухне легко было обретаться, теперь он там всё сжирает, а нам приходится съестное с тарелок по кельям таскать.

— Да уж! — согласился Брелов.

— Зря ты его не зарубил, — с досадой произнёс Аллвэ, — все бы тебе спасибо сказали! Но, да ладно...

— Я ж тебе не герддрон, чтоб вот так мечом махать направо и налево! — с обидой возразил Брелов. — Беззаконье чинить — это не ко мне, сам знаешь!

— Ну, не цепляйся к словам! — Аллвэ разорвал блестящую упаковку и начал жадно поглощать покрытый шоколадной глазурью арахис, издавая при этом жуткий треск. — Но только вы поосторожнее с ним, он по стенам лазит как кошка и даже проворнее, так, что если пугать свою спутницу не хотите, — он одарил девушку ласковой улыбкой, — то лучше кому-нибудь здесь остаться и на подоконнике покараулить! А то ставни старые были и давно уж отвалились...

— Спасибо за предупреждение, я учту, — пообещал Брелов, — хотя, думаю, после инцидента хозяин не решится его выпускать, но мало ли, что!

— Да, вот, и ещё на счёт вашей таинственной знакомой, — продолжил Аллвэ, — мои собраты говорят, будто видели деву в зелёной одежде как у вас, вот, только в трактире её не было.

— А где ж она была? — уточнил Брелов.

— Мы — эльгвейты везде должны бывать, особенность у нас такая, ремесло наше, вот мои приятели за рекой её и встретили, но приближаться не стали, говорят, сила у неё невероятная.

— В плане "сила"? — усмехнулся Дэльвьир. — Деревья она что ль там валит?

Все засмеялись, а Аллвэ только фыркнул и недовольно скривился в сторону шутника.

— Да всё ты понял, фигляр, придуриваешься просто, уж зачем не знаю! — он обернулся к противоположной стене и негромко, но пронзительно свистнул. — Эй, парни, покажитесь!

Из-за спинки кровати показалось ещё двое эльгвейтов, внешне сильно похожих на самого Аллвэ, Алёна, едва завидев их, непроизвольно вздрогнула, но, подумав, что они не опаснее самого Аллвэ, на этот раз шарахаться не стала.

— Что такое? — спросил правый низким скрипучим басом.

— Расскажи бродяжке рок-менестрелю, кого вы там встретили! — попросил Аллвэ.

Брелов скривился и, переведя взгляд с Аллвэ, уставился на вновь появившихся лохматых существ, ожидая рассказа.

— Она волшебница, явно! — сказал правый.

— Да, соткалась как ниоткуда! — добавил тот, что сидел на спинке кровати слева.

— А когда она появилась, был дым, молнии или радуга? — уточнил Брелов.

— Вспышка яркая, как от молнии, деревья вековые зашатались! Потом комета просвистела, а из неё эта вылезла вся в зелёном! — воскликнул правый, описанное зрелище явно взбудоражило его воображение.

Брелов обернулся к своим.

— Наша? Из другого потока?

— Не знаю, — Авельир развёл руками.

— Может, кто-то из специальных посланцев? — предположил Дэльвьир.

В этот момент в разговор вступил всё время молчавший парень, которого Брелов назвал Силлем.

— А эрфнии где-то здесь теперь, да? — обратился он к Аллвэ.

Тот понимающе улыбнулся, приблизился к парню и ловко вскочил к нему на руки.

— Я там заобщался с одной крылаткой из Шэугленн, ничего себе так, — похвалился Аллвэ.

— И что она тебе сказала?! — разволновался Силль.

— Да так, ничего, — Аллвэ хитро осклабился, — скажу только на ушко...

Силль приблизился и Аллвэ что-то шепнул ему на ухо так, что никто кроме него не смог услышать слов. Силль просто просиял, как ранняя звезда и начал взволнованно хватать ртом воздух. Алёна удивлённо поглядела на эту странную парочку, а Брелов сделал вид, что ничего не заметил. Аллвэ спрыгнул обратно на пол, и, отойдя немного, обернулся к Силлю:

— Ну, ты меня понял? Я своё дело знаю!

— Всё понял! — радостно воскликнул Силль. — С меня причитается!

— Угу!

— И какие это у тебя дела с мышами, приятель? — засмеялся Дэльвьир. — Посвятил бы и нас недостойных!

— Хватит обзывать! — возмутился Аллвэ. — Вы, говорят, сами потомки обезьян каких-то...

— Нет, — Брелов усмехнулся, — это бред, даже не слушай такое.

— Всё равно пусть не обзывается, скажи ему! — не унимался Аллвэ. — Я хоть и уважаю, мышей там и крыс всяких, а всё ж отношения к ним не имею, и зарубите это себе на носу!

— Ну, ладно-ладно, договорились! — согласился Дэльвьир. — Я ж так, Силля подколоть хотел.

— А ещё интереснее, что за дела у нашего мохнатого карапуза с крылатками Шэугленн, — усмехнулся Авельир, присаживаясь на краешек кровати, — ну и загогулины у вас тут заворачиваются, пока мы отсутствовали! — он подмигнул Аллвэ и улыбнулся, став при этом ещё больше похож на мрачного клоуна. Возможно, он, благодаря обострённому восприятию, сумел-таки расслышать, о чём они шептались.

— В общем, если кого-то ещё увидите или встретите — сразу мне доложите, — подытожил Брелов. — Мы здесь ещё какое-то время пробудем, а монаха я сам проверю, что

за фрукт!

— Договорились, дружище менестрель, а мне уж восвояси пора! — с этими словами Аллвэ удалился в свой потайной ход в стене, на прощание, помахав Алёне лапкой. Алёна в ответ тоже машинально помахала, но тут же осеклась, рассказать кому — не поверят!

Друзья Аллвэ, другие эльгвейты тоже скрылись в темноте.

— Пора спать, — Брелов сунул меч обратно в ножны, — идите назад, а я последую совету Аллвэ и останусь сторожить периметр.

Так и сделали, Брелов уселся на подоконник, собираясь всю ночь не смыкая глаз, сторожить сон девушки, впрочем, самому ему не спалось, а сухарики можно было грызть и здесь.

Алёна забралась на кровать, и, устроившись поудобнее, натянула толстое одеяло до самого носа.

— Слушай, — начала она, обращаясь к странному рок-музыканту, — а как ты узнал, что этот Аллвэ любит газировку, что он понимает по-человечески и станет тебе помогать? — любопытство просто-таки раздирало её. — Я имею в виду, как тебе в самый первый раз пришла мысль обратиться к хомяку?

Брелов с умилением поглядел в её сторону и усмехнулся. Ощущение было такое, что Алёна сказала какую-то наивную нелепость.

— Слышал бы Аллвэ, как ты его назвала — лопнул бы от злости! — хихикнул он.

— И всё-таки, как ты это узнал?

— А я не знал, — Брелов пожал плечами.

— Тогда, как же вы поладили? — недоумевала Алёна, просто обескураженная таким ответом.

— Я решил, что это будет здорово, — Брелов отправил в рот ещё горсть сухариков. — Мне нужен был помощник, который бы везде бегал, всё видел и знал, а эльгвейт для этого самое подходящее существо. Вот я и представил, что подружусь с Аллвэ, что пойму его язык, и всё прочее. Я уже рассказывал тебе, да и Силий говорил, наверное, что в Адальире, правда — это не то, что ты видишь, а то, что ты обо всём этом думаешь. Всё, во что ты веришь, в Адальире становится правдой.

— Если всё так просто, то, почему вы ещё не одолели чудовищ? Представьте, что вы их победили, и все дела!

— Это кажется просто только на первый взгляд, а вот попробуй убедить себя в том, что, скажем, карандаш — самое мощное оружие на Земле, посмотрим, что у тебя выйдет! Надо не просто представить, но и поверить, как в то, что солнце восходит утром, и заходит вечером. Это огромный труд, продолжать верить в чудеса даже тогда, когда их нету вокруг. Особенно это трудно на Земле, здесь, всё-таки, проще как-то!

Алёна понимающе кивнула.

— Ладно, спи, давай, а то завтра будешь ползать квёлая, это не дело!

Алёна опустила голову на подушку, и глубоко вздохнула. Спать ей совсем не хотелось, по крайней мере, как ей казалось. Голова кружилась от узнанного за длинный день, да ещё и воздух вокруг переполняли ночные ароматы леса, будоражащие воображение. В темноте пахло листвой и свежестью, как тогда, когда она летела сквозь портал, влекомая волшебной силой...

Меж тем старый трактир поскрипывал, теми звуками навивая дремоту, и, вскоре Алёна видела уже десятый сон.

Силль и Брелов

Где-то в полночь за дверью послышались шаги. Алёна посмотрела на окно, но Брелова там не было. Она сразу заволновалась, памятуя о ночном происшествии с Дором, в темноте, пытаясь разглядеть, есть ли кто в комнате кроме неё. Потом, всё-таки переборов страх, она встала и крадучись прошла к двери. Здесь особенно сильно чувствовался аромат смолы и хвои, возможно, дверь была сделана из сосновых досок. В замочную скважину она увидела в коридоре силуэты двоих, первым был Брелов, силуэт которого она отличила по длинным волосам, второго узнала по голосу, и только, когда тот заговорил, это был Силль. Алёна прислушалась, пытаясь понять, о чём говорили вавилонцы.

Из их беседы становилось ясно, что Силль просился куда-то уйти, а Брелов не хотел его отпускать. Но, когда Силль сказал, что, может быть, не сможет больше сюда вернуться, тот сдался.

— Ладно, иди! — согласился рок-музыкант. — Ты прав, ещё неизвестно, что приготовил для нас Гиртрон в Гвирендорфе, если там войска, то путешествие становится действительно опасным. Только прошу тебя, Силль, постарайся побыстрее. Не забудь, что на рассвете нам надо двигаться дальше, — напутствовал Брелов.

— Я мигом! — обрадовано выдохнул Силль и стрелой помчался прочь вниз по лестнице, направляясь к выходу из трактира.

Когда его тень скрылась за поворотом, Алёна поспешила к окну и увидела силуэт парня, освещённый луной, мчащийся прочь от трактира по сверкающему росой ночному лугу в сторону тёмного леса. Когда фигура Силля слилась с чернеющими стволами, девушка вернулась к двери.

В коридор вышел Фариселл, он подобно старому псу неистово чесал за ухом и перебирал пальцами волосы.

— Что ты обо всём этом думаешь? — спросил Брелов шёпотом. — Я не зря его отпустил?

— Ты зря боишься своих поступков, — спокойно отозвался Фариселл. — Вот Силий говорит, и я с ним полностью согласен, если есть Божественное проведение, которое ведёт тебя, то много ли ты сам можешь сделать неправильно?

— Это хорошая отговорка, но надо помнить об ответственности за решения! — напомнил Брелов. — Сколько вавилонцев полегло здесь именно из-за неумения рассчитывать на несколько шагов вперёд!

Фариселл пожал плечами.

— Я думаю, не будет зла от того, что они встретятся, всё-таки он её избранник! — сказал он.

— Ну, да, — согласился Брелов, — быть может, ты и прав.

Фариселл скрылся за соседней дверью, которая, закрываясь за ним, глухо бухнула. Завидев, что Брелов направился обратно, Алёна поспешила в кровать и притворилась спящей. Ей вовсе не хотелось, чтобы рок-менестрель знал, что она подслушивала их беседу.

[1] Согласие порождает победу (Лат.).

Силль и Аэл'орри

Тем временем, переполняемый радостью, Силль бежал сквозь ночной лес. Он знал, что

скоро встретится со своей возлюбленной, и эта мысль согревала его сердце. Аллвэ передал Силлю, когда и где она будет его ждать. Её звали Аэл'орри, она была из немногочисленного народа эрфний, что ныне обретался в лесах у подножья Шадоурока, постоянно путешествуя с места на место. Некогда это был славный и многочисленный род. Тогда племена эрфний властвовали в лесах Гленнвуда и Кэльвиарона на юго-западе Адальира.

Внешне эрфнии довольно сильно напоминали людей, если не считать золотой чешуи, которая местами покрывала их тела. За этот золотой окрас некоторые называли их также "суль'рир", что в переводе с древнегеоральдического означало "солнечный народ". Считалось, что суль'рир были созданы богами на вершине Шадоурока, и именно волшебный солнечный рассвет первого дня всего сущего одарил их тем золотым окрасом.

У Аэл'орри, как и у всех прочих эрфний были золотые волосы, золотистая кожа и сияющие глаза. Но, несмотря на яркие краски, коими наделил её портрет Господь, лицо девушки было совсем простым и наивным, хотя в чём-то и весьма утончённым. Золотая чешуя покрывала не только её тело, но золотилась также на руках и ногах девушки, то был признак чистоты её рода.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Сквозь ветви и листву пробивались серебряные лучи лунного света, луна здесь была просто-таки огромной. Тихо пели песни ночные птицы и где-то далеко звучал женский голос, звенящий столь нежно, сколь и те струны, что вторили её песне в ночной тиши. Может быть, это жена погибшего воина оплакивала павшего мужа, или наоборот, дева радовалась возвращению своего избранника с победой... А, может быть, это она, Аэл'орри пела, воодушевлённая предчувствием, что скоро встретится с Силлем.

Он бежал по влажной траве, пробирался сквозь колючие кустарники, а песня всё звучала и всё отчётливее звенели серебряные струны арфы... Они встретились на озарённой голубым светом поляне, окружённой лесом, когда луна короновала ночь, войдя в зенит. Он шагнул в высокую траву и тысячи светлячков метнулись ввысь, звёздами отразившись в каплях росы.

Аэл'орри шла ему навстречу, и они встретились в самом центре. Ничего не говоря, она нежно коснулась его волос, а после взяла Силля за руку и повела за собой. Они вышли к тихой и медленной реке, на дне которой сияли рассыпанные звёзды. Они долго молчали, а потом долго говорили, негромко, почти шёпотом и снова молчали. Аэл'орри сидела, прислонившись спиной к стволу большого дерева среди корней у самой кромки воды, а Силль лежал возле, положив голову ей на колени. Она гладила его по волосам своими длинными, изящными пальцами, а он думал, что хотел бы, провести так целую вечность, и не уходить отсюда никогда.

— Ты никогда не спрашиваешь, откуда я прихожу и куда ухожу, — наконец произнёс Силль, когда чувства его снова стали приходить в порядок. — Просто ждёшь меня каждый раз, будто знаешь, что я обязательно приду!

— Знаю, в этот раз Аллвэ помог нам, — Аэл'орри посмотрела ему в глаза. — Ты же мой избранник, но такой странный, говоришь как чужеземец...

— Но я и есть чужеземец...

— Да, но иногда я об этом забываю... — Аэл'орри немного погрустнела и обратила свой взор к искрящейся воде. — Ты из тех, кто бродит по свету, надеясь узнать все истины. Вы думаете, что только тогда сможете жить в мире с собой, но, чем больше вы узнаете, тем больше печали ложиться на ваши души...

— Поверь, Аэл'орри, я не такой. — Силль, затаив дыхание, любовался её полными лунного света очами. — Больше всего на свете я люблю сидеть за своим компьютером, я бы и не вылез из-за него вовек, меня привела в Адальир ты...

Её золотые брови изумлённо приподнялись, и выражение лица стало совсем наивным.

— Я должен сказать, хотя бы тебе, — Силль взял рукой за лоб, будто у него разболелась голова. — Мои путешествия в Адальире — тайна, и я не имею права рассказывать о них никому, но тебе я верю как себе и хочу, чтоб ты знала...

— Я слушаю тебя, — она нежно провела рукой по его волосам. — Успокойся и расскажи мне всё. Мне можно довериться.

— Понимаешь, как бы тебе сказать? Есть другой мир, мой мир. Он не похож на Адальир, в нём много зла, войны не прекращаются веками...

Лицо Аэл'орри сделалось очень серьёзным.

— И я ничего не могу с этим поделать. Я просто живу там, каждый день хожу на работу, занимаюсь компьютерами...

— Ты так часто говоришь это странное слово, что это такое?

— Ну как тебе объяснить? У вас нет таких вещей, это штука, при помощи которой можно делать разные другие штуки... Можно, например, написать мелодию, нарисовать картинку, или, скажем, написать послание человеку, живущему за морями, за горами, и он получит его через мгновение. Это называется "Интернет" — всемирная сеть, можно что-нибудь сказать и твои слова передадут на другой край света...

— Как сигнальные костры?

— Что-то вроде. Но самое главное, — Силль понизил голос, — там можно увидеть картины... И вот на одной такой картине я увидел... тебя!

— Меня?! — изумилась Аэл'орри.

— Да, именно тебя, и сразу полюбил каждую твою чёрточку, — Силль с нежностью дотронулся до её лица, он не верил счастью и всё время боялся, что Аэл'орри окажется лишь очередным прекрасным сном. О, сколько таких снов он пересмотрел за это время! — Правда, тогда я решил, что ты всего лишь выдумка, фантазия художника... — признался он, наконец, собравшись с мыслями.

— Я выдумка? — растерялась эрфния. Она даже не могла припомнить, кто бы это мог нарисовать её портрет. Эрфния совсем позабыла того странного путешественника в нелепом, по их меркам, плаще, что так долго бродил по деревушке несколько вёсен назад, тайком зарисовывая всё в свой потрёпанный походный блокнотик самым простым карандашом...

— Я хочу рассказать тебе всё с самого начала. Однажды ночью я сидел за своим любимым компьютером и копался в Интернете. Совершенно случайно, на каком-то форуме я увидел рисунок. Это был простой полупрофессиональный рисунок, сделанный обычным карандашом, на нём была изображена девушка...

— Девушка? — Аэл'орри нахмурилась, возможно, это была ревность.

— Вот, — Силль вынул из-за пазухи прозрачный целлофановый файл, в котором был вложен лист бумаги А4 с распечатанным на принтере женским портретом. Он никогда не расставался с личной реликвией. Аэл'орри с изумлением узнала в изображённом лице то, что каждый день смотрело на неё по утрам из водной глади, когда она спускалась к реке, чтобы напиться или набрать воды для приготовления пищи.

— Неужели это я?! — она принялась тщательно рассматривать портрет.

— Да, это ты. У нас много рисуют, я не знаю, как объяснить тебе это... У вас есть те, кто рисуют природу или других суль'рир?

Аэл'орри задумчиво скосилась, стараясь припомнить:

— Не знаю, — она пожала плечами, — а, зачем изображать то, что и так уже есть?

Силль не знал, что на это ответить.

— У нас уже мало осталось лесов и рек, люди сами уничтожают свой мир, это трудно понять даже мне самому. Но этот рисунок, твой портрет... Я по привычке сохранил его и, думал, что забыл. Но вскоре я ощутил острую потребность вновь взглянуть в твои глаза...

Аэл'орри улыбнулась и с нежностью поглядела на Силля. Слова парня коснулись самых тонких струн её сердца.

— Я тоже хочу смотреть в твои глаза всегда, — прошептала она и, склонившись, нежно поцеловала Силля в лоб.

— Понимаешь, я подумал, что художник, создавший это лицо на бумаге, не мог просто выдумать тебя. Каждый человек, когда рисует лицо, либо срисовывает кого-то, либо рисует тот образ, который любит, но это значит, что раньше он уже где-то это видел...

— Зачем так сложно рассуждать? — Аэл'орри положила ладонь Силлю на грудь.

— Но я очень хотел, чтобы ты была реальностью! Я стал всеми возможными способами искать автора рисунка, я надеялся, что он расскажет мне, кто на самом деле изображён на портрете, — Силль замолчал и отвёл взгляд. — Я, наверное, выгляжу наивным...

— Совсем нет, что ты!

— Ну, а если бы ты только раз увидела отражение какого-то человека в воде, то стала бы искать его?

— Я бы поверила воде, она не умеет лгать!

— А, если, скажем, слышала бы про меня в песне ветра, разве поверила бы, что есть другой мир, и, что там есть такой вот я?

— Я бы и ветру поверила, он лучший певец, лишь соловей поёт красивее его, но и он не умеет лгать...

Ответы Аэл'орри были просты, но исполнены глубокого смысла, Силль даже растерялся.

— Я тоже поверил, что ты существуешь, и всё-таки нашёл этого художника. Он рассказал мне какую-то полную, как мне тогда показалось, абракадабру про параллельный мир, про тебя...

— Ты хотел, чтобы я оказалась настоящей, а не выдумкой, но не поверил, когда узнал правду? — Аэл'орри была просто поражена.

— Такие мы, люди...

— Смешные! — протянула Аэл'орри снисходительно, будто сама знала всё на свете.

— Я, правда, безумно желал, чтобы бы ты и вправду существовала...

— Я существую... — Аэл'орри улыбнулась.

— Потом я встретил странного человека с козлиной бородёнкой, которую он отчего-то постоянно мусолил в пальцах, мог бы сразу сбрить и забыть, раз так мешается. Он сказал, что прибыл из Адальира и позвал меня в ряды воинов Вавилона. Я решил, что он сумасшедший, и ты бы поняла меня, если бы с моё пожила на Земле. Мы там давно не верим в чудеса. Мы мало что знаем о самих себе, но уверены, что постигли весь окружающий нас мир, это парадокс.

— Я же говорю, смешные! — улыбнулась Аэл'орри.

— Понимаешь, он сделал так, что мы встретились, я наконец-то нашёл тебя! — Силль страстно сжал её маленькую ладонь. — Я не мог снова упустить тебя, поэтому я согласился с его предложением. Среди нас много достойных людей, которые борются со злом просто потому, что не могут иначе, но я здесь только из-за тебя. Я вступил в ряды защитников вашего мира только, чтобы мочь видеть тебя...

Аэл'орри аж замерла, тронутая таким признанием.

— С тех пор, я регулярно получаю послание, в нём мне сообщается, что я должен делать и куда отправляться. В своём мире я нахожу навигатора, человека, который может путешествовать через миры, и вместе с такими же, как я, вавилонцами, переносюсь в ваш мир...

— Но в самом начале ты так часто бывал в нашем лесу! Я была уверена, что ты живёшь неподалёку, в Илверре, например... — Аэл'орри опустила глаза.

— Раньше мы виделись чаще, потому что я только обучался новому ремеслу, Силий всё время брал меня с собой, но теперь я попадаю в Адальир только для выполнения миссии.

— И теперь ты не всегда попадаешь в Гленнвуд, поэтому-то ты и не знаешь, когда придёшь снова? — догадалась Аэл'орри, и лицо её сделалось грустным.

— Да, сам я пока не могу перенестись в Адальир. Только избранные умеют открывать переходы, а задания наши стали всё дальше от Гленнвуда. Но я обещаю тебе, что буду и дальше стараться научиться навигаторству! Видишь этот кристалл? — Силль вытащил из-за пазухи свой дефендер из горного хрусталя на зелёном шнурке.

— Вижу, твой талисман, — Аэл'орри тщательно оглядела камушек.

— Когда мы одолеем всё зло Адальира, он превратится в воду, я стану волен делать всё, что захочу, и тогда я навсегда останусь здесь... С тобой... Если, конечно, ты захочешь ждать...

— Что ты имеешь в виду? — Аэл'орри растерялась.

Силль отвёл взгляд и упавшим голосом произнёс:

— Ну, вдруг, тебе встретится хороший парень из ваших...

— Не продолжай, я поняла! — Аэл'орри с нежностью поглядела на Силля. — Мне нужен только ты! — произнесла она шёпотом. — Время не имеет значения, потому что мы вместе, мы обручены, мы не можем разъединиться обратно, это невозможно.

— Хорошо, я хочу верить... — Силль вновь страстно сжал её ладонь.

— Но почему ты заговорил об этом сейчас?! — Аэл'орри, словно о чём-то догадалась, и в глазах её блеснул неподдельный испуг.

— Мы получили очень важное задание, надо переправить одного человека, Избранную, которая чрезвычайно важна для Вавилона. От этого зависит будущее всего Адальира и твоей долины в том числе. Возможно, нам предстоят сражения с противниками, и я не знаю, чем всё это может кончиться... — Силль старался напустить на себя непринуждённый вид, чтобы не пугать любимую, но это не очень-то получалось.

— Это очень опасно? — Аэл'орри нахмурилась и её золотистые брови сверкнули в лунном свете, подобно драгоценной россыпи.

— Не знаю, Аэлли, — Силль задумчиво почесал кончик носа и вновь поднял взор на девушку. — Но нам придётся пройти весь Адальир, а чудовища ждать не будут...

— Ты говоришь о воинах властителя Шадоурока? Они уже поджидают вас на тропах из Гленнвуда...

— Что ты говоришь, как ты узнала?! — он ошеломлённо уставился на девушку.

— Я живу здесь с рождения и знаю обо всём, что происходит в Адальбуре. Последнее время здесь стали твориться странные вещи. Верховный старейшина деревни Виркельстер Ориус рассказывал, что из-под земли вылезают чудовища. Я и сама видела, как в долине Шэугленн у подножья Шадоурока ударные воины короля Свиртенгралля охотились за странными существами, которые выползали из разлома в земле, а потом разбегались по лесу...

— Воины Гиртр... — Аэл'орри не позволила Силлю договорить, коснувшись пальцами его губ.

— Не произноси этого слова, — попросила она и с опаской взглянула в темнеющее небо: где-то вдали за рекой сверкнула молния. — Его крепость совсем близко, — добавила она, понизив голос. — Он витает здесь и видит всё и слышит всё!

Среди облаков прокатился глухой отзвук дальних громовых раскатов.

Силль ещё сильнее сжал её ладонь:

— Его воины на этой стороне?! Проклятый демон! Они могли заметить тебя! Это так опасно! — воскликнул он, обуреваемый волнением. — Тебе не следует ходить к Шадоуроку и так рисковать собой!

— Да, — согласилась она, увидев, как взволнован её любимый. — Но, во-первых, как видишь, теперь я могу вас предупредить, а, во-вторых, я защитилась от взоров.

— Ты нивелировала восприятие? — догадался Силль.

— Да. Меня никто не видел. А наши старейшины всё головы ломали, по чью душу эти чудовища пришли в Шэугленн?

— И давно они здесь шарятся?! — спросил Силль, напряжённо затаив дыхание.

— Шарятся? — переспросила Аэл'орри.

— Давно Его воины появились в Шэугленн?

— С тех пор, как долину начало затягивать серым дымом, с прошлого полнолуния...

Силль поднялся с земли и уселся напротив Аэл'орри, глаза его нервно бегали по сторонам, было видно, что он что-то судорожно обдумывает.

— Значит, герддроны в Шэугленн уже около месяца... Но это, ни с чем не вяжется! Каким образом они прознали о нашем прибытии так задолго?!

Аэл'орри пожала плечами.

— Я должен, как можно быстрее рассказать об этом Брелову, и он, возможно, захочет... — Силль не стал договаривать, он бросил на Аэл'орри взгляд, и вдруг замер, словно внезапно что-то осознал. — Боже! Ты так прекрасна! Ты даже не знаешь, насколько ты прекрасна!

От смущения Аэл'орри опустила взгляд и кротко улыбнулась.

— Аэл'орри, я должен тебя просить об одной вещи, — нехотя начал Силль, вспомнив, наконец, об истинной цели путешествия.

— Конечно, я провожу тебя и твой отряд к этому месту! — ответила девушка, словно прочитав его мысли.

— Но тебя не должны видеть, я не хочу навлечь последователей Т'эрауса на ваш город.

— Не волнуйся, — Аэл'орри ласково улыбнулась и нежно провела ладонью по его щеке. — Я спрячусь от взоров, как и в тот раз, меня не увидят даже твои друзья.

— А как же тогда я тебя увижу?

Аэл'орри вытащила из складок платья маленький пузырьёк, прозрачный как горный хрусталь и протянула его Силлю. Внутри сосуда блестела золотистая жидкость.

— Протри ею глаза, и ты сможешь видеть всё, что скрыто, это эликсир верного толкования, — добавила она.

* * *

В этом районе все стены давно исписаны руками уличных художников-неоурбанистов. И эта старая кирпичная стена не исключение, хотя на ней ещё и осталось место для самовыражения... Снова баллоны пошли распылять краску, и здесь опять работают всё те же парень в розовой куртке с капюшоном и девушка в радужной толстовке и жёлтой кепке... Сперва очертились силуэты шести мужчин в плащах, и с мечами и одной девушки в сером шарфе...

Вскоре к рисующим присоединились такие же художники старого города, граффити заполнило всю стену, ещё остававшуюся чистой: Вот человек с козлиной бородкой держит в ладони странное сияющее существо с крылышками и огромными глазами, подле валяется поверженное чудовище, а за его спиной, нарушая все законы гравитации, по отвесной стене мчится жёлтое такси... Вот два других чудовища ведут беседу в величественном тронном зале какого-то неведомого дворца, а рядом среди ночного леса, расположилась пара влюблённых...

Рисунок завершён, мастера краски удаляются, довольные своей работой, а на стене продолжает жить их картина, как отражение всего прошедшего в каком-то волшебном краю нашего необъятного мира...

Глава III

Конструктор Вавилона

Как говорят знающие люди, этот человек не был сильнее, умнее или выше остальных, и ничем не отличался от нас с вами. Просто однажды он искренне уверовал, что дух сильнее тела, что энергия управляет материей с той же лёгкостью, с какой возникший управляет повозкой. Он — Конструктор Вавилона, человек, которому мы обязаны возрождением портала, связующего миры.

Говорят, у него была возлюбленная, говорят, что он мало с ней виделся. По одной версии возлюбленная Конструктора погибла, по другой она просто его бросила, однако он продолжал её любить. Правду говорили древние: "amour non est medicabilis herbis"[1], да и всем прочим тоже. В любом случае, это именно она подвигла его на создание программы, которая позволяла бы влюблённым общаться всегда и везде, сближала людей и не имела бы ни единого ограничения. Его мечтой стала такая программа, которая позволяла бы связывать людей без сетей, проводов и провайдеров.

Конструктор долго ни с кем не общался: закрывшись в своей мастерской, он пытался создать коммуникатор нового поколения. В основе его изобретения находилась уникальная программа, использующая в обмене данными минимальный объём информации и небольшое устройство, встраиваемое в компьютер. Это устройство являлось модулятором, улавливающим любые волны и колебания внешних сред и использующее их для передачи информации на другие аналогичные устройства. А подключалась эта хитрая штука в любой разъём на плате или даже в USB-порт через переходник. Передача информации "на попутках", как это называл сам Конструктор, действительно была совершенно новым словом в IT-технологиях. Когда ему удалось запустить первое сообщение, и об этом стало известно провайдерам, последние объединились с целью запретить новое изобретение, как возможную угрозу своим доходам. Однако этого не понадобилось, хотя, честно сказать, кампания против Конструктора была развёрнута не хилая. Многие люди узнали о новой технологии именно из тех потоков грязи, которые обрушились на гениального изобретателя, сразу же после выхода в продажу первого устройства. Но мало кто верил в чудесное средство общения, за которое можно заплатить лишь один раз и потом пользоваться им всю жизнь. Устройство было встроено в специальные компьютеры марки XRsys-X-777, которые Конструктор выпустил буквально на собственные средства. Эти машины плохо раскупались, были маломощными и нефункциональными, никто не хотел покупать эдакий драндулет, с которого нельзя было сделать ничего, кроме, как отослать, или получить текстовое сообщение, ну, и, разве что убогую картинку размером сто на сто, ну, максимум двести на двести пикселей.

Чтобы выпустить даже эти несколько компьютеров, Конструктору понадобилась уйма терпения, куча времени и немалые средства. Он продал всё, что у него было, а вскоре после выхода XRsys-ов в продажу, просто испарился. Никто не знал, что случилось с Конструктором, и куда подевался этот неуспешный ни в бизнесе, ни в личной жизни гений.

А было всё так: однажды ночью Конструктор Вавилона в очередной раз тестировал

свою систему, но снова и снова ничего не получалось. Не хотел модулятор ловить волны, не хотел их преобразовывать. Он с лёгкостью научился посылать сообщение "на попутках", используя соседние волны радиостанций, телевидения или сотовых телефонов и даже магнитное поле Земли, но получить его из хаоса бесконечных энергий обратно казалось, было, невозможно. В его квартире на кухне и в комнате стояло по такой системе, он отправлял сообщение с уникальным 777-значным кодом, который и дал название машине, а сам шёл в другую комнату получать своё же сообщение, но всякий раз в эфире ничего не было. Он думал, что, может быть, сигнал теряется за то время, которое он тратит на переход из кухни в комнату, но проверить этого не мог, как быстро не пробежал это расстояние. А без получения сигнала обратно, невозможно было доказать даже его успешную отправку.

И в этот раз было всё то же самое, Конструктор, в который раз занялся своим делом, он вошёл на кухню, привычным щелчком тумблера запустил ноутбук, стартанул модулятор XRsys, дождался загрузки X-мессенджера и набрал в строке сообщения следующие слова: "Привет, Вселенная!". Он всегда набирал только эти слова, что стало уже чем-то вроде сакрального ритуала. Затем Конструктор пошёл в комнату, будучи уверенным, что увидит лишь пустой экран, но к его неопишуемому изумлению на мониторе горел значок принимаемого сообщения, и заполнялась шкала загрузки.

Конструктора охватил священный трепет, он осторожно приблизился к экрану и прочёл сообщение. В полученном письме говорилось: "Я Вавилон. Ты открыл путь, твой портал будет преобразован". Сперва Конструктор решил, что это случайное сообщение какой-то сетевой службы, расценив слово "портал", как обозначение большого форума в сети. Однако дальше произошло совершенно невероятное...

Из чрева системного блока раздался странный скрежет и полился яркий солнечный свет, какой бывает только на рассвете в Месопотамии. Конструктор отпрянул назад, потом кинулся к компьютеру и снял одну из стенок... Модулятор сиял как утренняя звезда, золотой, почти осязаемый, свет заполнял компьютер изнутри. От изумления Конструктор просто окаменел, прямо перед его глазами происходили настоящие чудеса, которые не поддавались никакому логическому объяснению! Детали на материнской плате начали перемещаться и менять очертания. Из воздуха соткались совершенно невероятные устройства, а старенький процессор медленно трансформировался в золотую пирамидальную башню, вершину которой окружило сияющим голубоватым кольцом. Свет из модулятора сверкнул ослепительно, Конструктор шарахнулся назад и заслонился руками. Когда свет иссяк, Конструктор вновь осторожно заглянул внутрь системника. Это было подобно чуду, он увидел, что весь компьютер изнутри стал золотым, теперь материнская плата выглядела не как устройство, а как город с вавилонской башней в центре. От краёв платы к башне, как по улицам, по тончайшим линиям неслись сияющие сгустки энергии всех цветов радуги... Завороженный зрелищем, он не заметил, как комната наполнилась пьянящим ароматом тропических растений, и лишь голос райской птицы сумел вывести Конструктора из оцепенения. Он резко обернулся и увидел, что вместо привычных стен вокруг стоит лес. Реальность как-то плавно переходила в фантастическую картину, да так здорово, что невозможно было уловить, где проходит эта чудесная грань. Тут Конструктору, который уже понял, что попал в какое-то волшебное место, вдруг пришла отчётливая мысль, что для полноты картины ему не хватает серебряного меча, как у рыцарей, и только он так подумал, как рядом на земле соткался красивый клинок, точь-в-точь как тот, который он представил.

Конструктор оказался чрезвычайно умным человеком, он сразу смекнул, что к чему и страстно пожелал, чтобы ему поведали волшебный секрет того, что здесь происходит. Казалось, Вавилон только этого и ждал. В ответ на экране возникло новое сообщение.

Вавилон поведал Конструктору всё, что тот мог воспринять. Он рассказал ему про Адальир и про великую миссию рекрутов Вавилона. Про историю портала, о том, как был разрушен переход в параллельный мир, и как он, написав в коде программы древнее заклинание, восстановил связь миров через чувственную сферу их обитателей, которая когда-то заставляла всех их стремиться лишь к благоденствию и справедливой мудрости...

С помощью воскресшего портала, Конструктор Вавилона, так звали его теперь, познал способ управления миром при помощи желаний, став первопроходцем давно забытых троп реальности.

Говорят, что Вавилон посчитал Конструктора, которому удалось возродить портал, избранным и предложил ему навсегда перенестись в Адальир. Говорят, что Конструктор так и сделал, поэтому-то никто и не догадывался, куда он подевался, ведь никто не мог и предположить, что он в Адальире.

Конструктор рассказал обо всём людям, он пытался создать сообщество людей-воинов, защитников Вавилона и борцов со злом в Адальире. Казалось бы, какое нам дело до чуждого нам мира, но жизнь двух миров продолжала быть связана друг с другом, и события в Адальире, как в кривом зеркале, отражались и на Земле. Спасая Адальир, люди защищали и свой мирок тоже. Ему мало кто поверил, лишь единицы, которые, говорят, стали впоследствии истинными его сподвижниками, но зато все остальные стали наживаться на такой свежей идее. Вышла масса игр, компьютерных и ролевых, все начали играть в Вавилон и Адальир, долгое время сеть просто-таки лихорадило от нового увлечения. Всё смешалось, и настоящие сподвижники Конструктора и просто игроманы: "Мы настоящие вавилонцы!" — кричали одни. "Нет, мы — настоящие, а вы обманщики!" — кричали другие. Каждая новая игра становилась культовой, и вскоре уже невозможно было понять кто настоящий воин Вавилона, на самом деле путешествующий в Адальир, а кто всего лишь играет в него...

Предыстория Адальира

Самое время рассказать вам предысторию этого замечательного края мира, в который мы с вами и отправились по страницам этой книги: имя ему Адальир. Давным-давно боги создали новый мир и нарекли его Адальиром. Адальир был совершенен, и в нём не было места для зла. Адальир населяло множество растений и животных, и чтобы те жили в спокойствии и гармонии, боги приставили к ним хранителей — двух созидательных богов Третьего Круга: хранителя всех растений благодатного Кэльвиара и хранителя всех животных мудрого Т'эрауса.

Всё было просто прекрасно, но на самом первом этапе творения в мир Адальира из Непостижимых Глубин проник древний демон сновидений Даосторг. Он обосновался в ледяном королевстве Кристалькраут на севере, по соседству с благодатными болотами, где обретался Т'эраус. В Кристалькрауте жил ледяной народ сиворийцев, они были сделаны из льда и не видели снов, поэтому поначалу даже не подозревали о том, что Даосторг поселился у них, как дома. Демон сновидений не зря выбрал это место, желая быть как можно ближе к повелителю животного мира. Сперва Даосторг думал поработить разум

хранителя и, таким образом, захватить власть в Адальире, но, столкнувшись с невероятной силой Т'эрауса, понял, что не сможет совладать с энергией божества. И тогда изворотливый по природе Даосторг избрал иной путь. Вы спросите, зачем ему это было нужно, но ведь и река течёт без определённой цели. Даосторг не мог по-другому, то была его суть — сеять зло и разорение.

Он нашёл у Т'эрауса слабое место, это была его зависть. Ещё на заре творения, на вершине священной горы Шадоурок в лучах самого первого рассвета нового мира боги соткали первый адальир, предмет, в котором заключалась вся энергия Адальира — волшебный меч благословенный Апплоусерт, клинок его струился резвым ключом, а эфес зеленел молодой листвой. Апплоусерт, хоть и был мечом, но мог только созидать и восстанавливать нарушенный баланс мира. Свет первого рассвета очистил сие творение от отрицательной составляющей его энергий, и тень меча осталась лежать на вершине Шадоурока. Меч Апплоусерт боги передали Кэльвиару, чтобы он хранил основу Адальира. Т'эраус испытывал зависть, считая, что он, как хранитель животного мира, больше заслуживает этой чести, и Даосторгу удалось узнать об этом. Кроме того, будучи созидательным божеством, Т'эраус не мог до конца обуздать свою тягу к созиданию и, как Кэльвиар, стать лишь верным хранителем Адальира, он жаждал творить собственные создания, но в идеальном мире для этого попросту не оставалось места.

К этому времени в Адальире стали появляться люди, которые, к слову сказать, пришли из мира Земли (именно поэтому первые их поселения оказались близки Вавилону, где находился портал, связующий пространства) и прочие народы, строились дворцы и ширились королевства, где царил мир и справедливость. Даосторг начал проникать во сны людей, навеивать кошмары и разлагать души.

Чтобы защитить Адальир от козней Даосторга, боги вновь поднялись на священную гору Шадоурок и соткали ещё девять адальиров — оберегов, призванных хранить мир от разрушения и зла. Адальеры были самыми простыми предметами: соха, корона, солнечные часы, фонарь, зеркало, щит, колокольчик и просто кристалл горного хрусталя. Девятым адальиром были доспехи, броня и шлем (поэтому некоторые утверждают, что адальиров одиннадцать).

Боги передали адальеры народам в разные края света, чтобы они хранили весь мир. Казалось, что теперь-то всё станет идеально. Сила, заключённая в адальирах защищала людей, и Даосторг не мог более путешествовать в их снах. Демон сновидений оказался запертым в Кристалькрауте. Тогда он стал проникать во сны жителей окрестных королевств, где не так велика была сила адальиров, и пытаться поработить их. Вскоре его чарам поддался талантливый кузнец из Форрингтленна по имени Виллз Фортен, который стал первым поддавшимся греху тщеславия человеком в Адальире. Даосторгу только того и надо было, он принял богатое обличие короля, и, явившись к Виллзу, попросил выковать себе доспех. Предложение столь величественной персоны польстило кузнецу, и тот сразу согласился, не догадываясь, что и для кого собрался делать.

Теперь Даосторг впервые получил физическое обличие и мог путешествовать по всему Адальиру, несмотря на защиту оберегов. Он вселился в доспех и сразу отправился к Т'эраусу. Каким-то непостижимым образом ему удалось убедить Т'эрауса, что творить собственные миры можно лишь расчистив для этого место, путём уничтожения уже созданного.

Т'эраус, подтачиваемый увещеваниями подлого демона и съедаемый жаждой творить собственные миры вскоре начал меняться. Сначала он вышел из своего болота, где спал в течение тысяч лет и встал на ноги. Он начал разрушать созданное богами и творить собственных существ, так в мир Адальира пришло зло и разрушение. Т'эраус создавал Даосторгу первовоинов, железно-каменных гигантов и летающих дартгровов, помогал завоёвывать всё новые земли, продвигаясь на юг во владения Кэльвиара. Вместе они поработили Южный Кристалькраут, Форринггленн, Западный Авернгленн и продвинулись до самого Зирвельдона, вплотную подойдя к границам власти Кэльвиара.

Как только боги Первого Круга прознали про козни Даосторга и злодеяния Т'эрауса они послали в Адальир Ронгторна — истребителя богов, богоподобное существо Второго Круга, чтобы он призвал к ответу зарвавшегося Т'эрауса, который вместо того, чтобы защищать вверенный ему мир, встал на сторону разрушителя Даосторга, но Даосторг предвидел и это. Он поднялся на вершину Шадоурока и похитил тень Апплоусерта, из которой преданные демону колдуны выковали первое в мире оружие, смертоносный меч Низерельдер, антипод Апплоусерта. Даосторг отдал Низерельдер Т'эраусу и тот поверг присланного истребителя. Удар Низерельдера в сражении с истребителем богов оказался столь сильным, что не только уничтожил Ронгторна, но и сокрушил самого Кэльвиара на другом краю Адальира. Также были уничтожены и первовоины, созданные Т'эраусом. Хотя и были они из железа, но существовали по единственно возможному биологическому принципу обмена веществ, только вместо жидких сред, в организмах дартгровов и прочих первовоинов использовался ионный обмен в узлах кристаллических решёток, образующих их металлов. Именно после удара Низерельдера несметные армии прошлых эпох канули в лету, именно поэтому Грасу Даркфлессу пришлось много позже восстанавливать их силами собственных энергий, а Даосторгу искать себе новых вассалов их числа гирльдов, но обо всём по порядку... Нарушение баланса энергии привело к закрытию портала, связующего миры и боги больше не могли попасть в Адальир. Также разрушился и портал, находящийся в Вавилоне, и связующий Адальир с Землёй.

Т'эраус и Даосторг обосновались на месте болот, где некогда обреталось падшее божество, выстроив на этом месте великую крепость, неприступную Кйа-Ори. Границу крепости отмечали двенадцать крепостей поменьше, расположенные кругом вокруг столицы Кйа-Ори замка Свиртенграль по цифрам воображаемых часов (как утверждают мудрецы, руины замка Лемерона Сальвордера и будущий дворец магии Гаур-Хэс и есть две уцелевшие крепости из тех двенадцати). После этого они развернули настоящую войну против всего мира, теперь наступила их власть, наступила эпоха Кйа-Ори. Однако произошло то, чего никто не мог предвидеть: люди сами встали на защиту Адальира. Первой против супостата выступила столица древнего Адальира — город Вавилон. Его рыцари были мудры и владели тайным знанием, но всё равно сил их тогда было недостаточно. Как оказалось, дух Кэльвиара частично уцелел после атаки Низерельдера, он вселился в дерево в самых глубинах лесов Кэльвиарона и стал объединять вокруг себя людей, борющихся против Т'эрауса и Даосторга. В коалицию вошли Вавилон и многочисленные города Кэльвиарона, все праведные волшебники Арвельдона и хранители крепости-твердыни Клианор с высокогорий Армильд. Ведомые ныне Кэльвиаром, объединённые защитники Адальира собрали огромную силу и дали отпор изрядно поредевшим после удара Низерельдера армиям Даосторга. Дерево Кэльвиара росло и крепло, и появилась надежда однажды заново выпилить из него разрушившееся божество, но для этого требовалось много времени.

Пока война бушевала на востоке, севере и юге Адальира, на западе творились совсем другие дела. Здесь рос и набирал силу новый народ гирльдов. Гирльды, в течение сотен лет кочевавшие и промышлявшие лишь торговлей, сменили походы на осёдлость, обосновавшись на северо-западных склонах Свиреаля, где три короля основали королевство, великий Северный Георальд. Тогда начался настоящий расцвет этой расы существ. Затем гирльды совершили переход через Свиреальский хребет и с благословения мудрецов Армильд-Клианор создали новое королевство на южных его склонах, Южный Георальд. Гирльды распространились до самого Кристалькраута и стали теснить вассалов Даосторга. В войну они не вступали, но и без того сильно докучали демону сновидений.

Даосторг никак не мог одолеть гирльдов, потому что они от рождения не видели снов и не поддавались его влиянию. Королевство гирльдов стало поистине одним из самых влиятельных за всю историю Адальира, потеснив даже вечный Вавилон. У гирльдов начали меняться и представления о мироустройстве. Они заметили, что только они не видят снов, как другие существа, и решили, что они растения.

Это было невыгодно Даосторгу, ведь теперь гирльды могли примкнуть к сторонникам Кэльвиара, а с их новой силой это становилось настоящей угрозой власти Т'эрауса.

Тогда Даосторг обратился к Т'эраусу с просьбой даровать гирльдам возможность видеть сновидения. Когда они обрели сны, Даосторг без труда проник в их грёзы и пожрал великий народ изнутри. Видели бы вы гирльдов в первое время, они только и делали, что спали каждую свободную минутку, наслаждаясь яркими красочными снами! А просыпаясь, бросались обсуждать друг с дружкой, увиденное в стране грёз и планировать, что посмотрят в следующий раз. Теперь Георальд был ослаблен и становился лёгкой добычей. Даосторг же своими деяниями неимоверно взрастил собственную силу и должен был перевоплотиться в новое существо. Сосудом для демона сновидений стал потомок всё того же кузнеца из Форрингглenna Киллз Фортен. Даосторг завладел его телом, совершив второе воплощение в землях Адальира, теперь имя ему было Старгерольд — Даосторг- воин.

Старгерольд огнём и мечом завоевал Георальд, северо-восточный Кристалькраут и укрепился в Зирвельдоне. Собрав несметные армии гирльдов под знамёна Т'эрауса, Старгерольд обрушил на своих противников поистине мощнейший удар. Гирльды стали его вернейшими слугами и помогли завоевать центральные земли вплоть до Гленнвуда, они были невосприимчивы к боли, неимоверно сильны и сражались яростнее нынешних герддронов. Наступила эпоха Георальда. После чего, как известно, подлый демон расправился и с ними, заодно уничтожив некогда процветающий народ вэльмов, что жил когда-то на южных склонах Свиреальского хребта.

Тем временем в дальних западных краях преддверий Вавилона росла и крепла новая сила, окраинное королевство Геррония, ранее служившее лишь перевалочной базой для воинов Вавилона, год от года закалявшееся в борьбе против Т'эрауса, уверенно ширилось и набирало мощь. В отсутствии гирльдов, Геррония быстро заняла лидирующие позиции и взрастила собственное влияние. Однако окрылённый небывалыми успехами Даосторг, ныне Старгерольд не принимал молодое королевство всерьёз, и это была его главная ошибка. Сконцентрировав все силы в борьбе против воинов Вавилона, он упустил Герронию из виду. Войска Вавилона и Герронии под предводительством короля Эллера Непобедимого и величайшего волшебника из Арвельдона Элмэороса в один прекрасный момент ворвались в Зирвельдон и на голову разбили легионы Даосторга, отбросив силы Т'эрауса к самым дальним северным рубежам.

В той битве сгинул и меч Низерельдер, затерявшийся где-то в лесах Зирвельдона. Лишь столкнувшись с магией Элмэороса, клинок сам собой вырвался из клешней Т'эрауса и улетел за горизонт. Наступило затишье и, наконец, в Адальире воцарился робкий мир. Из обломков Ронгторна добрые волшебники Герронии во главе с Элмэоросом создали хранителя Т'аоса и поставили его стеречь горный проход, таким образом, закрыв все выходы из крепости Старгерольда в северо-восточном Кристалькрауте. В Арвельдоне они основали величайшую гильдию волшебства Гаур-Хэс, которая становилась ныне верховной властью, пришло время волшебников. Восстанавливать всё приходилось буквально вручную, так, как боги не могли проникнуть в Адальир без портала, а внутри мира никто кроме Кэльвиара не мог воспользоваться исцеляющей силой Апплоусерта, Кэльвиар же прибывал внутри дерева и неизвестно, когда мог восстановиться.

Хоть Свиртенгралль с его чудовищами оказался запечатан, на этой стороне Адальира ещё оставалось немало слуг Т'эрауса, таких как сюзерен Кйа-Ори Фаур-Каст и прочие. Зная, что оставшиеся за пределами запертого ныне Свиртенгралля, последователи культа Т'эрауса попытаются завладеть Апплоусертом, те, кто правят в Вавилоне, решили передать волшебный адальир на сохранение хранителям Армильд-Клианор. Крепость на вершине непреступной горы доказала свою необоримость и могла защитить великое оружие до возвращения Кэльвиара.

Плохое быстро забывается и вскоре многие, ранее враждовавшие народы стали вновь сходиться. Восстанавливались магические гильдии, строились дворцы, люди учились заново жить в мире. Но однажды, расслабившиеся от долгого затишья, маги Герронии впустили на волшебный совет во дворец магии Гаур-Хэс гильдийцев Свиртенгралля и Фаур-Каста, которым ранее это было запрещено, собственными руками открыв им врата Т'аоса. Слуги Старгерольда и вассала его, тогда ещё молодого Граса Даркфлесса только этого и ждали, они учинили сражение прямо в магическом чертоге, спровоцировав войну волшебников и стихийных магов. В этом сражении пал тот самый волшебник Элмэорос, что сотни лет помогал бороться со слугами Т'эрауса. После этого наступила нелёгкая для всех эпоха, которую впоследствии окрестили Войной Разочарования, потому что в ней не было победителей. Место Элмэороса во главе Гаур-Хэза занял его первый преемник Сальир-Вери. Он не пожелал более править в Адальире и отдал власть молодому и амбициозному королю Герронии Торильтару. Вслед за эпохой волшебства настала эпоха щита и меча, время власти столицы Герронии славного города-крепости Ормунда.

Вавилон отошёл от дел и почему-то не стал поддерживать нового короля, воины его ныне совершали собственные рейды отдельно от войск Герронии.

Вновь провозглашённый владыка Адальира Торильтар Славный не позволил разгореться пожару новой войны, он выступил против Старгерольда, когда тот, накопив силы, уже собирался атаковать гарнизон Тарнтгора Пограничного во главе с хранителем Т'аосом, чтобы проложить себе путь и прорваться в остальную часть Адальира. Торильтар сокрушил Старгерольда под стенами замка Свиртенгралль и уничтожил древнего демона. На обратном пути воинство Герронии столкнулось с легионами Т'эрауса, идущими на подмогу Свиртенграллю из Фаур-Каста. Торильтар разгромил воинов Т'эрауса, а само чудовище обратилось в бегство.

Теперь никто не знал, где Т'эраус, и когда он нанесёт ответный удар. Место же повергнутого Старгерольда заняло третье воплощение Даосторга, ставшее владыкой Свиртенгралля в обличье Гиртрона. Гиртрон был самой странной фигурой во всём действе,

он пришёл не из Кристалькраута, а с противоположного края света из Зирвельдона, каким-то образом минул берег хранителя Т'аоса и пешком достиг Свиртенгралля. Придя к замку, он потребовал коронации на трон и объявил себя новым воплощением Даосторга, назвавшись именем Гиртрон. С первых шагов Гиртрон завладел практически всем Кристалькраутом, отделил его северо-восточную часть и переименовал её в Свиртенгралль, а всем окружающим землям вернул имя Кйа-Ори, как назывались они в эпоху Георальда, когда здесь царствовал Т'эраус, сила его стала тогда поистине величайшей. После коронации, Гиртрон поднялся на вершину Шадоурока, где в лучах волшебного рассвета избавился от собственной тени. Тень тотчас ожила, став преемником чудовища Первым Герддрон. Первый Герддрон поступил также и из свой тени создал, в свою очередь, Герддрона Второго. И так до двенадцати. Первый Герддрон обладал силой, чуть ли не такой же, как и сам Гиртрон, передавший чудовищу вместе со своей тенью и собственное могущество. Первый Герддрон тоже мог творить воинов из теней. День и ночь с вершины шли колонны вновь созданных воинов, и вскоре Гиртрон создал огромное войско из этих чудовищ. Герддроны Свиртенгралля, как окрестили их окрестные жители, вскоре заменили всех смертных воинов в армиях Гиртрона. В отличие от железных великанов Фаур-Каста и дартгров, возрождённых Грасом Даркфлессом, Свиртенгралльским герддронам не требовалась энергия огня, и они превосходно чувствовали себя в ледяных владениях древнего демона сновидений. Герддроны Свиртенгралля заполонили всю крепость, заменив всех прочих воинов, они были ловкими и проворными, но обладали при этом чудовищной силой.

С тех пор прошло больше трёхсот лет, но победа Торильтара не принесла Адальиру столь ожидаемого всеми мира, а наоборот, почему-то власть Гиртрона стала только укрепляться, а влияние Герронии ослабевать... Воины Гиртрона, ранее блокированные в Кйа-Ори, стали появляться и в других частях Адальира, хотя по идее не могли этого делать. Ведь единственный выход из Свиртенгралля надёжно сторожил гарнизон Тарнтгора Пограничного во главе с непобедимым каменным великаном Т'аосом, по крайней мере, люди были в этом уверены. Гиртрон больше не начинал больших военных кампаний, ограничиваясь лишь небольшими рейдами с участием герддронов Свиртенгралля.

Геррония же со временем удовольствовалась лишь собственным мирком. Торильтар состарился и вскоре сгинул в очередном военном походе где-то в С'аррусовой степи. Ходили упорные слухи, что именно Шэугкан сразил его, когда войско короля вступило в сражение с мародёрами, разграбляющими Эрнонд. Новый король Эллер Великий не искал славы своего великого предшественника, и хоть правил он щедро и справедливо, но мало интересовался жизнью за пределами своего королевства. Ормунд больше не снаряжал дозорных отрядов для патрулирования Адальира, не посылал войска для обуздания Граса Даркфлесса и не поддерживал связей с Вавилоном.

В наступившем смутном времени слуги Гиртрона и, созданные им герддроны, творили всё, что им заблагорассудится. На карте Адальира вновь не осталось ни единого королевства, столь сильного, чтобы сдержать расплодившихся чудовищ Свиртенгралля и Фаур-Каста. Требовалась сила, способная противостоять им, и как раз в самый критический момент, произошло чудо: возродился портал, связующий миры Адальира и Земли. Те, кто правят в Вавилоне, ухватились за эту возможность и начали использовать людей Земли для борьбы с древним злом Адальира. Так возникло новое братство защитников Адальира. Люди Земли оказались очень одухотворёнными и смогли принять волшебную правду, без отрицаний и сомнений, только земляне, истосковавшиеся по чудесам, легко воспринимали новую

миссию, и могли совершать подвиги при помощи одной силы мысли. Ныне разделённые, некогда они уже приходили в Адальир через портал древнего Вавилона, и теперь настало время возвращения домой.

Наступила наистраннейшая эпоха во всей Адальирской истории, началась тотальная война всех со всеми. Герддроны Свиртенгралля отыскиали-таки путь на Землю, Гиртрон, одержимый идеей свершения пророчества Филлерста, и, ожидая поединщика, усилил давление на прочие королевства в попытке найти требуемого вавилонца, а рекруты Вавилона с Земли вступили в прямое противостояние с силами Т'эрауса. Отряд Брелова начал своё путешествие...

[1] Любовь травами не лечится (Лат.).

Утро в Гленнвуде

Можете себе представить, как чувствует себя молодая и неопытная по жизни девушка, впервые попавшая в незнакомое место, скажем, новоиспечённая туристка? Если вы девушка, то, наверное, знаете... Всё такое необычное и интересное, всё новое и романтическое, поэтому чаще всего именно в других странах возникают самые яркие летние романы, не приносящие никакой пользы, но оставляющие какие-то благоговейные воспоминания... Это экзотика играет с вами злую шутку, а в реальности все места на нашей планете экзотичны для приезжих и до обыденности привычны местным жителям.

Так, можете представить? Вы, наверное, не совсем понимаете к чему это... А теперь представьте, что может переживать девушка, которая только что узнала, что попала в совершенно другой мир, и не просто иную страну, а абсолютно другую реальность, и не просто узнала, а увидела, услышала и ощутила это всеми своими семью чувствами! Это и страх, и волнение, и душевный подъём, и романтическое вдохновение, которое у Алёны, впрочем, достаточно глубоко спряталось под пылью повседневных, рутинных мыслей. Она только что проснулась и уж, было, решила, что всё лишь сон, но, оглядевшись, поняла: она по-прежнему в старом трактире в Гленнвуде, а, значит, волшебное путешествие в Адальир продолжается...

Свежий ветерок пронёсся над равниной, зелёная листва, обрамляющая голубые небеса, всколыхнулась. Горный хрусталь росы засиял на этом дивном утреннем солнце подобно искрам божественного электричества. Луговые травы стали плавно перекачиваться неспешной волной. Их покрытые росой верхушки, чуть опережали в движении сочные стебли, отчего над равниной двигалось как бы несколько волн, нижние разных оттенков зелени и верхняя, хрустальная россыпь ещё сохранившихся мельчайших капель ночного дождя.

Алёна вышла из своей кельи. На дубовой лестнице аппетитно пахло съестным, это с кухни доносились чудесные ароматы приготовляющейся пищи, но есть ей не хотелось. Она впервые за многие годы так сладко выпалась, и ощущала теперь прилив сил и бодрящей энергии. В холле, к её удивлению, никого не оказалось, только один торговец за столом в углу снуло потягивал из большой деревянной кружки пенное пиво. В Гленнвилле любили поспать, и в такую рань мало кто поднимался. Девушка бросила взгляд в окно на большой круглый камень — солнечные часы: тень-стрелка от большого пня в центре частично скрывалась тенью соседнего дерева, но и без того было понятно, что сейчас часов пять-

шесть утра.

Алёна потихоньку выбралась из трактира и направилась в сторону луга, туда, где из-под небольшого пригорка весело журчала речка. Она остановилась, когда травы вокруг стали дотягиваться ей до пояса. Девушка наклонилась к странным распустившимся за ночь голубым цветам, напоминающим незабудки, и с вожделением вдохнула их насыщенный, чуть пьянящий аромат. Она опустила на колени среди трав и, закрыв глаза в блаженстве, стала гладить их руками, ощущая в пальцах этот давно позабытый за длинную слякотную зиму трепет лепестков и стеблей.

Казалось, что мир в это мгновение затаил дыхание, ведь звуков в рассветный час не было никаких, только игриво журчала речка да начинали щебетать ранние птицы Гленнвуда. Алёна начала старательно вслушиваться, пытаясь, словно наполниться этим божественным всепоглощающим спокойствием и умиротворением, накопить его на потом. Словно эту простую благодать природы можно также просто положить в карманы, как и эти лепестки луговых цветов, и унести с собой. Ей вдруг показалось, что из-за леса доносятся звуки какой-то песни, она даже раскрыла глаза, будто хотела увидеть ноты отчётливее, и поняла, что музыка действительно звучит. Волшебная воздушная мелодия флейты, что доносилась со стороны величественного старинного леса, звучала так завораживающе, что Алёна словно начала таять, подобно мартовскому снежку в лучах великолепного весеннего солнца. Вдруг ей пришло на ум, что там, в её родном слякотном и промозглom городе, она бы ни за что не стала слушать такую простую и в чём-то средневековую музыку, но здесь голос далёкой флейты показался ей самым изумительным из всего, что она слышала в жизни.

Алёна видит волшебное облако

Алёна раскинула руки и, откинувшись назад, плавно опустилась на мягкую, уже согретую солнцем, траву. Губы её сами собой сложились в блаженную улыбку. Теперь, если бы мы посмотрели на луг, то не заметили бы на нём никакой гостыи. Вдруг в небесах с западной стороны что-то замелькало, словно раскидистое дерево потряхивало головой на фоне яркого восхода. Калейдоскоп теней и света, привлёкший внимание Алёны, оказался всего лишь дождевой тучкой, скромно расположившейся над небольшой рощей. Изнутри тучу озаряли голубоватые всполохи, словно бушующей там грозы, но, ни грома, ни молний видно не было, лишь серая завеса спадала вниз в том месте, где туча изливалась резвым дождём на далёкие луга за рощей. Алёна приподнялась на локте, стараясь из-за высоких сочных трав рассмотреть странное облако, немного напугавшее её, но оно уже уплыло куда-то назад, превратившись в едва угадываемый силуэт на самой кромке горизонта. Луговую траву ещё раз колыхнул робкий порыв ветра далёкой непогоды, и вновь над лугом стала благодать ясного лета. Ветер унёс страх прочь, Алёна сразу расслабилась и плюхнулась обратно, подняв при этом облако пушинок и лепестков.

На противоположном краю луга у трактира, возле огромного пня показалась фигура Фариселла, вскоре сзади к нему подошёл Брелов, на нём уже не было зелёного плаща, а вместо этого парень был одет в чёрную "рокерскую" майку и кожаный жилет поверх. Они недолго о чём-то разговаривали, а после Брелов стал звать свою новую спутницу. Алёну почему-то это стало ужасно забавлять, она сперва не отвечала на оклики, направляемые вавилонцами в сторону окна её кельи, а только смотрела на своих спутников из-за высокой травы, смеясь вполголоса. А потом, когда Брелов вошёл на луг, и очутился буквально подле неё, Алёна резко вскочила на ноги, и запрыгнула Брелову на спину. От удивления и

неожиданности парень вздрогнул, и схватился было за меч, но тут же понял, что над ним просто подшутили, и сам громко рассмеялся. Алёна, по правде сказать, и сама удивилась своему поступку, но здесь всё и без того было достаточно удивительным, чтобы ещё и за поведением следить. Брелов тем временем крутанулся вокруг своей оси и бросился бежать по лугу, неся шутницу на плечах. Алёна только смеялась, по-прежнему не отпуская рук, крепко держась за жилет рокера.

Возле реки Брелов остановился и, повернувшись через плечо, одарил свою наездницу многозначительным взглядом. Алёна тут же перестала улыбаться, так серьёзно он поглядел на неё.

— Сейчас вот скину тебя в ручей, будешь знать! — пригрозил Брелов и погрозил ей пальцем.

Алёна взглянула на него испугано, и машинальным движением поправив растрепавшиеся волосы, стала пытаться медленно слезть на землю. Но Брелов схватил её за руку и не позволил этого сделать.

— Шучу! — рассмеялся он торжествующе.

Теперь уже Алёна почувствовала, как над ней посмеялись, она даже немножко обиделась, что её так просто разыграли, но всё-таки в ответ тоже засмеялась. Она вновь попробовала спуститься на землю, но Брелов опять не позволил ей этого.

— Нет уж, давай я тебя донесу, а то снова убежишь в вольные поля, как дикий единорог! — сказал он, то ли в шутку, а то ли всерьёз, но спорить Алёна всяко не стала.

Фариселл удивлённо приподнял бровь, когда из-за угла трактира показался Брелов с восседающей у него за плечами девушкой.

— Она уже села тебе на шею? — рассмеялся, вылезавший из окна трактира Авельир.

Брелов соорудил одухотворённое выражение лица, на по типу такого, кое бывает у философов, и, пожав плечами, опустил девушку на землю. Алёна прыгнула на траву и, увидев, что Авельир смотрит в её сторону, немного смущённо опустила взгляд. Авельир многозначительно улыбнулся, даже в готическом гриме он был красив, и прекрасно знал о том, как действует на женщин эта его улыбка.

— А ты чего это в окна лазишь? — неправдоподобно удивился Брелов. — И хватит тут глазки строить, мы как-никак на работе!

— Да так, хотел побыстрее выйти на улицу, нашёл короткий путь, — затараторил Авельир, его всегда смущало, когда кто-нибудь, а чаще всего это был именно старина Брелов, замечал его кокетливые движения и взгляды. — И, потом, какая работа, дружище?! Я не вижу ни компьютеров ни верстаков!

Фариселл попеременно окинул взглядом Брелова и Авельира, потом перевёл взгляд на Алёну, сдержанно усмехнулся и со скучающим видом побрёл в сторону луга.

— Слушай, Авельир, — начал Брелов, обращаясь к готическому рыцарю, — помнишь ту девушку вчера в холле?

— Да, мне она тоже приглянулась, — Авельир приосанился, и устремил мечтательный взгляд к небу.

— Я не о том, — Брелов нахмурился, — ты назвал её "голубоглазкой", помнишь? Ты уверен, что её глаза голубые, а не зелёные?

— Уверен, а к чему ты клонишь?

— У наших с Земли глаза должны быть как изумруды, а если у неё они голубые, то это значит...

— Она из Адальира! — догадался Авельир.

— Или... — Брелов замялся, очевидно, обдумывая, стоит ли развивать своё предположение.

— Или, что? — заинтересовавшись, Авельир настаивал на продолжении.

Алёна поправила вновь упавшие на лицо волосы и пристально посмотрела на Брелова.

— Я просто вспомнил про Артемиду, — Брелов попытался напустить на себя непринуждённый вид. — Может, это она? Ты знаешь эту историю?

Авельир отрицательно покачал головой.

— А что за история? — спросила Алёна.

— Говорят, одна из наших, — начал Брелов.

— Из братства Вавилона? — перебив его, уточнила Алёна.

— Да, — подтвердил Брелов. — Так вот, говорят, одна из наших достигла такого уровня совершенства здесь в Адальире, что научилась полностью контролировать реальность. Мол, она даже смогла изменить цвет своих глаз и ныне её невозможно отличить от жителей Адальира. Говорят, что её умения позволяют ей беспрепятственно путешествовать в любом мире. Мне про неё говорил Силий, он называл её Артемидой, но утверждал, что лично с ней не знаком, хотя он при этом так хитро ухмылялся, что я не очень-то ему поверил...

— Я, кажется, начал понимать, о ком ты говоришь, — протянул Авельир, что-то вспомнив. — Она — правая рука Конструктора, я тоже слышал о ней, но, признаться, думал, это всё рассказы...

— В любом случае, получается, что Алёна действительно важна, как для Вавилона, так и для Свиртенгралля, — подытожил Брелов, — слишком уж много здесь суеты. Я помню, в прошлых путешествиях, а они, сказать по правде, не были очень уж простыми, нас никто не подстраховывал.

Алёна невольно поёжилась от этих слов, её пугала и новая, непонятная ответственность, так внезапно взвалившаяся на её хрупкие плечи вместе со странным званием "избранной", и чудовища, описанные ей накануне воинами Вавилона. Она жалобно поглядела на Брелова, словно ожидая какой-то поддержки. Брелов сразу это заметил, ободряюще улыбнулся и подмигнул девушке.

— Не бойся, это как компьютерная игра, всё будет хорошо, — пообещал он, — уровень проще, уровень сложнее, ничего страшного!

— А мне не понравился тот чародей в холле, — задумчиво произнёс Авельир, глядя куда-то в сторону. — Не зря же голубоглазка нам на него указала. Хотя, если хорошенько подумать...

— Его нужно будет проверить, — безапелляционно заявил Брелов. — Аллвэ сказал, что этот гильдиец живёт возле кухни, значит, его будет легко отследить из холла.

— Да, но, Арчи, — Авельир развел руками, — может быть, он и не из этих, ведь узор, описанный Аллвэ, не относится ни к одной касте Свиртенгралля или Фаур-Каста.

— Ну и что? Это совершенно ни о чём не говорит, ибо он может быть нанятым из поселений Дальнего Окологемелья, а там орденов пруд пруди, всех и не упомнишь. Потом, это может быть всего лишь маскировка, — лицо Брелова сделалось свирепым. — Я просто уверен, что он обучался в Криальстаре или Свиртенгральском хэзе!

— Почему ты так думаешь? — удивился Авельир.

— А ты слышал, как он заканчивал свои заклинания? Всякий раз он выкрикивал "пасс"! Это завершающая форма концентрации огненных стихий, она применялась сиздавна, ещё в

Северо-Восточном Кристалькрауте, когда сиворийцы-аутсайдеры пытались противостоять огненным стихиям Адальира.

Авельир понимающе кивнул.

— Надо — проверим! — он перевёл взгляд на Алёну и тоже улыбнулся ей. В этот момент девушка подумала, что, наверное, нравится этому странному рыцарю, расписанному под гота. От Авельира исходило ощущение глубокой симпатии, которое с лёгкостью вызвало в Алёне аналогичное чувство по отношению и к нему.

Поход в Шэугленн

Когда солнце стало подниматься, и его лучи осветили вершины синих гор на западе, Силль вернулся в трактир. К этому времени все уже собрались в Алёниной комнате. Силль с порога выложил Брелову всё, что узнал от Аэл'орри, утаив, разве что, источник собственной осведомлённости.

— Не может быть! — не поверил Брелов. — Не могли они так загодя подготовиться! Месяц назад мы сами ещё не знали, что отправимся в путешествие по Адальиру, — он оглядел друзей, ожидая поддержки своего мнения. — Месяц назад мы были в Илверре вообще-то!

— К тому же, как они могли узнать, что мы высадимся в Гленнвилле? — резонно заметил Авельир. — А, кстати, почему Силий не перебросил нас прямо в Герронию? Там до Вавилона рукой подать.

— Этого не знаю, — Брелов пальцем потёр переносицу, — но, уверен, это тоже часть его плана, — он обернулся к Силлю. — Ты уверен, что это войны Шадоурока?

— Уверен, — Силль кивнул.

— Да, — протянул Брелов, пройдясь по комнате, — это, действительно, весьма странно: войны Шадоурока в Шэугленн, гердроны в Гвирендорфе, а гильдиец Свиртенгралля в трактире, ещё и эта странная девушка в холле... Здесь и вправду что-то затевается, но связано ли это с нашим путешествием?

Вопрос Брелова повис в воздухе, ответить на него сейчас не мог даже опытный вавилонец. Правду знать мог только Силий, но был он сейчас на Земле, и связаться с ним не представлялось возможным. Возможным было только продолжать выполнение миссии, возложенной на отряд Брелова Арбитром Стихий. После долгих раздумий, все решили, что раньше, чем продолжать путь к Вавилону, следует проверить, что творится в Шэугленн. Если войны Гиртрона действительно притаились в лесах, ожидая именно людей Брелова, то вряд ли они рассчитывали на появление воинов Вавилона в этом старом лесу к северо-западу от Гленнвилля. У подножья Шадоурока можно было выяснить не только, что за существа пришли в леса Гленнвуда, но и незаметно с высоких утёсов проверить тропы, ведущие к Гвирендорфу на предмет засад, выяснить, таким образом, перекрыты ли они гердронами Свиртенгралля или же нет.

В Шэугленн с Бреловым и Силлем отправились Килль и Дэльвьир, а Авельир и Фариселл остались с Алёной в трактире, чтобы охранять Избранную.

Выбравшись на тропу, которую указала Аэл'орри, Силль смочил пальцы эликсиром и протёр глаза. О, сколько чудесного открылось ему теперь! Он видел буквально всё, окружающий мир налился красками, словно его расписал художник-чудодей. Он услышал

голоса самых тихих птиц, прячущихся в лесных глубинах, и увидел самых маленьких мотыльков, что парили в тени трав, скрытые от взоров листвой и стеблями. Теперь он мог представить, что чувствует Авельир, от природы одарённый обострённым восприятием. Силль даже потёр глаза, словно он вышел из тёмной пещеры, и яркое солнце ослепило его. И лишь он сделал так, как перед ним на тропе в туманной утренней дымке возникла девушка в лазурной накидке. Капюшон её был низко спущен на лицо, а из-под него выглядывали золотые волосы — это была Аэл'орри, в правой ладони она сжимала маленький изумрудный кристалл, то был нивелирующий камень, делающий её невидимой для глаз. Чем сильнее она сжимала ладонь, тем сложнее было заметить её даже Силлю. Но, стоило бы ей разжать пальцы, и эрфния стала бы тут же вновь видна всем, это было особенностью чудесного камня. Ещё одной особенностью нивелирующего кристалла было то, что действующий камень сильно колот руку, это было похоже на сотню иголок, и Аэл'орри время от времени, прячась за деревьями, раскрывала ладонь, чтобы сбросить накопившуюся энергию. Мало-помалу разум Силля стал привыкать к новым ощущениям, дарованным его очам чудесным эликсиром. Аэл'орри поманила его своим красивым золотистым пальцем и пошла по тропе.

— Туда! — уверенно сказал Силль и двинулся вслед за девушкой, остальные последовали за ним. Что бы, интересно, случилось с Авельиром, попади хоть капелька этого чудного эликсира в его глаза и без того одарённые невероятной чувствительностью?!

— Интересно, откуда ты так хорошо знаешь, куда идти? — недоверчиво сказал Килль. — Я бы предпочёл, чтобы нас вёл Брелов.

— Он знает, куда идёт, молодец Силль! — одобрил Брелов и незаметно сам себе усмехнулся, он-то уже догадался, что происходит, ведь секрет нивелирующего камня и эрфниего эликсира уже давно растиражировали по всевозможным вавилонским сайтам...

Они прошли мимо поваленных бурей вековых деревьев. Аэл'орри показалась на другой стороне у цветущей рощи и сделала жест рукой, зовя за собой.

— Туда! — вновь указал Силль.

Вчетвером они перебрались через бурелом и стали пробираться сквозь лес. Силль видел, как ветви кустов, словно сами расходятся в стороны, пропуская Аэл'орри, и плотно смыкаются за ней, эти леса явно питали к ней слабость. Пройдя лес, они вышли к озеру и двинулись вдоль его берега. Силль шёл след в след за Аэл'орри: она показывалась из зарослей, и он шёл напролом следом, возникала на скале — и весь отряд карабкался наверх по каменистому склону.

Вскоре за зарослями стала вырисовываться чёрная поверхность Шадоурока. Следом за заросшим мхом ущельем и искрящимся ручьём раскрылась небольшая долина, подходящая к самому подножью Горы Теней, местами из зелени поднимались причудливой формы утёсы, увитые зелёными кружевами плющей и розовыми гирляндами резных цветов. По краям долины всё было также покрыто зеленью, цветущими деревьями и кустами, и лишь у подножья Шадоурока не было жизни, а только камень серый. В центре долины виднелось чёрное пятно, это, очевидно, и был тот разлом, о котором говорила Аэл'орри.

Воины остановились. Силль поднял взгляд на выступ горы слева, где стояла его возлюбленная, ожидая, когда та подтвердит, что они на месте. Аэл'орри кивнула в сторону долины, нежно-нежно улыбнулась Силлю и скрылась за деревьями. Силль тяжело вздохнул, обуреваемый нежными чувствами, и невольно дотронулся рукой до сердца. Даже недолгое расставание с Аэл'орри повергало его в тоску.

— Пришли! — объявил он, сникнув.

Отряд бегом ринулся по склону, стремясь быстрее войти в долину. Брелов велел рассредоточиться, и все стали осматривать попадающиеся на пути овраги и трещины в земле. Сам же Брелов отправился напрямик к тому чёрному пятну, которое виднелось с пригорка у самого подножья Шадоурока — горы властителя Свиртенгралля.

Силль замешкался и был вознаграждён, Аэл'орри вышла из зарослей и разжала ладонь с волшебным камнем, возникнув как ниоткуда.

— Мне нужно идти, много дел ещё важных надо сделать, — сказала она, с нежностью глядя на Силля.

— Да, да, я понимаю... — с неохотой пробормотал парень. — Но мы ведь ещё увидимся, я уверен!

— Конечно! — Аэл'орри приблизилась и поцеловала его в губы, а потом вновь сжала нивелирующий камень, тут же исчезнув из поля зрения.

Силль задумчиво коснулся пальцами губ, словно желая сохранить её поцелуй, и, помедлив мгновение, двинулся вслед за своими. Он то и дело протирал глаза, жмурился и тряс головой, ему всё ещё трудно было воспринимать краски мира, усиленные стократ волшебным зельем. Перед глазами его по-прежнему стоял образ возлюбленной, каким-то волшебством закрепившийся в сознании. В какой-то момент, проходя очередную рытвину, он случайно опустил глаза и обратил взор к распаханной земле, что лежала у его ног. Сначала Силлю показалось, что у него двоится в глазах, но потом он понял, что эликсир сотворил с его взором ещё большее чудо и он начинает видеть сквозь землю. Это видение было похоже на галлюцинацию, земля словно бы разверзлась пред ним, и он увидел пещеры в факельном свете и странных существ, которые передвигались на четвереньках по узким каменным казематам. Эти существа были точь-в-точь как любимец хозяина Гленнвилльского трактира Дор. Он изо всех сил напрягал зрение, чтобы рассмотреть ещё что-нибудь и чувствовал, что начинает видеть всё дальше и дальше. Подземные коридоры ветвились как корни большого дерева, местами образуя значительные расширения, вероятно, комнаты, заполненные какими-то неразличимыми предметами. И всюду сновали странные чёрные панцирные полулюди-полужвери. Невозможно было понять, какую работу они выполняют, бессмысленно мечась по катакомбам. Там и тут на каждом выходе из очередного тоннеля стояли охранники, по двое трёхметровых великанов в антрацитовых доспехах, украшенных тончайшей голубой росписью, похожие на тех железных великанов, что когда-то охраняли цитадель Т'эрауса Кйа-Ори. Ходов под скалой было так много, и шли они так далеко, что рассмотреть всё было бы не под силу даже дозорному Тарнтгора Пограничного, а уж они славились орлиным зрением, ведь каждый день высматривали неприятеля на самых дальних подступах к крепости Т'аоса.

Постепенно все ходы собирались в одном бесконечно огромном округлом помещении под самым центром Шадоурока, и Силль теперь отчётливо это видел. Он поднял свой ныне просветлённый взгляд на серый камень горы и сам не поверил увиденному: вся скала, казавшаяся цельным монолитом снаружи, изнутри была испещрена неисчислимым количеством комнат, коридоров, переходов, лестниц, огромных залов и прочих странных помещений. Как будто внутри горы был заключён огромный город. Где-то под самым пиком Силль внезапно увидел фигуру существа в плаще, он не думал, что сможет рассмотреть на таком расстоянии что-нибудь меньшее горного людоеда Сивории, которые были столь велики, что одним ударом могли проломить крепостную стену. Но этот человек в плаще и

странном шлеме сам, словно магнитом притягивал к себе взгляд, и Силля обуял настоящий ужас. Гора содрогнулась, Силль словно бы полетел сквозь камень прямо к вершине. В мгновение ока он очутился буквально вплотную к неведомому существу. Воин в высоком шлеме и плаще медленно развернулся, блики факельного света сыграли на его зеркально отполированном забрале. В глазницах шлема стояло ровное алое сияние, гудящее, как разыгравшийся на ветру костёр. Он продолжал притягивать Силля к себе, и тому всё труднее становилось противостоять этому притяжению. Силль ощутил, как обмякает его тело, слабеет воля и теряется контроль над мыслями... Из складок плаща воина струился ледяной голубоватый туман, он сделал движение рукой, выводя из-за спины опущенный остриём к земле меч, лезвие которого окутывало лимонно-жёлтым пламенем...

Ощувив, что он подпадает под какое-то магическое влияние, Силль невероятным усилием воли, собрав всю её в кулак, резко отвернулся. Этот рывок оказался столь отчаянным, что парень аж провернулся вокруг оси, и грохнулся наземь. В голове его всё гудело и вращалось, словно он спрыгнул с карусели, его тошнило, а в глазах калейдоскопом кружили искры. Как раз перед его лицом из земли бил прозрачный ключ, Силль припал к нему и трясущимися руками стал усердно промывать глаза, а когда, придя в себя, он вновь посмотрел на Шадоурок, то увидел лишь серый камень. Видение ушло вместе с последней каплей эликсира Аэл'орри, вымытой из глаз ключевой водой...

Авельир с Алёной и Фариселлом в трактире

Алёне было немного обидно, что её не взяли с собой в Шэугленн. Она уж совсем позабыла о прошлых страхах, о герддронах, и хотела побольше узнать о новом мире.

— Мы не можем тобой рисковать, — объяснил Авельир, заметив Алёнино недовольство. — Ты избранная, и очень важна для Вавилона. Тем более, поверь мне, в Шэугленн нет ничего более интересного, чем здесь в Гленнвилле.

— Я понимаю, — протянула Алёна. — Вот только знать бы, что я такого умею, и куда меня избрали? — добавила она скептически.

— Точно не в депутаты, — посмеялся Авельир.

— Да уж!

— А хочешь прогуляться? — предложил Авельир. — Фариселл, давай покажем ей окрестности, там красиво! — обратился он к другу.

— Ну, давай, — одобрил идею низкорослый рыцарь, — только поплотнее запахните плащи, твой сюртук, Авельир, смотрится странновато даже для фривольного Гленнвилля! — он скупно усмехнулся. В ответ Авельир недовольно скривился.

— А куда мы пойдём? — заинтересовалась Алёна.

— Я лично предлагаю на восток, там Илверр и всяко дальше от Шадоурока, а, следовательно, безопаснее для нас! — сказал Авельир.

— Это здравая мысль, — поддержал затею Фариселл, и они отправились по тропе, ведущей через луг за трактиром к той роще, из которой поутру пела слышимая Алёной флейта.

Тропинка петляла среди высоких трав, то тут, то там встречались овраги, подходившие вплотную к тропе. Их склоны ковром устилали самые разнообразные цветы с большими лепестками, образующими как бы чашечки. Соцветия имели разные цвета, становясь всё темнее к низу оврагов, дно которых покрывали небольшие уже буро-зелёные растения без соцветий, листьями напоминающие сеньполию — узамбарскую фиалку.

— Хочешь, фокус покажу? — спросил Авельир, когда они проходили мимо очередного овражка. Алёна, естественно согласилась. — Тогда, смотри!

Авельир наклонился и дотронулся пальцем до одного цветка, растущего на самом краю тропинки. Внутри его лепестков дрожала большая капля росы ярко-жёлтого цвета.

— Пыльца окрашивает росу, — пояснил Авельир, нарочито подражая интонациям Дроздова, — это презабавное зрелище!

Фариселл несвойственно себе криво улыбнулся. Алёна понравилась Авельиру, и это невозможно было не заметить, тем более, низкорослый рыцарь знал этого гота не первый год. До чего же он был сейчас забавен, стараясь всячески поразить воображение девушки всем, что знал в мире Адалъира!

Авельир примерился, опустил на одно колено и на мгновение замер, просчитывая траекторию, потом резко вскочил и молнией пронёсся вдоль оврага, не отрывая пальцев от лепестков, поочерёдно опрокинув их все. Цветы как по команде качнулись в сторону низменности. Опрокинувшись, они выронили капли росы, которые тут же упали на цветы, растущие ниже, дальше всё повторилось. Волна росы, спущенная Авельиром, стала медленно стекать по лепесткам, устремляясь ко дну овражка, по принципу домино, в пути окрашивая цветной пылью склон в радужный цвет. Алёна просто ахнула, столь красивым было это зрелище, словно кто-то расстелил здесь целую радугу.

— Красиво, правда? — Авельир был явно доволен собой.

— Очень! — воскликнула Алёна, уже в который раз пожалев, что не захватила с собой фотоаппарата.

— Кстати, на наших сайтах много фотографий из Адалъира, — произнёс Авельир, словно прочтя Алёнины мысли, и в чём-то это было именно так, ведь его обострённые чувства позволяли парню улавливать даже незримую глазу энергию разума. — Но мало кто верит в их подлинность, собственно, что и требуется. Знать правду могут только избранные и посвящённые, а все прочие пусть думают, что Адалъир — всего лишь игра.

Затем они двинулись дальше. Через некоторое время, путешественники вышли к большой старой мельнице, что чинно расположилась на пригорке среди старинного леса. Хоть крылья сооружения и вращались, а надо сказать ветра здесь дули славные, но понять работает ли в мельнице кто-нибудь, было сложно. Деревянная башня несколько обветшала и производила впечатление чего-то неиспользуемого.

Авельир первым поднялся по склону, и, обернувшись к спутникам, указал рукой куда-то за их спины.

— Отсюда отличный вид! — воскликнул он. — Можно увидеть весь Гленнвуд, как на ладони!

Алёна поспешила подняться следом, а Фариселл спешить не стал, чтобы не смущать Авельира своим присутствием. А вдруг, эта Избранная, действительно приглянулась готическому рыцарю?

— Фотоаппарата у меня нету, но зато есть телефон, — гот вынул из кармана сюртука большой чёрный смартфон, корпус которого покрывала тонкая белая роспись в готическом стиле. — Хочешь, я тебя щёлкну?

— Да! — обрадовалась Алёна. — На фоне мельницы! Только потом не забудь мне прислать фото! Хорошо?

— Конечно! — пообещал Авельир.

Девушка встала чуть в отдалении, и Авельир сфотографировал её на фоне старинной

мельницы. Фото вышло очень удачным. Алёна записала Авельиру свой мэйл в телефон и ещё раз попросила не забыть потом прислать ей фотку.

— А можно ещё тебя попросить?

— Конечно! — с готовностью ответил Авельир. — Что ты хочешь?

— Побудешь моим гидом? — игриво спросила девушка, добравшись до вершины холма.

— Я, собственно, за этим вас сюда и потащил, смотри! — Авельир ненавязчиво приобнял Алёну за плечо, подводя к наиболее удачной для обзора возвышенности. — Вон там впереди, — он указал рукой в сторону трактира, — центр Гленнвуда, это немного дальше нашего трактира.

Алёна кивнула.

— А справа?

— Справа — местные владенья Гиртрона, гнусный Демон Сновидений захватил все земли к северо-западу, граница его крепости проходит точно у подножья вон той серой горы, видишь?

— Вижу. Это туда отправился Брелов с остальными?

— Да, именно. Земля у подножья Шадоурока — так именуется эта гора — носит название Шэугленн по имени народа, некогда обитавшего в долине. А вон там вдали, далеко-далеко, слабые очертания, похожие на серую диаграмму, видишь?

— Очень слабо, — призналась девушка. — А, правда, что ты видишь и слышишь всё намного отчётливее, чем прочие люди?

— Ну, в общем, да, — Авельир улыбнулся польщённой улыбкой, в его готическом гриме это выглядело немножко жутковато. — Есть такое дело. Так знаешь что там за силуэты?

— Конечно же — нет, но, я так понимаю, ты мне сейчас расскажешь?

— Разумеется! Это вершины Свиреаля.

— Чего? — Алёна решила, что не расслышала сказанного, так как слово показалось ей знакомым.

— Нет, не свирель, — он как будто понял, что ей послышалось, — а Свиреаль, так называется огромная горная система, цепи хребтов, делящие Адальир на районы. Его центральные вершины и главный пик высокогорий Армильда видны из любого уголка Адальира. Свиреаль тянется с запада на восток, на востоке он распадается на отдельные горные нагромождения, опоясывающие весь Гленнвуд, а на западе каменным кольцом окружает Вавилон. Говорят, Боги сотворили его, чтобы отделить земли Т'эрауса от благодатных долин Кэльвиара ещё на заре Древнейших эпох.

— Урок географии параллельного мира! — съязвила Алёна. — Вот расскажу кому, не поверят! — она лукаво улыбнулась.

— Это не просто география, — Авельир сделал серьёзное лицо, — вершины Свиреаля столь высоки, что отделяют даже климатические зоны. Вон там справа, за Шадоуроком, правда, отсюда его не видно, далеко-далеко лежит Кристалькраут — там стоит вечная зима, весна там — диковинка, снега покрывают равнины и все северные склоны гор. А слева, на южной стороне Свиреаля непролазные джунгли, жара и благодать.

— Это правда удивительно, — согласилась Алёна, — было бы здорово, чтобы и на Земле так было, пришёл домой, а там лето! — она мечтательно закрыла глаза.

— Когда первые переселенцы из числа древнего народа гирльдов переходили на южную сторону Свиреаля, они были полностью обескуражены, ибо укутались, набрали тёплых вещей для покорения ледяных горных вершин, ну, ты сама понимаешь, а вышли в цветущее

лето.

Алёна заинтересованно кивнула, в знак того, что внимательно слушает рассказ Авельира, тот продолжил:

— Говорят, правда, сам я там не был, что этот феномен сохраняется и у самых вершин, мол, можно сделать всего несколько шагов через пик Армильд и оказаться либо в бушующей метели, либо в тёплом дожде, — заметив Алёнино удивление, Авельир по-простому развёл руками. — Это Адальир, здесь могут соседствовать и здорово уживаться самые разные природные явления буквально под боком друг у друга, здесь даже волшебство ещё осталось... Об этом повествует притча "О листе и снеге", пришедшая из Армильд-Клианор, в которой говорилось о мудреце, что мог одновременно, стоя на вершине, набирать в одну руку снега, а другой касаться молодой листвы, и это было вовсе не чудом.

Алена, на секунду отвлёкшись от нити повествования, мельком взглянула в сторону. В чистом голубом небе с восточной стороны танцевала и переливалась искрящаяся змейка. Она плыла высоко над землёй, превращаясь в разные геометрические фигуры, и казалась совершенно ирреальной. То она становилась восьмёркой, то ромбом, то кругом, овалом или просто россыпью искр без какой-либо структуры.

- Ой, у меня, кажется, мигрень началась! — Алёна зажмурилась и встряхнула головой, пытаясь прогнать видение.

— Это не мигрень, — Авельир ласково похлопал девушку по плечу, — это на самом деле есть...

— Что ЭТО?! — обернувшись к парню, опешила Алёна. Не уж её мигрень была такой сильной, что готу тоже удалось увидеть её?!

— Мы называем это "летучий портал", их много в Илверре, что как раз в восточной стороне, — начал разъяснять Авельир. — Это как бы точка перехода в параллельный мир, в том месте происходит слияние разных пространств.

— Правда? — Алёна присмотрелась к танцующим в воздухе серебристым искоркам. — А вон ещё один левее, и третий сзади!

— Да, их много здесь, особенно по утрам. Говорят, в Илверре минимальное напряжение межпространственного энергетического поля, что позволяет возникать "летучим порталам". Вот если бы до него допрыгнуть, то можно было бы перенестись, скажем, на Землю, или в другой край Адальира. Но они, негодники, так высоко летают! — гот недовольно покачал головой.

— Так красиво! — Алёна восторженно мотнула головой. — А, где Фариселл? Мы про него совсем забыли!

— Он... — Авельир прислушался. — Он стирает запачкавшийся край плаща в ручье у подножья холма.

— Откуда ты знаешь? — недоверчиво спросила Алёна. С их позиции на пригорке нельзя было увидеть, что происходит внизу, поэтому девушка поднялась на ноги, но и тогда ничего не увидела. Лишь вытянувшись на цыпочках, Алёна смогла рассмотреть внизу крохотную фигурку человека, и впрямь сидящего возле подгорного ручья.

— Но, как ты узнал? — она ошарашено обернулась к Авельиру.

— Я слышал! — готический рыцарь самодовольно улыбался.

— Ах, я совсем забыла про твои сверхспособности! — воскликнула она, теперь на самом деле по достоинству оценив умения гота.

Авельир, Алёна и Фариселл встречают путника из Электрического Рима

— А что ты ещё слышишь своим суперухом?

Авельир закрыл глаза и, отбросив волосы назад, пальцем отогнул правое ухо вперёд, чтобы продемонстрировать свои сверхъестественные возможности.

— Слышу, что от подножья холма чуть левее в нашу сторону движется человек...

— Фариселл? — Алёна оглянулась.

— Или нет, — Авельир задумался и ещё усерднее прислушался, — странный звук, теперь мне кажется, что там трещат молнии...

На тропинке показался путник, человек в неопределённом белом одеянии на манер древнеримского и конусовидной бамбуковой шляпе, спокойно ступал в их сторону, опираясь на длинную сучковатую палку, служившую ему посохом.

Какая-то благодать исходила от него, такое ощущение у Алёны было только при общении с Силием. Авельир, чьи чувства были обострены до предела человеческих возможностей, конечно же, тоже почувствовал благодатную энергию, но отчего-то насторожился. Надо сказать, что независимо от знака, любая великая по силе энергия вызывала у гота, в виду его обострённого восприятия, некоторое напряжение.

Меж тем, путник приблизился. Он встал на краю заросшей клевером тропинки, оглядел Авельира с Алёной добродушным взглядом, и уселся неподалёку прямо на большом камне. Затем он скинул наземь заплечный мешок, и, развязав завязки, раскрыл его. На волю тотчас выпорхнуло что-то сияющее, похожее на россыпь звёзд.

От неожиданности Алёна вздрогнула, а потом вопрошающе посмотрела на Авельира, ожидая, что готический рыцарь объяснит ей происходящее, но Авельир и сам прибывал в замешательстве.

Путник подставил ладонь, и выпорхнувшие искорки стали собираться на ней, только теперь Алёна смогла разглядеть, что искры вовсе не искры, а крохотные человечки с крылышками.

— Электрические феи! — восторженно выдохнул Авельир.

— Что? — удивилась Алёна.

— Вот уж не думал, что доведётся увидеть это чудо воочию! — Авельир уверенным шагом направился к странному путешественнику, Алёна, конечно же, поспешила следом.

— Мир вам, добрые люди! — приветствовал их путник. — А тебя зовут Авельир, верно? — обратился он к готическому рыцарю.

— Верно, а откуда ты узнал? — изумился Авельир.

— Я знал того, чьё имя ты носишь, вы с ним действительно похожи! — путник взмахнул рукой, голубые огоньки сорвались с его ладони, и, взмыв в воздух, стали кружиться вокруг Алёны.

Девушка попыталась разглядеть летунов, но, не тут-то было, эти существа так быстро носились, что рассмотреть их было попросту нереально. Тогда она перевела взгляд на путника: это был человек непонятного возраста, не молодой, не старый, с длинными светлыми волосами, светло-голубыми глазами, такими светлыми, что они казались просто прозрачными. У него были правильные черты лица и тонкий нос, а на подбородке виднелась скудная бородёнка вроде той, что носит Силий, но только не русая, а белоснежная. Путник слегка улыбался устами и немножко глазами. Алёне показалось, что он чем-то отдалённо похож на Силия, но эта похожесть была вовсе не чертами, а, скорее, выражением лица и общей одухотворённой философичностью, отражающейся на нём.

— Подойди, дитя, — обратился он к Алёне, — я, кажется, знаю и тебя.

Алёна немножко испугалась, но Авельир был рядом с ней, и поэтому она всё-таки приблизилась.

— А вы откуда меня знаете? — уточнила она, недоверчиво.

— Сам не знаю, — путник махнул рукой, — издали, знаешь, показалось, что знаю, а теперь знаю, знаешь ли, что не знаю. Вместе с тем, знаешь ли, хотелось бы узнать!

Алёна встряхнула головой, словно пытаясь вытрясти из ушей услышанный бред.

— Простите, что?! — переспросила она.

— Мои спутницы столько много времени проводят в полёте, столько же, сколько, наверное, я провожу в пути, они всё летают-летают, а смысла им не добавляется, можно было бы и передышку сделать. Как ты думаешь?

Алёна не поняла, к чему относилась эта фраза конкретно, но ей показалось, что путник жалуется на фей.

— Какой-то он странный, — шепнул ей на ухо Авельир, — держи ухо востро, я таких типов не очень...

Девушка согласно кивнула.

— Согласитесь, друзья, — странный бродяга запустил руку в свой мешок, и, вытащив оттуда кусок хлеба, надломил его, готовясь к трапезе, — что одно и то же выражение может означать совсем разные вещи: скажем, "в эфире" может значить "находящийся в состоянии чистой энергии", а может значить что-то, что идёт по телевизору...

Слово "телевизор" просто ошеломило и без того растерявшуюся девушку, уж больно не вязалось оно с доисторическим видом пришельца. Алёна и Авельир переглянулись.

— А ещё я знаю, как бороться с крокодилом, — путник лукаво улыбнулся и подмигнул Алёне. — Вот, раздобыл шутовину специально для этих целей, могу поделиться! — он протянул Алёне сжатую в кулак руку и раскрыл её. На ладони путника что-то сверкало.

— Как красиво! — воскликнула Алёна.

— И это ещё не всё, ведь теперь она твоя! — путник аккуратно передал сияющую искру в Алёнину ладонь.

— И все-таки, откуда вы меня знаете? — повторила свой вопрос девушка, восторженно разглядывая подарок.

Путник повернулся к Авельиру, они обменялись взглядами, и готический рыцарь, почему-то, понимая кивнув, удалился, расположившись на траве недалеко от тропы.

Путник встал со своего камня, и закинул мешок за плечо. Через мгновение они с Алёной уже сидели на траве под кружевными кронами деревьев на соседнем склоне холма, причём Алёна даже не заметила, как они сюда переместились. Путник, молча, смотрел на девушку, словно художник, собирающийся её рисовать. Алёна, не поняв, что происходит, в ответ растеряно уставилась на путника.

— Ты избранная, теперь я это точно знаю! — заключил путник.

— Откуда вы это знаете? — по-прежнему недоумевала девушка.

— Тот, кто послал тебя сюда, оставил часть своей энергии, она-то и привела меня к тебе, — путник протянул руку и вынул из Алёниных волос красную шерстяную ниточку, вдетую в них Силивом. — Вот его послание, — он продемонстрировал шерстинку Алёне.

— А что в этом послании говорится? Силий заплетал её в бороду...

— Силий? Значит, так его зовут? Он кто-то очень сильный, этот, как? Силий, да, точно, этот Силий. Его энергия просто безгранична. Он хотел, чтобы мы встретились, и я наделил

тебя необходимым оружием.

— Оружием? — Алёна раскрыла ладонь и посмотрела на мерцающую в ней искру. — Этим?

— Да, — путник задумчиво поглядел вдаль, — я направлялся к солнечным лугам Кирльгерльда... — он указал рукой на еле виднеющуюся тропинку у подножья холма с северо-западной стороны.

Алёна проследила за его движением и вдруг заметила, как пространство исказилось, словно бы отразившись в линзе телескопа. Всё вокруг осталось на своих местах, и кружевная роща и свежие травы на склоне, и голубое небо, пронизываемое золотыми лучами, а тропа, о которой говорил путник, вдруг приблизилась, словно по волшебству, и можно стало разглядеть даже мелкие дорожные камушки.

— И вдруг я понял, что мой путь пролегает в другую сторону, я начал взбираться на холм, хотя и не планировал этого заранее, — продолжал путник.

— Вас направила эта ниточка? — Алёна взяла шерстинку и недоверчиво оглядела ей со всех сторон.

— Именно. Его энергия указала мне, кому нужно передать великое оружие.

— Вы всё про эту искру? И что мне с ней теперь делать?

— То, что ты держишь в руках, может сработать только однажды и только тогда, когда это будет действительно необходимо, *adversus necessitatem ne dii quidem*[1]. Запомни, крокодил больше огня боится энергии, заключённой в этой искре, воспользуйся ей лишь в самом крайнем случае!

Алёна хотела спросить ещё что-то, но обнаружила, что путника рядом уже нет, а сама она вновь стоит возле придорожного камня. Алёна обернулась к роще, взгляд её упал к подножью холма, где по тропе на северо-запад двигалась крохотная фигурка человека в белом одеянии на манер древнеримского. Путник уже бодро шагал прочь своим прежним путём, в окружении порхающих кругами светлячков.

— Что он тебе сказал? — спросил Авельир, провожая человека своим пристальным взглядом.

— Сказал, что этой искрой можно одолеть какого-то крокодила, — сбивчиво пробормотала она в ответ, и показала Авельиру странный презент. — Какой такой крокодил, что он имел в виду, не ясно.

— Это явно был человек из Электрического Рима, — Авельир нахмурился. — Именно поэтому я и спутал его с молнией...

— Откуда?

— Долго объяснять, Алён, — Авельир пристально оглядел подарок путника. — Спрячь эту вещь понадежнее. Я думаю, Силий специально послал нас сюда, чтобы мы встретились с этим путником.

— И всё-таки, что он имел в виду?

— Крокодил, крокодил, — пробормотал Авельир, пытаясь припомнить, что бы это могло значить, но на ум почему-то ничего не шло. — Спросим у Фариселла, может, он растолкует.

Они спустились к ручью, у которого сидел Фариселл. Низкорослый рыцарь расположился у самого подножья склона, откинувшись на него, как на спинку удобного кресла и пожёвывал травинку. Глаза его были закрыты, словно бы он дремал, но по подрагивающим ушам становилось ясно, что Фариселл на чеку и вслушивается в

окружающее. Так и оказалось, он услышал шаги друзей ещё за сто метров.

— Ну, ты, прям, как собака, двигаешь во сне ушами! — воскликнул Авельир, приближаясь.

Фариселл нехотя поднялся, отряхнул плащ и смерил Авельира утомлённым взглядом.

— Ну, а как же? Жизнь такая! — Фариселл почесал за ухом.

— Слушай, дружище, а подскажи, — Авельир мельком взглянул на Алёну, — кого в Илверре могут именовать "крокодилом"?

— Да, мало ли кого, — Фариселл пожал плечами. — Раньше так называли и перводемонов и самого Т'эрауса, пока он не стал ходить на двух ногах. Там вообще среди Гиртроновских приспешников полно всяких чудищ, которых можно так назвать. А почему в Илверре?

— Мы встретили странного путника, я думаю, он из Электрического Рима, но поговору выглядело, что он долго жил в Илверре. Он дал Алёне странный предмет.

Алёна продемонстрировала ладонь с переливающейся искрой.

— Он сказал, что эта штука может побороть какого-то крокодила, — продолжила рассказ Алёна.

— Странно, — Фариселл задумался, — я, сколько не учился, никогда не умел понимать язык Эзопа. Однако нам пора возвращаться.

— Правда? — Авельир взглянул на наручные часы, на которых почему-то было три циферблата, на каждом по пять стрелок. — В общем, да! — сориентировавшись, согласился готический рыцарь.

— А почему здесь столько часов, а на них по несколько стрелок? — Алёна с удивлением рассматривала часы гота.

Оказалось, что стрелки на левом и правом циферблатах двигались очень медленно, практически не заметно невооружённому глазу. На центральном же они шли в несколько раз быстрее с привычной Алёне скоростью обыкновенного хронометра.

— Стрелки показывают часы, минуты, секунды, миллисекунды и наносекунды. На крайних часах земное время. Наше столичное, — Авельир указал пальцем на левый циферблат, — и время королевства Адальир, — он постучал железным ногтем своей перчатки по выпуклому стёклышку правого циферблата. — А по центру — это время Адальира, в котором мы сейчас с тобой находимся, и, как можешь заметить, оно течёт в разы быстрее, привычного нам земного.

— А кажется наоборот, что время здесь еле тянется! — воскликнула Алёна.

— Так и есть, время в Адальире для нас тянется гораздо дольше, чем на Земле, но в соотношении с земным временем, оно течёт быстрее. Это даёт эффект ускорения, поэтому мы имеем преимущество над местными обитателями, ибо движемся быстрее.

— Это трудно осознать, особенно, когда у тебя по математике в школе всегда были только тройки, — улыбнулась Алёна. — Да и по физике тоже, я знаю только, что Эйнштейн говорил об относительности времени...

Авельир хлопнул Алёну по плечу.

— Теперь ты понимаешь, как Бог создал небо и землю в один день? Просто это был не такой день, как мы его себе представляем!

Алёна спрятала подарок странного путника в карман на юбке и понимающе кивнула, в Адальире ей действительно становились понятны многие, ранее казавшиеся невероятными, вещи.

Постигнув смысл готических часов, но, так и не разгадав загадки странного путешественника, они двинулись обратно к трактиру. По пути Алёна заметила странное сооружение на живописном пригорке, и спросила об этом Авельира.

— Это руины хэза, в переводе с георальдского "дворца" — древнего сооружения для отправления магических ритуалов, — пояснил готический рыцарь.

— А почему такое странное название, в смысле звучание?

— Я думаю, это слово имеет общие корни с английским "haze"[2], что переводится, как "лёгкий туман", потому что в древности все дворцы магии скрывали от любопытных взоров завесой тумана, которая всегда кружила вокруг их стен, — Авельир пригладил чуть растрепавшиеся волосы. — У каждого народа были свои дворцы магии. Гирльды на заре эпох поклонялись солнцу, их скудные умения изменять окружающий мир строились не на волшебстве, и не на стихиях, а лишь на собственном труде. Поэтому империя гирльдов простояла так долго.

— Непонятно, — Алёна покрутила головой.

— Они не нарушали естественного хода вещей, — пояснил Фариселл, — поэтому и просуществовали сотни лет в гармонии с природой.

— Пока однажды их умы не пожрал Гиртрон, правда, тогда его звали Даосторгом, — добавил Авельир.

— А что тогда произошло? — Алёна искренне заинтересовалась.

— Особенностью гирльдов было то, что они не видели снов, потому демон сновидений Даосторг и не мог долгое время одолеть их примитивный край. Раньше Гирльды вели кочевой образ жизни, их ничего не интересовало, кроме собственных дел, пока они не осели в Северном Георальде. Тогда у них начали развиваться ремёсла и искусство, возникла религия. Гирльды стали обращать внимание на окружающий их Мир, и заметили, что все живые существа, людей тогда они ещё плохо знали, видят сны кроме них и растений. А уж когда они встретили людей Герронии, и те рассказали им про свои яркие, цветные сновидения, гирльды решили, что они неслучайно обделены этим даром. Поэтому со временем гирльды начали считать и себя растениями. Такому восприятию Мира гирльдами способствовало также их внешнее сходство с насекомыми, которые живут среди растений и не считаются животными. Покровителем растений в Адальире с рождения эпох был Кэльвиар, против которого выступал Даосторг, он не мог допустить, чтобы крепнувший день ото дня народ гирльдов принял сторону противника. Тогда он пошёл к божеству Третьего Круга Т'эраусу, что правил всеми животными в Адальире и уговорил его даровать гирльдам сновидения. После этого он проник в их сны и пожрал их дух, — Авельир сделал руками в воздухе неопределённый жест. — Это было как бы подготовка. Затем Даосторг совершил своё второе воплощение, став Старгерольдом — Даосторгом-Воином, и уже огнём и мечом завоевал Георальд.

— Я до сих пор не могу опомниться, — призналась Алёна, — звучит, как текст из промо-ролика к компьютерной игре! Да и вообще здесь всё ирреальное, как в игре!

— Это точно, — согласился Авельир, — только вот сохранение не нажмёшь, и чит-код не вводится!

Алёна с удовольствием слушала бы рассказ Авельира и дальше, но вот на пригорке уже показался трактир. Странно, но совершив такое длительное путешествие, Алёна вовсе не устала. Возможно, это Адальир так влиял на неё, а между тем в своём задымлённом

мегаполисе усталость была её постоянным спутником.

Они вошли в холл, где какой-то не до конца проспавшийся после вечерней пирушки толстяк слонялся между столов с большой деревянной кружкой в руках, наверно это его Алёна видела по утру, выбираясь из старого трактира на луг. Он заметил разрисованное чёрно-белыми красками лицо Авельира и отпрянул, словно обжёгся. После Фариселл слышал разговор этого толстяка с одним торговцем, из которого выяснилось, что он спьяну принял Авельира за того самого героя древних мифов, имя которого тот носил. Толстяку померещилось, что герой древности ожил и специально пришёл в трактир, чтобы покарать его за пьянку. Выпивоха уже, было, решил завязать, но, уяснив, что Авельир не эпический герой, а всего лишь размалёванный чужеземец, вновь прямо с утра пораньше приложился к хмельному кувшину.

— Многовато здесь народу! — заметил Фариселл, скользя пристальным взглядом исподлобья по толпе собравшихся в холле. — Пошли-ка на улице подождём!

Авельиру показалось, что Фариселл заметил что-то или кого-то, его насторожившее. Он огляделся, ничего подозрительного не нашёл, но всё же согласился с другом. Оберегая девушку руками, он протолкнулся через толпу постояльцев к выходу и вместе с Алёной покинул холл трактира.

Электрический Рим

Пришло время рассказать, что такое Электрический Рим. Авельир не стал вдаваться в подробности, говоря с Избранной, но он нам не указ, так что, слушайте. Как известно, мир Адальира некогда был связан с Землёй. В те стародавние времена, ещё до крушения Вавилонской башни, у людей был единый язык, и многие современные слова заимствованы нами из диалектов Адальира. Поэтому не стоит удивляться, созвучию названия электрического города Рим нашему привычному Риму. Когда Т'эраус начал войну против всего живого в Адальире и люди Вавилона встали на защиту родного мира, некоторые из воинов и волшебников так сильно взрастили собственную энергию, что не могли больше существовать в обыкновенном для нас биологическом облики. Они покидали ряды армий и уходили жить на самые высокие снежные утёсы высокогорий Армильд, где становились живыми электрическими разрядами. Запретные горы, куда не решался сунуться даже сам великий Т'эраус, и называли Электрическим Римом, там веками обретались великие волшебники и мудрецы. Рассказывали о красивом и чудесном городе, мол, лежащем среди заснеженных вершин семи гор, пусть в глаза его никто не видел, но легенда завораживала. Однако и это не было высшей ступенью совершенства, и не все были одинаково просветлёнными: Одни, спустя время, возвращались обратно в благодатные долины и безводные пустыни, где в образе путешественников, вроде того, которого встретили Авельир с Алёной в преддвериях Илверра, совершали добрые дела и помогали всем нуждающимся. Индуисты назвали бы их бодхисатва. Другие, что оказались слабее волей, могли вовсе позабыть о том, кем они были созданы первоначально и обращались в неуправляемые потоки разъярённых молний. Выпадающие в расселины гор, они иной раз сваливались на поселения, разрушая и уничтожая, порой, целые деревни. Третьи, будучи неуверенны в собственной силе, вовсе отказывались от возможности переселиться в Электрический Рим, намеренно обуздывая свою силу, чтобы иметь возможность сражаться за Адальир в человеческом облике, но с прежней энергией.

В среде истинных вавилонцев ходят упорные слухи, будто Силий Вечный, как раз один из тех, кто отказался от Электрического Рима, чего-то опасаясь.

Легенда о Громобое

В древние времена, когда власть Старгерольда простиралась от Кристалькраута до Фаллен-Граунда, а Т'эраус слыл королём всего Адалыра, у Демона Сновидений тоже были фавориты, да такие, что ныне наводящий ужас на весь Фаллен-Граунд Грас Даркфлесс сам ужаснулся бы, встретив кого-нибудь из этих монстров. Первым, бесспорно, являлся полководец, вставший во главе переводемонов и прочих армий Кйа-Ори во времена завоевания Георальда. Им был некий воин по прозвищу Громобой. Это чудовище являло собой сияющий сгусток электрических вихрей и необузданной энергии, томившиеся внутри дырявого доспеха. Дырявого оттого, что молнии, являвшие собой существо Громобоя, прожигали сталь и не могли уместиться внутри лат, как, например, дух Даосторга в творении кузнеца Виллза Фортена.

Громобой одним взмахом руки мог сокрушить легион вавилонцев или разрушить огромную скалу. Тайна его силы заключалась в том, что Громобой сам был выходцем из Электрического Рима. И хоть это в принципе было невозможно, но, в качестве исключения из правил, ему удалось обратить энергию электрического города во зло. Вместе с тем, сила его таила в себе и некоторые издержки, так Громобой не мог слишком удаляться от Кристалькраута, ибо нуждался в холоде также сильно, как герддроны и дартгроты Фаур-Каста — в тепле. И ещё он избегал воды, которая могла погубить чудовище, потому что энергия водной стихии неумолимо вступала во взаимодействие с электричеством и сулила разрушение.

Поэтому-то Электрический Рим и находился в заснеженных горах, где жидкой воды практически не было. Если бы ни эти ограничения, то, возможно, у Адалыра уже давно был бы совсем другой хозяин, а именно Громобой. Век монстра оказался не очень долгим, растратив энергию на бесконечные военные походы, в очередном рейде, как рассказывали вассалы его, Громобой просто развеялся. И произошло это как раз недалеко от воды, которая, возможно, и стала последней каплей в энергетическом дисбалансе. Место это на Кристеллии помнят по сей день, и по сей день наиболее отчаянные чародеи снуют там, рассыпая магические порошки и развеивая благовонья, в надежде отыскать остатки его энергий.

Монстр сгинул, между тем, оставив после себя массу вопросов, относительно его страннейшего происхождения и жуткий ужас в умах людей, знавших о чудовище не понаслышке. Поистине это был наиужаснейший прихвостень Старгерольда.

История непобедимого Сторна

Другим фаворитом Старгерольда в эпоху Георальда был Сторн, по прозвищу Непобедимый, потому что он не проиграл ни единого боя. Сторн, в отличие от Громобоя, Шэугкана, Визиронта, Лемерона, Волгаллиона, Граса Даркфлесса и прочих прихлебателей Даосторга, был, как говорят, заурядным человеком. Легенда гласит, что однажды в руки Сторна попал некий артефакт древних эпох, возможно, даже антиадалыир, который и наделил его своей силой. У Сторна была жена, и в свободное от военных походов время он вёл вполне обычный человеческий образ жизни, но это было только до тех пор, пока войска

Старгерольда не столкнулись с армией Герронского монарха Эллера, прозвище которого было так же, как и у Сторна, Непобедимый. Два непобедимых схлестнулись в честном бою, и Эллер, сбросив противника с боевого коня, поверг Сторна. С тех пор больше никто ничего не слышал о непобедимом полководце. Одни утверждали, что Сторн всё ещё жив, что Старгерольд наделил его своей силой, другие склонялись к мнению, что всё было именно так, как рассказывала легенда. Знающие люди, правда, говорили, будто останки Сторна хранятся где-то в Илверре, но доподлинно его история так и осталась никому не известной, и, возможно, точка здесь была бы даже излишней, ведь непобедимые короли и полководцы должны всегда оставаться непобедимыми. При всех своих грехах, Сторн имел множество несомненных достоинств: он вёл бои всегда честно, не добивал раненых, а наоборот оказывал им помощь, не разорял селения, охранял стариков, женщин и детей в захваченных городах. Старгерольд высоко ценил его военные умения и поэтому позволял небольшие шалости, вроде сохранения жизни вражеским воинам. Эта, казалось бы, слабость, обращалась ему на пользу, становилась силой, ибо наличие доблести у Сторна делало его невосприимчивым к положительным энергиям, вроде действия заклинания "лазурь", губительным для, созданных Т'эраусом, первовоинов и перводемонов. Возможно, Силий прав, и будь в те стародавние времена под его руководством пара тысяч современных Свиртенгралльских герддронов, Сторн сумел бы завоевать-таки, считай, весь великий Адальир...

Гиртрон ждёт поединщика

Воин на вершине Шадоурока был ни кем иным, как Гиртроном. Он, конечно же, заметил Силля, но не придал ему большого значения, просто хотел рассмотреть пришельца, дабы удостовериться, что он не тот, кто ему нужен. Сидя в своём тронном зале под пиком Шадоурока, Гиртрон ждал другого человека, а все прочие его совсем не интересовали. Он ждал поединщика-демоноборца, описанного Филлерстом в древнем пророчестве. Гиртрон бывал в самых отдалённых краях Адальира, туда, куда не могло проникнуть его железное тело, просачивался его вольный дух. Чудовище прочло тысячу книг, и изучило все записи, сделанные рукой древнего пророка. Летописцы и чародеи не раз ощущали его незримое присутствие в старинных библиотеках и видели скользящую тень чудовища среди книг. Он прекрасно знал, когда путь его судьбы приведёт поединщика к чертогу Свиртенгралльского властителя... Одного не знал Гиртрон, того, кем будет этот человек, и человек ли это будет.

У Гиртрона был приближённый по имени Валькирисиум Стронцвет, невысокий угрюмый колдун, который всегда носил длинные невзрачные балахоны с высоким воротом. У него были тёмные волосы, густые брови, из-под которых сверкали маленькие озлобленные глазки, и небольшая бородка. Несмотря на совсем неприветливое выражение лица, ему каким-то образом удавалось располагать к себе собеседников и быстро втираться в доверие, возможно, и здесь дело не обходилось без его магических умений. Этот человек отказался от пути единения со стихиями, принятого Силием Вечным, и сотни лет пытался побороть естество природы пространственной и временной магией. Все волшебники и колдуны в Адальире делились в основном на две гильдии: Гильдию Стихий, чьи приверженцы жили в единении с естественными силами Природы и Гильдию Колдовства, кто отвергал естественное течение вещей и явлений, стараясь изменить окружающий мир себе в угоду. Стронцвет относился ко второй гильдии. Гиртрон выделил этого колдуна около ста лет назад, когда готовил очередной поход против ещё сохранившихся в отдалении городов

Трудно утверждать, почему Гиртрон выбрал именно этого человека из множества ему подобных, но Демон Сновидений никогда не ошибался, и в этот раз он тоже угадал. Валькирисиум Стронцвет оказался не только первоклассным колдуном, развивающим свои умения год от года, но и потомком того самого кузнеца, что много лет назад выковал доспех Даосторгу. Энергия грехопадения предка способствовала развитию магических умений Стронцвета, и положение его в Свиртенгралле лишь укреплялось. Известно, что Киллз Фортен, ставший вместилищем духа Старгерольда — второго воплощения Даосторга, также происходил из рода того кузнеца, так что Стронцвет имел непосредственное отношение к Гиртрону. Стронцвет не любил публичности, всегда старался держаться в тени, предпочитая роль серого кардинала явному лидерству. Он выполнял для Гиртрона всю грязную работу, планировал походы, разрабатывал хитроумные планы, которые почти всегда осуществлялись.

Стронцвет тоже знал о пророчестве Филлерста и том, что повелитель Гиртрон очень озабочен этим вопросом. Однажды утром он пришёл к Гиртрону и сказал, что не может точно назвать человека, будущего демоноборца, ибо разгадка будущего невероятно сложная задача, но может показать его образ в своём камне предсказаний. В огненном кристалле Гиртрон увидел человека с бледным лицом и длинными чёрными волосами.

Позже, слушая рассказы своих полководцев о столкновениях с воинами Силия Вечного, которые, к слову сказать, всё сильнее досаждали армиям Гиртрона и всё чаще расстраивали их планы, он узнал об одном воине, чьё описание точно подходило под образ демоноборца, виденного им в огненном кристалле Стронцвета. По известной лишь ему одному причине, Гиртрон уверился, что именно этот человек и есть тот, о ком говорил в пророчестве Филлерст больше трёхсот лет назад ещё на заре новых эпох. Человеком этим был Брелов, рок-музыкант с Земли, в Адальире его, правда, звали рок-менестрелем.

Вскоре после очередного столкновения с воинами Силия Вечного в Илверре, так называемого "Илверрского рейда", вновь услышав про воина с бледным лицом и странным мечом, Гиртрон узнал, что отряд, возглавляемый Бреловым, приходит, скорее всего, из Илверра или Гленнвуда, ибо чаще всего он появлялся именно там. Тогда король Свиртенгралля лично отправился к подножью вулкана Гоаронта в страну Фаллен-Граунд и приказал тамошнему королю и своему вассалу Грасу Даркфлессу перехватывать всех воинов Силия Вечного, которые будут переходить предел Гленнвуда. Конечно же, Гиртрон не мог знать об Избранной, и о том, что отряд Брелова поведёт её в Вавилон через весь Адальир. Не знал он и того, что вавилонцы приходят с Земли, а не из Далёких Земель и о том, что отряд не один, а это сотни и сотни людей, объединённых общей целью борьбы со злом. Он лишь ожидал, что в расставленные сети попадётся требуемый воин, который станет поединщиком, предсказанным Филлерстом. Усилия, предпринятые Грасом Даркфлессом по приказанию Гиртрона, направлены были не на Избранную, как решила Аэл'орри, а с её лёгкой руки и вавилонцы, а на поиски поединщика, о котором говорилось в пророчестве.

Филлерст предсказал, что демоноборец уничтожит Гиртрона. Гиртрон же изо всех сил приближал сражение. Он знал что-то, что позволяло ему быть уверенным в собственной победе, ведь в пророчестве говорилось и о том, что после битвы, Гиртрона ожидает новое, четвёртое воплощение. А каждое новое воплощение сулило чудовищу ещё большую силу, мощь и власть в мире Адальира...

Поэтому король Гиртрон и сидел в своём тронном зале, ожидая когда, так или иначе,

поединщик сам явится к нему. В нише стены за тронном уже сверкали новые доспехи, сделанные специально для четвёртого воплощения чудовища. Когда Даосторг готовился стать Старгерольдом — Даосторгом-Воином, он заранее приготовил доспехи. Когда в облики Старгерольда, чудовище готовилось к битве с Торильтаром и своему третьему воплощению в виде Гиртрона — Даосторга-Короля, и тогда облик Гиртрона был готов заранее, хотя до сих пор так никто и не узнал, кем были выкованы те латы и шлем. В новом доспехе, что сейчас висел в нише стены тронного зала, имелись ещё и железные крылья, как у дартгровов, что означало, что Гиртрон в своём четвёртом воплощении готовился обрести возможность летать не только в виде духа, но и в своём физическом облики. Обретая опыт и новые силы, Даосторг должен был перевоплощаться для их использования. Будучи Даосторгом, Демон Сновидений, спровоцировал грехопадение Т'эрауса, и через это действие перешёл на новый этап становления. Затем, в виде Старгерольда, он завоевал Северный и Южный Георальды, подчинил себе большую часть Кристалькраута, и это вновь сделало его сильнее, заставив перевоплотиться в Гиртрона. С каждым воплощением он становился всё более могущественным, обретая на каждом этапе становления всё больше способностей и безмерно возвращая свои возможности. Гиртрон правил уже больше трёхсот тридцати лет, за это время Даосторг-Король полностью занял Северо-Восточный Кристалькраут, переименовав его в Свиртенгралль, оккупировал всю долину Киа (Кйа), крепость Ори Возродил древние гильдии. Научился оживлять тени и создал герддронов и ткать антиадальиры. Всё это говорило о растущей силе монстра, ему требовалось новое воплощение в землях Адальира, и Гиртрон был уверен, что сосудом для перевоплощения станет предсказанный Филлерстом демоноборец.

[1] Против необходимости не властны сами Боги (Лат.).

[2] Лёгкий туман (Англ.).

Брелов уходит в гору

Обойдя всю не заросшую лесом часть долины, Брелов с товарищами собрались у разлома в её центре. Трещина в земле была словно залита чем-то похожим на серую смолу, а края оврага были оплавлены. Даже камни здесь сплавились с частичками почвы. В одном месте всё же ещё оставалось отверстие вроде норы, куда смог бы пролезть один человек, и из которого поднимался прозрачный серый дымок. У края разлома дым ложился на землю и ручейком стелился по обгоревшей траве. Брелов рассматривал разлом с таким озабоченным видом, что никто не решался прервать его, кроме подросшего Силля. Пока он бежал сюда, то раздумывал, стоит ли говорить про виденное под горой, ведь скажи он про это, то придётся рассказывать и про эликсир, а ведь он обещал хранить всё увиденное в тайне. В конце концов, Силль решил, что происходящее может быть опасно в первую очередь именно для Аэл'орри, ведь её народ, оставшийся в Шэугленн, обитал в опасном соседстве с проклятой скалой Шадоурок. Следовало бы поведать обо всём увиденном Силию, но раз его сейчас здесь нет, правильнее будет передать информацию Брелову. Так он и сделал, а на вопрос, как ему удалось заглянуть в скалу сквозь камень, Силль ответил, что это было нечто вроде видения.

— Я думаю, надо спуститься в разлом, и поглядеть, что там внутри, — сказал Брелов, выслушав Силля. — Если здесь что-то недоброе начинается, то нам необходимо знать об этом первыми, ведь Гленнвилль слабо защищён, поселения далеко разбросаны друг от друга

среди густых лесов, а сражений здесь не знали со времени Войны Разочарования. Герддроны Гиртрона нашли путь на эту сторону, а это само по себе уже является проблемой.

— Да, но наша цель — доставить Избранную в Вавилон! Так сказал Силий! — возразил Килль.

— Он прав, — подтвердил Дэльвьир.

Один Силль не согласился с ними и поддержал Брелова:

— А что говорил нам Силий? Он говорил, что ничего не происходит просто так и для всего есть свои причины! — сказал он.

— Что ты имеешь в виду? — переспросил Килль, который ценил логику выше чувств.

— Может быть, Силий послал нас именно для того, чтобы мы пришли в Шэугленн и нашли этот вход в гору? — Силль уже сам поверил в свои слова, которые сначала говорил только затем, чтобы убедить противников остаться здесь хотя бы ненадолго и проверить, что творится под горой. — Я могу проверить что там, а потом догоню вас, срезав путь через лес.

— Хорошая идея, — одобрил Брелов, — но туда полезу я, а вы подождите меня здесь до полудня, если не вернусь к этому сроку, то сами возвращайтесь в трактир и продолжайте путешествие. Все здесь достаточно опытные, тем более с вами будет Фариселл, главное, берегите нашу спутницу, раз герддроны уже в лесу на этой стороне, то они могут быть и в Гвирендорфе, и в Арвельдоне, и где угодно. Они станут охотиться за Избранной, и мы должны защитить её! — добавил он, обведя друзей взглядом.

Брелов ещё сам не до конца осознавал, зачем хочет лезть в самое отвратительное место на карте Адальира, но долина, где он никогда ранее не бывал, показалась ему почему-то вдруг очень знакомой.

А, надо сказать, что Брелову долгое время снился один и тот же сон, который, впрочем, и привёл его в ряды воинов Адальира. В этом сне он гулял по чудесному саду, где благоухали цветы, и всё дышало жизнью. И сейчас, попав в эту выжженную пустыню у подножья Шадоурока, ему вдруг показалось, что это то самое место из его сна, правда, после какой-то чудовищной катастрофы. Он непременно должен был посмотреть здесь всё, чтобы понять, что произошло с местом, которое, возможно, могло привести его в Адальир и полностью перевернуть всю его жизнь.

— Хорошо, — сказал Килль. — Значит, ждём тебя до полудни, — он посмотрел на наручные часы, — и уходим одни. Сейчас около семи утра по Адальирскому времени, у тебя пять часов, чтобы проверить там всё, но, поверь мне, уж не стоит там столько задерживаться, лучше расскажем обо всём этом Силию по возвращении на землю и всё.

— Я понимаю твои опасения, — Брелов улыбнулся, — но, вспомни, через что мы прошли! Всё будет нормально, быть может, ход дальше завален и я не смогу туда пролезть. В крайнем случае, вернусь назад в трактир и попробую догнать вас по дороге.

— Возьми мой фонарь, — предложил Дэльвьир.

— У меня свой, разве забыл?! — Брелов вытащил из ножен меч, с мотоциклетной фарой на рукояти.

Мы уже говорили о мече Брелова. Второго такого меча не сыскать в целом свете. Любой рокер позавидовал бы этому клинку. Гарда, защищающая руку от соскальзывающего вражеского лезвия, была сделана в виде дуг мотоциклетного руля, причём с такой точностью, что на них были даже ручки тормозов. Спереди руку закрывала мотоциклетная фара, используемая также как портативный фонарик. Эфес меча Брелова был снабжён

дополнительной ручкой (взятой уже от тормоза у настоящего мотоцикла), при нажатии на которую верхняя треть лезвия выстреливала вперёд, подобно гарпуну. Выстрел был столь сильным, что стальной наконечник мог прибить насквозь мотор автомобиля или даже сантиметровую сталь.

Брелов скинул зелёную накидку, оставшись лишь в кожаных брюках, чёрной майке и кожаном жилете, надетом поверх. Он перевернул меч лезвием вниз, включил фару и стал спускаться в разлом. Силль незаметно смочил пальцы эликсиром Аэл'орри, и протёр глаза, чтобы увидеть, куда идёт Брелов, но отчего-то на этот раз средство не возымело никакого действия. Возможно, оно давало эффект лишь раз в определённое время. Тогда Силль понял, что зря поддержал затею Брелова, ведь он думал, что сможет всё видеть, а вышло так, что Брелов скрылся во мраке тоннеля, и невозможно было проследить за его безопасностью.

Отряд Брелова выступает из трактира, Фариселл проверяет гильдийца

Авельир с Алёной вышли на дорогу, ведущую к дверям трактира. Солнце уже высушило размокшую по вине ночного дождя грязь, и та застыла, сохранив следы лошадей и колёс многочисленных телег. Следы эти были глубокие, телеги, видать, славно набивали добром на продажу. Следует повториться и сказать, что торговцы Гленнвилля явно не бедствовали в материальном плане, хотя ум их вместе с тем был довольно скуден.

Из леса, подходящего практически вплотную к другому краю хорошо утоптанной площади перед трактиром, и нависающему над ней своей кроной, показались люди Брелова. Впереди шёл Дэльвьир. Предводителя с ними не было.

Авельир нахмурился, бросил мимолётный взор в сторону копошившихся на противоположной стороне всадников и, потянув Алёну за руку, направился к Дэльвьиру.

Тем временем Фариселл был в трактире. Он долго околачивался подле коридора, ведущего в кухню, то и дело, отругиваясь от натыкающихся на него постояльцев, пока из своей кельи не показался человек, намеренно игравший с жуком в холле. На молодце действительно было серое монашеское облачение, из-под которого выглядывала фиолетовая материя, расшитая золотом. Аллвэ оказался прав, и знаки, которые Фариселлу удалось заметить, не показались низкорослому рыцарю знакомыми, хотя он и провёл здесь большую часть жизни с самого детства. Выгадав время, Фариселл резко подался вперёд и под видом случайности налетел на него. Парень воскликнул что-то на своём языке, непонятное по содержанию, но с явным возмущением на беспардонную выходку, и прошёл дальше. Фариселл сделал ещё пару шагов по направлению к кухне, и вдруг, резко обернувшись, окликнул гильдийца:

— Supier'la krio's![1] — крикнул ему вслед Фариселл.

— Pyy'ess a sje'rra rio'pas![2] — в ответ произнёс парень так привычно, словно говорил это каждый день, и тут же осёкся. Он понял, что выдал себя, это была проверка. Фариселл приветствовал его на древнем языке Георальда и Восточного Кристалькраута, который ныне использовался только в магической гильдии Свиртенгралля.

Гильдиец уставился на Фариселла стеклянным взглядом, источающим ненависть пополам с досадой.

— Значит, она была права! — Фариселл выхватил меч и мгновенно приставил его остриё к подбородку гильдийца, да так, что тот и опомниться не успел. — Знаешь демонический язык?

— Хитёр, дружок! — гильдиец подался назад, но, казалось, совсем не испугался. — Вавилонец?

— Выкладывай, что здесь делаешь, сколько вас, и прочее, а то ведь мне ты совсем не нужен! — пригрозил Фариселл и оглянулся. Шумящие постояльцы заполонили к этому времени уже весь холл, и в суматохе совсем не замечали их.

Гильдиец устало закатил глаза.

— Ты меня точно не интересуешь!

— А кто? — Фариселл приблизился к гильдийцу вплотную. — Я ведь не из этих, я здешний, из Илверра, так, что, делай выводы!

Колдун скосился на остриё меча, подпирающее его подбородок, окинул оценивающим взглядом волевою физиономию низкорослого рыцаря, и решил, что благоразумнее будет всё-таки раскрыть карты.

— С вами человек, из-за которого поднялся шум прошлой ночью, когда эта тварь залезла в окно...

— Ну, и? — Фариселл сразу смекнул, кого имеет в виду колдун, конечно же их спутницу.

— Нам нужен только этот человек, остальные могут убраться восвояси! — парень попытался отстранить меч Фариселла в сторону, но тот не позволил.

— Слушай, а как ты сюда попал-то? — вдруг осенило Фариселла. — Ты что, крюк вокруг гор давал? Тогда ты должен был давно начать это путешествие, и как преодолел рубеж Т'аоса?

Надо сказать, что Свиртенгралльский колдун никак не мог попасть в Гленнвуд иначе, как через проход между горами, который надёжно охранял гарнизон Тарнтгора Пограничного во главе с каменным великаном Т'аосом, который не пропускал не единого существа со стороны Свиртенгралля. Да и этот единственный существующий наземный путь пролегал вокруг гор, отделяющих Гленнвуд от Свиртенгралля, Зирвельдона и степей С'арруса, а перелетать через хребты умели лишь крылатые воины Фаллен-Граундского королевства, именуемые дартгротами, которых в здешних краях не видывали тысячи лет.

Фариселл молниеносно схватил парня за плечо и слегка сжал пальцы, но лицо колдуна тотчас перекосило гримасой боли, словно низкорослый рыцарь наступил ему на старую мозоль. Теперь всё стало ясно, по крайней мере, для Фариселла. Он поспешил закатать рукав и увидел на мускулистой руке колдуна два продолговатых багровых рубца, оставленные, словно когтями огромной птицы.

— Тебя принёс дартгрот! — воскликнул Фариселл, поражённый точностью собственной догадки. — Дартгроты здесь, уже в Гленнвилле?!

— Нам нужен только один человек, если отдадите его мне, я оставлю вам жизни! — нажимая на каждое слово, повторил колдун с таким видом, словно это он контролировал ситуацию.

— Ты заметил нас с вечера ещё, тогда что ты делал ночью? Успел сообщить остальным?! — Фариселл отшагнул назад и замахнулся мечом.

— Успел, успел! — колдун вжался в стену и заслонился руками. — Я послал гонца, скоро здесь будут мои люди, они от вас камня на камне не оставят! — затараторил он, поняв, наконец, ошибочность бравады и блефа в разговоре с Фариселлом, который был, явно, не лыком шит.

Фариселл смерил противника пренебрежительным взглядом, спесь с него как ветром

сдуло, и теперь колдун выглядел жалко и ничтожно. Поэтому меч вернулся обратно в ножны.

— Ты её не получишь! — коротко и чётко заверил Фариселл. — А теперь проваливай! — скомандовал он.

Нужно было срочно сообщить друзьям о воинах, вызванных этим колдуном, ведь они могли нагрянуть в любой момент.

Фариселл быстрым шагом направился в сторону выхода, когда колдун, улучив момент, кинулся за ним следом. На бегу гильдиец выкрикнул какие-то слова и взмахнул руками. От его ладоней отделилась огненная волна, с гулом метнувшаяся в сторону Фариселла. Постояльцы, заметив её, в ужасе шарахнулись в стороны, а Фариселл, ловко выхватив меч, мгновенно отразил атаку. Отражённый лезвием, как солнечный блик, отражённый речной гладью, огненный вихрь метнулся в обратном направлении и поразил своего же создателя. Холл озарила ослепительная вспышка, прогремел гром и во все стороны полетели клочки фиолетово-золотой рясы...

Постояльцы с криками и оханьем ринулись кто куда, спасаясь от неведомого волшебства. А Фариселл, тем временем, под шумок, ухитрился быстро выбраться из трактира через окно.

Выбежав из старого строения, Фариселл первым делом взглянул на дорогу, не клубится ли там облако пыли от копыт боевых коней армии Гиртрона, но всё было тихо.

— Где Брелов?! — воскликнул он, подбегая к остальным. Он решил, что отряд мог наткнуться на герддронов.

— Он ушёл в Шадоурок, сказал, чтобы мы сами доставили Избранную! — пояснил Дэльвьир. — Мне и самому не очень-то охота выполнять его приказ, но Избранная слишком важна!

— Нет времени на обсуждения, гильдиец сообщил о нашем пребывании в трактире, скоро сюда нагрянут воины Гиртрона! — Фариселла всего трясло.

Все недоумённо переглянулись.

— Скорее, нельзя ждать ни минуты, возьмём лошадей! — Фариселл обернулся к трактиру, у входа в который переминалось несколько всадников.

Низкорослый рыцарь в мгновение ока пересёк пустырь, и одним прыжком вскочил на лошадь, при этом ловко сбросив седока. Тот неуклюже свалился наземь и спешно ретировался. Фариселла, как видно, не учили хорошим манерам...

Двое других конных хотели, было, вступить, но тут подоспели Авельир с Дэльвьиром и остальными. Авельир откинул назад капюшон, продемонстрировав готический боевой окрас, и первым обнажил меч, преграждая путь к Фариселлу. Торговцы не решились вступить с ним в сражение и предпочли сами отдать коней. Один грим готического рыцаря вселял в них священный трепет, все хорошо помнили этого героя древних былин, имя, которого он носил. Авельир с Дэльвьиром тут же оседлали жеребцов, и чтобы не стать ворами, отдали торговцам свои кошельки с оставшимися от Илверрского рейда монетами, они были воспитаны всё-таки лучше Фариселла.

— Килль, Силль, к конюшне, возьмите и себе лошадей! — скомандовал Фариселл. — Авельир, возьми Алёну с собой!

Алёна попыталась забраться на лошадь, но сделать это сумела только с помощью гота, да ещё и только с третьей попытки. Через пару минут, Килль и Силль уже были на конюшне трактира и седлали лошадей. А спустя ещё немного времени, все шестеро на пяти конях

мчались по влажной дороге прочь от Гленнвудского трактира, устремляясь на юго-запад в сторону заветного Гвирендорфа, только там был выход из долин Гленнвуда...

Нападение на земной Адальир

Талые струи вечно слякотного мегаполиса резво бежали по грязному стеклу уличной витрины, за которой располагались, выстроенные "горкой" телевизоры. На всех экранах показывали всё того же Алёниного "знакомого" диктора с крайне напряжённым и озабоченным выражением лица:

— Мы получаем всё новую информацию из королевства Адальир, согласно последним данным, "Армия Освобождения Адальира" развёртывает полномасштабные военные действия в районе крупного города Солярополис на юго-западе королевства, и, вот, что сообщил нам наш собственный корреспондент в Адальире...

На экране возникла дорога, по которой в клубах пыли двигалось две колонны бронетехники. Справа в кадре появился встревоженный человек с микрофоном в руке, лицо его с мелкими чертами было мало запоминающимся, кудрявые чёрные волосы совсем забились пылью, он всё время щурил свои и без того маленькие глазёнки, сидя, вероятно, напротив солнца.

— Мы вас слушаем, Ярослав, говорите! — прозвучал голос диктора.

Из магазина выбежал продавец, он поёжился на промозглom ветру, и потянулся вверх, собираясь закрыть ставни.

— Подожди, а то мы ничего не увидим, — шёпотом сказал Силий, стоявший с Плотником у кирпичной стены на противоположной стороне дороги.

Парень изо всех сил дёрнул ставни за ручку, но те почему-то и на миллиметр не сдвинулись с места.

— Да, вот, как вы видите, здесь, — сбивчиво начал бормотать спецкор, при этом пытаясь жестиковать рукой с микрофоном, но короткий шнур не позволял ему развернуться, — только, что здесь прошло две колонны, вы их можете видеть за моей спиной, это танки и бронетранспортёры, подконтрольные мятежным генералам...

Продавец продолжал прыгать возле витрины, безуспешно стараясь закрыть неподдающиеся ставни...

— Ещё немножко подожди, и само закроется, — пообещал Силий, пристально смотря на заклинившую ставню, словно пытаясь её загипнотизировать.

Плотник усмехнувшись, взглянул на Силия, и вновь перевёл взгляд на телевизионный экран:

— Сколько их, как можно оценить их количество? — камера вновь вернулась в студию, чтобы показать озабоченное лицо диктора, задающего этот важный вопрос.

— Ну, как, это, трудно сказать, трудно, что-либо сказать, но по моим оценкам, вот, насколько мне видно из нашего укрытия здесь, что это где-то две сотни машин, знаете, по сотне, примерно, где-то в одной колонне и две таких колонны уже движутся к Солярополису, — он замолчал и посмотрел куда-то мимо камеры, возможно на оператора. — Да, и вот оператор мне подсказывает, спасибо, да, что сперва прошло шестнадцать машин, короче, в целом больше двух сотен единиц бронетехники, — он плотнее вжал пальцем наушник в ухо.

— То есть, насколько я вас понял, Ярослав, к Солярополису движется две колонны танков, примерно двести машин, верно? — уточнил диктор.

— Да, да, всё верно, — спецкор театрально покивал.

— Спасибо, Ярослав! — диктор посмотрел в камеру и щёлкнул пальцем по большой зелёной кнопке, располагающейся перед ним на студийном столе. — Это был наш спецкор в Адальире. И как нам сообщают со ссылкой на СиСиБи, мировое сообщество уже отреагировало на эти действия, созвано экстренное заседание Совбеза ООН, и, возможно уже в ближайшее время будет вынесена новая резолюция по Адальиру. Мы ожидаем прямого включения с сессии Совбеза, где ситуацию вокруг королевства должен резюмировать официальный секретарь Объединённых Наций Аффи Конан. К другим новостям: над столицей продолжает бушевать непогода, отмечаемые аномальные электрические эффекты приводят к сбоям в работе подстанций и энергосети, вызывая перманентные отключения электроэнергии...

Свет телевизионных экранов на еле различимое мгновение померк, при смене картинки, и вновь озарил кирпичную кладку противоположной стены дома. У стены стояли Силий и Плотник, а между ними и витриной нёсся неисчислимый поток горожан, спешащих по своим вечным делам туда и сюда. С карниза над стеной сорвалось несколько талых капель, они упали вниз, и, едва коснувшись волос Арбитра Стихий, с электрическим треском и голубыми искрами превратились в пар. Всё тело Силия окутывало серпантинном чуть заметных молний, такие же молнии, скрывающие их от взоров прохожих, блуждали и по одежде Плотника.

— Теперь, закрывай! — Силий махнул рукой. Ставня сама собой поехала вниз, и захлопнулась, чем явно удивила продавца.

— Шалишь? — усмехнулся Плотник.

— Если танки входят в королевство, то наш Адальир тоже ожидают судьбоносные события, — сказал Силий в полный голос, нарушив висящую тишину. Как ни странно, но на заполненной улице не было слышно ни звука, возможно, это энергия Арбитра Стихий блокировала лишние колебания. — Ибо они связаны, как всё в нашей Вселенной.

— Другими словами: события в королевстве Адальир на Земле имеют влияние на события в Адальире, что лежит по правую руку от Полярной звезды в тонком эфире? — переспросил Плотник.

— Нет, — с улыбкой покачал головой Силий, — события в королевстве на Земле — это отражение того, что происходит в Адальире параллельной реальности, просто на том месте, где лежит королевство, ещё сохраняется напряжённость пересечения миров. Только пересечение это, Плотник, не связано напрямую, а подобно эху, раскатывающемуся в глубине дождливого леса, и все события в нашем Адальире, имеют неосознанное влияние на ситуацию в королевстве на Земле, ясно? Хотя и обратная связь тоже есть...

— То есть мы сможем понять, что происходит там, в Адальире, если взглянем на события в королевстве-тёзке, даже на духовном уровне не проходя портала?

— Совершенно верно, — Силий неторопливо покивал, и привычным движением расправил бородёнку, пропустив её между пальцев, — это завихрение реальности является для нас маяком, который указывает, правильный ли курс выбрала наша лодка.

— И что это может значить для Адальира?

— Пока не знаю, видишь, я ограничен в перемещении для одной цели и поэтому вторая должна достигаться кем-то другим. Крафтсман переправился?

— Да, я сам видел его чудесное перемещение. А они всё-таки заметили ваш электрический фон...

— Это точно! Теперь, — Силий огляделся по сторонам, — нам нужно найти вавилонцев, у кого есть "икзэрсис-икс" семьсот семьдесят седьмой, чтобы мне выйти на связь с дозорными.

— Ты имеешь в виду наших, или?..

— Пока наших, но потом мы навестим и прочих, если понадобится, — туманно ответил Uberrima Fides.

— Мой XRsys-X-777 разнёс герддрон намердни, — посетовал Плотник, — а заодно и прочую электронную утварь.

— Ничё, — сказал Силий деловито, — купим тебе другой.

[1] Доброго утра! (Стандартное приветствие в древнем Георальде) (Гео.).

[2] Да будет славный день! (Стандартный ответ на приветствие) (Гео.).

Силий и Плотник находят Вавилонцев (Дозорный на вершине Свиреаля)

Они шли по слякотной улице, Плотник завёл плеер с какими-то этническими напевами в стиле древних кельтов, музыка эта совсем не сочеталась с тёмными улицами ночного мегаполиса, но, от того звучала ещё более экзотично и вдохновенно.

Плотник шёл среди спешащих куда-то бесчисленных толп людей, а Силий плыл следом, полупрозрачной тенью скользя сквозь них. На очередном перекрёстке Арбитр Стихий остановился.

— Видишь, вон они! — он указал рукой через дорогу на стоящее на противоположной стороне здание.

— Где? — не понял Плотник.

— Да вот же, прямо перед тобой!

— А почему ты думаешь, что там штаб вавилонцев? — удивился Плотник.

— Из-за этого, — Силий указал пальцем на небольшую вывеску, висящую на перилах одного из балконов.

Плотник присмотрелся и различил, изображённый на вывеске древнеегипетский "глаз" на фоне странного орнамента, напоминающего кипрское письмо.

— Точно! — воскликнул он. — Как я сразу не догадался? Правда, у нас знак немного другой... — добавил он задумчиво.

— Конечно, — рассмеялся Силий, — это Второй Поток Вавилона, наши незримые друзья и сподвижники, ими некогда руководил теперь знакомый тебе Крафтсман, и они делали большие успехи в праведном деле.

— Почему я раньше не слышал о них?

— Потому что мы договорились не пересекаться, чтобы усилить работу каждого из потоков, — объяснил Силий, — но, теперь мне требуются все силы нашего сообщества, ибо проникновение Гиртроновской энергии в Наш Мир диктует новые правила.

Плотник многозначительно покивал:

— Теперь-то я понимаю, кого встречал в Адалыре, и кто помогал мне...

— И кому помогал ты, — перебил его Силий, — ты тоже помогал воинам Крафтсмана, не подозревая, что перед тобой такие же, как и ты последователи Вавилона с нашей Земли.

— Потрясающе! — воскликнул Плотник. — Ты, правда, меня обрадовал, я-то думал, что наше сообщество с годами только уменьшается.

— Вавилон будет только шириться, — спокойно произнёс Силий, — многие люди

только теперь начинают осознавать свою ответственность за сохранность всего Нашего Мира.

Быстрыми шагами они направились к дому.

— А что мы им скажем? — заволновался Плотник, ему не хотелось вновь обретать чужой облик, что оказалось на практике совсем не просто.

— Все сами всё поймут, — заверил Силий, — просто и легко!

Они подошли к двери, Плотник тихо постучал в неё пальцем. Дверь открылась, и на пороге показался молодой человек в круглых тёмных очках и вязаной шапочке всех цветов радуги, из-под которой выглядывали толстенные дредды. Он с подозрением оглядел Плотника с ног до головы несколько раз.

— Тебе чего? — буркнул он и нервно оглянулся.

— Скажи ему, что тебе нужно соединение через XRsys-X семьсот семьдесят седьмой с точкой наблюдателя 524, — шепнул Силий на ухо Плотнику.

— Мне, это, — Плотник замялся, он обернулся к невидимому Силию, — как там? — переспросил он Арбитра Стихий.

— Точка 524, — с улыбкой повторил Силий и привычным движением расправил бородёнку.

Открывший дверь парень с недоумением посмотрел на Плотника поверх очков.

— Ты с кем это сейчас разговаривал, друг?

— Мне нужно соединение с точкой 524 через "икзэрсис", — скороговоркой ответил Плотник.

Парень несколько секунд пристально глядел на пришельца с озабоченным выражением на лице, потом широко раскрыл дверь.

— Это в технический отдел, — он указал большим пальцем себе за плечо. Стало ясно, что парень ничегошеньки не понял, и хочет просто побыстрее спровадить непрошенных гостей. — А кто с тобой?

— Ты, что, его видишь?! — изумился Плотник.

— Чувствую, — парень зажмурился и напряжённо потёр переносицу, затем собрал рукой свои дредды и направил их в сторону Силия, как будто пытаясь уловить, таким образом, какую-то энергию. — Здесь большая сила, я ощущаю её. Кто с тобой?

— Не важно, — Плотник вошёл внутрь и закрыл за собой дверь, — нужно подключиться.

— Ну, пошли, коли так, — парень пошёл вглубь здания.

Плотник ожидал увидеть нечто невообразимое, какую-нибудь сверх фантастическую крепость, скрытую внутри обыкновенного дома, как это бывает в фильмах, но технический отдел оказался простой мастерской по ремонту компьютеров. Он уже забыл, что и сам жил в общежитии, хоть и обладал умением навигации Миров. Другое всегда кажется более волшебным, нежели своё, привычное. Маленькая комнатка, заваленная горами "железа", да пара людей персонала. Один длинноволосый парень, что ковырялся в компьютере за столом в углу, а вторая — темноволосая девушка, с готическим макияжем на бледном лице и золотым колечком в правой брови. Очень худая и стройная, даже слишком худая и слишком стройная. Волосы её, длинные и гладкие, струящиеся, как шёлк, местами были странного рубинового цвета, а отдельные пряди взъерошено торчали вверх. На девушке была свободная белая футболка размера на три больше, на которой на уровне груди красовалась большая розовая

загогулина, отдалённо напоминающая сердце, и нарисованная явно каким-то последователем Малевича. Ниже располагались аляповато танцующие слова "All you need is love" из сверхпопулярной в сообществе хиппи песни Битлов, означающие "всё, что тебе нужно — это любовь".

— К вам тут пришли, — вяло произнёс парень в очках и радужном головном уборе. Он не удосужился ещё чего-то добавить и поспешил удалиться. Плотник неуверенно протиснулся внутрь комнатухи и встал напротив девушки. Девушка приблизилась.

— А где стрела? — серьёзно спросил Плотник.

Девушка нахмурила свои пушистые брови и задумалась, затем скосилась на колчан, ненавязчиво спрятанный за системником у стены, и вопросительно поглядела на Плотника, который, ну, никак, не мог бы его заметить!

— Какая стрела? — спросила она недоверчиво и подбоченилась.

— Стрела Амура, — Плотник ткнул пальцем в рисунок на футболке. — Сердце должно изображаться пронзённым стрелой, символизирующей любовь, поразившую его, — пояснил, он слегка улыбнувшись.

— Мы против всяческого насилия и любого оружия, — на полном серьёзе ответила девушка. Она немного развернулась и указала рукой на плакат, висящий на стене. — У нашего Амура стрелы мягкие, — добавила она даже с какой-то, как показалось Плотнику, гордостью.

И вправду на плакате красовался, притаившийся среди облаков, странный человечек с лукавой ухмылкой, крыльями за спиной и луком в руках. Наконечник стрелы, которой он целился куда-то за край картины, являл собой маленькое тряпчатое сердечко.

— Да, такой стрелой сердце не поразишь, — согласился Плотник.

— Только, если человек сам захочет, — девушка убрала руки за спину и, сунув их в задние карманы чёрных облегающих брюк, стала застенчиво пританцовывать, чуть приподнимаясь на носках, и затем опускаясь на пятки. — А тогда и такая стрела сойдёт, все чувства растреплет, и ты в конец потеряешь разум...

— Век живи — век учись, — резюмировал Силий, шёпотом, хотя и так никто кроме Плотника не мог слышать его слов, — я бы ни за что бы не додумался!

— Так, чем я вам могу посодействовать? — она поправила упавшую на лицо прядь волос, продемонстрировав Плотнику своё запястье, сплошь увитое разноцветными фенечками и яркими браслетиками.

Плотник ещё раз оглядел убогую комнатку технической поддержки, не представляя, как эти люди смогут помочь наладить связь с Адальиrom, если у них самих всё так неорганизованно, и даже замешкался.

— Не теряйся, — подбодрил его Силий, — у них есть XRsys — это главное, а на бардак внимания не обращай, — он усмехнулся.

— Я понял, — ответил Плотник в пустоту, обернувшись через плечо.

Девушка смирла его озадаченным взглядом.

— Мне нужен выход через "XRsys-X" на точку 524.

— Ясно, теперь всё ясно, — она понимающе кивнула, — меня зовут Кристя, старший специалист по сетям, а это, — она указала рукой на парня, копающегося в компьютере, — Виктор Лесников, зам. начальника отдела технической поддержки, — она обернулась к парню. — Вить, к тебе пришли!

— Вижу, вижу! — Лесников нехотя оторвался от своего интересного дела и, вытерши

руки о свою же довольно-таки несвежую футболку, подошёл к Плотнику. — А, собственно говоря, вы даже мне пароль не сказали, а номер точки каждый узнать может, кто вы? — парень говорил немного нервно, чувствовалось, что он сильно напряжён и не доверяет Плотнику. Пальцы его продолжали судорожно комкать край футболки.

— Да, успокойся ты, — Кристя посмотрела на Виктора с укором, — это — наши.

Плотник изумлённо поглядел на девушку, которая сказала "наши", словно видела Силия.

— А почему во множественном числе? — парень начал поочерёдно переводить взгляд с Плотника на Кристю и обратно.

— Потому что нас двое! — назидательной интонацией произнёс Силий, возникший на мониторе выключенного компьютера. — Лесник, завязывай волынку тянуть и заводи комп!

Силий громко рассмеялся. Эхо от его задорного смеха вмиг разнеслось по всей округе, даже вороны на крыше здания переполошились. Лесников и Кристя изумлённо обернулись к экрану.

— Но ведь он же сломанный! — воскликнул Лесник.

Силий на экране только покачал головой.

— Бедная Кристя, дал же Бог напарника! — он снисходительно улыбнулся. — Выполняйте все указания Плотника, установите соединение и найдите мне связного на точке 524, это очень важно!

Кристя посмотрела на Плотника из-под своих пушистых бровей.

— Плотник, надо понимать, это вы? — спросила она со странной улыбкой.

— С утра был, — пошутил Плотник, — можешь звать меня на "ты" и по имени.

— А ты не представился, — она кокетливо встряхнула волосами.

— Борис.

— Очень приятно! — с сарказмом ответил Лесник, поворачивая к гостю монитор ноутбука, стоящего на соседнем столике. — Связь пошла, бери говорилку и общайся! — он протянул Плотнику небольшой серый микрофон, подключённый к USB-порту ноута через длинный розовый шнур. — Запускаю сигнал вызова пятьсот двадцать четвёртому...

Зазвучала странная мелодия, сотканная из стеклянных звуков, напоминающих виброфон. На экране возник хорошо знакомый Плотнику мерцающий прямоугольник, сплошь исписанный странными письменами, наподобие кипрского письма, в центре которого "висел" древнеегипетский "глаз", а под ним медленно заполнялась ярко-зелёная шкала с надписью "Babylon-loading"[1] вдоль неё.

Гиртрон вступает в Северный Георальд

Когда шкала заполнилась и слово "загрузка" исчезло, из динамиков пошёл шум и треск помех, а из чрева компьютера донеслось знакомое жужжание, похожее на работу модема. Потом системный блок изнутри озарился золотым светом.

— Мне придётся воспользоваться твоей материей, — сказал Силий, прозрачной тенью возникая за плечом Плотника, тот кивнул.

И в ту же секунду компьютерщики увидели, как преобразился Плотник. Он словно трансформировался и перестал походить на себя, застыв в принятой позе, как каменное изваяние сада магистра Фарфаллы. На фоне его лица возникло полупрозрачное лицо Силия. Плотник протянул руку и взял микрофон, было понятно, что кто-то управляет его волей. Он поднёс микрофон к губам и заговорил голосом Силия.

— Эй, Повелители Ветра, как там у вас дела? — спросил Силий устами Плотника.

— Силий! Куда ты запропастился?! — раздался из динамиков нервный мужской голос. — Здесь такое творится!

— Что там происходит?! — встревожился Силий.

Его собеседник, молодой парень Егор Дворников по прозвищу, естественно, Дворник, в этот момент сидел на каменной площадке между двух горных вершин одного из хребтов Свиреаля, место это, используемое некогда гирльдами в качестве дозорной точки и сейчас давало прекрасный обзор. После обрушения части склона она стала недостижимой с земли, что было немаловажным преимуществом. Благо, крылатых дартгровов по-прежнему не было поблизости, по крайней мере, так утверждал недавний патруль. Рядом стоял шатёр из серой ткани, сливающейся цветом с каменистым пейзажем, у входа в который сидел полноватый бородач в тёплом плаще светло-зелёного цвета. Перед ним стояла импровизированная печь из камней, сооружённая таким образом, чтобы её стена, обращённая наружу с утёса, скрывала отблески пламени от тех, кто мог наблюдать за вершиной снизу, а чуть дальше, на самом обрыве располагалась тренога со странным устройством в виде чёрного шара сверху. Бородач жарил на костре что-то напоминающее самую обыкновенную картошку, одновременно самозабвенно щёлкая пальцами по клавишам ноутбука, стоящего у него на колене и не обращал на Дворника абсолютно никакого внимания.

Сам Дворник был сильно возбуждён, в правой руке он держал рацию, вроде той, что была в руках Плотника, также подключённую к ноутбуку, а в ладони вытянутой левой сжимал длинный серебряный ус антенны, направляя его то вверх, а то куда-то в сторону. На экране компьютера виднелось помещение технической поддержки, но вместо Плотника перед экраном был Арбитр Стихий Силий.

Дворник поднял взор, поглядев поверх компьютерного монитора:

— Может, лучше вам это показать? — со странной ехидцей в голосе произнёс он и повернулся к бородачу. — Борь, запусти-ка WEBку, пушай поглядят!

Бородач меланхолично встал, не торопясь подошёл к треноге и повернул шар в сторону уходящей вдаль заснеженной равнины.

— Видно? — уточнил Дворник.

— Ни шиша, — Силий покачал головой, — на пиксели всё раскладывается! Я боюсь, что завихрения, вызываемые новыми энергиями, могут оказывать своё влияние. Что там, что ты видишь?!

— Сейчас, — Дворник вновь оторвал взгляд от экрана и посмотрел в сторону долины, чтобы точнее описать то, что представляло его взгляду.

Вдаль уходил Свиреальский хребет справа, от его подножья до самого горизонта простиралась бескрайняя равнина, покрытая небольшими скалистыми нагромождениями — малыми хребтами Свиреаля. В ледяной дымке на горизонте с северной стороны виднелись величественные очертания заиндевевших стен Кристалькраута, равнина лежала между горных цепей, разделённая по центру третьим, самым маленьким хребтом и широкой заледеневшей рекой. Прямо под горой необозримой ширины расстилалась земля гирльдов, Северный Георальд, от которого ныне осталась лишь обветшавшая внешняя стена, полукругом отделяющая страну от прочих земель и бесконечные руины дворцов и лачуг. С северо-запада во врата Георальда вливался неисчислимый поток конных воинов, длинным чёрным хвостом выющийся по долине и не имеющий конца и края. Внутри георальдских стен всё было заполнено такими же воинами, сверху они казались муравьями, но всё равно вселяли ужас.

— Весь Северный Георальд заполонили войска Гиртрона, — напряжённо произнёс Дворник, — и силы всё прибывают, здесь несколько тысяч конных герддронов, кроме того они везут с собой стенобитные орудия, штурмовые лестницы и прочие прибамбасы, я вот только не пойму, что они собираются штурмовать, Кристалькраут в другой стороне, Георальд уже принадлежит Гиртрону...

— Ты думаешь, они готовятся к штурму города? — уточнил Силий, говоря устами Плотника.

— Ну, похоже на то, только здесь нет городов!

— Посмотри влево, — у Силия, кажется, родилась идея, — разведчиков не видно? Если есть, то посмотри, куда они идут?

— Нет, и не было, мы тщательно следили.

— Они, что, просто кучкуются в Георальде? — Силий был явно в замешательстве.

— Да, они просто входят за стены и строятся отрядами, понаставили шатров, разожгли костры, и, вроде бы, даже не собираются никуда двигаться, а сил у них, словно на Вавилон двинули.

Силий покинул тело Плотника и вновь стал полупрозрачным существом, сотканным лишь из энергий.

Плотник взволнованно обернулся к нему, лицо его сделалось как никогда напряжённым:

— Они не смогут выйти в Герронию, перед ними скалистые долины и сады Фарфаллы, — возразил Плотник на возникшую у Силия мысль, разум их уже достаточно слился и это были явления остаточной энергии.

— Это верно, — согласился Силий, — но что-то же они хотят штурмовать, иначе зачем Гиртрон повёл свои войска?

— Тут ещё кое-что есть, что меня смущает, — раздался из динамиков голос Дворника.

— Говори же! — произвольно сказал Плотник голосом Силия.

— Со стороны Свиртенргалля движется какая-то туча несусветная, там, на горизонте уже ночь, я отсюда вижу её движение, значит, летит всё это безобразие с невероятной скоростью, словно, знаешь как, сопровождает войска вроде зонтика...

— На что это похоже? — попытался уточнить Силий.

Дозорный лишь пожал плечами:

— На тучу.

— Нет, я в том смысле, что это Магия или Стихия? — Силий поправил растрепавшуюся бородёнку, и стал заплетать её в косичку.

— Ума не приложу, думаю, что-то Гиртроновское, — голос дворника перекрыло прошедшими помехами.

— Ребят, а что происходит-то? — Кристя исподлобья посмотрела на встревожившегося Плотника.

Плотник же в свою очередь поглядел на видимого только ему Силия, в ожидании, что он что-нибудь прояснит, но Силий, как видно, сам прибывал в замешательстве от странных козней Гиртрона.

— Ну, что, Арбитр, какие наши планы? — спросил он.

Силий задумчиво почесал подбородок.

— Убирайтесь оттуда подобру-поздорову, пока успеваете! — воскликнул он, приблизившись устами к микрофону. — Сворачивай точку, Дворник!

— Понял, уходим! — перекрикивая помехи, ответил Дворник.

"Соединение завершено" — рапортовал компьютерный монитор. На нём вновь возник мерцающий прямоугольник, исписанный странными письменами.

— Сейчас нам придётся уйти, — Силий был непривычно напряжён, — начинаются чрезвычайно важные события, свершаются древние пророчества. Гиртрон в курсе наших дел, поэтому как можно скорее необходимо возвратиться в границы круга!

Силий подобно солнечному блику скользнул к двери и прошёл сквозь неё на улицу. Плотник поспешил следом, и, забывшись, стукнулся лбом в дверь, он-то не мог совершать таких необдуманных движений и проходить сквозь стены. Крестия невольно сочувственно закусила губу, явно представив, как это, должно быть, неприятно.

Дворник со своим товарищем тем временем и не собирались покидать утёса. Они аккуратно установили заготовленную специально для такого случая видеокамеру, и, спрятавшись в шатре, приготовились снимать, что будет происходить дальше. Они не могли пропустить такой момент, до конца не отдавая себе отчёта, насколько это может быть опасно. Иллюзия компьютерной игры сделала своё дело, они были уверены, что здесь герддроны их не достанут, зато какое получится видео...

Просто им не было ничего не известно о дартгротах в Кйа-Ори...

Брелов блуждает в чреве Шадоурока

Брелов спустился в чёрную расселину с некоторым страхом, но, несмотря на него, продолжил движение вглубь подземелья. Фара на ручке меча светила как-то необыкновенно тускло, и было похоже, что окружающий мрак поглощает свет подобно чёрной дыре. Брелов озирался и шарил лучом по каменным стенам тоннеля, судорожно вспоминая всё, что читал про Шадоурок в Интернете, но это не могло ему помочь, ведь о логове Гиртрона было известно крайне мало, как оказалось, никто даже не подозревал, что внутри знаменитой скалы находится целый город. В глубине тоннеля что-то зашуршало, Брелов прищурился, стараясь различить еле уловимое движение, и на его бледных щеках прочертились острые скулы. Шорох зазвучал совсем близко и из темноты выскочил скрюченный карлик с чёрной кожей, он буквально пролетел мимо Брелова, плотно прижимаясь к стене, и, казалось, скользя по ней. Брелов невольно вздрогнул от скорости этого лилипута и неожиданности его появления. Всё стихло, Брелов тяжело отдышался, воздух здесь был спёртым и всюду сильно пахло гарью, как будто в пещере жгли костры. Он двинулся дальше, и чем дальше углублялся во чрево скалы Брелов, тем слабее светил его меч. Чтобы не сбиться с пути и не провалиться в одну из рытвин, которыми был испещрён пол, Брелов опёрся рукой о стену и тут же обнаружил, что испачкал пальцы в жирной саже, теперь стало понятно, откуда берётся этот отвратительный горелый запах — от неё.

Вдруг что-то зашуршало уже прямо над его головой, как если бы кто-то пробежал по потолку, луч света метнулся вверх, и в жёлтом круге показалось странное создание, похожее на ящерицу, но с огромными перепончатыми крыльями, они-то и шуршали, задевая о стены, когда существо ползло по старым каменным сводам. Брелову стало совсем не по себе, раньше он не видел ничего подобного, мало того, что эта крылатая ящерица носилась быстрее локомотива, так она ещё и размером была со слона, как он сумел прикинуть на глаз, метра два-три в длину.

Какое-то время Брелов ещё двигался по узкому ходу, пока тот не вывел его в небольшое

округлое помещение. Там рок-музыкант встал в центре и осмотрелся. Вдоль стен он увидел старые ржавые решётки, за которыми виднелись скелеты, а пол в комнате сплошь покрывали черепа и обгорелые кости. По спине Брелова пробежали мурашки, а на лице выступил пот. Он поспешил вытереть лоб рукой и привычным движением отбросил назад волосы, чтобы они не сокращали обзор. Придя понемногу в себя, Брелов ступил дальше, из комнаты в разные стороны шло три коридора, и вдоль стен каждого из них располагались решётки, закрывающие входы в бесчисленные темницы. Брелов старался найти здесь хоть одного живого узника, но в пещерах лежали лишь кости и черепа.

"Мне бы сейчас Апплоусерт, я бы сразу навёл здесь порядок!" — подумал он про себя, ведь меч-адапир обладал способностью исцелять раны, воскрешать павших и даже возрождать из пепла сгоревшие города. Неизвестно сколько времени он бы ещё бродил по казематам чёрной горы, если бы вдруг не заметил отблески оранжевого света, мерцающие за поворотом.

Котловина подземного дворца

Когда Брелов потихоньку выглянул из-за угла, то увидел бесконечно огромный зал, подобный горной долине, располагающийся в котловине прямо у его ног. Над залом с каменного потолка свисали синие кристаллы сталактитов, как пасхальные кексы, покрытые сахарной пудрой, они были усыпаны сверкающей крошкой какого-то похожего на горный хрусталь минерала.

На дне котловины стояли странные сооружения и пылали костры, их пляшущие отблески ложились на стены рваными жёлто-оранжевыми флагами, их-то и увидел Брелов. Меж построек копошились странные сгорбленные фигуры, похожие на существо из трактира в Гленнвилле, но с такой высоты разглядеть их было трудно. Снизу доносились раскатистые возгласы, очевидно, это надсмотрщики подгоняли нерадивых работяг, выполнявших какое-то странное строительство на дне котловины.

Брелов перевёл взгляд в сторону и опешил: внизу виднелось странное сооружение в виде белого круглого подиума, вероятно, какой-то алтарь, сделанный прямо-таки из каррарского мрамора, а в центре его валялся разбитый XRsys-X семьсот семьдесят седьмой! Рядом валялась куча старых доспехов и рыцарский плащ с синими отворотами, вероятно, некогда это были тела герддронов, судя по количеству, двух Фаллен-Граундских и одного Свиртенгралльского. Вокруг компьютера сновали люди в чёрных балахонах — колдуны гильдии Свиртенгралля, но как компьютер мог попасть к ним?! Они расшвыривали вокруг себя волшебные порошки, потрясали старинными талисманами, пили волшебные зелья и плясали вычурные танцы, пытаясь, таким образом, постичь смысл сего предмета. Брелов присмотрелся, и сумел различить, что у "икзэрсиса" разбит экран, значит, они не смогут воспользоваться им снова, и это было хорошо. Однако успели ли чудовища его использовать, и как же всё-таки компьютер вавилонцев попал в чертог Гиртрона? Неужели среди них появился предатель, который отдал заветный компьютер монстру?! На углу компьютерной клавиатуры, прикреплённый к специальному пластиковому крючочку, болтался обрывок розового шнурка. Вторая его часть с горным хрусталём, вероятно, сорвалась внутрь экрана при перемещении. Значит, хотя бы один герддрон точно прошёл сквозь портал. Брелов не мог знать, что через этот компьютер на Землю уже переправился не один, а несколько герддронов Свиртенгралля, одного из которых сразил Силий. Именно его доспехи и остались в подземелье в момент перехода. Огненный дух, посланного за Арбитром Стихий герддрона,

вселился в водителя грузовика, а его железное тело, неспособное к перемещению осталось в Шадоуроке.

Как ни потрясло его, сделанное открытие, но нужно было двигаться дальше. От каменного выступа, нависающего над котловиной, на котором стоял Брелов, вперёд шёл узкий каменный мост, соединявшийся в центре пещеры с подобными ему другими мостками, идущими от противоположных стен. Размеры котловины примерно с римский Колизей, впечатляли, и казалось странным, как это проходящие через весь зал мостки ещё не рухнули под тяжестью собственного веса?

По периметру сооружения, на уровне мостов вдоль стен тянулся узкий выступ, используемый, вероятно, для передвижения стражников, караулящих пленников на верхнем уровне. Ширина этого балкончика позволяла пройти по нему за раз лишь одному человеку, что должно было осложнить передвижение, желающим сбежать из скалы, если вдруг им удастся выбраться из-за решёток. Поняв это, Брелов поспешил убраться с балкона, чувствуя, что скоро может столкнуться со стражниками. Он ловко пробежал по нависающему над пропастью выступу и проворно юркнул в соседний тоннель, совсем как тот, из которого он только что вышел. Продвигаясь по нему, Брелов спешил подальше уйти от освещённого входа в тоннель. Оказавшись вновь в чреве горы-города, он обнаружил, что этот тоннель ничем не отличается от предыдущего, возможно, это был тот же самый ход, только проник он в него с обратной стороны. Скорее всего, это был даже не ход, а многократно разветвлённый лабиринт, используемый для содержания узников повелителя Шадоурока. Злость и отвращение переполняли Брелова, всё здесь было столь омерзительно, что хотелось выхватить меч и броситься крушить проклятых выроdkов, пока последний не падёт на пол, пронзённый клинком. Брелов старался отыскать хоть кого-нибудь живого в этих казематах, но всюду виднелись лишь белеющие кости и черепа. Когда Брелов уже совсем пал духом найти здесь живого человека, а фара на мече стала тускнеть, он вспомнил о главном правиле путешественников в Адальир: "главное то, во что ты веришь".

Тогда Брелов решил, что надо сконцентрироваться, как этому учил его Силий, и представить то, чего он хочет добиться. Он стал старательно представлять, как находит узников и вызволяет их из скалы Гиртрона. Это оказалось совсем не трудно, куда сложнее было поверить в то, что это правда, а это было главным условием успеха. Ведь только недавно он говорил об этом Алёне, а теперь сам не мог справиться с такой несложной задачей! Главное то, что ты думаешь, во что ты веришь, а не то, что ты видишь! Однако воображения не хватало. Тогда Брелов вспомнил, как однажды Силий сказал ему: "Если не можешь найти инструмента, пользуйся тем, что есть под рукой". А, что если использовать свою ярость? Брелов зажмурился, снова изо всех сил сконцентрировался, и начал в картинках представлять, как он врывается в темницу, вызволяет оттуда пленников и яростно крушит противников. Ярость и злоба, с которой он так отчаянно боролся на протяжении многих лет, теперь помогали ему настроиться на победу.

Воображаемая победоносная вакханалия так захватила его, что Брелов неожиданно для себя вдруг взмахнул мечом, атакуя представляемого противника и с замаху рубанул по каменной стене. Лезвие высекло искру и оставило в стене продолговатую рытвину. Звон металла о камень сразу вернул рок-менестреля из мира грёз в реальность.

Брелов осмотрелся, стараясь понять, не привлёк ли шум стражников, но всё было тихо. Тогда он сделал несколько шагов к атакованной стене, и пристально взгляделся в образовавшуюся на ней рытвину, которая явно подтверждала, что всё-таки ему удалось

поверить в собственную победу. Лицо его озарила самодовольная ухмылка, и в ту же секунду он заметил возле стены пролом в полу, не видимый раньше. Рок-музыкант поспешил спуститься в него и попал в точно такой же коридор, в котором только что побывал, но расположенный уровнем ниже. Здесь было гораздо светлее, местами на стенах горели факелы, над которыми чернелись пятна жирной сажи, накопившиеся здесь за годы, а, может, и за века.

Появление Филирд

Попав в этот лабиринт, Брелов сразу заметил какое-то несмелое и неуловимое взглядом движение в самой глубине хода, где уже не горели факелы, вернее почувствовал это движение, а ещё он сумел ощутить слабое тепло, контрастирующее с ледящим воздухом коридора. Брелов догадался, что живых пленников держат здесь, а этажом выше старые катакомбы, не используемые ныне, именно поэтому там не было даже скудного освещения.

Он приблизился к решётке и стал вглядываться вглубь пещеры, освещая пространство темницы слабым лучом своего меча-фонаря. В дальнем углу катакомб, вжавшись в стену, кто-то притаился. Присмотревшись, Брелов понял, что это женщина. На ней была белая одежда, расшитая золотыми узорами и украшенная голубыми кристаллами, с плеч спадал короткий белый плащ, вроде накидки, прикрывающий только плечи. У девушки были чёрные как смола волосы, густые брови и очень бледное лицо, хотя, впрочем, это могло быть вызвано слабым освещением. Она щурила глаза и закрывалась от лучей ладонью, наверно, долго просидела здесь в темноте. Руку её покрывал белый кэвердэнский шёлк, также искусно расшитый золотом и серебром.

Брелов перевёл луч на своё лицо, дабы дать понять, что он человек, а не чудище из подземного города. Увидев лицо Брелова, девушка вскочила на ноги и бросилась к нему, словно давно ждала. Брелов инстинктивно подался назад, но она таки успела ухватить его за одежду, просунув руки сквозь прутья.

— Стой! — шёпотом воскликнула она.

— Кто ты? — Брелов пристально вгляделся в её черты.

— Меня зовут Филирд, я осталась здесь одна, они скоро придут за мной!

Брелову показалось, что одеяние пленницы ему знакомо, и он спросил:

— Ты из Адальира? Ты воительница Кристалькраута?

— Да, но сейчас не до того! — Филирд ещё крепче вцепилась в жилет Брелова и вплотную прижала его к решётке. — Я знаю, кто ты! Ты воин из древнего мира, лишь они смеют проникать в логово повелителя Шадоурока!

— Да, подожди! — Брелов обвёл взглядом решётку, она была надёжно укреплена в камне, а на дверном засове висел огромных размеров замок. — Сейчас я тебя вытащу отсюда!

— Нет, нет! — воскликнула Филирд. — Уходи скорее, спасайся сам!

— Что ты такое говоришь?! — возмутился Брелов. — Я не брошу тебя здесь погибать, мы выберемся вместе! — рок-музыкант был полон решимости, тем более, что сработал совет, данный Силием.

— Глупец, ты не сможешь ни мне помочь, ни сам выбраться, если только чудовища вернутся!

— Кто тут, кого ты так боишься?! — Брелов оглянулся и прислушался. — Стражников?

— Нет... — с ужасом в глазах прошептала Филирд и бросила испуганный взгляд вглубь

каменного коридора.

— А кого?! Кого?!

— Чудища! Здесь живут какие-то отвратительные чудовища! Они приходили сюда каждую ночь и забирали кого-нибудь из нашего отряда, осталась я одна и теперь мой черёд, скоро они придут и за мной! А ты уходи, убирайся глупец, пока можешь! — в глазах девушки заблестели слёзы.

— У них по две пары железных крыльев и огромные когти? — сообразил Брелов.

— Да, — Филирд пристально посмотрела рок-менестрелю в глаза. — Ты их видел?!

— Это дартгроты! Боже мой, дартгроты! Дартгроты в Шадоуроке! — Брелов схватился за голову, он просто-таки ужаснулся своему открытию. Теперь становилось понятно, что делали в глубинах катакомб эти странные существа, они углубляли тоннели, пробираясь к магме для обогрева дартгров, которым тепло было жизненно необходимо. Возможно, слухи правдивы, и вулкан Шадоурока, заснувший ещё на заре эпох, действительно пробуждался, вытесняя подземным жаром каких-то неведомых существ, ранее населявших его недра.

— Точно, дартгроты приходят к ним на смену, правило экологической ниши, она никогда не пустует в естественных условиях! — сразу догадался Брелов.

Без сомнения это были дартгроты, возрождённые Грасом Даркфлессом древние чудовища, и так близко от Гленнвуда! А ведь люди в Гленнвилле веками были убеждены, что от войск Гиртрона их защищают горы. Теперь выяснялось, что летающие армии Фаллен-Граунда, служащие королю Свиртенгралля, в любой момент могут перемахнуть через утёсы и обратить зеленеющий рай в труху. Брелов, конечно же, ничего не мог знать о наблюдателях-буревестниках Силия, что сейчас следили с горных вершин за перемещениями войск Гиртрона в Северном Георальде, однако, если дартгроты были в пределах всей Кйа-Ори, а не только в Шадоуроке, то наблюдателям тоже грозила опасность. Хотя, вулканов там не было и в помине, а, значит, и вероятность появления дартгров в заснеженных высокогорьях была крайне мала.

Вдали послышались тяжёлые шаги каких-то неведомых созданий, и в глубине каменного хода заблестело факельное пламя. Филирд вся сжалась и попятилась к стене. Она разжала пальцы, которыми удерживала Брелова, и стала таять в темноте каземата.

— Уходи! — донёсся её слабый голос из мрака пещеры.

— Ну, нет! Ещё есть время! — он выхватил меч и занёс его над тяжёлым засовом, запирающим каземат.

— Ты не сможешь сломать этого замка! — попыталась остановить его Филирд. — Это сталь заколдована, как и всё в скале, это просто невозможно, лучше уходи!!!

Брелов тяжело задышал, ненависть переполняла его, он взглянул исподлобья на Филирд таким неистовым взглядом, словно сам в этот момент превратился в чудовище, и произнёс:

— Нет ничего невозможного в Адальире! Чего стоит всё моё путешествие, если я не одолею убогого засова?!

Он взмахнул клинком и резко обрушил сталь лезвия на замок, вложив в этот удар всю свою ненависть к несправедливости, которую когда-либо испытывал в своей жизни. Искры брызнули во все стороны, такой силы был удар. Расколотый замок полетел вниз, а дужка осталась болтаться в петле засова. Филирд удивлённо и одновременно испуганно уставилась на расколотую сталь. Нежданный спасатель вдруг напугал её почище монстров Гиртрона. Брелов рывком распахнул решётчатую дверь, буквально оторвав её от железных навесов, сам

не поняв, откуда взялась у него такая силища. Раздался чудовищный грохот, скрежет и лязг ржавого металла. Эхо тут же подхватило эти звуки и разнесло их по всей бесконечности подземного лабиринта.

— Бежим! — Брелов схватил девушку за руку и выволок из темницы.

— Сзади! — завизжала Филирд, увидев надвигающуюся на Брелова со спины чёрную фигуру.

Брелов среагировал мгновенно: развернулся и выставил меч, перегородив им коридор поперёк. Несущийся на него тёмный силуэт налетел на лезвие и стал падать через него вперёд. Брелов продолжил движение мечом навстречу нападающего, и рассёк его тело надвое. Огромная чёрная фигура с железным лязганьем повалилась на пол прямо под ноги победителю, однако это был не дартгрот, а какое-то иное существо. Тут же подоспел второй стражник, он держал в одной руке факел, а в другой тяжёлый жезл. В факельном свете, Брелову удалось рассмотреть, что головы у монстра нет. Вместо неё над плечами трёхметрового воина, охваченное ржавой решёткой шлема, клубилось чёрное облако с какими-то светящимися точками, похожими на далёкие звёзды. Брелову не удалось рассмотреть лучше, поскольку воин с ходу бросился в атаку, попытавшись пригвоздить противника своим жезлом к камню пола. Брелов увернулся, но потерял равновесия и, упав, покатился по полу, к тому же он выронил меч, который, звеня и разбрасывая мечущиеся лучи жёлтого света, укатился в противоположную сторону. Воин взмахнул жезлом, приготовившись уже размазать Брелова, как вдруг разжал пальцы и выронил дубину себе же на голову, вернее на то место, где клубилось облако, смяв металлическую решётку шлема, как будто она была бумажной. Брелов даже не понял, что произошло, ведь он и заметить не успел, как Филирд, со скоростью молнии, подхватила его тяжёлый меч, катящийся по полу, и с лёгкостью, будто он был сделан из пластмассы, а не из стали, буквально на крыльях подлетев к монстру, вонзила остриё тому в живот. Великан ещё постоял несколько мгновений, дав Брелову возможность до конца поразиться увиденным, а потом, когда Филирд стремительно вынула меч из его массивного торса, также повалился на пол. Клубящееся облако, служившее чудовищу головой, теперь развеялось и смрадным дымом унеслось под своды коридора, расплывшись под потолком зловонным пятном, а два огонька, вероятно, служившие чудовищу глазами, покатались по полу, на ходу погаснув и превратившись в угольки.

— Это ещё что за монстры?! — опешил Брелов.

Филирд, словно пропустила вопрос мимо ушей, она нервно озиралась, держа оружие музыканта наготове, явно ожидая новой атаки. Брелов вскочил на ноги и поспешил отнять у Филирд меч. Несмотря на то, как ловко девушка обращалась с оружием, ему почему-то вдруг стало страшно, что она может им пораниться.

— Бежим! — скомандовал он, и они бегом бросились по коридору.

Горные ходы, как змеи опутывавшие подземелье, ветвились корнями древнего дерева, понять логику строителя, некогда возводившего их своды и прокладывавшего эти пути, было попросту невыносимо.

Иногда Брелову казалось, что они бегут по кругу, то факел казался знакомым, то сталактит подозрительно походил на уже виденный.

Трудно сказать точно сколько Брелов с Филирд бегали по катакомбам в поисках выхода, до того момента, когда поняли, что за ними несётся разъярённая погоня. Топот стражников в пудовых доспехах и кованых сапогах разносился на огромные расстояния и выдавал

преследуемым их стремительное приближение. Брелов припал ухом к земле и прислушался. По звуку шагов он понял, что это герддроны Фаур-Каста несутся следом, их поступь ни с чем невозможно было спутать.

Они вновь бросились бежать, теперь у них появлялся шанс. Слухи не врали, герддроны Свиртенгралля ушли из Шадоурока. Для охраны скалы Гиртрон ныне использовал герддронов Фаур-Каста. Они были довольно неповоротливы и медлительны, если он не ошибся, и это они были в отряде преследования, то можно было надеяться оторваться от них. Жаль, с ними не было Авельира с его суперухом...

[1] Вавилон-загрузка (Англ.).

Брелов творит волшебство, вернее пытается...

Казалось, выхода из Шадоурока попросту нет, но вот Брелов ощутил движение воздуха, что говорило о близости земной поверхности. Слабый ветерок дул из длинного чёрного хода, располагающегося в одной из стен, туда они и направились. Вскоре впереди замаячило светлое пятно. Брелов понял, что выход близок, но топот погони всё усиливался и добежать до конца коридора раньше преследователей, становилось невозможным.

— Надо их задержать! — воскликнул Брелов.

Он остановился в проходе под одним из особенно сильно нависающих сводов тоннеля и стал с замаха, рубить мечом свод, с остервенением стараясь вызвать обвал и завалить проход камнями. Лицо Брелова исказилось остервенелой гримасой, он тяжело дышал, пот градом катился с его лба, а меч неустанно, но безуспешно рубил чёрный каменный свод.

Ничего не выходило. Лишь искры высекал клинок из стен. Силы Брелова не хватало, чтобы сокрушить камень Шадоурока, который славился алмазной прочностью.

— Мне бы хоть щепотку магического порошка, хоть несколько пылинок золотата, может я бы смог вспомнить заклинание! — с досадой воскликнул Брелов, выпуская меч из изнемогающих рук, и опускаясь на пол.

Он взглянул на свои ладони с явным недовольством и разочарованием, как они могли так подвести его?! Ведь он сделал всё правильно! Совсем как тогда на концерте в клубе, когда он не смог сыграть простую мелодию, тогда он тоже злился на свои руки. В этот момент, прямо на его ладони стало сыпаться что-то сверкающее, похожее на тончайшую хрустальную пыль. Словно Боги благословили его звёздной россыпью...

Брелов изумлённо поднял глаза на стоящую рядом Филирд, которая ссыпала ему что-то в ладони из маленького шёлкового мешочка.

— Концентрат стихий?! Алмазный золотат платины! — изумлённо воскликнул он, не веря глазам.

— У нас его называют талль'миурс, — отозвалась Филирд, — самой высшей пробы, ты же просил!

— Не может быть! — Брелов сложил ладони "ковшиком", чтобы не просыпать ни крупички драгоценного вещества. — Это такая редкость сейчас, я впервые вижу его своими глазами, а не на картинке!

— Тогда колдуй быстрее, а то они совсем рядом! — Филирд устремила свой напуганный взор в чернеющую глубь тоннеля, откуда уже доносился топот герддронов-стражников.

Брелов зажмурился, пытаясь вспомнить нужные слова.

— *Invia est in magia via sine lingua latina!*[1] — неожиданно воскликнул он с досадой, древние слова всегда трудно давались его памяти. — Придётся вспоминать всё сначала! Вот почему я не учил тетраморфы?! — добавил он с досадой.

Филирд с недоверием взглянула на Брелова, ей впервые доводилось видеть волшебника, который не может вспомнить простого атакующего заклинания, ведь она не знала, что Брелов не был волшебником, а лишь неумело взывал к стихиям.

— Так, Шадоурок — это камень, — начал рассуждать рок-музыкант, — камень, как простое вещество относится к одной из стихий, стихия камня — земля. Землю одолеть может воздух, земля же одолевает огонь. Камень, как разновидность земли, не всегда одолевает огонь. Огонь одолевает вода, а питается огонь от воздуха. Воздух здесь двояк, он может усилить огонь или затушить его... То есть, против камня следует использовать огонь, усиленный воздухом? — казалось, он сам запутался, и вопрошающе поглядел на Филирд. — Верно?

Девушка растеряно пожала плечами.

— Я не знакома со стихиями, кроме ледяных вихрей...

— Ладно, попробуем!

Шум топота в тоннеле продолжал нарастать, звонким эхом отдаваясь в его сводах.

Брелов, словно опасаясь последствий своего волшебства, отступил немного назад и прищурился, надо сказать, он колдовал только третий раз в жизни. Вскинув руки, он осыпал свод сверкающей пылью, в мыслях его брезжила победа:

— *Villes vis tron's sall'vord nizereld!*[2] — прокричал он, и в тот же момент каменную арку окутало рокошующее пламя, всё зашипело, затрепало, а потом прогремел гром, и огненный взрыв расколол часть потолка. Камни вперемешку с землёй хлынули вниз с грохотом Ниагарского водопада, Брелов с Филирд еле успели отбежать в сторону, перед тем, как проход завалило. Тоннель наполнило дымом и каменной пылью, в воздухе повис устойчивый запах электричества.

— Я это сделал! — вскричал Брелов, как будто не надеялся, что у него получится! — Я сделал это! Я наколдовал огненный шторм, я в третий раз сокрушил камень Шадоурока! — Брелов схватил растерявшуюся Филирд за плечи и глаза его недобро блеснули. — Ты понимаешь, что это значит?!

— То, что ты колдун? — ошарашено пробормотала и без того напуганная воительница.

— Нет! Я сделал невозможное, сокрушил эту проклятую глыбу, значит, у нас есть шанс! — Брелов ликовал. — Значит, не всё им масленица, значит, можно их достать! А то поразвились уроды, говорят, страшные, всех запугали! Ничтожные недоумки с железными мозгами! Но уж нет, не для того я поверил в бредни Силия, чтобы подохнуть в этой дыре!

Брелов размахивал руками, то и дело, грозя кулаком дымящейся куче камней, и потрясая мечом. С блеском в глазах он глядел куда-то в пустоту, словно бы видя перед собой воображаемых оппонентов, тех, к кому были обращены его гневные реплики.

Это была не просто разрушенная стена, для Брелова это означало, что он смог противостоять самым страшным силам Адальира и нарушить ненавидимые им правила этой жестокой игры. Радость от этой пусть даже маленькой победы усиливалась замаячившей на горизонте надеждой на спасение Филирд и успешное бегство из логова Гиртрона, страшнейшего из королей всех известных эпох от начала времён. Раз он смог материализовать свои стремления, значит, подчинил себе законы Адальира. Он смог сделать

то, что раньше не удавалось ещё никому: прорваться внутрь горы, победить стражников Свиртенгралля, да ещё и поразить простыми словами самый прочный камень Шадоурока. Мир это не то, что ты видишь, не то, что слышишь, а то, что ты обо всём этом думаешь, то, во что ты веришь. Теперь мир Адальира стал тем, во что верил Брелов. Значит, теперь он может действовать сам, а не просто двигаться по указанному ему пути, значит, он научился править свою судьбу, как учил его Силий.

— Они могут проломить стену, — забеспокоилась Филярд, — и если мы не найдём выхода, то эти чудовища ворвутся сюда и тогда нам уже ничего не поможет! — в панике она даже схватилась руками за голову, чем вызвала недоумение рок-менестреля.

Брелов никак не мог понять, почему воительница Кристалькраута так по-человечески себя ведёт. Он много слышал и читал об этом народе, обитающем в ледяных горах далёких северных земель, люди Кристалькраута славились спокойствием и невозмутимостью, потому-то Гиртрон и не мог их одолеть на протяжении многих веков. К тому же, Брелов только сейчас обратил на это внимание, жители Кристалькраута обладали светлыми волосами и прозрачными, как льдинки глазами, лица их по описаниям были безупречны, абсолютно правильны и симметричны, словно сделанные из льда. Немудрено, ведь жили они среди вечных снегов и ледяных туманов. Смоляные волосы и тёмно-карие глаза девушки никак не вписывались в сложившийся в воображении образ. Жители Кристалькраута должны были походять на ожившие ледяные статуи, по крайней мере, именно так описывали их те вавилонцы, которым довелось видеть воинов севера воочию, Филярд же напротив, казалась самой обычной женщиной, со всеми слабостями и чрезмерно яркими даже для человека эмоциями.

Брелов ещё долго мог бы наблюдать за спасённой им воительницей, если бы не приближающаяся погоня. Нужно было продолжать действовать.

— Будем выбираться отсюда, беги к свету в конце тоннеля, беги, что есть дури! — скомандовал он, и они вновь бросились бежать.

Задержка преследователей

Гердроны как вкопанные встали перед каменным завалом. Тогда один их преследователей, в громоздких доспехах самого жуткого вида и с двумя парами стальных крыльев за спиной, очевидно, это и был тот самый дартгрот, проревел что-то на своём языке, и прочие тут же бросились слаженно разбирать завал. Скрежеща латами и звеня кольчугой, железные великаны с лёгкостью передвигали огромные глыбы и без труда поднимали тяжеленные камни, работая как экскаваторы.

Буквально за минуты проход вновь был разобран, и тогда они, обнажив мечи, ринулись в освободившийся ход, в нетерпении предвкушая близящуюся расправу над беглецами, осмелившимся нарушить неприкосновенность Шадоурока. Предводитель их в стальном оперении тут же взмыл в воздух и, издавая низкий реактивный гул, понёсся вперёд под самыми сводами с утроенной скоростью.

Благодаря задержке преследователей у завала, Брелову и Филярд всё-таки удалось оторваться на приличное расстояние: к моменту, когда воины Гиртрона разобрали проход, они уже были в самом конце тоннеля, там, где издалека виднелся свет. И вправду, солнечные лучи каким-то чудом проникали в эту мрачную, зловонную пещеру, и лились они из округлого отверстия в потолке, которое предвляло вход в длинный вертикальный тоннель, ведущий на поверхность. Стены тоннеля увивали сухие плющи, уже почерневшие от

времени. Мёртвая растительность виднелась и на другом конце тоннеля, там, где он выходил на поверхность, а через её замысловато сплетённые кружева проглядывало солнце. Прямо под колодцем в полу находилось углубление, разделённое точно по центру вертикальной стеной, сложенной из камня, высотой в половину вышины коридора. Из каждой части углубления влево и вправо в пол пещеры под стены уходили узкие чёрные ходы. Получалось, что тоннель, ведущий на поверхность, переходил, таким образом, в два других тоннеля, уходящих вглубь подземелья, и перегородка служила для их разделения. Ведущий наверх колодец был достаточно широк, но если бы человек упёрся руками и ногами в стены, то смог бы подняться по ним.

Затмение

Сверху, в проблёскивающих золотом лучах, что-то закружилось, и на ладонь Брелова упал розовый лепесток. Сладкий запах его, после смрада катакомб просто опьянил рок-менестреля, и ещё сильнее укрепил веру в победу, он передал лепесток Филирд, и та с ещё большей жадностью стала вдыхать его аромат.

— Выхода нет, будем карабкаться! — на глазок смерив высоту хода, сказал Брелов. — Взбирайся мне на спину и держись крепче! — он повернулся к Филирд спиной, и немного присел, чтобы она могла залезть. — Я попробую встать на перегородку и дотянуться до стен! Если удастся, то мы легко поднимемся по ходу на поверхность, — добавил он, поясняя свои планы.

Филирд несколько неуверенно залезла Брелову на спину и крепко обхватила его тело руками, пропустив одну поверх правого плеча, а другую под левой рукой Брелова, и сцепила пальцы в замок.

Филирд оказалась совсем лёгкой, и Брелов без труда вскарабкался с ней на плечах на перегородку и, ухватившись руками за выступы стен, стал медленно подниматься. Вот игодились его тренировки на скалодроме, никогда не знаешь, когда твои умения могут понадобиться! Поэтому древние и говорили, что учиться нужно всему и всё время.

Когда он поднялся достаточно, чтобы ноги его упёрлись в стены, продвижение пошло быстрее. Брелов мастерски умел карабкаться, почти как кошка, он двигался уверенно, но немного нервно, всё происходящее вселяло в него некоторый страх, а адреналин в венах просто-таки зашкаливало.

Внизу неясными отсветами замаячил огонь, это воины Шадоурока добрались до входа в колодец.

Стены выкрашивались под пальцами рок-музыканта, камешки сыпались вниз, со звонким эхом ударяясь о стены и выдавая таким образом беглецов. Пару раз Брелов даже срывался, но всего на несколько шагов, и тут же продолжал подниматься наверх к так заманчиво брезжащему свету.

Солнечный диск встал точно над тоннелем, и Брелов, поднимая голову, отчётливо видел его белый чётко очерченный круг. Лучи золота пронизывали черноту смрадного колодца и ласковым теплом обдавали лица беглецов, придавая им сил.

Внезапно свет, льющийся с небес, стал меркнуть. От испуга Филирд начала судорожно хватать ртом воздух, а Брелов устремил взор кверху, и увидел, как на золотой диск солнца медленно наплывает чёрный круг, закрывая его практически целиком, и сразу повеяло холодом.

— Затмение! — воскликнул Брелов. — Сейчас сила повелителя Шадоурока становится

безграничной, тьма, покрывающая склоны Горы Теней, лишает её могущества, и вся мощь этих земель переходит к нему.

— Это Солнцепомрачение Филлерста, величайший мудрец предсказал его много веков назад, — произнесла Филирд, испуганно глядя на небосвод бегающим взглядом. — Сегодня идёт триста тридцать третий год со дня падения Старгерольда. Тогда Филлерст сказал, что ровно через три века и тридцать три года придёт великий разрушитель, чья сила заставит содрогнуться Гору Теней и который сможет повергнуть наследника Старгерольда властителя Шадоурока!

— Значит, он уже в Гленнвуде, — тяжело дыша, пробормотал Брелов и довольно улыбнулся. — Хорошо бы нам с ним встретиться, вдруг он нормальный парень и поможет нам выбраться?

Музыкант прерывисто из-за сбившегося дыхания засмеялся собственной шутке, которая, впрочем, совсем не была смешной, просто ему хотелось разрядить обстановку и подбодрить трясущуюся от ужаса девушку.

— Мне тебя небеса послали на выручку, — прошептала Филирд, — если бы не ты, меня бы уже не было в живых! — она изо всех сил прижалась к спине Брелова, едва не задушив его в объятьях. От внезапности проявления нежности, Брелов даже оступился и состроил удивлённую гримасу.

По непонятной причине, ведомой лишь им самим, преследователи не полезли в тоннель, даже не попытались как-то помешать беглецам подниматься, а просто развернулись и ушли, скрывшись в темноте каземата. Даже крылатый дартгрот, ведущий отряд, который мог бы за считанные секунды добраться до них на своих могучих крыльях, и разорвать беглецов одним взмахом когтей, вместо этого лишь смерил высоту колодца огненным взглядом безжизненных смотровых щелей закопчённого шлема и исчез во мраке.

— Правильно, сволочи, придурки! — ликующим голосом, закричал Брелов, и эхо подхватило его слова. — Пошли прочь, козявки! Теперь-то поняли, с кем связались?! Валите восвояси, а то мега-рок-звезда Брелов напощадаст вам по жирным задницам!

Услышав, последнюю реплику, Филирд разразилась истеричным хохотом.

— А что такого? — изобразив обиду, поинтересовался Брелов, тоже улыбаясь от предчувствия близкой победы. — Они ведь смотались, не захотели иметь со мной дела! А то как прыгну им прямо на балду всем своим весом, раздавлю!

Брелов замер, чтобы передохнуть и попрочнее упёрся ногами в выступы стены. До поверхности оставалась всего пара метров, он уже чувствовал запах свежей травы и ароматы цветов.

От осознания того, что им удалось спастись, на беглецов напал дикий хохот. Это было похоже на истерику, они заливисто смеялись, несмотря на то, что буквально висели над бездонной пропастью, удерживаемые от падения лишь силой трения подошв сапог Брелова о стены колодца. Брелову было смешно вдвойне. Ещё намеренно он играл в затрапезном концертном зале промозглой столицы, а сейчас взбирался по тоннелю в параллельном мире, да ещё с какой-то воительницей на плечах! Ну, чем не компьютерная игра?! Верно, что многие люди не верят в реальность существования Адалыра! Конечно же, такого и быть не может!

— Слушай, Филирд, а ты будешь моей фанаткой? — неожиданно и весьма буднично поинтересовался Брелов. — Ну, в смысле, поклонницей?

Филирд подалась вперёд и, перегнувшись через плечо рок-менестреля, пристально

поглядела ему в глаза. Она нахмурилась, и лицо её стало как никогда серьёзным, это означало, что девушка не поняла сказанного, но старается догадаться. Филирд на самом деле никогда не доводилось слышать такого странного слова, ни первого, ни второго, и почему-то она подумала, что парень делает ей предложение...

— Я не поняла, — перебрав в памяти все известные ей похожие слова, наконец, смущённо призналась она.

— Ну, это, — Брелов переступил ногами, чтобы не соскользнуть, что было бы особенно обидно у самой поверхности, и глубоко вдохнул. — Я тебе, скажем, подарю, э-э-э... футболку...

— Что?

— Ну, тунику с моим именем написанным, будешь носить?

Филирд сначала даже мотнула головой, словно прогоняя дремоту и пытаясь вытрясти из ушей нелепую бредятину, уж очень странно было слышать такие речи в подобных обстоятельствах.

— Буду, — пообещала она, — теперь всё, что скажешь!

Брелов был доволен, теперь и у него появилась первая поклонница, правда из параллельного Мира, но это ничего...

В этот момент затмение кончилось, луна уплыла куда-то, высвободив белый диск, и солнце вновь пролило на измучившихся и выбившихся из сил беглецов свои согревающие и дарящие жизнь лучи. В смрадном колодце сразу запахло теплом и свежестью, лёгкий ветерок сорвал с кустов, что росли у самого края, цвет и осыпал беглецов всё теми же розовыми лепестками.

После однообразных чёрных тоннелей Шадоурока, зелень и цветущие растения наверху, показались совершеннейшим чудом. Если бы мы всегда могли смотреть на мир тем взглядом, которым смотрели на него в этот момент Брелов с Филирд! Но, к сожалению, человек всё познаёт лишь в сравнении и даже величайшими из чудес света может он пресытиться.

Мгновение, замерев, они смотрели на солнечный диск, сияющий им с небес и на танцующие в его искрящихся лучах розовые лепестки, ставшие золотыми от этого необыкновенного света. А потом Брелов посадил Филирд и помог ей взобраться на большой выступ у самой поверхности. Затем он и сам залез на него и, подтянувшись на руках, выбрался на цветущий луг. Всё здесь было просто-таки залито светом. Отовсюду неслись птичьи трели, они буквально ворвались в уши музыканта, оглушённые подземной тишью. Брелов не мог насмотреться на искрящуюся зелень и разнообразные цветы, ворохом рассыпанные по ветвям кустов и стеблям луговых трав. Луг окружал вековой лес, вершинами необхватных деревьев-великанов упирающийся в голубые небеса, а дальше, за ослепительными лугами на горизонте стояла высокая победоносная радуга. Трудно было себе представить, как могли сосуществовать два таких разных мира, разделённые лишь каменным склоном горы. Брелов даже не мог сориентироваться и понять, куда они вылезли, ведь согласно картам в Интернете, близ Шадоурока не было никаких лесов, тем более с такими огромными деревьями. Сколько же они плутали по подземным тоннелям, и как далеко ушли от Шэугленн?!

Брелов склонился над ведущей вглубь дырой, и его сразу обдало затхлым смрадом. Он протянул Филирд руку, но как она не старалась, а всё никак не могла взобраться по отвесной стене, ведь она не умела карабкаться так же хорошо, как рок-музыкант, оно и понятно:

жители Кристалькраута обитают на ледяных равнинах, а горы с их вершинами неведомы ледяному народу. Тогда Брелов спустил ногу на какой-то выступ, чтобы быть ближе и самостоятельно вытащить девушку наверх, но как только его стопа коснулась камня, тот сразу зашатался. Раздался какой-то рёв, идущий из тоннеля, земля вокруг заходила ходуном. Волной вибраций Брелова сбило с ног, он упал на край обрыва и скатился в тоннель, в последний момент, ухитрившись зацепиться рукой за торчащий из стены корень дерева. Стены тряслись всё сильнее, казалось, что сейчас произойдёт что-то ужасное. Филирд прижалась спиной к камням, чтобы не слететь со своего пяточка, и в ужасе зажмурилась...

Силий и Плотник возвращаются в границы круга

Покинув пристанище вавилонцев, Силий поспешил обратно к тому коллектору, откуда намерен телепортировать отряд Брелова. В сражении с герддроном он утратил прямую связь со своим физическим обликом, используемым на Земле телом. Силий мог ещё сохранять некоторую связь с ним только на определённой удалённости, в границах круга. За этими границами Арбитру Стихий приходилось постоянно играть на флейте, используя её музыкальную энергию для сокращения пространства и сохранения связи. Эта связь позволяла надеяться на возрождение. Потеря же связи привела бы к гибели тела, и Арбитру Стихий не удалось бы вновь воплотиться в мире Земли, сейчас он был как никогда близок к трансцендентариуму. Поэтому он спешил вернуться в коллектор, чтобы усилить сохраняющуюся энергию. Плотник бежал следом, зная, что Силию может понадобиться помощь, если герддроны найдут коллектор и захотят расправиться с брошенным вместилищем духа волшебника.

Они шли уже довольно долго, когда Силий свернул в переулок. Оказавшись в узком проходе между высоких домов, Арбитр Стихий замедлил шаг, и вскоре остановился возле мусорного бака. На противоположной стороне переулочка мелькали огоньки, мчащихся по автострасе машин и неспешно ворочался грейдер, разгребающий снег на тротуаре. Плотник почему-то сразу обратил внимание на него, возможно, потому что неповоротливая машина громко гудела и трещала, выбрасывая из трубы в небеса клубы чёрного дыма. Старая была, как видно, техника.

— Ты чего это встал? — поинтересовался Плотник у Силия, при этом неотрывно глядя на, ворочающегося в конце улицы жёлтого великана в косую чёрную полосу.

— Концентрации энергий, я снова их чувствую, — Силий многозначительно улыбнулся.

— Это в каком смысле?! — Плотник нервно почесал затылок.

— В том самом!

— Тогда надо скорее бежать к коллектору!

— Они только этого и ждут, — Силий привычным движением поправил бородёнку, протавив её между сжатых пальцев, — лучше пересидим...

— А ты слышал, что говорили эти парни на точке 524? Зачем Свиртенгралль повёл свои войска в Северный Георальд, что они собираются делать?!

Силий напряжённо потёр переносицу.

— Да я вообще не понимаю, откуда взялась такая суета, — произнёс он задумчиво. — Возможно, это просто совпадение, которое никак не связано ни с нами, ни с Избранной. Ты же знаешь легенду о демоноборце, что свергнет Гиртрона?

— Ну, да, — Плотник растеряно кивнул, он лишь однажды читал её на сайте Вавилона.

— Гиртрон убеждён, что сможет поглотить дух этого человека, и обрести через него

новое воплощение в землях Адальира. Да, да, Плотник! Я собственными глазами видел его новый доспех для перевоплощения, что хранится ныне в тронном зале Шадоурока. Возможно, он ищет демоноборца, ведь звёзды сложились, как и предсказывал Филлерст, пришло время свершения пророчеств, напрямую связанных с Демоном Сновидений, теперь он жаждет обрести возможность летать через четвёртое воплощение.

— А почему он думает, что сможет побороть демоноборца? Ведь Филлерст писал обратное, это демоноборец одолеет Гиртрона!

— Не всё так, как ты думаешь, — Силий покачал головой, — ты многого не знаешь, многие летописи утеряны, а те, что сохранились, бдительно стерегутся в монастыре Альтвериуса. Монахи ни за что не отдадут такой труд, тем более, они блокированы, находясь в самом центре крепости Т'эрауса. Даже Вавилон не смог бы добраться туда через всю Кйа-Ори, это невозможно.

— Чего же я не знаю? — Плотник нахмурился, слова Силия встревожили его.

— Ладно, пришло время разбрасывать камни, — Силий пристально посмотрел в глаза Плотнику. — Дело в том, что в оригинальном пророчестве не сказано об исходе битвы. Так закончил легенду древний король Эллер, он хотел подбодрить своих воинов в нелёгком походе против Свиртенгралля, заставить их уверовать в полную победу над Даосторгом.

— Так-так, — Плотник недовольно скривился. — А, почему Вавилон не посчитал нужным поделиться с нами столь ценной информацией?

— Потому, что вреднее всего сомнения, все должны верить в добро и прекрасный исход, тогда мы, быть может, сумеем переломить ход энергий в позитивную сторону. Земляне особенно сильно управляют энергиями, самый простой человек имеет потенциал куда как больший, нежели наискуснейший волшебник Адальира, и даже тень сомнения может нарушить поэтому ход энергий. Ты же знаешь, что мир — это энергия, волны потенциальной вероятности, на что настроен, то и материализуется.

— Ну, хорошо, а что именно там было написано? — Плотник поплотнее запахнул плащ. — Как же на самом деле закончил пророчество сам Филлерст?!

— Он сказал, что сила Даосторга — имени "Гиртрон" он тогда ещё не знал — после сражения с демоноборцем станет только больше, а что из этого получится, знают только Боги, — Силий вновь посмотрел на Плотника, ожидая его реакции.

Городские огни на мгновение померкли, раздался заунывный гул по нисходящей, и чернеющее над переулком небо прочертили две огненные линии, словно это вулкан выбросил свои разъярённые головёшки. Оранжевые огоньки стремительно пересекли видимую часть небосвода и исчезли где-то в районе соседней автострады.

— Но как же тогда Вавилон допустил?! — воскликнул Плотник. — Почему мы не помешали исполнению пророчества Филлерста?! — глаза его засверкали, а лицо от напряжения аж покраснело. — Что тогда... Что, что это?!

Плотник устремил взор за плечо Силию, где неспешно работал старый грейдер...

Импульс какой-то невероятной по силе энергии ударил в технику сверху, словно на машину упала звезда. Изнутри кабины трактора сверкнуло оранжевое пламя, лобовое стекло треснуло, а из приоткрытых боковых окон к небесам потянулся густой чёрный дым, совсем как тот, что валил из его трубы. Казалось, что внутри кабины идёт какая-то борьба, тяжёлый грейдер весь корёжило, и подбрасывало от этих сотрясений. Вскоре всё стихло. Как будто ослабев, жёлтый гигант высвободил ковш из снега и медленно откатился в сторону, съехав с сугробов. Мотор его внезапно оглушительно взревел, и грейдер начал сдавать назад,

одновременно выворачивая колёса для манёвра. Люди на улице переполошились и спешно бросились разбегаться от него прочь кто куда.

Плотник перевёл взгляд на Силия, он ожидал, что Арбитр Стихий объяснит ему происходящее, но тот молчал. Взор Силия был направлен в противоположную сторону на другой край прохода.

Трактор развернулся, направившись носом прямо в переулок, широкий нож его в таком положении полностью перекрывал расстояние от дома до дома, меж которых проходил его путь.

— Это ещё что?! — Плотник попятился от слепящих фар карьерного гиганта. — Чтс задумал этот идиот?!

Трактор двинулся вперёд, сперва медленно, но в движении набирая скорость.

— Силий, надо что-то делать! — вскричал Плотник, метнувшись к помойным бакам. — Силий?!

Силия здесь уже не было, он словно бы растворился в воздухе. Раздался грохот, это несущийся трактор смёл своим ножом ряд помойных баков, расшвыряв мусор по всему переулку.

Плотник бросился назад, но не тут-то было, в глаза его брызнул яркий белый свет фар второго грейдера, который уже въехал в переулок с противоположной стороны. Из приоткрытых окон его валил всё тот же густой чёрный дым, а за растрескавшимся лобовым стеклом плясало недоброе оранжевое пламя.

Плотник сразу догадался, что это герддроны завладели техникой. Через секунду они съедутся в центре переулка и раздавят его вместе с помойкой... Конечно же, как это он раньше не додумался! Плотник опрометью кинулся к спасительным контейнерам, надеясь по ним, как по ступеням вскарабкаться на пожарную лестницу одного из строений. Грейдеры приближались, стремительно сокращая расстояние... Плотник ногой подтолкнул мусорный контейнер к стене, и ловким прыжком оказался на его покато́й крышке. Ещё один прыжок, и, он почти допрыгнул до лестницы.

Рукотворные чудовища со свистом неслись на Плотника с обеих сторон. Второй грейдер тоже развернул нож поперёк дороги, поддев им и взметнув в воздух, кучу заснеженного хлама. Надо было рискнуть и сделать ещё один прыжок с покато́й крышки контейнера. Плотник сконцентрировался, пытаясь сократить волны вероятности до положительных значений, и только после мгновенной медитации совершил требуемый прыжок, вложив в это движение все свои силы, что было мочи оттолкнувшись от скользкого металла... Нога его соскользнула, и Плотник неуклюже свалился с контейнера прямо на мокрый асфальт... Концентрироваться в реальном мире оказалось куда сложнее, чем в Адальире, где ему просто не было равных.

Казалось, что спасения нет, грейдеры были уже в нескольких метрах, в свете фар несущейся техники носился бесчисленный мусор из разбитых ими помоек. Плотник даже узрел среди антрацитового дыма, переполняющего кабины, перекошенные лица водителей, одержимых герддронами. Головы их превратились в железные маски, как на древних гравюрах, изображавших рыцарей Свиртенгралля, из щелей которых вырывалось оранжевое пламя, переходящее затем в густые дымные хвосты. Плотник поднялся, судорожно озираясь, в поисках какой-нибудь лазейки. Но ничего подходящего поблизости не было, вновь взобраться на контейнер, времени уже не оставалось. Тогда он подумал, что если в момент столкновения грейдеров подпрыгнуть, то можно будет удержаться на их ковшах, и таким

образом спастись. Он знал, что никогда нельзя сдаваться, нужно было продолжать медитировать, при этом не теряя контроля над объектной реальностью. Теперь главное было правильно рассчитать время, чтобы совершить прыжок в нужный момент. Плотник зажмурился, пытаясь руководствоваться только своей интуицией, ведь Силий говорил, что глаза часто обманывают нас...

Вдруг... Прозвучала флейта, Плотник раскрыл глаза и облегчённо выдохнул. Грейдеры были уже в метре от него, и Плотник подпрыгнул. Какая-то волшебная сила подхватила его и в один миг вознесла высоко над домами. Грейдеры внизу столкнулись, прогремел взрыв. Жёлтые в черную полосу обломки полетели во все стороны, заклёпки картечью испещрили кирпичные стены. Первый грейдер разорвало пополам, второй прошил его насквозь, и, перевернувшись, рухнул прямо на кабину. От шума и грохота сработали и на разные голоса завизжали сигнализации всех припаркованных неподалёку автомобилей, свист и вытьё их на мгновение стали просто-таки оглушительными, накрыв весь переулочек.

Взмывая в небеса, Плотник раскинул руки, подобно птице, стремящейся ввысь. Навстречу неслись звёзды. За его спиной переливался радугой играющий на флейте Арбитр Стихий. Силия окутывало вихрем, сотканным из тысячи молний, это он подхватил Плотника и вынес из западни.

Чуть поднявшись над крышами серых строений, что стояли вдоль переулка, подпирая чернеющие небеса, они полетели обратно вниз, где на обломках столкнувшихся гигантов, расцветал огненный цветок.

— Хватайся за нить! — скомандовал Силий.

— Но здесь нет нити! — возразил Плотник.

Вновь пропела флейта. Вдоль стен вверх взметнулись серебристые вихри, Плотник увидел, как водосточный жёлоб на соседнем здании оторвался от угла строения, и, вытягиваясь, словно он был жидким, как ртуть, перекинулся к противоположному дому, превратившись в тончайшую серебряную линию. Пронесаясь мимо, Плотник ухитрился ухватиться за неё руками, и повис прямо над пылающими руинами техники. По нити, они с Силием спустились на землю всего в нескольких метрах от разбитых тракторов, здесь всё равно чувствовалась жара от пожарища, но всё же было более безопасно.

Силий перестал светиться и вновь обрёл своё полупрозрачное бытие. Он выглядел совершенно спокойным и даже слегка улыбался. Плотник же тяжело дышал, глаза его ошалело бегали по сторонам.

— Я заметил их ещё на проспекте, две оранжевых звёздочки, — пояснил Силий, — слуги Гиртрона, обретшие плоть в нашем Мире.

— Ты специально завёл нас сюда, чтобы сразиться с ними! — догадался Плотник.

— Там много людей, я не мог ими рисковать. Гердроны и без того пожрали дух этих трактористов.

— И что теперь?! А если Гиртрон пошлёт ещё сотню таких же?!

— А теперь, — Силий пристально посмотрел Плотнику в глаза и успокаивающим движением положил свою полупрозрачную руку тому на плечо, — теперь я буду ждать Её, только Она может нам помочь! Я очищу пространство, и больше ни один воин Свиртенгралля не сможет сюда проникнуть!

— Хочешь применить "лазурь"?! — уточнил Плотник.

— Я не хотел влиять на энергетику нашего Мира, но сейчас это необходимо! — Силий улыбнулся. — Как ты сам помнишь: *adversus necessitatem ne dii quidem*, [3] дорогой Плотник!

Плотник понимающе кивнул, его лицо вмиг сделалось спокойным и умиротворённым. Прихрамывая, он отступил несколько шагов назад и, облокотившись о стену, приготовился наблюдать за действиями Силия.

Силий привычно расправил свою бородку и сразу стал несколько отрешённым. Откуда-то издалека заиграла флейта, в небесах, сначала несмело и робко, а потом всё более уверенно сквозь городские дымы стали проступать радужные полосы северного сияния. Городские огни вновь моргнули, и мегаполис издал всё тот же нисходящий гул, это тормозили все его бесчисленные рукотворные механизмы, оказавшиеся без энергетической подпитки.

Алёнин знакомый диктор в витрине снова принялся с наигранной научностью в голосе рассказывать о странных погодных явлениях над столицей...

Неожиданно начался мелкий дождь, который, казалось, шёл исключительно над этим переулком. Капли его мгновенно затушили догорающие обломки тракторов за спиной Арбитра Стихий, пар от которых вскоре заполнил всю улицу. Пар этот был цвета ранней весенней зелени и благоухал утренними лугами, Плотник просто обомлел от восхищения.

Силий воздел руки к небесам и резко развёл их в стороны по дуге, очертив в воздухе воображаемый круг, который тотчас стал осязаемым. Волна в виде сияющего шара, отделилась от рук Арбитра Стихий и, искажая пространство, улетела в окружающий Мир. Когда она достигла Плотника, тот сразу ощутил прилив какого-то божественного покоя и энергии. Он увидел, как небо над переулком в мгновение ока очистилось от дыма, и прямо над его головой засиял млечный путь.

Чувство благодати переполнило Плотника, и он громко рассмеялся. Силий приблизился к нему и похлопал по плечу.

— Возвращайся домой, друг Плотник, — сказал он спокойно, — мы хорошо поработали, но теперь тебе нужно уйти. Смотри новости про Адалбир, и в случае чего сообщи мне через программу. Мне нужно дождаться Избранную.

Плотник покивал, поправил растрепавшуюся одежду и с вдохновенным видом зашагал прочь из переулка, на ходу читая какие-то весенние стихи. Силий улыбнулся ему вслед, а сам направился в противоположную сторону. Здесь их пути разошлись, Плотнику не следовало знать, где находится физическая оболочка Арбитра Стихий, для его же безопасности...

* * *

И вновь на старой кирпичной стене заиграли краски, всё те же наши знакомые граффитеры занялись привычным делом... Вот аляповато-угловатый компьютер, а внутри него целый город. Вот бесчисленное войско вторгается в заброшенную крепость, а рядом на горной вершине притаились двое наблюдателей... Рука скользнула вниз, распыляя краску нового цвета, взамен иссякшей, и перед нами цветущая долина у подножья величественной горы... Вот парочка беглецов карабкается вверх по тоннелю, а в самом внизу картины грохочет железным опереньем странное существо...

[1] Непроходим в волшебстве путь без латинского языка (Лат.).

[2] Ветер и огонь сокрушают камень (Гео.).

[3] Против необходимости не властны сами Боги (Лат.).

Дороги Гленнвудского леса были широки, но грязны. Когда здесь срубали деревья, почва быстро теряла устойчивость, становилась податливой, и размывалась частыми дождями. Было даже расхожее выражение: "проклятие Гленнвудских дорог", означающее в переносном смысле сложности на пути к достижению поставленной цели.

Отряд вавилонцев двигался быстро, кони были ещё бодры и неслись что было мочи. Впереди отряда на довольно-таки большом удалении скакал Фариселл. Низкорослый рыцарь выполнял функцию разведчика, и должен был вовремя сигнализировать остальным при появлении герддронов. Прочие воины шли сзади: первым Дэльвьир, за ним Авельир с Алёной на чёрном коне, а по бокам от него Силль и Килль. Мечи вавилонцев были обнажены, поскольку вероятность встретить герддронов была очень высока, и они готовились в любой момент отразить возможную атаку.

Фариселл ушёл уже довольно далеко вперёд и затерялся в лесном тумане, но Дэльвьир не ускорял движения, считая, что, чем больше расстояние между ними, тем безопаснее для Избранной.

Вдруг Авельир насторожился, Алёна сразу заметила перемену в выражении его размалёванного чёрно-белой краской лица, и догадалась, что гот что-то услышал своим суперухом.

— Что там?! — встревожилась Алёна.

— Всадник, — Авельир нахмурился. — Может, это Фариселл? Мне показалось, что у его коня на правой задней ноге треснувшая подкова, я слышу характерный звук...

Так и оказалось, сперва из тумана донёсся характерно цокающий топот копыт, а потом появился и сам всадник: Фариселл галопом нёсся в обратном направлении прямо к отряду.

— В сторону! В сторону! — прокричал он, на ходу размахивая руками. — В лес, скорее!

Вавилонцы сразу сообразили, что дело серьёзное и не стали переспрашивать и уточнять детали, а сразу выполнили сказанное. Справа к центральной дороге примыкала давно не используемая и поэтому изрядно заросшая травами тропа, поднимающаяся вверх по живописному холму, окружённому старинными деревьями с изумрудной кроной, сюда они и свернули.

— Там мельница Тарильо, — Фариселл указал рукой на вершину холма. — Спрячемся в ней!

Туман со странной скоростью стал сгущаться, когда отряд Брелова достиг мельницы, он уже окутал всё вокруг, словно тяжёлое от воды облако опустилось в долину. Предметы стали едва угадываться в белой пелене, их контуры двоились и троились, словно во сне, а звуки сделались гулкими и звонкими одновременно. Эхо подхватывало каждый хруст ветки или шорох травинки и разносило их на многие мили вокруг, поэтому теперь следовало ступать особенно осторожно.

Алёна поглядела вперёд и увидела, как из тумана показалась мельница. Это было старое и очень обветшавшее строение из почерневших брёвен, довольно большое и громоздкое. Лопасты колеса сильно поистрепались, остался только каркас. Чуть правее, среди густой рощи располагался большой амбар, где некогда, вероятно, хранили перемолотую муку, туда-то отряд и направился.

Проезжая под потолочной балкой, Килль ловко запрыгнул на неё и перелез на стропилы, проделал он всё это так ловко и грациозно, что просто загляденье. Не зря же он столько времени проводил в рабочем спортзале. Оказавшись под самой крышей, Килль пробрался к небольшому окну, выходящему прямо на дорогу, и притаился подле него.

Отсюда с пригорка было видно всё, как на ладони, и даже лес, плотным кольцом окружающий мельницу, не мешал обзору. Авельир вовремя подхватил повод лошади Килля и повёл её рядом с собой подальше от входа. Остальные вавилонцы также проследовали вглубь строения и затаились. Лошади оказались весьма умными, стояли, молча, лишь изредка отфыркиваясь и переминаясь с ноги на ногу. Возможно, они просто ощутили присутствие герддронов, и страх сковал их волю.

— Что видно? — шёпотом поинтересовался Дэльвьир, прикрыв рот ладонью, словно хотел направить слова точно Киллю.

— Пока ничего, — отозвался Килль, пристально вглядываясь в клубящийся на дороге туман.

Белые клубы плавно вкатывались в двери амбара, словно морские волны. Всё вокруг стало быстро покрываться сеткой мелких капель конденсата, гривы лошадей и плащи вавилонцев намокли первыми и обвисли под тяжестью росы. Когда клубы наполнили всю рощу, громко запели птицы. Они щебетали на разные голоса, заливисто и весело, как на рассвете в садах магистра Сан-Киви Фарфаллы.

— Ты что имел в виду? — обратился Дэльвьир к Фариселлу. — Нет же никого!

— Тише! — в подтверждение своих слов Фариселл поднял руку, призывая к тишине.

Откуда-то с юго-запада донёсся гром, словно приближался грозовой фронт. Лишь через некоторое время, когда звук в тумане полностью оформился, стало ясно, что это не гроза, а топот копыт на дороге. Килль высунулся в окно и устремил взор на юго-запад, откуда и доносился звук.

На дороге показалось какое-то движение, вскоре первые всадники на исполинских конях проскакали мимо мельницы в сторону Гленнвилля. Из щелей в их шлемах валил густой чёрный дым, а из забрала вырывалось гудящее пламя. Это были герддроны Фаур-Каста. Ведущие в отряде несли серебряные флаги Фаллен-Граунда, затем следовало четыре пары простых воинов с мечами и копьями, а сзади двигались замыкающие с синими флагами Кйа-Ори.

— Раз! — негромко произнёс Килль.

— Что "раз"?! — растеряно уточнил Дэльвьир.

— Я даже отсюда слышу, что там прошло явно побольше одного воина! — надменно фыркнул Авельир.

— Два, три, — сказал Килль, и обернулся к Авельиру. — Я не воинов считаю, балда ты, а сборы!

— Сборы?! — переспросил ошарашенный Силль.

Надо сказать, что "сбором" в Фаллен-Граундской армии именовали отряд из дюжины конных бойцов, обычно в нём было четыре ударных герддрона и восемь штурмовиков.

— Да-да! — Килль многозначительно покивал. — Уже пятый сбор к городку двигает!

Алёна, что сидела в седле перед Авельиrom, обернулась и поглядела на того испуганным взглядом.

Топот на дороге стал стихать, уносясь куда-то на северо-восток.

— Шесть! — уже в полный голос произнёс Килль, спрыгивая со стропил. — Итого семьдесят два герддрона, причём, это воины Фаур-Каста, но что они делают здесь?!

— Бог ты мой! — Дэльвьир обеими руками схватился за голову. — Это, что же такое происходит?! Ничего себе, приветики!

— Спокойно! — призвал Фариселл. — Значит, Избранная действительно очень важна

для судьбы Адалыира, если Гиртрон затрачивает такие силы на нас!

— Ты так говоришь, словно от этого легче! — раздражённо воскликнул Авельир.

Фариселл поглядел на него с явным неодобрением:

— Ну, я понимаю ещё десяток, ну, два, ну, три! — Силль развёл руками. — Но здесь шесть сборов, и это явно не вся армия, пришедшая в Гленнвилль!

— Как же их местные не заметили, тот же ваш Аллвэ? — наивно спросила Алёна, и вопрос её просто ошарашил даже и самих вавилонцев.

— А, вправду, почему?! — Силль недоумевал.

— Потому что они именно нас ждали, у них приказ на наш отряд, вот они и скрывались до поры до времени, — догадался Авельир. Тут он заметил, что Алёна вся трясётся от страха и укутал её своим плащом.

— Свиртенгралльский гильдиец как-то сообщил им о нашем прибытии, — добавил Фариселл. — Но, всё-таки как же они так быстро сюда добрались? Может, они патрулируют весь Гленнвуд?

При этих словах по спинам вавилонцев пробежал холодок. Хотелось всё-таки думать, что это не так, ведь иначе обычное путешествие могло превратиться в бесконечную череду сражений с прихвостнями Гиртрона. Только теперь, некоторые из отряда начинали полностью осознавать серьёзность происходящего, это была уже не игра. К тому же возникала ещё одна проблема, исчез фактор неожиданности, так ловко используемый ими раньше. Никто и представить не мог, что виной всему пророчество Филлерста и, предсказанное им солнцепомрачение. Герддроны искали Брелова, потому что Гиртрон счёл именно его тем самым демоноборцем, и именно за ним следил гильдиец в трактире. Про миссию же отряда и Избранную Гиртрону ничего не было известно. Он бредил исполнением пророчества и обретением новых сил для новых свершений, но в отряде Брелова об этом никто и не догадывался...

— Тс-с-с! — Килль приложил палец к губам. — Там ещё кто-то двигает!

Из тумана, клубящегося над дорогой, показались неясные очертания какого-то непонятного объекта. Килль изо всех сил напрягал зрение, но никак не мог понять, что или кто там находится. Несколько тёмных пятен, похожих на сгустки дыма, с низким гулом проследовали за герддронами в сторону Гленнвилля и скрылись из виду за поворотом.

— Ну, чего там ещё?! — занервничал Авельир, едва заслышав странный гул.

— Фиг его знает, муть какая-то! — развёл руками Килль. — Что-то пролетело в тумане, но я ничего не рассмотрел!

— Надо было тебе туда лезть, из тебя всегда получается хороший дозорный! — Дэльвийр по-дружески толкнул Авельира локтём в бок.

Туман стал рассеиваться и уноситься по дороге вслед за герддронами. Это выглядело, словно ветер сдувает облако, обосновавшееся в долине, но на дереве ни листочек не колыхнулся. Здесь явно использовались силы стихий, но кто же из прихвостней Т'эрауса мог ныне овладеть их могуществом? Стихии никогда не были подвластны перстам его нечестивых слуг, это мог делать только сам Гиртрон либо его верный колдун Стронцвет...

— Туман ушёл, значит, опасность миновала, — сообразил Фариселл. — Сейчас самое время продолжать путь! Если будем двигаться с прежней скоростью, то к вечеру мы сможем добраться до зарльского поселения.

— Это ж крюк какой давать! — возразил Силль. — Может, через Шейнлигленн пройдем, через долину водопадов? Там красиво очень!

— Фариселл прав, — поддержал низкорослого рыцаря Дэльвьир. — Лучше держаться подальше от больших дорог, чтобы сократить до минимума вероятность встречи с герддронами.

— Переночуем по-быстрому в сельском трактире и к следующему утру выйдем в Гвирендорф, — подтвердил затею Авельир. — Ну, двинули?

— Двинули! — Кильль уверенно покивал головой. Он пробежался по стропиле, и ловко спрыгнул на своего коня, попав прямо в седло.

Отряд опрометью ринулся из амбара и, вернувшись на дорогу, продолжил удаляться от Гленнвилля прежним строем с Фариселлом впереди.

Волгаллион — страж тоннеля

Брелову удалось раскачаться и допрыгнуть до выступа, а Филирд помогла ему залезть и удержаться на нём. Оказавшись на тверди, он повернулся к стене, прикидывая, как выбраться на поверхность и с ужасом заметил, что из стены тоннеля на него с ненавистью смотрит что-то. Филирд увидела, как изменилось выражение лица рок-музыканта, и поспешила обратиться в ту же сторону, куда с ужасом в глазах смотрел он.

Из каменной стены колодца на них глядело отвратительное подобие морды, будто бы сложенное из глины и покрытое корнями. Конечно же Брелов знал легенду о страже Шадоурока, но не предполагал с ним сражаться. Имя ему было Волгаллион и обитал он здесь с незапамятных времён, неотлучно сторожа все входы и выходы из скалы Гиртрона.

Чудовище стало медленно выступать из стены вперёд, открыв огромную пасть, в которой вместо зубов торчали острые камни. Чем дальше оно выдавалось из стены, тем меньше оставалось свободного места на пяточке. Огромная голова клацала каменной челюстью, пытаясь ухватить зубами отступающих к краю, но из-за нехватки манёвренности ей никак это не удавалось. Брелов выхватил меч и принялся с остервенением крушить каменного монстра. Волгаллион громогласно рычал, скалился, выбрасывал из пасти фонтаны песка и грязи, но продолжал надвигаться. Меч Брелова оставлял в каменном теле ужасающего стража рывины и выбоины, но это не мешало тому продолжать уверенно двигаться вперёд. Когда Брелову всё-таки удалось вывалить из морды чудовища огромный валун, та рассыпалась, но на её месте тотчас проступила новая, целая и невредимая, только ещё и побольше.

Поняв наконец, что мечом здесь не совладать, Брелов решил пойти на риск:

— Это Волгаллион! Надо взбираться по нему! — вскричал он. — А то он просто столкнёт нас в пропасть или сожрёт!

— Но как?! Оно проглотит нас целиком! — испугалась Филирд, балансируя на самом краю выступа.

Вдруг весь колодец стал сжиматься, а из его стен показались огромные трёхпалые клешни, с когтями из заострённых гранитных осколков.

— Нет другого выхода, другого выхода нет! — продолжал кричать Брелов. — Главное преодолеть страх, это возможно! Смотри на меня и повторяй!

Брелов ринулся вперёд и, не давая монстру опомниться, вскочил обеими ногами на его нижнюю челюсть, потом перепрыгнул на верхнюю, на нос, затем выше — на лоб и выпрыгнул из тоннеля.

— Давай, Филирд! Делай всё также! Ты сможешь, ты должна смочь, сегодня мой день!!!

Филирд, привыкшая совсем к другой жизни, много боящаяся, не смотря на мастерство

воина, которым она обладала, должна была теперь сделать невероятное и практически невозможное, сама пойти к этому чудовищу в пасть, да ещё и ухитриться взобраться по этой грохочущей куче наверх.

Девушка ещё больше побледнела, хотя, казалось, дальше уже некуда, и стала совсем белой, как лист офисной бумаги. Всё лицо её свело гримасой ужаса и отвращения. Собрав оставшуюся храбрость в кулак, она, всё-таки зажмурившись, бросилась вперёд, и — о, чудо! — сумела не только не попасть в огромную пасть каменного монстра, но даже и повторить все прыжки, только что проделанные Бреловым. Но чудовище, словно специально подгадав момент, содрогнулось, и Филирд не хватило каких-то сантиметров, чтобы долететь до края тоннеля. Волгаллион истошно взревел, предвкушая победу. Брелов ринулся вперёд и ухватил, падающую в бездонную пропасть девушку за руку.

— Я падаю! — завизжала Филирд.

— Я тебя держу, попробуй дотянуться до меня второй рукой! — руководил Брелов, перекрикивая ревущего каменного великана. — Я не выпущу тебя, не бойся! — он ещё сильнее сжал руку.

Раздался треск: расшита золотыми узорами перчатка, не выдержав чудовищной нагрузки, расползлась по швам. Брелов и опомниться не успел, как ладонь Филирд выскользнула из рвущегося шёлка. Он лишь увидел, как её испуганные глаза уносятся от него с неимоверной скоростью и как танцуют на ветру её чёрные волосы.

Филирд пролетела весь тоннель, вскрикивая и ударяясь о стены, в попытке ухватиться за что-нибудь и угодила в один из ходов на дне колодца. Осталась ли Филирд жива, Брелов знать не мог, он лишь видел, как её тело, соскользнув по наклонной плоскости, скрылось в черноте пещеры, вход в которую располагался слева от разделительной стены во впадине на самом дне. Брелов издал чудовищный крик, исполненный негодования, досады и бессильной ненависти:

— Да что ж это такое! — кричал он. — Зачем я летел в эту дыру, чтобы здесь было то же самое?! Везде одно и то же, никогда не бывает так, как хочешь ты! Всегда тебе указывают и ставят рамки, ограничения, которые давят тебя, отрезают пути, перекрывают кислород! Почему я не могу дышать полной грудью?! Почему?! Кто сказал, что я не могу установить свои законы?! Силий! — Брелов поднял глаза к голубому небу. — Зачем ты убедил меня, что я избранный, если я не могу спасти даже одного человека?! Зачем мне моя мифическая сила, если грязная тварь с камнями вместо мозгов, и та сильнее меня?!

Тут он совсем выдохся и, упав на колени, выпустил меч из рук. Тело его жаждало отдыха, разум отказывался работать. Хотелось просто упасть на траву и не вставать, и лишь злость возобладала над ним. Только благодаря ярости, он всё ещё продолжал стоять на коленях среди луга. Тут до него долетел омерзительный хохот, похожий скорее на какое-то тошнотворное чавканье и клокотанье, доносившийся из колодца. Это чудовище насмехалось над ним. Пред глазами Брелова вдруг возникло лицо Филирд, уносящееся вглубь Шадоурока. Её лицо и этот ненавистный смех заставили его встать с колен и подобрать с земли меч.

Стиснув зубы так сильно, что на его дёснах выступила кровь, Брелов занёс меч над головой, и, подлетев к обрыву, с яростным воплем вонзил его в каменный глаз гогочущего чудовища.

— Получи, мразь! — прокричал он, когда клинок, раздробив камень, погрузился в вязкую глиняную грязь.

Чудовище завывало, да так, что у Брелова уши заложило, из глаза хлынул поток грязи

вперемешку с песком. Уязвлённая голова стала пятиться назад, Брелов, заметив это, прыгнул на хорошо знакомый выступ и стал гвоздить отступающего что было силы своим рокерским мечом, и продолжал гвоздить он до тех пор, пока клешни и голова Волгаллиона снова полностью не впечатались в стены тоннеля.

Всё стихло, лишь сердце Брелова комком надрывно колотилось в горле. Он повернулся к чернеющему тоннелю, туда, куда только что рухнула Филирд.

— Ну, уж нет! — сказал он сам себе и тут же его сердце на мгновение застыло без движения, а когда снова пошло, то стучало уже ровно и уверенно, как новый хронометр. — Я должен победить, я спасу тебя, Филирд, и никто не помешает мне, никакие правила! Гиртрон! — крикнул он имя страшного короля: и тут же небо затянули свинцовые тучи, поднялась буря, воющий ветер стал валить огромные деревья. Хлынул дождь, а под сводом небес засверкали, вьющиеся серпантинном, молнии. Даже земля задрожала под его ногами, лишь произнёс он запретное имя чудовища.

— Гиртрон! — прокричал он вновь, обернувшись к чёрной горе, и дождь усилился стократ, а молнии покрыли всё небо и гром оглушительным эхом прокатился по округе. — Я достану тебя, я уничтожу всё, чем ты владеешь! — пообещал Брелов воображаемому противнику. — Выходи сражаться!

Брелов ожидал, что зловредный и подлый Гиртрон тут же появится откуда-нибудь с огромным войском, как это обычно происходило в компьютерных играх, но в округе не было ни души. Оглядевшись, Брелов презрительно фыркнул.

— *Nunquam petrorum, semper ingrediendum*[1], *adversus necessitatem ne dii quidem!*[2] — проскандировал он, прижал меч плоской стороной к ноге, чтобы не пораниться в полёте, и, недолго думая, сиганул в чернеющий ход.

Брелов возвращается в Шадоурок

Несмотря на огромную высоту, Брелов сумел приземлиться профессионально, правильно распределив инерцию, и этим сохранил себе жизнь. Он даже не сильно ударился об пол и мог бы тут же вскочить на ноги и продолжить сражение, но по воле богов, угодил Брелов в соседний ход, а не в тот, куда только что упала Филирд. С грохотом он прокатился по наклонному коридору, уходящему куда-то вниз в самые глубины Шадоурока, громко при этом ругаясь и призывая на помощь всех богов Адалыира. Тоннель вывел его в новый ход с земляными стенами и всё тем же зловонным запахом. Поднявшись, и немного осмотревшись, Брелов увидел в стенах массивные деревянные двери, окованные железом. Тогда он понял структуру подземелья, соседний тоннель, куда угодила Филирд, должен был идти параллельно этому, и, если она осталась жива после падения, то сейчас была именно за одной из этих мощных дверей. Брелов долго пытался выломать двери при помощи своего верного меча, но те были слишком прочны. Тогда он побежал дальше по коридору и, увидев двух стражников-великанов, атаковал их. Так он пытался выместить свою злость, досаду, ненависть и разочарование, которые переполняли его. Стражники даже не успели опомниться, как Брелов поверг их на пол мощнейшими ударами остро отточенного клинка. Они лишь нечленораздельно взревели и рухнули на каменный пол подземелья, а Брелов продолжал с остервенением гвоздить их доспехи, пока не обратил те в пыль. В пылу схватки, он сам не понял, как сумел в одиночку одолеть этих титаноподобных монстров.

Когда жар остыл, Брелов вновь попытался было броситься рубить очередную дверь, но одернул себя. Его надежда на то, что он может изменить законы этого мира, практически

полностью угасла: он не смог спасти Филирд, он не может прорваться сквозь проклятые двери, всё что он сумел — это сразить нескольких воинов из бесчисленной армии властелина Свиртенгралля, что, по сути, было каплей в океане.

"Раз так, тогда я просто пойду дальше, и уничтожу столько этих чудовищ, сколько смогу!" — решил Брелов, и уверенно двинулся вперёд.

Трудно сказать, как долго он блуждал внутри скалы, пока не попал в ответвляющийся в сторону от основного хода короткий тоннель. В его конце брезжил тончайший луч света — стало быть, там был новый выход на поверхность.

Второе появление Гиртрона

Брелов шёл практически в полной темноте, едва разбирая дорогу, когда вдруг натолкнулся на кого-то. Он резко отпрянул, и увидел перед собой высокого воина, одетого в причудливые чёрные доспехи с фиолетовым отливом. С плеч его спадал длинный блестящий плащ, а лицо скрывал шлем, по форме напоминающий сделанный из металла череп с острыми шипами выдающимися вперёд из подбородка и двумя заострёнными пластинами, поднимающимися над глазами, подобно рогам, растущим из лба. Вместо забрала на шлеме располагалась поперечная решётка, разделённая по центру. В прямоугольных глазницах воина, похожих на смотровые щели танка, стояло ровное алое сияние, а из складок плаща струился ледяной туман. На уровне лба шлем опоясывало нечто вроде короны из отточенных стальных шипов разной длины, а из-под неё на плечи спадала чёрная блестящая материя, сливающаяся с плащом. С минуту он, молча, глядел на Брелова оценивающим взглядом, будто собирался покупать. А Брелов не мог даже пошевелиться от ужаса, сковавшего его по рукам и ногам, и лишь слышал, отбивающее ритм собственное сердце, и как гудит огонь в глазах этого странного воина. Брелов никогда раньше не видел такого, но сразу узнал чудовище, и понял, что пред ним стоит сам повелитель Свиртенгралля смертоносный огнедышащий наследник Старгерольда Гиртрон...

Третье воплощение Даосторга беззвучно отступило назад и стало медленно вынимать из ножен меч, на лезвии которого плясало недоброе жёлтое пламя. Клинок еле слышно шелестел о ножны, как сухая трава на осеннем ветру. От этого звука мурашки бежали по коже. Внезапно оцепенение спало, и Брелов стал пятиться назад, не выпуская короля Свиртенгралля из виду, вцепившись в него глазами. В тот момент ему припомнилось странное четверостишие, авторство которого приписывалось летописцами Адальира самому же Гиртрону. Когда-то Силий поведал и ему эти слова:

Нас с тобой объединяет
Сила древнего стремления
Жажда крови, жажда власти
Страсть к войне и разрушениям...

— *Nunquam petrorsum, semper ingrediendum!*[3] — пробормотал Брелов, словно пытаясь воодушевить и подбодрить себя, но на этот раз слова ему не помогали, ноги, не подчиняясь разуму, сами пятились.

Гиртрон не торопился, понимая, очевидно, что Брелову некуда деться. Он медленно и абсолютно бесшумно, но неотвратимо наступал на свою очередную жертву, и от этого беззвучия у Брелова словно бы лопались барабанные перепонки. Казалось, что его

безжизненный шлем-череп усмехается, предвкушая расправу над надоедливym смертным. Музыканта обуял чудовищный страх, один вид Гиртрона заставлял все мускулы волевого лица Брелова искажаться и танцевать в гримасе ужаса. Брелову уже некуда было отступать, он вжался спиной в земляную стену в том месте, где из трещины лился солнечный свет, но она была слишком мала, чтобы он смог протиснуться на поверхность. Он одновременно ощущал спиной и лёд каменных сводов, и жар солнечного луча, проникающего в это подземелье и обжигающего его тело.

Гиртрон приблизился уже вплотную. Брелов чувствовал его огненное дыхание, паром вырывающееся из забрала, и видел, как струится голубоватая ледяная дымка из складок его плаща. Мысли Брелова стали путаться, а перед глазами всё поплыло, он уже с трудом стоял на ногах и еле удерживал свой верный меч. Бросить оружие ему не позволяла лишь возобладавшая над растерянным разумом злоба — он давно сроднился со своим мечом, не слабее, чем Гиртрон со своим, и физически не мог отпустить его.

Гиртрон сочетал в себе лёд и пламя, он соединял несоединимое, он владел силой огня и мощью северного урагана, словно яд, он проник во все жилы Брелова и пронизал его плоть, а теперь отравлял рок-музыканта изнутри. Сквозь дымку одурманенного взгляда, Брелов различил занесённый меч, лезвие которого окутывало недоброе лимонное пламя, когда его тело поплыло куда-то вверх.

— Сила древнего стремления! — пробормотал Брелов, отключаясь.

[1] Ни шагу назад, всегда вперёд (Лат.).

[2] Против необходимости не властны сами Боги (Лат.).

[3] Ни шагу назад, всегда вперёд (Лат.).

Глава IV

Диана спасает Брелова

Дурман как ветром развеяло, это кто-то ухватил Брелова за ворот сзади и теперь тащил сквозь землю на поверхность. Теперь перед его глазами проносился только грунт, скрывший Гиртрона и его занесённый меч...

Очутившись на поверхности, вырванный из кошмарного помрачения, Брелов упал на сухую траву и увидел в небесах сверкающее солнце. Он беспомощно шарил глазами по округе, ища того, кто вытащил его из катакомб и вдруг увидел над собой сосредоточенное женское лицо. У неё были белые волосы, алые губы и большие голубые глаза, которые глядели на рок-музыканта странным одурманивающим взглядом, какой бывает только у красивых, голубоглазых женщин. Казалось, она чуть косит, но это делало её образ лишь притягательнее. Голову женщины покрывала светло-зелёная накидка, а за спиной сверкал золотой лук. Это была та самая голубоглазка из трактира в Гленнвилле, что угостила их малиновым вином и тем самым указала на врага.

— Кто ты?! — пробормотал Брелов, протягивая к незнакомке руки и пытаясь ухватить её за одежду, но он ещё не до конца освободился от чар Гиртрона и не мог скоординировать свои движения, они выходили размашистыми как у пьяного. Он хотел было ухватиться за край накидки своей спасительницы, но неловко промахнулся и, не успев встать, вновь повалился на землю.

Девушка на это лишь усмехнулась и исчезла из поля зрения рок-музыканта, на прощание, махнув краем своего зелёного плаща, который заслонил на миг колющее взгляд солнце.

Брелов перевернулся на живот и в панике стал озираться, лишь нащупав рукоять своего меча, он успокоился и стал подниматься на ноги.

Оглядевшись, он понял, что оказался с другой стороны Шадоурока. Всё здесь было унылое и мрачное. Деревья скрючила засуха, листья облетели, трава пожелтела и стелилась по земле пыльным ковром. Небо было высоким и чистым, но солнце светило как-то не так, слабее обычного и совсем не давало тепла, но вместе с тем кололо глаза до боли. Гора с этой стороны казалась ещё более огромной и неприступной. Если со стороны Шэугленн подножье горы было пологим и покрывал его изумрудный лес, то отсюда гора начиналась отвесной стеной, из чёрной глади которой росли только острые каменные глыбы. Взобраться на гору по этой стене было попросту нереально. Отдельные облетевшие деревца, вцепившиеся в гладь, местами, явно не выдержали бы его веса, и Брелов понял, что штурмовать Шадоурок отсюда бессмысленно.

Вокруг на многие мили простиралась изрезанная сухими оврагами и рытвинами, испещрённая трещинами и разломами серая равнина. Казалось, что видна линия горизонта, но это лишь туманная завеса играла злую шутку с человеческим взором, скрывая далёкие предметы, а над туманом, как будто из серого неба неожиданно и пугающе вырастали далёкие горные вершины.

Свиртенгралль

Брелов ощутил спиной могильный холод, который пронизывал всё его тело, тогда он нервно обернулся и увидел, что на другом краю равнины возвышается огромное строение. Казалось, что именно этот величественный дворец, выстроенный из антрацитового камня, и излучал мороз. Брелов внимательно оглядел бесконечно высокий замок, расположенный в проходе меж двух огромных горных хребтов, словно специально для него была продолблена эта прореха в скалах. Стены замка-великана были покрыты множеством башенок и иных сооружений, словно бы там целый город стоял на исполинском постаменте, и, может быть, именно его видела Избранная во сне начала путешествия. Он давил своей массой и тёмным цветом на нервы, как уродливое пятно, выбиваясь из ровного серого цвета хребта. Как стражник, караулящий проход меж скал стоял он и смотрелся мрачно и жутковато.

Громадина была знакома Брелову, он видел рисунок города-дворца в Интернете неоднократно, но близость его в реальности заставляла сердце уходить в пятки от смертельного ужаса. Это был Свиртенгралль — столица чудовищного королевства Гиртрона, несокрушимый в веках оплот крепости Кйа-Ори и древняя цитадель самого Т'эрауса.

Чуть ближе и правее от ворот Свиртенгралля на сером холсте пыльной земли сверкало что-то, похожее на водную гладь озера. Брелов слышал легенду и мгновенно догадался, что это россыпь горного хрусталя, который с испокон веков носят на шее все воины Адальира. Когда-то под стенами Свиртенгралля шёл великий бой, армия Адальира сражалась с легионами Даосторга. Тогда много воинов полегло, тогда Т'эраус сокрушил войско и отбросил защитников Адальира до самого Арвельдона, а хрустальные дефендеры павших приказал сложить кучей пред входом в замок, как доказательство собственного могущества, и с тех пор так поступали всегда. За хрустальный талисман вавилонца в Свиртенгралле платили большую сумму, ведь воины Кэльвиара никогда не расставались с ними, и заполучить его можно было, лишь убив владельца и сняв хрусталь с павшего вавилонца. За века россыпь хрусталя стала такой огромной, что частично засыпала дорогу, ведущую к Свиртенграллю, и блеск кристаллов виднелся за многие мили своими бликами и игрой света на гранях. Счесть нельзя было, сколько дефендеров лежало там, и за каждым стояла душа павшего вавилонца, отдавшего жизнь во имя добра и справедливости в борьбе со злом, что таилось в стенах Свиртенгралля. После победы короля Герронии и падения Т'эрауса, Свиртенгралль утратил былое могущество, и сила его ныне осталась лишь в пределах Кйа-Ори, однако победитель король Торильтар, что сразил Старгерольда наследника Даосторга, почему-то не стал убирать хрустальную россыпь, очевидно в назидание потомкам оставил он её.

И Брелов видел, как играют грани тех кристаллов. Странно, но всё небо над Свиртенграллем было плотно завешано серыми тучами, грозившими скорым дождём, а над хрустальной россыпью проглядывал кусочек лазурного неба, оттуда, словно бы из небесной форточки на землю срывался тёплый световой луч, его краски хорошо было видно на фоне серых пустошей вотчины Гиртрона.

Брелов сделал единственно правильное в той ситуации, он попытался поскорее уйти от мрачного замка как можно дальше. Но, уходя в глубь чуждой земли, он всё так же отчётливо видел Свиртенгралль. Всё здесь было специально спланировано так, чтобы столица империи Т'эрауса виднелась отовсюду. В эпоху Георальда, когда Т'эраус правил на этих землях и ещё

в ста двадцати королевствах к северу, югу, западу и востоку отсюда, кроваво алые огни Свиртенгралля отблесками были видны даже в Гаур-Хэс.

Он шёл по измученной засухой земле, а вокруг царило чудовищное запустенье. Леса в Кйа-Ори давно погибли, и безжизненные деревья стояли чёрными мачтами без единого листка. В туманной дали у подножья гор, что по левую руку от Свиртенгралля, виднелись остатки великой крепостной стены, что некогда отграничивала земли Т'эрауса от Форрингленна, а ныне лежала в руинах, лишь отдельными нагромождениями камней напоминая о своём существовании. Кое-где из-за мёртвого леса поднимался слабый дымок, значит, люди здесь всё же жили.

Скоро стемнело, Брелов устал бродить и понял, что блуждает кругами. Когда солнце и без того тусклое в этом краю Адалыра, совсем скрылось за горами со стороны земли магистра Сан-Киви Фарфаллы, Кйа-Ори тотчас накрыл глухой мрак. В темноте Брелов ощутил, как жгло его глаза этими колючими лучами ранее, как мешали они взору, ведь даже солнце здесь служило Гиртрону. Только теперь, в полнейшей мгле, Брелов сумел различить на склонах вымершей долины звёздные россыпи одиноких огоньков каких-то неведомых поселений. Один огонёк горел совсем рядом, буквально в доброй сотне метров, его пламя отчётливо виднелось сквозь голую рощу. Брелов окончательно замёрз, хоть и запахнул свой жилет насколько мог. Судя по танцующему пламени, это не было жильё, а скорее костёр. Рок-музыкант понял, что если сейчас же не согреется, то может и вовсе околеть, поэтому уверенно зашагал через мёртвый лес к спасительному огню.

Всё же чего-то, опасаясь, Брелов не стал сразу выходить к кострищу, а прокрался вдоль небольшого обрыва, на котором некогда рос великий лес и выглянул из-за старого пня. Брелов увидел, что у костра спиной к нему сидит человек в какой-то рваной накидке весьма убогого вида. Больше здесь никого не было, тогда Брелов потихоньку стал приближаться к сидевшему, держа наготове меч.

Появление Ариллии

— На огонёк пришёл, друг? — не поворачиваясь, произнёс оборванец, сидевший у костра чарующим и невероятно чистым женским голосом.

Брелов невольно вздрогнул, ведь она никак не могла его видеть, но всё же обнаружила его присутствие! Он вышел вперёд и стал так, чтобы огонь осветил его.

— Можно погреться у твоего красивого костра? — спросил он у незнакомки.

— Присаживайся, — на распев ответила та, — ночь-то ледяная, вон, как всё инеем взялось, аж листочки свернулись! — по голосу стало ясно, что женщина улыбнулась.

Возможно, слова про листочки, свернувшиеся от холода, надо было расценивать, как злую иронию, ведь всем известно, и Брелов сам успел в этом убедиться, что в Кйа-Ори деревья и зимой и летом стоят голые.

Лицо незнакомки закрывали длинные волосы, немного не аккуратные, спадающие со лба.

— И ты одна вот так сидишь на пустыре посреди этого проклятого места и смеёшься?! — изумился Брелов. — В чём тут хитрость?

— А что ты имеешь в виду? — со странной издевательской интонацией спросила незнакомка, будто всё поняла, но просто ломалась, желая, чтобы Брелов детально объяснил ей свой вопрос.

— Я говорю, что ни один нормальный человек не станет обнаруживать своё местонахождение огнём, когда находится в обозримой близости от Свиртенгралля, — резонно пояснил Брелов. Он сильно замёрз, и, сейчас, когда стал согреваться, то уже не имел ни малейшего желания реагировать на издёвки. Кроме того, удивление его было столь сильным, что он вообще забыл обо всём, и даже о том, что продрог до костей.

— Мне нечего бояться, — сказала она. — Во-первых, я уже побывала в городе Гиртрона, а во-вторых, мы находимся в низине и из Свиртенгралля огонь не виден.

При упоминании девушкой имени Гиртрона, Брелов интуитивно поднял глаза к чёрнеющему небу, ожидая, что сейчас налетит буря, засверкают молнии и произойдут прочие катаклизмы, которые обычно сопровождают упоминание чудовища, но всё было тихо.

— Чего ты так перекосялся? — вдруг спросила незнакомка, словно бы читая его мысли. — Ждёшь когда пойдёт дождь и налетит буря? — она будто насмеялась над ним.

— А что, не налетит?! — совершенно серьёзно спросил Брелов, достаточно сильно озабоченный происходящим. Он поплотнее взялся за рукоять своего завидно разукрашенного меча, по-прежнему ожидая нападения.

— Конечно, нет, всё здесь и так пронизано его духом, Гиртрон, Гиртрон! — крикнула она в полный голос. — Видишь? Ничего не происходит! Гиртрон видит всё, что находится в его вотчине, каждый камешек, лист и последняя пылинка здесь — это Гиртрон...

— Значит, он может увидеть нас и без огня?!

— Конечно, когда ты уснёшь, он проберётся в твой сон и сделает с твоим духом всё, что ему заблагорассудится.

— Демон сна, он унаследовал эту силу от Старгерольда, что получил её в своё время от правой руки Т'эрауса Даосторга, я знаю об этом.

— Откуда? — удивилась она. — Вообще, кто ты и куда направляешься?

— Может, я расскажу всё к утру? — Брелова валил чудовищный сон, он уже стал ложиться на землю прямо возле костра, но незнакомка не дала ему этого сделать.

— Не смей засыпать! — воскликнула она. — Уснёшь, и Гиртрон увидит тебя! Спать будешь, когда солнце взойдёт, днём взгляд его ослабевает.

Брелов поверил предостережению, но бороться со сном становилось всё труднее, жар от костра так умиротворял!

— Да, да, но я сейчас просто упаду!

— Рассказывай о себе, говори и слова победят дремоту! — предложила она.

Брелов вспомнил рассказ Силия о том, что воины Торильтара, когда шли войной на Старгерольда, не должны были спать, чтобы тот не уничтожил их души во сне и боролись с усталостью песнями и разговорами. И он стал рассказывать незнакомке о себе, та в свою очередь оказалась отличным слушателем, и когда сонный голос Брелова начинал затихать, сразу вытаскивала его из плена грёз каким-нибудь верным вопросом. Он рассказал ей не только историю своей жизни и нехитрой карьеры рок-музыканта, но и прочёл все тексты собственных песен и байки, слышанные про Адальир, сто тысяч и сто притчей Силия и даже события из крайнего выпуска новостей, виденного накануне путешествия.

— Вот и всё, — закончил Брелов свой монолог, — таким образом, я оказался в Кйа-Ори. Филирд осталась там и я не смог её вытащить. Если бы у меня было оружие, как у древних воителей, я бы ещё мог вернуться в скалу...

— А как же твой отряд?

— Чтобы помочь им я всё равно должен пройти через Шадоурок, другого пути нет.

— Но ты можешь отправиться через Зирвельдон, правда это будет гораздо дольше.

— Какими силами?! — возразил Брелов. — Хранители Тарнтгора Пограничного никогда не пропустят ни единого существа из Кйа-Ори, и им не важно, человек я или прихвостень Т'эрауса!

В это время солнце уже стало всходить, и его скудные лучи упали на лицо незнакомки, осветив правую щеку, не скрытую волосами. Судя по белой коже и изящной линии, очерчивающей подбородок, она должна была быть настоящей красавицей.

— Но через Тарнтгор ходят все, там лагерь Гиртрона, — отозвалась она, и Брелов увидел, как сквозь пряди волос сверкнули её глаза.

— Как это, ты что?! — Брелов был ошеломлён последним заявлением. — А где же хранители границы?!

— Я никогда их не видела, только легенду слышала. Когда я была совсем маленькой, отец брал меня с собой, отправляясь торговать в Тарнтгор, но дела там шли плохо, жители совсем бедны, живут в норах в земле...

Брелов не поверил её словам, в голове у него просто не укладывалось, как великолепный белокаменный град, о котором он слышал столько красивых легенд, мог обратиться в убогий сюзерен империи Гиртрона, а славные воины стать слугами и плебеями.

— Ты врёшь, или мы говорим о разных местах, — резко заявил Брелов с досадой, — Тарнтгор прекрасен, когда я перебыю герддронов Шадоурока, то непременно побываю в этом городе.

— Если я бедна и не ношу шёлка, то ты считаешь возможным вот так запросто называть меня лгуньей? — возмутилась девушка. — Если хочешь, я покажу тебе твой Тарнтгор, и ты сам убедишься, что оплот Эллера уже век в руинах!

— Сколько мы будем туда плестись без дорог? Это ж несколько дней пути и то если скакать на лошади, а на своих двоих мы неделю тащиться будем!

— Нет, глупец, мы не пойдём в город, я знаю место на соседней скале, откуда отлично видно Тарнтгор и все подступы к нему, если не боишься, то пойдём, и сам всё увидишь! — она явно подначивала Брелова.

— У меня есть дела поважнее! — возразил рок-музыкант.

— Хочешь вернуться к Гиртрону?

— Да, у меня нет выбора!

— Герой! — усмехнулась незнакомка. — Чистый герой! Ума бы тебе ещё хоть маленечко! Ну, сам подумай, твоя подружка, скорее всего, разбилась, если всё было так, как ты рассказывал, эти северяне такие колкие, совсем как лёд, что окружает их всю жизнь. Во-вторых, ты сам сказал, что у тебя нет оружия, а как ты собираешься сражаться с герддронами Шадоурока голыми руками?

Книги на сайте - Книголюб.нет

Брелов бессильно стиснул зубы и замолчал, его просто тряссти начинало от того, что не в силах он был исправить этот проклятый порядок вещей не то что на земле, а даже здесь в волшебном Адальире. Однако в словах незнакомки была доля правды, которая, впрочем, казалась Брелову в тот момент чем-то подлым и недостойным.

— А что ты предлагаешь? — возмущённо спросил Брелов, адресовав свой гнев приютившей его у костра девушке, словно та была в чём-то виновата. — Гулять с тобой по горам Кйа-Ори и ждать, пока всё само собой сделается?!

— Нет, — она отвернулась в сторону, будто пряча лицо, которое и так было надёжно скрыто волосами. — Для начала следует избавиться от гнева...

— А у меня больше ничего с собой нету, если ты заметила, кроме злобы, вот я и думаю её использовать...

— Я заметила, поэтому и советую успокоиться.

— Мне нужно нечто большее, нежели советы, — Брелов стукнул остриём меча о камень. — Но, тебе самой нужна помощь.

— Так я и предлагаю тебе нечто вполне конкретно! Я предлагаю тебе оружие.

— Какое оружие? Что у тебя может быть дельного? Я сразу отметил, что в твоём платье спрятать можно лишь маленький кинжал, как в корсаже у Гертруды, но не более.

— А почему ты решил, что я ношу его с собой?

— Нет? Значит, можешь показать, где оно хранится?

— Ты слышал когда-нибудь о Лемероне?

— Конечно, это владыка Сальвордера, непобедимый воин, великан и тиран, одержавший тысячу побед, а его победил Готторн из рода дарффий.

— Да, а знаешь, что сделалось с жезлом Лемерона после его поражения?

— Сейчас ты расскажешь мне притчу? — Брелов соорудил скептическую физиономию.

— Его жезл храниться в монастыре Альтвериуса, а монастырь этот вон там! — она указала рукой на западную сторону равнины, где у подножья еле видных гор угадывались очертания какого-то рукотворного строения.

— Как?! — изумился Брелов, в душе его вновь забрезжила надежда. — Лемеронов заклинатель здесь, в Кйа-Ори? Если бы я завладел этим жезлом, то смог бы дать бой герддронам Гиртрона!

— Ну, так, значит пойдёшь? — обрадовалась незнакомка.

— Стоп, а с чего это ты будешь мне помогать?!

— Скажем, у меня к Шадоуроку свой счёт...

— Может, поведаешь, какой?

Она опустила глаза, несколько секунд что-то обдумывала, словно собираясь с духом, а потом резким взмахом руки отбросила спадающие на лицо волосы и продемонстрировала Брелову своё открытое чело.

— Как я уже сказала, я побывала в гостях у Гиртрона...

Лицо незнакомки было исполосовано шрамами, а кожа была белой лишь на правой щеке, которую не скрывали спущенные волосы, остальную же часть лица покрывала странная субстанция чёрного цвета с красными разводами, будто разрисовали его масляной краской. При этом глаза девушки сохранили свой первозданный ультрамариновый цвет и красотой своей скрадывали изуродованную кожу.

— Что это? — участливо поинтересовался Брелов, ему стало жаль эту несчастную и он ещё больше возненавидел Гиртрона.

— Это? — она усмехнулась. — Гостеприимство Гиртрона!

— Как ты попала туда и что вообще произошло?

— Меня продали.

— Как продали?!

— Гиртрон покупает людей, но не потому, что ему нужны рабы, а с другой целью. За эти деньги он как бы покупает души продавцов. Тот, кто совершит этот грех и продаст своего соплеменника в рабство повелителю Шадоурока, навсегда становится проклятым и

вступает в ряды армии Свиртенгралля. Гиртрон платит щедро за души, и каждый день кто-то продаёт своих соплеменников в рабство. Отцы продают дочерей, братья — сестёр, — она опустила глаза и вновь скрыла лицо волосами.

— С тобой было то же самое?

— Да, меня продали братья за десяток золотых монет, во столько меня оценил привратник Шадоурока...

— Но как сумела ты выбраться?

— Сам Гиртрон отпустил меня. Я не помню, сколько времени провела в его чертоге, это было похоже на ад, а потом пришёл человек в высоком шлеме... — при этих словах перед глазами Брелова возник образ, виденного им в чреве горы воина с лимонным мечём. — Это был Гиртрон. Он сказал, что теперь я больше не нужна им. Меня выбросили на этот пустырь, где я с тех пор и живу... — она надсадно рассмеялась. — А, впрочем, всё не так уж и плохо! Всё-таки я помогу тебе добыть заклинатель Лемефона, а ты, быть может, взгреешь Гиртрона, согласен?

— Покажи мне монастырь Альтверуса, я поговорю с хранителями! Кстати, как тебя называть, подруга?

— Зови меня Ариллия, так называли меня при рождении, по имени древней звезды...

— Хорошо, Ариллия, — пробормотал Брелов и тут же заснул...

Отряд Брелова продолжает путь в Арвельдон

Странно, но никакого поселения зарльсов вавилонцы в обозначенном на карте месте не нашли, лишь дымящиеся равнины, словно в долину рухнул метеорит. Трудно было даже понять, были ли здесь вообще когда-либо поселения, или, быть может, дорога вела просто к лугам. Ещё на подходе в ноздри ударил отвратительный запах гари, какого не бывает от древесины, что тоже было странно.

Вавилонцы не стали долго задерживаться на пепелище и отправились вверх по горному склону юго-восточного Свиреала. Там в лесах, им всё-таки удалось найти небольшое селение зарльсов, но это был явно не Зарльсгленн. Делая крюк, отряд потерял много времени, и смог передохнуть в лачуге одного из местных жителей селения всего несколько часов, однако купить провизии и набрать воды из ключа им удалось, что, надо сказать, тоже было немаловажным успехом.

Вавилонцы скакали всю ночь, лишь иногда делая небольшие передышки, чтобы их лошади могли отдохнуть. Хоть гленнвудские кони и славились своей выносливостью, но и они нуждались в заботе и сне. Алёна так испугалась герддронов у мельницы, что проспала у Авельира на плече практически всю дорогу вплоть до самого Зарльского поселения. Её разум должен был отдохнуть, привести мысли в порядок и просто-напросто успокоиться. Оказалось, что каким-то волшебством, им удалось покрыть расстояние в добрую сотню миль всего за неполный день, и здесь явно не обошлось без магии.

На рассвете отряд под предводительством Фариселла вышел к границе Гленнвуда. Горы расступились, и перед взорами путешественников расстелилась пыльная каменная пустошь, именуемая Степью С'арруса. Красновато-жёлтую пустоту равнины пересекала выющаяся и сверкающая на солнце нить. Река была в отдалении и казалась отсюда тонкой как перо горной сельерры. Между путниками и степью оставалось ещё только одно препятствие — пологий оранжево-коричневый склон Карвергольдского плато, на котором базировалась большая часть Гленнвудского леса.

— Это граница вольной земли Гленнвудского народа, — немного печально пояснил Фариселл, указывая рукой на серебристую водную гладь Кристеллии. — Дальше Степь С'арруса — войны, ураганы и пыль, борьба и разруха, а за степью Эрнонд, священный Арвельдон, крепость магов Адалыра Гаур-Хэс, Южный Георальд и врата Геррони...

Слева из-за гор тянулась тёмно-зелёная полоска Гвирендорфа, над которым вздымались далёкие, но оттого не менее величественные, горные цепи Фаллен-Граунда. Этот древнейший лес стоял на южной стороне степи С'арруса и западной границе страны Граса Даркфлесса, на юго-западе покрывая склоны Малого Свиреаля и переходя в Кэльвиаровы долины. Когда-то Гвирендорфские леса покрывали всю пустошь, местами среди песков даже сохранились пни по три метра в ширину, теперь лишь напоминающие о былом величии царства бушующей зелени.

Лошадь Фариселла заржала и, взбрыкнула, передними ногами описав в воздухе полукруг. Дэльвьир дёрнул поводья, и отряд поскакал вниз по заросшему вереском склону Карвергольда, оставляя за собой слабый пыльный след, истосковавшейся по дождям земли. Как же отличался мир Степей С'арруса от Гленнвуда! Как и везде в Адалыре, высокие горы Свиреаля чётко делили мир на леса, степи, и даже на сезоны года.

На скале, выпирающей из Карвергольдского утёса ниже дороги, ведущей в Гленнвуд, мелькнула полупрозрачная фигура. Это Аэл'орри следовала за отрядом, скрываемая от взоров энергией нивелирующего камня. Иногда, то ли забывая об осторожности, а то ли от усталости, она слегка разжимала ладонь, и тогда полупрозрачной тенью проступала на фоне серых скал. Да, рассказ Силля о предстоящем сражении и войны Гиртрона в Шэугленн напугали её, заставив последовать за любимым, чтобы разделить с ним любую участь. Чтобы не быть обнаруженной герддронами, она взяла с собой сглаживающий восприятие кристалл, и теперь неотлучной тенью следовала за своим избранником по земле Гленнвуда и готова была идти дальше, так далеко, насколько это будет необходимо. Отряд скакал на лошадях, делая крюки по дорогам, а она шла напрямик через тайные тропы, но и тогда бы не смогла поспеть эрфния за вавилонцами, очевидно, и ей известно было какое-то волшебство...

Словно порхая, она бабочкой спустилась по склону и замерла буквально в нескольких десятках метров от отряда. Авельир, обладающий феноменальным слухом, повёл бровью, его ухо тоже двинулось, заслышав поступь невидимой преследовательницы. Он резко обернулся, но девушка так же мгновенно застыла, и изо всех сил сжала нивелирующий кристалл, оставшись не рассекреченной. Она знала, что Силль волнуется о ней и не позволит продолжить путь, поэтому следовало оставаться инкогнито. Раздосадованная своей промашкой, Аэл'орри решила, что впредь следует всё же держаться подальше от отряда, не привлекая к себе лишнего внимания, и, чтобы побороть обострённое восприятие спутника Силля ещё сильнее сжала кристалл, позволяя лошадям отдалиться. Её глаза заблестели от лёгких слёз, когда отряд начал таять в пыльной пелене С'аррусовой степи, ей всегда было мучительно расставаться с Силлем. Она поспешила вытереть набежавшие слёзы рукой и случайно выронила камень, в мгновение ока став видимой...

В этот момент за её спиной на утёсе возникло шесть фигур. Облачённые в доспехи и окутанные, как плащом дымными хвостами, герддроны заметили её. Никто ещё не знал, что и земли С'арруса кишели этими чудовищами. Герддроны Фаур-Каста, посланные Грасом Даркфлессом за головами рекрутов Вавилона, контролировали всю ширину горного прохода, выводящего из Гленнвуда. Они были везде, и в Гвирендорфе и в преддверии Гленнвуда. Мимо них нельзя было прошмыгнуть незамеченным, и Аэл'орри допустила непростительную

ошибку, уронив кристалл...

Из-за зелёной накидки, герддроны приняли её за одну из отряда Вавилонских рекрутов. Подождав, пока отряд скрылся полностью, они ринулись вниз по склону и настигли Аэл'орри. Она заметила их слишком поздно и через секунду уже оказалась в лапах Фаллен-Граундских хищников. Аэл'орри попыталась скрыться, вновь сжав заветный кристалл, но не успела, герддроны оказались быстрее. Один повалил её на землю и проворно связал, в суматохе она потеряла свой камень. Аэл'орри боялась кричать и звать на помощь, чтобы не подвергать опасности ни Силля, ни его спутников. Связанную, её сунули в специальный мешок для пленных, затем один из герддронов взвалил мешок с пленницей на плечо и отряд, рысью помчался в обратном направлении. Преследовать людей Силля не было нужды, там, дальше их уже ждали элитные части армии Гиртрона и фавориты Даркфлесса смертоносный Визиронт и огнеподобный Шэугкан...

Лошадь Авельира неожиданно встала, как вкопанная, он натянул поводья и встревожено обернулся назад. Его слух уловил звуки нападения, но различить, откуда они доносились, ему не удалось, расстояние было уже слишком велико, даже для его сверхспособностей.

— Что там? — Дэльвьир подъехал к нему и проследил взглядом за его глазами.

— Не знаю, — Авельир пожал плечами, — наверное, показалось... — он немного помолчал, прислушиваясь, но всё уже стихло. — Я подумал, что это Брелов, — добавил он и неспешно продолжил движение.

Дэльвьир нахмурился, рысью описал несколько кругов, старательно вслушиваясь в завывание пыльного ветра. Ему с трудом верилось, что Авельиру могло что-то почудиться. Но, ничего не услышав, он двинулся дальше, нагонять отряд.

У великой Кристеллии

Отряд Брелова вышел к реке, берега её, насыщенные щедрыми водами покрывала ковром трава и низкорослые кустарники, возле самой кромки воды практически из реки в небо устремлялись высокие тонкие деревья с ядовито-зелёными листьями, словно бы флюоресцирующими. Они колыхались всеми своими длинными телами подобно водорослям, переплетаясь и пружиня. Танец этих странных растений просто-таки завораживал. В трещинах камней всюду вокруг Кристеллии струились голубые ручьи, говорящие о великой плодородной силе этого божественного потока. Вся долина вокруг реки преображалась, становясь похожей на самую глубь благодатного Кэльвиарона, сменившего здесь уныние степи древнего правителя пустошей С'арруса.

Далее дорогу сменяла чуть заметная тропа, тающая среди причудливого рисунка песчаной почвы. Тропа вела к реке, спускалась вниз и полностью исчезала в клубящемся у переправы тумане. Алёна встревожено поглядела на своих спутников, ширина реки, когда не было видно даже противоположного берега, пугала её. Девушка, как не старалась, но не могла себе даже представить, как они станут перебираться на ту сторону. Можно было конечно предположить, что отряд двинется вдоль играющей воды, но Кристеллия раскинулась в обе стороны на бесконечно-необозримое расстояние, и обходить её кругом было бы неблагодарным делом. Конечно же они станут переправляться через неё на противоположный берег, это было очевидно и непосвящённому.

— А как же мы переберёмся на ту сторону? — наконец не выдержав, спросила девушка.

Ответом ей был тут же раздавшийся радостный возглас, ушедшего вперёд Килля.

— Я нашёл лодку! — кричал парень.

Дэльвьир облегчённо вздохнул и лицо его просветлело. Только теперь, заметив разницу, Алёна поняла, что он был сильно напряжён всю долгую дорогу. Авельир, улыбнувшись, поглядел в её сторону, мол, вот так и переберёмся — на лодке. У всех в этот момент явно отлегло от сердца, кроме Фариселла. Невысокий рыцарь внезапно стал нервничать, будто что-то почувствовав в речном тумане. Прищурившись, он напряжённо всматривался вдаль со странным и пугающим выражением на его волевом лице.

Вдруг из тумана к облакам потянулись тонкие дымные струйки, их было так много, словно кто-то зажёг одновременно несколько десятков костров у самого побережья, а затем из клубящийся мути показались тёмные силуэты воинов в латах. Стало заметно, что дымные хвосты поднимались от их голов...

— Герддроны Фаур-Каста!!! — вскричал Фариселл.

Под грохот стальной поступи и лязганье доспех, из тумана медленно выплывали серые знамёна Фаллен-Граунда...

— Спешиться! — скомандовал Фариселл, спрыгивая с коня.

Авельир подхватил Алёну на руки и мгновенно очутился на тверди. Остальные вавилонцы последовали его примеру. Освободившись от седоков, лошади с перепуганным ржаньем тут же унеслись прочь. Вольные животные Гленнвуда до жути боялись слуг Граса Даркфлесса.

— Отступаем к лодке, живо! — приказал Фариселл. Воинство Фаллен-Граунда уже несло к ним из прибрежного тумана.

Вавилонцы, сломя голову, бросились бежать по извитой тропе меж прибрежных камней прямо к тому месту, где, размахивая руками, прыгал Килль. Герддроны с грохотом и рёвом неслись следом. Эти воины были подобны диким животным. Построенные в крепостях Даркфлесса, герддроны Фаур-Каста обладали чудовищной силой. При обмене в войсках армий Т'эрауса, одного воина-герддрона меняли на полсотни пехотинцев, или шесть — десять рыцарей, но и эти чудовища всё-таки уступали герддронам Свиртенгралля. Откуда же на земле Адальира брались те исчадия зла, знал, только Гиртрон, герддроны, порождённые им на вершине Шадоурока ценились очень высоко. Когда-то Силий сказал, что будь в армии Т'эрауса в те далёкие времена хотя бы два — три легиона Свиртенгралльских герддронов, он без труда смог бы захватить три четверти всех изведанных земель Адальира.

Алёна до сих пор не видывала этих существ во плоти, реальная близость герддронов действительно вселяла ужас. Тем временем, группа преследователей из трёх сборов разбилась на две по двенадцать и двадцать четыре герддрона, малая продолжила преследовать отряд по пятам след в след, а большая кинулись в туман, вдоль русла Кристеллии, намереваясь, очевидно, перехватить лодку.

Переправа

Когда отряд достиг кромки берега, из тумана показался резной нос корабля. Это была небольшая посуда старое почерневшего дерева с одной мачтой и без парусов, нос которой украшала красивая роспись и вырезанные в древе узоры. Килль с великим трудом удерживал швартовый канат, привязанный к вылезающим из земли корням старого пня на берегу, даже отсюда было отчётливо видно, как напряжено его волевое лицо.

— Все в лодку! — скомандовал Фариселл.

Спереди из тумана показались герддроны-арбалетчики.

Дэльвьир с Фариселлом схватили лодку за борт и наклонили её, положив бортом на прибрежные камни. Авельир с Алёной на руках в один прыжок очутился внутри посудыны, остальные вавилонцы также ловко запрыгнули в корабль. Всё это произошло за какую-то долю секунды, потому что герддроны даже не успели принять стойку для стрельбы и взвести арбалеты. Изготовились они лишь, когда последний вавилонец был уже в лодке.

— Все на противоположный борт! — хрипло прокричал Фариселл, наваливаясь на него всем весом. Парни ринулись следом, стараясь перевернуть посудину.

— Вы, что, с ума посходили?! — завизжала Алёна, чувствуя, что теряет равновесие. — Мы же перевернёмся!!!

Лодка действительно резко наклонилась в противоположную от берега сторону, едва не зачерпнув воды. Как раз в это мгновение, разъярённая тетива вражеских арбалетов выбросила фонтан холодных стрел. В несколько рядов они прошли, поднявшийся над волнами, борт корабля. Залп был такой силы, что наконечники стрел насквозь пробили дерево, но, всё же не принесли вреда вавилонцам. Чтобы в самом деле не перевернуться, парням пришлось снизить нагрузку на борт, и лодка пошла в обратную сторону. Теперь вавилонцам стало отлично видно шеренгу арбалетчиков, ловко перезаряжающих своё грозное оружие. Авельир присмотрелся к преследователям, это действительно были воины из Фаллен-Граунда. Фариселл, как обычно, оказался прав. Железные маски у этих герддронов были совсем чёрными от копоти, а так закоптиться их забрало могло только в тесных катакомбах подземных казарм Граса Даркфлесса, где бегущая из вулкана лава давала энергию жизни их железным телам. Кроме того, огонь, пылающий за их масками, был не таким ярким, как тот, что сиял в чёрных глазницах шлемов Гирттроновской армии, это явно были иные герддроны, ниже рангом, но от этого не менее опасные.

— Второй раз не прокатит! — воскликнул Килль, кидаясь к рукояти руля. — Хватайте вёсла!

Дэльвьир с Силлем и Фариселлом подхватили со дна длинные шесты и оттолкнулись ими от берега. Лодка отплыла всего на пару метров, но тут же вольное течение подхватило её. Килль не зря воспользовался рулём, обернув крутой нрав реки себе на пользу. Посудину, словно щепку, закрутило, и отбросило в сторону, в последнее мгновение как раз выведя из-под очередной волны стрел, которые с досадным бульканьем упали в воду совсем рядом.

— Кажись, ушли! — обрадовано воскликнул Силль. — На третий заход их явно не хватит!

Герддроны уже совсем скрылись из виду, бурные течения, которыми славилась Река Богов, продолжали стремительно уносить посудину всё дальше от кишашего герддронами побережья.

Раздосадованные своим опозданием, преследователи бросились бежать за лодкой вдоль берега. Это можно было легко понять по доносящемуся из тумана железному грохоту и оглушительному рёву.

В течение всего сражения, Алёна изо всех сил прижималась к Авельиру, а готический рыцарь в свою очередь прикрывал её своим телом. Только теперь, когда опасность миновала, гот попытался высвободиться из её объятий, но девушка так перепугалась, что ещё долго не могла разжать рук. В голове её всё спуталось, а в ушах всё ещё продолжали звучать железный лязг герддроновских лат и их оглушительно ревущие голоса. Наконец она с трудом оторвала голову от плеча и подняла на Авельира свои перепуганные глаза.

— Всё нормально, обошлось! — заверил Авельир, ласково погладив её по волосам. —

Всё в порядке, успокойся.

Алёна с опаской огляделась: вокруг неё в лодке сидели немного потрепанные вавилонцы, они смотрели на неё, затаив дыхание, с явным напряжением, читаемым на лицах. Лишь убедившись, что с Избранной действительно всё в порядке, они смогли облегчённо выдохнуть, а Силль даже улыбнулся. Алёна натянуто улыбнулась ему в ответ, и утомлённо взялась рукой за переносицу, от стресса у неё снова разболелась голова.

Сверкающая вода Кристеллии журчала за бортом, волны бодро несли старинную лодку вперёд, и, благодаря рулю, немного в сторону. Такое движение посуды позволяло-таки пристать к противоположному берегу супротив течения реки, хотя бы и немного ниже по течению, как, вероятно, и рассчитывал Килль. Они уверенно приближались к середине реки Богов...

Атака дартгров

Здесь, на центре Кристеллии бурление вод внезапно остановилось и течения сошли на нет, это было похоже на око циклона, когда вокруг бушует ураган, а в центре, кружась в медленном танце, неспешно падают лишь отдельные снежинки. Только здесь эффект циклонического ока странным образом имел место на воде. Кругом продолжали бурлить неистовые течения, ведь Кристеллия славилась своим вольным нравом, а на середине реки стоял полнейший штиль. Лодка застыла, лишь изредка чуть-чуть покачиваясь на меланхолических волнах. Вверху небо было чистый ультрамарин, а вокруг плыл плотный белый туман, да такой, что не видно было ни одного берега, лишь по направлению движения воды можно было ещё кое-как сориентироваться.

Корабль дрейфовал уже около часа, и никакие усилия вавилонцев, которые пытались грести импровизированными вёслами, сделанными всё из тех же шестов, не могли заставить его взять хоть какой-нибудь вразумительный курс. В то время, пока Килль, Силль и Дэльвьир упорно боролись со стихией у руля, Алёна, Авельир и Фариселл расположились на носу корабля, где уже стали задрёмывать, убаюканные покоем тихой воды.

Авельир устроился между переборок, Алёна задремала у него на плече. Закрыв глаза, гот подставил лицо поднявшемуся в зенит солнцу, что столь щедро разливало теперь своё мягкое тепло по округе. Когда и он, сморённый покоем, стал клевать носом, по его лицу скользнула небрежная тень, затем другая и ещё одна. Авельир, который славился обострённым восприятием, приоткрыл слипающиеся глаза и, прикрыв их от солнца рукой, поглядел ввысь.

— Странные птицы, что-то я таких не знаю... — нерасторопно проговорил он и вновь закрыл глаза.

— Какие ещё птицы?! — раздражённо отозвался Дэльвьир с кормы. — Лучше бы помог нам грести!

— Почему странные? — переспросил, усевшийся напротив Фариселл.

— У них вроде по четыре крыла, как у стрекоз... — сонным голосом пробормотал Авельир, по-видимому, не отдавая себе отчёта в сказанном.

Фариселл резко поднялся и начал напряжённо всматриваться в высокое небо, спокойно стоявшее над рекой. Остальные побросали вёсла и резко обернулись к Фариселлу, уже понимая, что его так напугало.

— Это нептицы! — наконец воскликнул он, увидев что-то в облаках. — Летающие

воины Даркфлесса, дартгроты...

— Быть не может! Чтоб их! — воскликнул Дэльвьир, выхватывая меч.

— Это дартгроты, дартгроты! — никто и никогда не видел ещё Фариселла таким напуганным. — Вы их живьём не видели, а мне вот доводилось! Летающие герддроны, одни из самых опасных тварей Фаллен-Граунда, сгинувшие в небытие ещё на заре самых древних эпох и вновь вызванные к существованию силой Граса Даркфлесса. Именно этими деяниями их возрождения из мрака прошлого он окончательно испепелил свою и без того тёмную душу и плоть, превратившись в узника собственного доспеха!

Пускай дартгроты кружили всё ещё слишком высоко, вавилонцы поспешили обнажить мечи и приготовились отражать атаку. Авельир усадил Алёну на своё место между переборок, а сам встал спереди, прикрыв собой девушку. Он снял с плеча лук, и, зарядив его стрелой с зелёным опереньем, принялся терпеливо ждать.

Пока ничего не происходило, река медленно перекачивала низкорослые волны, более похожие на зыбь, облака уютно кружили в высоке, а солнце также изливало своё щедрое тепло. Затишье длилось уже достаточно долго, за это время солнце успело пройти примерно одну десятую часть видимого небосклона.

— Может быть, они ушли? — шёпотом спросил Дэльвьир, обращаясь к Фариселлу, тот пожал плечами. — Может это разведчики были? Покружили себе и уши восвояси, нет?

Мощнейший удар сшиб Дэльвьира с ног, что-то вырвалось из-под воды и, пролетев над палубой, атаковало рыцаря со скоростью молнии. Дэльвьир выронил из рук меч и повалился на дно лодки. Воины вздрогнули, не поняв, что случилось.

— Дэльвьир, ты цел? — крикнул Авельир, подбегая к валяющемуся на палубе товарищу.

— Нормально, — пробормотал бородач, ощупывая себя руками. — Что это было?!

— Ещё один! — раздался крик Килля.

Все обернулись: из-за борта взмыло какое-то клубящееся чёрное пятно. Со свистом оно неслось на Килля, из пятна показалась полупрозрачная рука, сжимающая длинный щербатый меч. Мгновение застыло, Алёна затаила дыхание, ожидая развязки. Килль выхватил свой клинок и поставил его сталь вражескому острию. Мечи скрестились, и раздался странный хлопок, как от взрыва. Киллю удалось защититься от атакующего лезвия, но удара такой мощи он ожидать не мог. Летящий воин отбросил его к противоположному борту, да с такой силой, что парень на мгновение лишился сознания. Увидев, что происходит, вавилонцы сразу вышли из оцепенения. Авельир мгновенно вскинул лук и пустил стрелу вслед удаляющемуся дартгроту, тут же перезарядив оружие новой стрелой на этот раз с ярко-оранжевым оперением.

Пущенная стрела со свистом исчезла в тумане, вскоре послышался всплеск воды, значит, Авельир промахнулся. Вавилонцы встали спина к спине кругом, выставив мечи и замерли в ожидании новой атаки. Авельир прислушался, как и всегда, теперь он полагался только на свои обострённые чувства. Вдруг он разжал пальцы и выпустил в пустоту новую стрелу. Как раз в это мгновение очередной дартгрот взмыл из-под воды, Авельир просто раньше услышал звук его появления, и выстрелил на упреждение. Как он и предполагал, в Адальире его и без того феноменальные чувства обострились до волшебных. Стрела встретила воина точным попаданием в торс. Чудовище издало отвратительный протяжный рёв, и, немного ещё поднявшись над водной гладью, рухнуло обратно, подняв столб брызг. Всё стихло. Вавилонцы переглянулись, а Алёна подползла к валяющемуся на палубе Киллю. Судорожно начав вспоминать всё, чему её учили в мединституте, Алёна решила для начала

проверить пульс. Потом раскрыла Киллю глаза, чтобы посмотреть реакцию зрачков, в этот момент парень пришёл в себя и стал подниматься.

— Как ты?! — встревожено спросила она.

Килль немного покачивался и держался рукой за затылок.

— В норме, — морщась, отозвался он.

Силль перевёл дыхание:

— Ещё раз так напугаешь, и я сам тебе врежу! — выдохнул он с облегчением.

— Где эти твари?! — испуганно спросила Алёна, обводя взглядом вавилонцев.

— Не знаю, — Дэльвьир развёл руками. — Авельир одного отправил к праотцам, это точно, а куда подевались остальные, даже не представляю!

— Наверно, напугались и свалили по тихой! — гордо произнёс Килль, всё ещё не очень уверенно держась на ногах. — Мы им показали, но надо сказать силы у них, как у слона...

— Ну, что будем делать? — Дэльвьир повернулся к Фариселлу.

Фариселл застывшим взглядом смотрел за борт в туманную даль, держа наготове меч.

— Сейчас что-то будет! — страшным шёпотом ответил низкорослый рыцарь. — Держитесь! — прокричал он следом.

Лодку немного потрянуло и вновь всё стихло.

— Вы слышите, или только я? — занервничал Авельир, уловив какой-то звук, смутивший его слух.

— Это ещё что?! — Дэльвьир, начал судорожно озираться по сторонам.

Спустя мгновение уже все почувствовали странный гул, идущий от водной глади, звук всё нарастал и становился просто невыносимым. Алёна не выдержала и стала зажимать уши ладонями, но это не помогало, вибрация проходила через всё её тело.

Сообразив, что скоро звук и его пройма, Фариселл спешно вскарабкался по мачте и стал вглядываться в речную даль, тут же его взору открылась странная картина: недалеко от лодки подле торчащих из реки камней вода бурлила, словно кипела. Такое же бурление наблюдалось ещё с двух других сторон, а вокруг, кольцом окружая судно, расплывались странные пенные следы. Это дартгроты, наполовину погрузившись в воду, неистово били всеми железными крыльями, будоража водную стихию реки.

— Это дартгроты, они вызывают бурление вод! — крикнул Фариселл с мачты.

— Вероятно, движение их крыльев вызывает вибрацию воды, создающую угнетающий нервную систему гул, который мы слышим! — перекрикивая шум, выдал предположение Авельир. Он даже не пытался закрыть уши, поскольку теперь его обострённое восприятие работало против него.

— Переведи на общечеловеческий! — Килль явно не понял сказанного.

— Это как ультразвук, колебания на особой частоте, они способны убить!

— Что нам делать?! — Силль метался по палубе, звук начинал сводить его с ума.

— Нам нужна помощь Вавилона! — прокричал Дэльвьир. — Фариселл, вызови подмогу! Скорей!

Крафтсман приходит на помощь (волшебный жезл)

Фариселл уселся на палубе, подвернув ноги, словно готовясь к медитации. Губы его еле заметно подрагивали, как будто он что-то проговаривал про себя. Тем временем, остальные воины из отряда уже валялись на палубе. Первым свалился Авельир, его восприятие было самым сильным. Затем не выдержала Алёна, затем не справились с напряжением Силль и

Килль, последним упал Дэльвьир, но будучи от природы человеком большой силы он и сейчас не лёг, а лишь осел, зацепившись рукой за борт. Фариселл продолжал призывать ведомую лишь ему силу, но пока ничего не происходило. Вдруг в чистом небе над судном сверкнула молния, и вниз полетел какой-то предмет.

Не открывая глаз, Фариселл подставил ладонь и принял дар. В руке низкорослого воина сверкал короткий жезл, сделанный из чего-то, похожего на горный хрусталь. Он весь искрился и переливался, свет причудливо играл на его гранях, как отблески восхода играют на сводах Хрустального Храма в ранний час. Фариселл открыл глаза, лёгким движением он отбросил, спавшие на лицо волосы, вскочил на ноги и метнул жезл за борт. Когда тот коснулся поверхности Кристеллии, во все стороны брызнули бесчисленные лучи света. Река застыла, как будто вода стала каменной, и в её ровной как зеркало, и прозрачной, как слеза глади отразилось ультрамариновое небо, лодка вавилонцев также замерла. Гул стих, вавилонцы смогли раскрыть зажмуренные глаза и, убрав ладони от ушей, стали медленно подниматься на ноги. Ещё никто не понимал, что происходит, вода в реке вдруг стала твёрже камня, а потом вся видимая поверхность реки буквально взорвалась: вверх ударили миллионы фонтанов, куски застывшей воды, как ледяные глыбы начали рассыпаться на множество осколков, какая-то неведомая сила буквально вытолкнула дартгровов Фаур-Каста из реки. Их бесформенные тела, скрываемые чёрным туманом, подбросило на огромную высоту в сверкающее небо. Падая обратно, чудовища расправили обе пары своих крыльев, как теперь стало видно, сделанных из чёрной стали, и спланировали на воду, обступив лодку кольцом. Но вернуться обратно в поток они теперь не могли, как не могли и напасть на судно, сошедшая с небес широкая радуга окружала корабль необоримой стеной.

— Скорее хватайте руль, пока защита не ослабла! — воскликнул Фариселл. — Правьте к берегу С'арруса, река сама понесёт нас!

Все дружно навалились на прикреплённую к рулю жердь, выводя корабль на верный курс. Далее всё произошло так, как пообещал Фариселл: откуда не возьмись, возникшее точно под лодкой течение подхватило посудину и устремило её к золотистой полоске берега, туда, куда изначально и лежал их путь...

Дартгровы бессильно кружили вокруг, проносясь в считанных миллиметрах от корпуса, но не способные преодолеть защитную преграду волшебной радуги. Происходящее невероятно вдохновило всех путешественников, Килль просто на глазах ожил, словно и не был без сознания ещё мгновение назад, а Силль просто сиял от счастья, так радовала его победа над врагами. Алёна с трудом осознавала, что происходит. До сих пор ей казалось, что это какой-то дурной сон, что этого просто не может быть: река в обрамлении искрящейся зелени и тёплый туман, когда на дворе декабрь, летающие чудовища, Фариселл, укротивший реку силой волшебства, и эта радужная пелена, что прочнее бетона и брони. Она понимала, что попала в совершенно иной мир, что здесь возможно практически всё, она видела чудеса своими глазами и могла коснуться их пальцами, но скупой рассудок упорно опровергал очевидное, так трудно было её восприятию привыкнуть к новой реальности мира Адальира. Смотря сейчас на весёлые лица своих спутников, она вдруг стала понимать, что всего за день они стали ей очень близки и дороги, будто все они действительно её братья. Это ощущение было удивительнее волшебства Фариселла и всего того волшебного, что теперь окружало её в Адальире, ведь на земле у неё не было близких родных, не было даже просто друзей, эти чувства единства и взаимопонимания были в новинку и теплотой своей согревали душу и сердце.

Только теперь, пересекая с ними своевольную реку на странном корабlike, спасаясь от неведомых монстров, кружащих вокруг палубы, и застывших свет своими ржавыми крыльями, Алёна полностью поняла слова Силия о том, что она Избранная. Нет, она не была исключительной, не обладала сверхспособностями, просто разум её всегда был готов вырваться за пределы обыденности и разбить границы дозволенного унылой реальностью грязного мегаполиса. Её душа, её разум были готовы поверить в Адальир, поэтому Силий пришёл именно к ней. Арбитр Стихий знал обо всём уже тогда, когда первый раз их глаза встретились под тусклым фонарём, когда он взял из её рук милостыню, а взамен подарил целый новый Мир, великую цель бытия и новых друзей. Счастье переполняло в эту минуту и её сердце, все опасности, окружающие теперь вавилонцев в Адальире стали пылью по сравнению с тем неописуемым чувством тепла и умиротворения, подаренного ей чудесным моментом осознания всей сути её пути. И как же сильна была её благодарность этому странному оборванцу с нелепой бородёнкой в три волосины по имени Силий, что привёл её в столь желанный и сказочный, но в то же время столь реальный мир Адальира!

"— Я должна научиться управлять этим миром!" — решила Алёна. "- Я должна помочь вавилонцам и стать Избранной!" — теперь Алёна была полна решимости, надо было, во что бы то ни стало оправдать надежды Силия, и выполнить то, чего ждал от неё, нуждающийся в ней волшебный мир Адальира.

Вдруг небо прочертила, словно падающая звезда или комета. Что-то серебристое, напоминающее футуристическую ракету, со свистом пересекло зенит, и, по-видимому, приземлилось в тумане на противоположном берегу. Вскоре послышался железный грохот и всплеск воды, когда доспехи очередного дартгрота свалились в реку недалеко от борта вавилонской посудыны. Никто не понял, что произошло, но чудовищу, вероятно, не посчастливилось столкнуться с той самой кометой...

Разруха и мрак Кйа-Ори

Дни и ночи в Кйа-Ори текли так вяло и уныло, что невозможно было сказать, сколько точно времени заняла дорога к монастырю. Пейзажи не отличались большим разнообразием, всюду царил упадок и разорение. Хоть Ариллия и старалась обходить поселения, но местами на пути всё же попадались разрозненные строения. Эти вросшие в потрескавшуюся землю домишки больше смахивали на гору мусора. Среди развалин и остатков некогда красивых дворов унылыми тенями бродили бледные, лишённые осмысленности здешние жители. Лица их выражали вековую грусть и полнейшее запустение их оскудевших душ. Поистине, Гиртрон захватил не только пространство здешней земли, но и просторы разума всех её обитателей.

— А чего ты ждал? — то и дело восклицала Ариллия, когда выражение лица Брелова становилось совсем уж удручённым от увиденного вокруг, и странно смеялась, словно злорадствуя над разрушенной империей.

— Я не понимаю! Если у них нет досок и камней, чтобы сложить достойный дом — это их нужда, а не вина. Но, почему бы не собрать мусор в кучу и не подмести свой собственный двор хотя бы пучком сухостоя? Вона сколько его растёт повсюду!

— Пойди и спроси! — с усмешкой предложила спутница.

Да и зачем было спрашивать очевидное? Брелов уже понял, что разорение в Кйа-Ори пришло не извне, не по велению Гиртрона или Т'эрауса, а изнутри из душ тех, кто жил в этом некогда прекрасном краю...

История Альтвериуса

Позвольте, я немного отвлекусь и расскажу об Альтвериусе, чьим именем назван монастырь в Кйа-Ори, в который направились Брелов с Ариллией.

Альтвериус был третьим сыном Стельдера хранителя мудрости Зирвельдона и племянником Филлерста. С раннего детства Альтвериус, или как называли его ласково Альверий, больше тяготел к своему дяде, нежели к отцу. Отец Альтвериуса Стельдер был волшебником, говорили, что он мог совершать большие чудеса. Ещё до эпохи Войн Разочарования король Зирвельдона назначил Стельдера главой магической гильдии. Стельдер усердно трудился на ниве волшебства и многое постиг, в то время как его брат Филлерст тратил все свои недюжинные умения в другой области. Филлерст занимался изучением истории Адальира по книгам, систематизировал их, собирал великую библиотеку, которая ныне носит его имя. Филлерст разыскивал книги Адальира по всем концам страны, покупал редкие издания за свой счёт и даже собственноручно реставрировал погибающие летописи. В собрании Филлерста были даже такие раритеты, как "Трактат о грядущем" Вельдона Форуса, "Шестая летопись крепости Армильд-Клианор", считавшаяся утраченной при пожаре во дворце Силирерия (наместника царя), что в Южном Георальде, ещё в 1674 году. И даже "Тайная книга созидания" — единственная книга, написанная собственноручно древним божеством, которая вышла из-под пера самого чудовищного Т'эрауса, пока тот ещё не начал творить разрушений. Кстати сказать, о существовании последней узнали совсем недавно, поскольку за ней как за великой реликвией охотилось множество всевозможных последователей чудовищного культа Т'эрауса и местонахождение её приходилось скрывать. Воистину, *habent sua fata libelli!*[1].

Искатели "Тайной книги созидания" по большей части были приверженцами первичной концепции происхождения Мира и выходцами из областей сопредельных крепости Т'эрауса и самой Кйа-Ори. Они организовали мощное движение, неисчислимо по количеству последователей. Последователи не собирались на тайных сходах, не имели структуры организации. Всё, что было у них — это некий свод правил, которые должны были исполнять все члены ордена. Устав исполнялся всегда точно и беспрекословно. Участники культа могли всю жизнь прожить и не встретиться с другими такими же, как они. Единственной целью их было по мере прохождения собственного жизненного пути искать любую информацию об утраченной рукописи древнего чудовища.

Согласно преданию, "Тайная книга созидания" связывала Т'эрауса с первоначальной целью его собственного бытия. Она была как бы мостом, связующим мрачные берега разрушительного духа нового Т'эрауса с тем существом, которым он был в самом начале времён. Считалось, что если он прочтёт собственные строки, то станет вновь прежним и сбросит оковы ненависти. Хотя, по правде сказать, в это никто не верил, поскольку Т'эраус слишком далеко уплыл от тех светлых берегов, где построили лодку его жизни.

Но даже эфемерная возможность крушения его власти была слишком реальной для последователей чудовищного культа ненависти. Все они стремились найти и уничтожить эту рукопись, чтобы исчезла даже надежда на перемену установившегося порядка вещей. Ведь если бы из мира Адальира вдруг исчезло зло, порождённое, привнесённое и выпестованное Т'эраусом, то культ их также канул бы в лету.

Альтвериус любил книги, ведь читать он умел уже когда ему было только семь месяцев отроду. Он помогал дяде Филлерсту во всём, а вскоре произошло странное: у Филлерста

открылся дар предвидения. Он мог предсказывать события, которые вскоре происходили с такой точностью, что, казалось, он сам видел их происходящими. Он предсказал многие вещи и события, которые произошли потом в Адальире с поразительной точностью. Он предсказал победу Эллера над Даосторгом, заточенье Серебряного Короля в скале, поход Торильтара против Свиртенгралля и даже открытие нового заклинания, призывающего ледяные бури. Только одно предсказание Филлерста не сбылось, но и эта ничтожная капля дёгтя давала его противникам возможность называть его по прошествии сотен лет лгуном и шарлатаном.

Несбывшееся пророчество касалось завершения великого похода Торильтара. Филлерст был тогда уже совсем древним старцем, когда говорил о грядущем сражении в Кйа-Ори, многие думали, что от столь почтенного возраста у него просто ум за разум зашёл, ещё бы, прочитать столько книг, и остаться человеком чистого ума было не под силу обычному смертному! Филлерст утверждал, будто собственными глазами видел, как Торильтар пронзил Старгерольда и тут же сам упал замертво. Он предсказывал, что войско Торильтара будет полностью разбито и изничтожено ещё под стенами Свиртенгралля и ни словом не обмолвился об битве с легионами Граса Даркфлесса у Тарнтгора Пограничного.

Хотя, всем известно, что произошло на северной границе Зирвельдона, и чем окончилась та великая битва. Торильтар сразил армию Т'эрауса, став поистине самым великим из величайших королей всех эпох. В славе и золоте воротился он в Герронию и многие годы подвиг его прославляли поэты и летописцы. А Филлерст говорил, что Торильтар падёт, что после похода его, мрак застелет все окрестные земли и что потускнеют золотые гербы величайшего королевства на многие века. Он предсказывал разорение и гибель, бегство людей северо-востока на запад, исход тысяч беженцев и становление власти Т'эрауса и его нового преемника.

Преемник, конечно, появился, на счёт этого пророчества относили появление Гиртрона, но противники такого взгляда, утверждали, что его нельзя считать тем самым наследником, предсказанным Филлерстом. Ведь он, то есть Гиртрон — преемник Старгерольда, а Филлерст говорил о преемнике самого Т'эрауса, возражали они.

Тем не менее, Альтвериус поверил учителю, тогда все верили ему, ведь события были так далеки во времени от его слов, и проверить их было нельзя. Альтвериус решил упредить катастрофу и стал создавать, как он говорил "основу благополучия". Это были самые разнообразные формации. Он строил монастыри, основывал ордены и тайные общества хранителей Адальира. Сам Элмэорос Древний помогал его делам, и посвятил его в глубочайшие тайны магии Гаур-Хэс. Говорят, будто бы именно тогда возникла идея создания Вавилонского Братства, но открыть портал им просто не удалось.

Потом была Война Разочарования. Многое, созданное Альтвериусом и Элмэоросом, было разрушено. Элмэорос Древний пал при битве в Гаур-Хэс, когда старинный дворец был практически разгромлен. Служители гильдий Фаур-Каста и Свиртенгралля, по воле человеколюбия новых властителей, впервые за сотни лет пущенные на совет, потворствовали разрушению всего, что было создано во имя сбережения добра на земле Адальира. Настала Эпоха Разочарования. Альтвериус тяжело переносил перемены, происходившие в Адальире. Он ушёл в далёкие края и больше о нём никто ничего не слышал. Поговаривали, что он сгинул в пещерах Кау-Инс, что его забрали к себе хранители крепости-святыни Армильд-Клианор, и даже, будто он стал невидим для обычного глаза и по сей день живёт в Кйа-Ори, присматривая за злокозненными проделками слуг Т'эрауса и вассалов Гиртрона.

Как бы там ни было на самом деле, а единственное, что сохранилось до наших дней, созданное великим Альтвериусом — был монастырь в Кйа-Ори. Элмэорос наложил на его стены столь мощное заклятие, что ни одна тварь Свиртенгралля не могла проникнуть внутрь или причинить вред строению снаружи. Говорят, что здесь великий волшебник древности заключил силу всех стихий разом, применив так называемые волшебные тетраморфы, что и дало такую защиту монастырю. Монастырь был обнесён высокой стеной из цельного камня, вросшей в скалы. Ворота были широки и необозримо высоки, но створок на них не было! Заклинание хранило вход лучше, чем дерево, камень и самый лучший инженерный замок.

Внутри монастыря все монашеские кельи и иные помещения были расписаны текстами, излагающими пророчества Филлерста. Они располагались так, что общеизвестные предсказания были на стенах простых комнат, а тайные пророчества украшали своды святилищ. Чем более посвящён был служитель монастыря, тем больше пророчеств мог постичь он.

Главное пророчество Филлерста

Рискуя слишком отдалиться от нити повествования, всё же расскажу о главном пророчестве Филлерста, доступном нашему пониманию. Это предсказание о борце, завершающем Эпоху Разочарования, который придёт сокрушить короля Шадоурока (Гиртрона) и сам станет таким же, как Гиртрон исчадием зла. Именно об этом пророчестве говорила Брелову Филлирд, когда они карабкались по стенам тоннеля Волгаллиона. Суть предсказания сводилась к следующему: Филлерст сказал, что по прошествии ровно трёхсот тридцати трёх лет и трёхсот тридцати трёх дней с того дня, когда падёт Старгерольд, в день великого "солнцепомрачения", а так пророк именовал солнечное затмение, в Свиртенгралль вступит великий боец, который свергнет Гиртрона и займёт его место в ряду демонов сновидений.

Все ждали и боялись этого пришельца. Победа Торильтара сперва над Старгерольдом, а затем и над силами Фаллен-Граундского воинства под Тарнтгором Пограничным вселила в сердца людей веру и надежду: если одно пророчество Филлерста, которое считалось самым важным, не сбылось, то и слова о новом короле Свиртенгралля, стало быть, могли быть пустыми. Наблюдая за Гиртроном, мудрецы уразумели, что более страшного существа Кйа-Ори ещё не видывала, Гиртрон пришёл в тот момент, когда тёмные светила небес над Свиртенграллем взошли в зенит, что сотворило из преемника Старгерольда поистине наипугающего из королей древнего замка на границе мрачных земель...

Аэл'орри в Фаур-Касте

Возвестив оглушительным топотом своё возвращение, отряд из шести герддронов и двух дартгротов вошёл в предел Фаур-Каста через ворота первой крепостной стены. Один из дартгротов нёс на плече крохотный в сравнении с ним самим мешок, руки же остальных были заняты оружием и щитами.

На вратах один из предводительствующих дартгротов, сказал что-то стражнику, после чего тот сразу протрубил в длинную медную трубу. Звук переполошил всех обитателей мрачной крепости. Орды герддронов последнего легиона, звеня доспехами и расточая чад и смрад по округе, вывалили на двор. В воротах Фаур-Каста показалась уродливая фигура Граса Даркфлесса, тяжело переставляя свои проржавевшие ступни, добровольный житель доспеха, едва слышав голос победной трубы, лично вышел встречать отряд.

Он приблизился к дартгротам и, выпустив из-под шлема облако чёрного дыма, уставился на них пустыми глазницами своего железного шлема-лица.

— Мы привели вам одного воина из армии Вавилона, — ржаво-хриплым голосом произнёс дартгрот. — Он в мешке для пленных!

Даркфлесс распрямился, оказавшись вдвое выше своих слуг, и в ожидании перевёл взгляд на мешок. Второй дартгрот поставил тюк наземь перед королём и раскрыл его. Едва увидев внутри испуганное лицо Аэл'орри, Даркфлесс шарахнулся от мешка как от огня.

— Это кто?! — гневно воскликнул он.

Дартгроты в замешательстве переглянулись, их ограниченный самыми простыми действиями и логическими построениями не больше, чем в три слова, разум не мог в этот момент понять, чего хочет от них повелитель.

— Воин Вавилона из отряда Арбитра Стихий, — проревел тот дартгрот, что всю дорогу нёс Аэл'орри на плече.

— Она женщина?! — ужаснулся Грас.

— Скорее всего, — развёл клешнями второй дартгрот, — хотя ручаться не стану, ибо я плохо разбираюсь в этом деле.

Даркфлесс впал в долгое раздумье.

— Проклятуший Стронцвет! — наконец с нажимом изрёк он, вспомнив слова, сказанные ему Гиртроном. — Живо уведите пленницу в замок, спрячьте её в лунном зале, а чтобы она не смогла убежать, ты, — он ткнул пальцем в доспех одного из дартгротов, — будешь следить за ней неотлучно, пока я не придумаю, что нам с ней делать.

В знак повиновения Дартгроты проревели что-то нечленораздельное.

В это время к Даркфлессу сзади подбежал какой-то старик в серой рясе и с большой коричневой книгой в руках, он стал прыгать и бить ладонью по доспехам Граса, привлекая, таким образом, его внимание, пока тот, наконец, не обернулся.

— Господин! — вскричал старик. — Не лучше ли нам убить её сразу, во избежание угрозы, о которой предупреждал Стронцвет?!

Аэл'орри в мешке сжалась от ужаса, хоть она и не понимала языка Фаллен-Граунда, но по тону догадалась, что этот колдун желал ей зла.

— Пошёл прочь, червь! — взревел Грас, отбрасывая чародея своей огромной рукой в сторону. В этот момент в нём разыгралась гордыня и высокомерная уверенность в собственном бессмертии. — Ни ты, ни Стронцвет, ни кто-то ещё никогда не будут указывать мне, что делать! Я великий маг, полубог, а ты смрадный гад, ползающий лишь ночью, и боящийся собственной тени!

Дартгроты и герддроны, почуяв меняющуюся энергию Даркфлессовского гнева, начали пятиться от разъярённого господина, а Аэл'орри ещё больше сжалась и припала к земле.

— Чего вы ждёте?! — вновь проревел Даркфлесс. — Исполняйте приказание!

Тотчас дартгроты подхватили мешок с Аэл'орри, как пушинку, и понесли в сторону Фаур-Каста. Даркфлесс проводил их своим безжизненным взглядом, затем с презрением оглядел вассалов, и, извергнув из-за забрала облако едкого чёрного дыма, направился в сторону дворца.

Громко топая стальными ногами, дартгрот нёс Аэл'орри через коридоры Фаур-Каста. Через дырку в мешке, она могла видеть лишь проплывающие над ней каменные потолки и чёрные своды замка. Извернувшись внутри своей тканой темницы, Аэл'орри смогла

взглянуть назад: за ними, раскачиваясь из стороны в сторону, следовал Грас Даркфлесс, одним своим чудовищным видом, вселявший в сердце ужас. Не оставляя надежды на спасение, Аэл'орри нащупала на дне мешка нивелирующий кристалл и крепко сжала его обеими ладонями, надеясь, что теперь её не должны были видеть обитатели Фаур-Каста.

Ряды факелов на стенах пылали всё ярче, коридор, до этого прямой, как копье, вдруг стал петлять, пошёл куда-то вверх, затем вниз, и снова вверх. Аэл'орри услышала странное лязганье и скрип, она не могла видеть, что там происходит впереди, но по звукам догадалась, что это был лязг засова и скрежет провисших створок ворот, что раскрывались, царапая гранитный пол.

Дартгрот вступил в лунный тронный зал — огромное помещение с узкими высокими окнами, больше напоминающими щели бойниц в толстенных стенах из цельного камня. Эта зала специально была спроектирована так, чтобы солнечный свет не мог проникнуть внутрь напрямую, а отражённые и рассеянные лучи давали лишь, вечно царящий здесь слабый сумрак. За окнами виднелись высокие скалистые горы, окружающие Фаур-Каст с незапамятных времён. Здесь как-то особенно мерзко пахло гарью и дымом от извергающегося Гоаронта.

Зала имела форму прямоугольника, возле длинной стены напротив дверей располагался длинный каменный постамент, служащий столом, а справа от него огромный трон. Справа у торцевой стены, стоял ещё один трон, много больше первого. Это был главный трон Даркфлесса в этом зале, за троном в стене располагалось несколько высоких резных окон, свет из которых дотягивался только до подножья трона и не распространялся дальше. Сам трон был выточен из цельного куска зеркально отполированного камня, и, казалось, врастал в пол, который в этом месте сплошь был покрыт сталактитами, которые, очевидно, ещё не успели выдолбить. За меньшим из тронов стоял гигантских размеров меч, одной рукоятью опёртый на спинку, знаменитый Флесскаурт, подаренный Грасу Даркфлессу самим Лемеоном в Сальвордере много веков назад.

Дартгрот подошёл к малому трону и поставил мешок с Аэл'орри на его сиденье. В дверях показались уродливая фигура короля Фаллен-Граунда и второй дартгрот из отряда.

— Стерегите её, пуще, чем зеницу ока! — приказал он дартгротам, в ответ тот, что принёс Аэл'орри, повернулся к повелителю и почтительно склонился.

Даркфлесс хлопнул в ладоши, и двери сами собой закрылись. Дартгроты встали подле дверей, как часовые, сложив руки на груди, и погрузились в странное состояние, напоминающее анабиоз, огонь в их глазницах стал совсем тусклым, но начал издавать странный низкий гул, а дым, идущий из щелей шлема, потёк медленнее, завиваясь в спирали.

[1] И книги имеют свою судьбу (Лат.).

Высвобождение Элмэороса

Аэл'орри попыталась развязать тугой узел веревок, стягивающих мешок, но сил её не хватало, весь разум поглотил животный ужас и паника. Вдруг весь негатив отступил, освободив место спокойствию и умиротворению. Аэл'орри ощутила, как что-то или кто-то проник через стенки мешка и коснулся её тела. Эрфния вздрогнула, попытавшись освободиться от этого ощущения, но присутствие кого-то рядом стало только сильнее.

— Кто ты?! — испуганно прошептала она, но ответа не последовало. Вместо этого она услышала внутри себя странную звенящую мелодию, которая стала растекаться по всему

телу, унося остатки усталости прочь.

Издав характерное поскрипывание, верёвка, стягивающая мешок развязалась сама собой, и Аэл'орри смогла выглянуть наружу. Поддаваясь странной силе, охватившей внезапно весь её разум, девушка невольно потянулась в сторону стола, постепенно вылезая из мешка. Чтобы стражи не заметили её, Аэл'орри что было силы сдавила ладонью заветный камень и тотчас растворилась в воздухе. В этот момент она видела всё размытым и плохо отдавала себе отчёт в том, что делает, но неожиданно взгляд её сфокусировался на большом каменном шаре, скованном металлическими обручами, что лежал на столе рядом с ней. Тут же были обруч и пластина с текстом, переданные Гиртроном Даркфлессу для обуздания сферы. Внутри шара вращался белый вихрь, напоминающий млечный путь, сомкнутый в чудесную спираль и именно оттуда доносилась эта чарующая музыка.

"Освободи меня!" — словно бы говорила эта странная сфера, и Аэл'орри невольно потянулась к ней. Пальцы девушки едва коснулись шара, и он тут же, слетев с постамента, будто его с силой отбросили, покатился по столу. Дартгроты у двери резко поворотились в сторону Аэл'орри, но благодаря магии кристалла не смогли увидеть виновницу. Огонь буквально выпорхнул из всех щелей их замысловатых доспех, а стальные крылья за спиной расправили своё рукотворное оперение.

Как в замедленном сне, сфера неспешно катилась по сверкающей поверхности каменного стола, к неизбежной свободе. Дартгроты с рёвом бросились через залу к столу. Взмахнув крыльями, они оторвались от пола и, обратившись клубящимися смерчами, со свистом подлетели к трону. Хоть они и не видели Аэл'орри, но каким-то непостижимым образом смогли почувствовать её. Аэл'орри вся сжалась, пытаясь закрыться руками от мечей, уже занесённых над ней дартгротами, и, в страхе зажмурилась... Сфера сорвалась с края стола... Покрытые выщерблинами мечи полетели вниз... Шар рухнул на каменный пол лунного зала и разлетелся вдребезги... Ветер колыхнул огонь факелов и затушил их... Прогремел гром, молнии обвили стены и потолок Фаур-Каста, сверкнула ослепительная вспышка, из разбитой сферы во все стороны брызнули стремительно разлетающиеся искры. Дартгроты издали чудовищный рёв, и в ту же секунду были отброшены к противоположной стене, не успев нанести удара. Они врезались в каменную кладку, разбив её, и, затем рухнули на пол: доспехи их раскрошились кусками, выпустив наружу облака едкого дыма. Огоньки глаз чудовищ покатались по полу, и вскоре погасли.

Аэл'орри с некоторым страхом приоткрыла глаза, над ней возвышалась расточающая свет белая фигура старца с длинной бородой, растворяющаяся в окружающем пространстве, подобно утреннему туману, восседающему на вершине Монастырской горы. Голову великана венчал расписной серебряный обруч, а по рукам растекались голубоватые молнии.

Старец склонился к Аэл'орри, и взял её на ладонь. Девушка замерла, сердце её аж заходило от волнения и благоговейного трепета перед странным великаном, освобождённым ею.

— Скоро здесь будет Маг, — голос великана прогремел громом, — тот, что сам заточил себя в доспех. Он поработил меня, ты — освободила. Лети же в славную Герронию, и расскажи обо всём, что я поведал тебе! — Элмэорос не назвал Даркфлесса по имени, чтобы не притянуть его энергию.

— Но я не умею летать! — несмело возразила Аэл'орри, срывающимся от волнения голосом. — И ты ничего не поведал мне!

Великан неистово расхохотался.

— Уже поведал, просто ты этого не знаешь! — он поднёс к ладони вторую и сложил их "ковшиком", так, что теперь Аэл'орри сидела уже одновременно на обеих его руках. — И летать ты уже умеешь, — добавил он и дунул на Аэл'орри. — Лети!

Выдох великана неистовым ураганом пронёсся по залу, сбросив Аэл'орри с его великих ладоней. Она перевернулась через голову и зависла в воздухе, обратившись крохотной крылаткой. Рост её теперь был не более вершка, а за спиной звенели две пары прозрачных крылышек, совсем как у стрекоз аз-зурри из Гленнвуда.

— Кто ты?! — испугалась Аэл'орри, оглядывая себя.

— Я Элмэорос — повелитель всех стихий, владыка земли, воды, ветра, огня, леса и моря, лети же скорей! — вскричал старец.

Аэл'орри взмахнула крыльями и стрелой вылетела в узкое окно залы, однако, ещё не очень хорошо управляясь с обновкой, она чуть не врезалась в стену.

Сражение с Грасом Даркфлессом

Элмэорос раскинул руки и сделал глубокий вдох.

— Свобода!!! — прокричал он, да так громко, что стены старинного Фаур-Каста заходили ходуном. Элмэорос развернулся к дверям, собираясь покинуть проклятый чертог, но при входе уже возвышался Грас Даркфлесс в окружении бесчисленного войска из дартгротов, герддронов и чародеев Фаллен-Граундской гильдии.

— Прочь с дороги, мелюзга нечестивая! — Элмэорос взмыл под потолок, превратившись в грозную тучу. Лицо его засияло, ослепляя противника, подобно утреннему солнцу. В глазах сверкнули молнии, а ладони окутало электрическими вихрями. К тому времени туча, служившая древнему волшебнику телом, уже распространилась по всей зале, превратив её каменный потолок в угрожающе клубящийся небесный свод.

— Вперёд! — скомандовал Даркфлесс.

Отряды герддронов-лучников и арбалетчиков бросились в зал, подобно двум ручьям, обтекая Граса слева и справа. Вбегая, они припадали на одно колено и выпускали вверх пылающие стрелы, призванные развеять силой адского огня туманную тучу, затем бежали назад, а их место занимала новая волна воинов. Элмэорос кругами носился под потолком, так ухитряясь ускользать от стрел. Там же, где стрелы всё-таки пронзали волшебный вихрь, в туче образовывались довольно большие прорехи, затягивающиеся спустя некоторое время медленно и неохотно.

— Симпериум-Сариез! — Даркфлесс обернулся к колдунам, стоящим по правое плечо. — Силу вулкана, давай энергию Гоаронта, пускай адептов-огненосцев!

Из толпы в центр зала выбежал сгорбленный старик в серой накидке, капюшоном, скрывающей лицо. В одной руке Симпериума-Сариеза была большая книга, в другой еле заметная сфера с пляшущим внутри огоньком. Он выкрикнул что-то нечленораздельное, но оттого не менее угрожающее, и метнул сферу под потолок, сопроводив сие действие гневным шёпотом.

— Наземь! — вскричал он следом, падая на пол цитадели.

Герддроны и дартгроты повалились вслед за ним, а прочие колдуны, очертя в воздухе круги, заслонили себя золистым сиянием.

Сфера прошла через волшебное облако и, судя по звуку, разбилась, ударившись об потолок. Элмэорос вихрем метнулся к противоположной стене. Прогредел гром, и зал накрыло огненным дождём, стены качнулись, камни с треском стали срываться с потолка и

лететь вниз, разбивая при падении зеркальную поверхность полов.

— Круши его, круши! — неистово прокричал предводитель колдунов, и тотчас adeпты ринулись вперёд, метая в Элмэороса завывающие огненные вихри, которые сходили прямо с их жезлов и даже рук.

Такого жуткого зрелища поединка магов Даркфлесс не видывал со времён Войны Разочарования, ведь и тогда он был в Гаур-Хэс. Весь огромный зал окутало глухим серым туманом, который теперь пронизывали лишь два огненных луча, вырывающиеся из глазниц шлема Даркфлесса, по их странному танцу можно было понять, в какую сторону сейчас глядит чудовище. Лязгая металлом, Грас вертел головой по сторонам, в надежде отыскать своего противника, но Элмэороса нигде не было видно. Неужели они так легко одолели самого сильного мага в истории Адальира?!

Не тут-то было! Туман в мгновение ока рассеялся, и перед опешившими вассалами Граса Даркфлесса вновь соткалось лицо Элмэороса.

— Испытайте гнев мой, нечестивцы! — возглас Элмэороса плавно перешёл в неистовый хохот, накрывший эхом весь Фаур-Каст.

Со всех сторон начал раздаваться странный стук, это капли дождя забарабанили по доспехам, но откуда было взяться дождю, внутри замка? Вода падала на пылающие шлемы герддронов, оборачиваясь гневно шипящим паром, и вскоре уже всё вокруг затянуло белой пеленой пара.

Будучи умудрённым колдуном, Даркфлесс сразу же понял в чём дело, и резко заслонился щитом. Капли забарабанили ещё чаще, туча под сводами потолка совсем потемнела и окрасилась снизу серебром небесного электричества, молнии цепочками окутали её и стали робко спадать наземь тонкими голубыми стрелами, пущенными, словно из ангельских луков. Даркфлесс, продолжая прикрываться огромным щитом, выставил вперёд правую клешню и растопырил пальцы, между кончиками которых и мечом, стоящим у противоположной стены, тут же блеснула россыпь молний. Повинуясь чудесной силе, Флесскаурт взмыл в воздух, и, преодолев всё широкое пространство лунного зала, очутился в руке своего вечного хозяина. Овладев мечом, Даркфлесс сразу же прикрылся его лезвием сверху, зная, что последует за приготовлениями его великого противника.

— Да пожрёт ваше королевство нечестивое собака небесная! — проревел чародей из-под замкового потолка. Висящее среди туч лицо Элмэороса перекосилось, он оголил стиснутые зубы и взмахнул полупрозрачными руками.

Молнии посыпались на герддронов и дартгротов тысячами, они сходили прямо из тучи, и рядами стремительно двигались через зал, словно водили чудовищный и в то же время завораживающий своей красотой хоровод. Отовсюду слышались хлопки лопающихся доспехов, разрывающийся металл скрежетал и плавился. В тех местах, где молнии прошивали сталь герддроновских лат, зияли оплавленные дыры. Первая волна герддронов была полностью разрушена, следом в лунный зал ринулись дартгроты. Элмэорос низверг на них ещё более сильный поток молний, и через мгновение и вторая волна обратилась в металлолом. Колдуны стали пятиться от бушующего чародея, прячась за широкой спиной Граса Даркфлесса, и уже бегом бросились наутёк.

Поняв, что настал самый благоприятный момент, Элмэорос метнулся к окну в верхней части дворца, но не смог пройти сквозь его своды, огненная завеса на эстакаде, сотканная Даркфлессом, преградила ему путь. Он в ярости обратил свой гневный взор в сторону правителя Фаур-Каста.

— Пропусти меня, или пожалеешь! — рёвом пригрозил Элмэорос, и, взмахнув руками, сотряс дворец налетевшим, откуда не возьмись ураганом.

— Ты не выйдешь отсюда! — зарычал Даркфлесс, обдав свой обугленный нагрудник огненной волной, выброшенной из-под шлема. Вцепившись клешнями в стены, Даркфлесс подобно уродливо растопырившемуся пауку, заслонил собой главную дверь. — Только если пройдёшь через меня, безумец!

Во дворе древнего дворца бушевал ужасающий шторм. Разошедшаяся не на шутку стихия превратила некогда песчаную долину в бурлящий океан грязной воды. Вассалы Граса Даркфлесса, те, что были сейчас под стенами, тщетно пытались прорваться внутрь замка, заливаемого волшебными дождями. Это было бесполезно, ибо изнутри шатающиеся стены Фаур-Каста блокировала сила стихий Элмэороса, а снаружи все, даже самые крохотные, лазейки перекрывали призванные Даркфлессом огненные вихри.

Туча, призванная Элмэоросом, просачиваясь в окна, распространилась уже по всему небу, накрыв весь бескрайний Фаллен-Граунд. Даже жители отдалённых его уголков в ужасе разбегались от неистовой стихии. Дождь всё усиливался, затопляя прибывающей водой все подходы. Могучие потоки воды, вперемешку с грязью изливающиеся с крыши Фаур-Каста, с лёгкостью сносили, карабкающихся в окна герддронов, а молнии, остервенело срывающиеся с небес, крушили летающих в высоте дартгров. Иные даже взлететь не успевали, как очередной разряд прибывал их к земле, раскалывая доспехи и разрушая их чудовищную мощь.

— Я сокрошу тебя! — Элмэорос ринулся в круг по дворцовому залу, сопровождая движение ужасающим свистом и рёвом ветров, но, сделав вираж, вновь завис под потолком перед Грасом, все окна надёжно заслоняла магия древнего колдуна, неодолимая для ослабевшего за годы заточения в сфере Элмэороса. — Убирайся прочь с дороги, ничтожество! — он сжал свои кулаки, туча стала чернеть и бурлить, подобно речным водам на перекате. Из чрева её засияло недоброе пламя.

— Тебе не устоять против моего колдовства! — надрывно и победно взревел Даркфлесс, всё его железное тело объяло пламенем, огонь вырвался из каждой щёлочки его чудовищного доспеха, и оранжевыми волнами растекался в стороны, окутывая стены и гулом своим, заглушая рёв ветров Элмэороса. Сейчас-то он действительно ощутил своё истинное превосходство над противником.

Хлынувший тут же дождь уже не мог сдержать пламени, хотя ливень этот был силён. Элмэорос в последний раз попробовал очистить путь, низвергнув на Даркфлесса целый сноп молний, но те лишь немного отбросили, вцепившегося в стены короля Фаур-Каста, назад, не сумев, однако даже немного сокрушить его защиты. Грас только рассмеялся своим ржавым лязгающим смехом.

Энергетика в зале переменилась, Даркфлесс сразу же почувствовал это, и в безжизненных глазницах его уродливого шлема блеснул огонь страха...

— Силы небесные! — воскликнул Силий, остановившись посреди того самого коллектора и бросил взгляд на себя самого, сидящего у противоположной стены. Арбитр Стихий даже на Земле в этот момент почувствовал силу высвободившегося Элмэороса. — Энергетика Адалыра меняется, словно со дна к поверхности стремится огромный пузырь,

что-то происходит в Адальире! — пробормотал он сбивчиво. — Я это вижу внутренним и внешним зрением и ощущаю всеми своими семью чувствами!

Он сосредоточенно нахмурился и закрыл глаза, концентрируясь на волне пойманной энергии.

— Либо кто-то обрёл новую силу, либо кто-то, владеющий старой силой, вернулся в Адальир! — Силий привычным движением расправил бородёнку, пропустив её между пальцев. — Возможно, кто-то даже покинул Электрический Рим!

Эллмэорос стал удаляться, он занял самый дальний угол, где бушующая туча, сотканная им, стала клубиться и шириться. Выражение лица старца стало совершенно неистовым, борода и усы развивались на холодном ветру, а в глазах блестела истинная ярость. Теперь ему нужно было, во что бы то ни стало, ослабить силу колдовства Даркфлесса, ибо она была велика, как никогда. Эллмэорос сосредоточенно закрыл глаза, всё пространство бесконечно огромного зала стало наполняться мечущимися искрами, которые вскоре погасли, уступив место светло-зелёному туману. Даркфлесс, поняв, что задумал его вечный противник по магии Эллмэорос, стал чётко и быстро проговаривать антизаклинания, призванные развеять надвигающееся волшебство древнего мага, но ему это почему-то не удавалось. Заклинание, которое использовал Эллмэорос, пришло в Адальир в самые древнейшие времена, впитало в себя мощь всех прошедших лет, и несло неимоверный по силе заряд позитивной энергии, ибо не являлось разрушительным, то был дар богов первозданному народу Адальира на самой заре времён.

Дождь снаружи стал ослабевать, молнии больше не крушили воинов Даркфлесса, ибо здесь не осталось места для сражений, но те почему-то застыли, словно окаменев. Ослабевшие от какой-то новой силы, используемой Эллмэоросом, они безвольными насекомыми сползали по стенам обратно, неуклюже складываясь под окнами цитадели.

Лунный тронный зал наполнился давно позабытым в здешних краях ароматом луговых трав и цветов. Откуда не возмись, в воздух взметнулись тысячи листьев и опавший цвет каких-то странных розовых цветов, хотя ни в замке, ни вокруг него на многие мили не было ни единого растения. Затем в воздух взмыли россыпи белых лепестков, словно они оказались среди кустов цветущего жасмина и яблонь.

Эллмэорос колдовал "лазурь", самое чистое из всех заклинаний, дарованных мудрецам Армильд-Клианора самими богами, которое не причиняло вреда, но лишь замедляло движения воинов, очищало разум и души от ненависти, и развеивало большую часть всех тёмных антиэнергий. Даже сам Грас Даркфлесс ощущал сейчас, как ослабевает его энергетика и энергетика его заклинаний. Захлёбываясь, в благодатном для всего живого, тумане, колдун, заточённый в доспехах, рвался использовать все свои магические умения, накопленные за годы, проведённые в Фаллен-Граунде, чтобы остановить Эллмэороса, но силы, казалось, были почти равны. Эллмэорос едва ли уступал, Даркфлессу, а равная сила волшебства двух чародеев, как известно всем, может привести лишь к взаимному уничтожению, на что, понятное дело, никто из них не рассчитывал.

— Освободи путь, чернь предательская! — Эллмэорос, став, надутым облаком, сконцентрировался в углу, противоположном входу.

— Побереги себя! — злобно проревел Даркфлесс, так крепко вцепившись в каменные колонны, что когти его полностью погрузились в вековой гранит.

Энергия всё нарастала, и вот уже почти достигла своего максимума, весь огромный зал

заполнило неистовым сиянием. Шлем Даркфлесса заскрежетал, словно колдун, позабыв, что больше не является человеческим существом, пытался как встарь стиснуть зубы. Элмэорос с неистовым свистом и рёвом ринулся вперёд, подобно смерчу. Стрела из клубящихся туч, заканчивающаяся остервенелым лицом волшебника, со скоростью молнии пересекла залу Лунного чертога, и ударила Даркфлесса в грудь. Тут произошло нечто невообразимое: сперва яркая вспышка ослепила уцелевших магов, но, когда свет ослабел, они увидели, как голова Элмэороса пробила неодолимые доспехи Граса. Стальной каркас ввалился внутрь, и рваное железо просто-таки брызнуло во все стороны. Шлем Даркфлесса оторвался от плеч и полетел вниз. Всё могучее тело колдуна-великана как бы сложилось вовнутрь, освободив путь Элмэоросу, однако тот не сумел пройти дальше. Облако также разметало во все стороны с лучами всё того же ослепительного света.

Всё стихло, дым заполнил зал и стал растекаться по коридорам, подобно резвострующим ручьям. Тело Даркфлесса со скрежетом оторвалось от рук и рухнуло на пол дворца. Клешни продолжали висеть на колоннах по обе стороны входа. Плащ, сорванный с плеч ветром, волной энергии отбросило далеко назад в коридор, где он ещё долго дымился. Однако в глазницах Граса всё ещё поблёскивало пламя, ведь сражения с Элмэоросом не было завершено. Даркфлесс был слишком силен, от его восприятия нельзя было скрыть ничего, он знал об Аэл'орри и должен был уничтожить послание волшебника... Шлем заскрежетал, верхняя часть его стала крошиться и трансформироваться в нечто странное... С рёвом выпорхнула вверх железная птица и унеслась в окно под сводами залы...

— Грассеротеп, Грассеротеп! — кричали вассалы и колдуны, едва завидев, как дух их короля Граса Даркфлесса уносится в погоню за Аэл'орри.

Последнее творение Даркфлесса покинуло Фаур-Каст, это означало, что король Фаллен-Граунда пал...

Оторопь и ужас овладели всеми. Что же теперь было делать им, тем, кто верой и правдой служил чудовищу столько лет?! А если кто узнает, что Даркфлесс пал?! Что будет тогда?! Кто первым бросится крушить ненавистный Фаур-Каст из семидесяти сопредельных королевств, пожранных в своё время подлой силой Фаллен-Граунда, приспешники С'арруса или, быть может, угнетаемые ими столько лет, обитатели Гвирендорфа? Именно об этом в тот момент думали уцелевшие колдуны. Только к вечеру оцепенение спало с них, и они сумели взять себя в руки. Произшедшее с их королём было ужасно, но ещё более пугающим было осознание того факта, что безмерное могущество Фаур-Каста зиждилось в основном лишь на силе их повелителя.

Колдуны Фаур-Каста перенесли останки доспеха Граса Даркфлесса в главную залу дворца магической гильдии, где возложили на тот самый пьедестал, на котором некогда их павший владыка возвращал к существованию дартгровов.

Не сумев восстановить своего повелителя, колдуны приняли решение оставить всё, как есть до возвращения фаворитов Даркфлесса Визиронта и Шэугкана. Оно и понятно, ибо столько лет прослужив под гнётом властолюбивого Даркфлесса, гильдийцы потеряли всяческое умение к собственным решениям, и собирались взвалить ответственность за дальнейшую жизнь Фаур-Каста и судьбу всего Фаллен-Граунда на одного из преемников павшего короля.

Долго они искали и остатки энергий Элмэороса, но и от него не смогли они найти даже крупинцы, возможно, сила этих величайших волшебников, стоящих с испокон веков на

разных полюсах стихий, в момент сражения была равна, и они взаимоуничтожили друг друга. Что ж, время покажет...

Аэл'орри тем временем всё летела над выжженными долинами и окаменелыми руслами пересохших рек, через руины бывших Фаллен-Граундских крепостей, всё дальше и дальше удаляясь от проклятого Фаур-Каста, стремясь передать слова Элмэороса людям Герронии. Не отставая, за ней следовал и дух Даркфлесса в обликии стальной птицы.

Когда Грассеротеп пересёк границу Падших Земель и показался в небе над окраинными селеньями, крестьяне в ужасе стали разбегаться кто куда, а один дозорный рыцарь из числа вассалов пустынных королевств наоборот, взобрался на большой старый пенёк и вскинул подзорную трубу. Он слышал легенду о Грасе Даркфлессе, и знал, что Грассеротеп может появиться лишь в случае гибели Фаллен-Граундского короля. Узнав в железном чудовище Грассеротепа, дозорный сразу смекнул, что именно произошло в Фаур-Касте и помчался сообщить весть о падении ненавистного Граса Даркфлесса своим королям. "Предвестник войн" — именно так переводилось имя чудовищного Грассеротепа, и это было правдой, ибо теперь все окрестные короли не преминут напасть на обезглавленный Фаур-Каст, в надежде посчитаться за все прошлые пакости злобного короля Граса Даркфлесса...

Брелов в монастыре Альтвериуса

Вскоре перед Бреловым встали, озарённые утренним солнцем, горы противоположной стороны равнины. У подножья гор виднелись строения, укрытые за высокой рукотворной стеной, кольцом окружающей их. То был монастырь Альтвериуса, заложенный здесь сотни лет назад. Когда, путники приблизились, то стена оказалась невероятно большой, высотой метров двести и с широкими воротами, через которые мог бы пройти не один легион. Ширина ворот тоже впечатляла — метров сто — сто пятьдесят, но створов на них не было. Эти ворота больше походили на прореху в заборе, словно какой-то великан отодвинул один из сегментов величественной стены куда-то в сторону. По бокам от прохода располагались массивные колонны, высотой чуть превосходящие основную стену, похожие на колышки, к которым должна была крепиться невероятно огромная калитка. Замшелые и потрескавшиеся за века, они уходили под облака, и если бы не горы, что возвышались выше них, казалось, подпирали собой небесный свод.

— И почему же Гиртрон не смог взять это укрепление? — вслух недоумевал Брелов. — Ворот нет, охраны нет, ходи, кто хочет!

Ариллия только усмехнулась, не показывая чела из-под своих смоляных волос.

— Здесь врата помощнее Свиртенгралльских! — добавила она с усмешкой. — Дальше я не пойду, мне что-то нехорошо...

Брелов резко обернулся к ней.

— Что такое?! — встревожился рок-музыкант.

— Не знаю, бывает, — отозвалась девушка, опускаясь на землю. — Я тут посижу, а ты ступай к хранителям!

— Уверена? — засомневался Брелов. — Может, я с тобой побуду, вдруг что-нибудь понадобится?

— Ступай, всё нормально! — с наигранным задором в голосе отвечала Ариллия, она уселась наземь, прислонившись спиной к колонне врат, и стала что-то чертить пальцем в дорожной пыли. — Иди же, Чёрная Ткачиха тут побудет! — добавила она, сказав о себе в

третьем лице и назвавшись странным прозвищем, было видно, что ей неможется.

Брелов немного засомневался, но решил, что стоит всё-таки пойти к хранителям монастыря и взять у них хотя бы пропитание, чтобы подкрепить силы проводницы. Тем более, решил он, здесь девушке ничего не угрожает, поскольку равнина, просматриваемая на многие мили вокруг, как на ладони невооружённым взглядом, была пуста, и отправился через ворота.

За стеной лежал широкий луг, устланный струящимися травами огуречного цвета. Они поразили взгляд Брелова, истосковавшийся по зелени после бесконечных гарей и пустынь Кйа-Ори. Странно, что трава росла только за стеной, и на границе стены по всей ширине ворот становилась безжизненной пустошью со стороны Свиртенгралля. Наверное, подумал Брелов, это тоже какое-нибудь волшебство.

Здесь, за монастырской стеной даже шагать было легче, Брелову показалось, что и воздух здесь свежее. Он остановился в кружевной тени изящных деревьев, что росли вдоль тропинки, по которой он ступал, и глубоко вдохнул. Воздух вошёл в усталые лёгкие как впервые и взбодрил всё тело. Брелов выдохнул смрад Гиртроновской крепости, накопившийся в венах и как будто увидел, облако серой пыли, выпорхнувшее из собственного рта. Затем он продолжил путь, обновлённый и посвежевший. Луг казался бескрайним, но вскоре показались стены круглого строения, увенчанного сферической крышей, врастающего в скалу, как чага в древо. Внешне строение взаправду напоминало чагу по форме и белому с сероватым оттенком цвету стен. Купол немного обветшал, были видны трещины и рытвины его некогда сверкающей поверхности, оставленные на поверхности песчаника веками.

Вокруг монастырских стен на земле располагались террасированные насыпи, укрытые диковинными кустарниками. Раньше Брелову ещё не доводилось видеть таких растений ни на Земле, ни в каких других уголках Адальира. У одних растений были маленькие бурые и сильно разветвлённые листочки, у других же напротив, огромные светло-зелёные паруса без видимого деления листовой пластинки на характерные сегменты. А у третьих изумрудные длинные узкие листики, напоминающие своей толщиной и продолговатостью стручки гороха. Всюду по растениям россыпями красовались разноцветные плоды, от мелких продолговатых ягод, размером не превосходящих обычной фасоли до спелых шаровидных плодов с большое яблоко. Одни из них свисали с веточек вниз, другие скрывались среди листвы, подобно облепихе покрывая ветвь, а третьи тянулись кверху, смотря на солнце из резных чашелистиков. Была очевидна рукотворность этих террас и то, что растения культивировались. Очевидно, это были посадки монахов, используемые теми в каких-то своих целях, возможно в пищу или для приготовления снадобий.

Брелов шёл не спеша, оглядываясь по сторонам и внимательно изучая всё, что окружало его в этом странном месте. Справа от тропы, на расстоянии метров пятидесяти на земле был очерчен круг. Чем именно он был выполнен, было не ясно, просто светлый круг на более тёмной зелёной траве. Внутри круга по его периметру располагались странные изгибистые и сильно ветвящиеся деревца, у части из которых кора была фиолетово-сиреневая, у других розоватая, а у третьих всех цветов радуги с преобладанием светлых зелёных тонов. Вместо листьев на деревьях сверкали кристаллы, по виду напоминающие чистый горный хрусталь в обрамлении светло-зелёных чашечек. Деревца так сильно ветвились и изгибались, что

образовывали сферу над нарисованным кругом. Внутри круга трава имела тон немного светлее, а в его центре сидел человек в позе "лотоса", наверно, кто-то из монахов. На нём было красивое платье синего, как небесная лазурь цвета, подпоясанное широким белым поясом. Лицо монаха скрывал низко надвинутый капюшон. Он сидел неподвижно, подобно каменному изваянью сада магистра Фарфаллы, и выглядел довольно странно.

Когда Брелов поравнялся с ним, то обернулся и посмотрел в его сторону, на что тот, молча, поднял правую руку и, разжав пальцы, до этого сложенные в кулак, выпустил из ладони большую стрекозу с перламутровыми глазами. Брелов удивлённо поднял брови и проводил высвободившееся насекомое недоумевающим взглядом, ведь лицо монаха скрывал капюшон, и он не мог видеть взгляда Брелова, а этот жест был адресован явно ему, и что-то означал, во всяком случае, ему так показалось. Монах же, продолжая сидеть абсолютно неподвижно, поднял левую руку и так же разжал ладонь, отпустив в небо, на этот раз роскошного синего мотылька с фиолетовыми узорами на крыльях. Самым странным было то, что мотылёк, расправив крылья, оказался раза в два больше ладони монаха, отпустившего его на волю, так как же он тогда мог скрываться в ней до того момента? Впрочем, и стрекоза была явно великовата, чтобы помещаться обычной человеческой ладони, всем известно, что аз-зурри так легко не спрячешь, и Брелов ощущал, что здесь вновь творилось какое-то волшебство...

Пройдя ещё немножко по тропинке, Брелов посмотрел в другую сторону и обратил внимание на небольшой пруд, окружённый сверкающими деревьями, что лежал левее тропы метрах в тридцати от неё. Деревца, окружавшие пруд, были очень малы, локтей пять-семь в высоту и каждый листочек на их ветвях, похожий больше на драгоценный камень изумруд, сверкал подобно серебряному ордену Ормунда, лучами отражая солнечный свет во все стороны каждой своей гранью. Вдоль кромки воды росли яркие оранжевые лилии, диковинно расписанные как шерсть леопарда тонкими чёрными линиями и кружочками. Они были такими низкорослыми, что лепестки их цвета лежали прямо на земле, скрывая зелень листьев и стеблей под своим пышным одеянием. В пруду цвёл только один цветок — большой белый бутон, ещё не до конца раскрывшийся, и напоминающий кувшин, как те, в которых торговцы Гленнвуда носят молоко. Вся поверхность воды покрывала странная рябь, словно бы миллион невидимых бабочек махал над ней своими крылышками, будоража спокойную стихию. Повинуясь этому незримому движению, кувшин цветка плыл то к одному краю пруда, а то внезапно менял направление движения и отправлялся в путь в обратную сторону, за ним следовала и вереница по-весеннему зелёных листовенных кружев, связанных с цветком стеблём растения. Брелов присмотрелся, и только напрягая зрение, смог различить полупрозрачных существ, которые неслышно порхали над водной гладью, но что это были за существа, рассмотреть ему всё-таки не удалось. Зато Авельиру с его суперглазами, наверняка, не составило бы большого труда разгадать эту загадку.

У самых стен монастыря из земли тянулись тонкие золотистого цвета вьюнки, опутывающие серый камень стариной кладки. Чтобы попасть в монастырь, нужно было пройти через ворота, к которым вела узкая тропинка, усыпанная розовыми лепестками. Когда Брелов ступил на тропу, то заметил, что лепестки опадают с распустившихся цветов того самого золотистого вьюнка, расцветшего над стеной в нескольких метрах от земли. Уютный ветерок срывал их и укладывал ровным ковром на тропку, ведущую ко входу в монастырь Альтверису.

У входа Брелова встретил монах, одетый в серую рясу, с усталым лицом и седыми

волосами. В руке привратник, держал выдавший виды посох, изрядно сбитый у основания о камни тех бесчисленных дорог, что прошёл уже его владелец. Он окинул Брелова удивлённым взглядом, схватил его за руку с напульсником и долго рассматривал это украшение, особенно его заинтересовала серебряная голова орла, раньше, вероятно, ему не доводилось видеть подобных украшений...

— Кто ты? — спросил монах, разводя руками. Он говорил на каком-то ином языке, но Брелов отчего-то понимал.

— У вас хранится жезл Лемерона, — сразу перейдя к делу, ответил Брелов по-русски, но монах тоже понял его слова на каком-то ином уровне. — Мне нужно это оружие, чтобы одолеть Гиртрона!

— Ты сумасшедший?! — монах при упоминании имени чудовища аж отпрянул назад.

Брелов ещё на подходе догадывался, что так просто никто не отдаст ему реликвию тысячелетий, это было то же самое, что просить у Т'эрауса Низерельдер, или требовать у королей гирльдов их адальеры. Поэтому, недолго рассуждая, Брелов вынул свой рокерский меч. Монах вздрогнул и отступил назад, закрываясь посохом. Его лицо напряглось и приняло угрожающее выражение.

— Как ты прошёл сюда, нечестивец?! — вскричал монах в ужасе. — Он всё же одолел нас?!

— Вы отдадите мне жезл чудовища, или я вас всех убью, или вы меня, но с пустыми руками уйти отсюда я не могу! — сказал Брелов спокойно, но бескомпромиссно. На его лице читалась абсолютная уверенность в своей правоте и намерение отобрать у монахов всё, что ему нужно любыми силами. — У меня только один выход из этой вонючей дыры — через Шадоурок, а пройти через него может лишь человек, вооружённый волшебным оружием!

— Ты последователь чудовищ и монстров! — зашипел монах и, извернувшись, попытался ударить Брелова посохом, но рок-музыкант ловко ушёл от атаки и одним ударом меча перерубил нехитрое оружие оппонента надвое. Монах ошеломлённо поглядел на оставшиеся в его руках куски посоха и бросился бежать вглубь монастыря.

Брелов проследовал за ним и очутился в огромной круглой зале, потолком которой служил сводчатый купол, как тот, что венчал само сооружение монастыря сверху, возможно, это он и был, только изнутри. Сюда только что вбежал монах, но Брелов никого не застал. И как это тот успел пробежать так быстро через весь зал?! В центре залы располагалось круглое каменное сооружение, похожее на огромные солнечные часы, потому что на краях строения были начертаны какие-то, по-видимому, числительные символы, а в центре располагался камень конической формы, направленный своим остриём точно в центр куполообразного потолка залы. Скруглённые стены помещения были сплошь расписаны старинными фресками и непонятными текстами.

Брелов огляделся по сторонам и наткнулся на изображение Даосторга, но вот только зачем они сделали это гнусное изображение внутри чистого монастыря? Он глядел на Брелова, держа в правой руке белый шар, изображающий луну и символизирующий власть чудовища над людскими снами. А в левой древний георальдический антиадальир — чёрную корону с шестью драгоценными камнями в основании обруча, символ, подчёркивающий безграничную власть чудовища над землями Георальда.

На следующей фреске победно шествовал Кергелль, возложив молот на могутное плечо. Этот герой древних эпох был изображён в момент строительства очередного моста, соединяющего Свиреаль с туманными лесами юго-востока Адальира. На соседней фреске

изображалось то самое "солнцепомрачение" Филлерста, которое Брелову довелось лицезреть собственными глазами в тоннеле Волгаллиона, когда он карабкался вверх из чрева Шадоурока, пытаясь спасти воительницу Кристалькраута Филирд.

Брелов засмотрелся на изображение Гиртрона, окутанного туманом, что поднимался из странного болота, изображённого на очередной фреске, а когда решил идти дальше и обернулся, то перед ним уже стояли монахи, вооружённые посохами и какими-то палками. Было понятно, что они давно не выходили из затворничества и поэтому не смогли придумать лучшего вооружения. Брелов смерил собравшихся нервным взглядом и, чувствуя своё явное превосходство, принял боевую позицию с мечом наперевес, надеясь, впрочем, что это ему всё же не понадобится.

Из толпы монахов вышел тот, которого Брелов встретил при входе. Монах недовольно бормотал себе под нос что-то невнятное и потрясал обломками своего посоха. Остальные хранители монастыря выглядели немного растерянными, но изо всех сил старались делать угрожающий вид, сводя брови и кривя рты.

— Кто ты такой?! — наконец спросил один из них, очевидно, это был глава их ордена.

Брелов в ответ устало на него посмотрел и соорудил утомлённую физиономию.

— Для вас, очевидно, пришелец из параллельного мира. Отдайте мне то, за чем я сюда пришел, и разойдёмся друзьями! — предложил он совсем недружелюбно.

Старец с сожалением поглядел на Брелова как на умалишённого, или какого иного убогого:

— Что ты говоришь, странный человек? Ты хоть знаешь, чего просишь?!

— Я не понимаю, я что, неясно выражаюсь?! — Брелов рассвирепел. — Сколько можно-то?! И этот ваш друг меня хотел своей палкой пришибить, теперь ещё всей толпой пожаловали! Отдайте жезл и все дела! На кой он вам-то?! Вы же вообще не выходите отсюда, как я погляжу!

Глава ордена несколько минут, молча, смотрел на Брелова, казалось было слышно, как шевелятся его мысли. Потом он обернулся к собратьям и воздел руки к небесам:

— Друзья мои! — воскликнул он. — Не стоит нам совершать не добра ни в этом месте, и ни в каком другом, пускай его, пусть этот человек возьмёт волшебный жезл чудовища Лемерона, если сумеет, вдруг сподобится!

Фраза Брелова обидела. По толпе прокатилась волна голосов, но тут рок-музыкант заметил, что лишь немногие из хранителей открывают рты, каким-то образом он ухитрился слышать ещё и мысли этих людей. В конце концов, все согласились со старцем и предложили Брелову следовать за ними. Брелов двинулся следом за вереницей людей в серых рясах и попал в длинный светлый коридор. Крышей ему служил прозрачный купол, за которым зеленели плотно переплетённые стебли плюща с большими резными листьями. Вдоль стен коридора стояли одинаковые колонны, также изящно увитые плющами, растущими прямо из каменного пола сооружения. То там, то сям, на растениях красовались огромные разноцветные цветы с лепестками, усыпанными сверкающей золотистой и серебристой пылью, так похожей на алмазный ауррат платины, который дала ему Филирд в чреве Шадоурока.

Пока они шли, Брелову всё время казалось, что сейчас он проснётся, вот-вот проснётся, и всё исчезнет, как утренний туман в горах Кэльвиарона. Чем глубже он погружался в чарующий мир Адалыра и его волшебной красоты, тем меньше ему верилось, что всё, окружающее, существует в реальности.

"— Ну как, в самом деле, я мог попасть из слякотного мегаполиса посреди зимы в устланный зеленью и цветами монастырь Альтвериуса, расположенный к тому же в параллельном мире на запад от Полярной звезды непонятно где?!" — думал Брелов. И чем больше он думал, тем труднее становилось осознавать всё происходящее вокруг. "- Может быть, я просто уснул перед компьютером во время какой-нибудь игры в стиле фэнтези? Но как объяснить все эти годы, ведь я помню каждый день, проведённый мной в Адальире! Ах, да, во сне такое бывает, часы кажутся веками, и всё так правдоподобно, даже реальнее, чем в реальности!" — Брелов внезапно остановился и с подозрением обернулся к монаху, что следовал за ним сзади, ему захотелось проверить свою догадку, но этот монах был довольно-таки реальным и не казался порождением дивного сна, навеянного фантазиями о далёких землях.

Монах тоже встал как вкопанный, сначала его взгляд скользнул по Брелову, потом смиренно уткнулся в пол. Человек в серой рясе стоял, опустив взор, переминаясь с ноги на ногу. Со стороны могло показаться, что он очень не решителен и застенчив, но Брелов чувствовал неимоверную энергию, исходящую от всех хранителей, включая и этого. Возможно, он не демонстрировал своей силы, просто подчиняясь воле главы ордена, а, скорее всего, сам не хотел конфликта по философским соображениям. Во всяком случае, опасности от него не исходило, напротив, Брелов чувствовал, что заинтересовал этих людей, как его могли бы заинтересовать люди из прошлого века, или инопланетяне, конечно, если бы они существовали.

Они продолжили движение, и вскоре вышли в залу, где хранилось требуемое Бреловым оружие древнего чудовища по имени Лемерон.

— Что это?! — воскликнул Брелов, едва заведя постамент, на котором возлежало что-то огромное, напоминающее стрелу от башенного крана.

Настоятель ордена растерянно развёл руками:

— Это то, что ты просил — жезл Лемерона!

Брелов выглядел совершенно обескураженным. Он взобрался на постамент в центре залы и долго там стоял, ошеломлённо глядя на железную палицу метра в три длиной, что была больше его самого. На верхней части жезла располагалось овальное углубление, то самое место, где некогда было магическое око волшебного орудия, разбитое клинком храброго Готторна в битве при Сальвордере, и погубившее своего хозяина.

— Но я его и поднять не смогу! — раздосадовано воскликнул Брелов. — Да что ж это такое?! Издеваетесь вы что ли надо мной?!

— Он не сподобится... — донёсось из толпы скептическое замечание.

Настоятель обернулся к своим подопечным и сделал знак рукой, призывая всех их к спокойствию.

— Подожди, чужеземец, — растерялся он, — но ты сам просил отдать тебе этот жезл! Разве не знал ты, что Лемерон был ростом с трёх тебя? И оружие ему под стать!

— Я не знаю... — Брелов совсем сник. — А у вас больше ничего нету? — добавил он так, словно разговаривал не с настоятелем священного монастыря в параллельном мире, а с продавцом в супермаркете на Лонг-Айленде.

Настоятель вновь посмотрел на рок-музыканта жалеючи, как смотрят, наверно, на убогих:

— Есть ещё доспехи Готторна, но они могут тебе быть маловаты...

— Вечная проблема найти свой размер, — попытался пошутить Брелов, и криво

улыбнулся. Шутку, впрочем, оценить было некому, ибо монахи шопингов не совершают и не знают о сэконд-хэндах. — Ну, покажите!

— Ну, пошли! — немного подумав, согласился старец.

Они двинулись дальше и вскоре очутились в большом круглом помещении, как то, в которое Брелов попал первым, на стенах его, как и на всех прочих красовались письма и фрески.

Брелов случайно взглянул на одну из картин и просто-таки оторопел, как вкопанный встав перед нею. Настоятель монастыря осторожно приблизился к захватчику и заглянул через плечо.

— Силы небесные! — воскликнул старец, присмотревшись к картине.

Брелов ощутил, как к горлу подступил комок, он приложил руку к груди и попытался прогнать мешающий спазм, но не мог.

— Что это?! — наконец вымолвил он.

— Это демоноборец, тот, кто по преданию Филлерста повергнет Гиртрона и станет четвёртым воплощением его в землях Адалыра. Великий прорицатель самолично оставил нам его изображение... — напряжённым шёпотом произнёс монах-настоятель.

Брелов сделал несколько шагов в сторону картины. На этом барельефе было изображено какое-то несусветное чудовище, напоминающее человека, но с большими перепончатыми крыльями за спиной, парящее над скалой, с сияющими глазами, лишёнными зрачков, и мечом в правой руке. И Брелов узнал этот меч, это был его меч с рукоятками от мотоциклетного руля и фарой в центре.

— Но это же...

— Твой меч, — спокойным голосом закончил фразу, начатую рок-музыкантом настоятель. — Я сразу заметил его в руке твоей, но подумал, что ошибся...

— Это значит, — глаза Брелова сверкнули в предвкушении удачи, — что я повергну Гиртрона?

Настоятель отрицательно покачал головой:

— Ты не похож на демоноборца, о котором сказано в предании, друг, мне думается, что существо, изображённое на барельефе, завладеет твоим мечом...

— То есть?! — по спине Брелова пробежал холодок.

— То есть, — настоятель выдержал многозначительную паузу, продолжая при этом сверлить гостя своими острыми глазами, — лучше тебе избавиться от меча... Ибо если чудовищу суждено обрести твоё оружие, то уж лучше пусть он подберёт его из дорожной пыли, нежели вырвет из твоих рук.

Брелов задумался, и какое-то время размышлял обо всём увиденном и услышанном в этом странном монастыре, больше, конечно, об увиденном. Но вскоре он вновь собрался, ощущая, как волна ярости прокатывается по всему телу, наливая мышцы новыми силами, тогда он резко обернулся к монахам, казалось, он стал научиться использовать злость себе на пользу, если это вообще в принципе было возможно.

— А мне всё равно! Главное, отдайте мне доспехи Готтрона и разойдёмся миром!

— Ишь, какой ворюга! — зашипел из толпы привратник, которому Брелов при входе сломал посох. — Так мы и отдали тебе наши сакральные реликвии! Обойдётся!

Брелов разъярённо заскрежетал зубами, но вовремя обуздал свою внезапную ярость.

— Мы делаем одно дело, я не враг вам, наш враг — Гиртрон!

Настоятель понимающе кивнул и сделал привратнику жест рукой, чтобы тот

успокоился.

— Просто брат Тольтроун сердает на тебя за поломанный посох, — пояснил он. — У вас, небось там, — он потыкал пальцем куда-то вверх, словно знал, что Брелов прибыл из другой реальности и его планета располагается в эфире гораздо выше, — вещей много, а у нас один посох на все дороги. Мы стараемся беречь свой скудный, но от того не менее любимый скарб. Ты, вот, говоришь, будто мы связаны общим делом, а сам, подобно вассалам Свиртенгралля творишь бесчинства и разрушаешь, созданное другими! Не гоже так-то!

— Вы правы! — злобно согласился Брелов. — Но, если вы отдадите мне доспехи для схватки с Гиртроном, то я заплачу вам, только назовите цену! — у Брелова тоже ещё оставались золотые монеты с памятного и славного рейда в Илверре, которые он и собирался пустить теперь в дело.

— Зачем нам твоё золото? — хмыкнул привратник, едва заслышав звон в его карманах. — Раз ты сломал мой посох — отдай мне что-нибудь взамен!

— Но, что?! — удивился Брелов, пошарив в пустых карманах жилета. — Ведь у меня с собой кроме монет ничегошеньки и нет!

— Есть, та волшебная штука на руке! — монах-привратник указал на напульсник с головой орла.

— Это? — Брелов вдруг громогласно расхохотался. — Да, забирай! — согласился он, подумав про себя, что у этих парней можно было бы и монастырь купить за горсть бусин. Он быстро снял с руки браслет и протянул его монаху. Тот несколько неуверенно приблизился к рок-музыканту, нервно выхватил из его рук странный предмет и поспешил отойти назад.

Остальные монахи тут же обступили собрата кольцом и стали с восхищением изучать, дарованное ему, "волшебное" украшение, то и дело мельком, но с неподдельным интересом, оборачиваясь на Брелова.

— Раз он так легко расстался с ним, то, наверное у них много таких волшебных штук, — сказал привратник своим собратям по монастырю. — Ибо на щедрого человека рожа его не очень тянет. В ответ на эти речи Брелов только хмыкнул.

— И ещё, — сказал рок-музыкант уверенно, — я пришёл не один, со мной ещё спутница, она голодна и ждёт меня у ворот вашей обители, так, что, если можно, дайте мне какой-нибудь пищи, чтоб я смог ей отнести.

— Спутница? — удивился настоятель. — Поистине престранный день сегодня, друзья! Но ты ничего не говорил про свою спутницу, путник. Как же вы прошли через крепость Гиртрона, да ещё и вдвоём?

— Сам не знаю, — задумчиво отозвался Брелов усталым голосом.

Возвращение из монастыря

Монахи, как ни странно, выполнили обещание. Они отдали обозначенные доспехи воина древних эпох Готторна первому человеку, что за несколько сотен лет ступил в их монастырь, которым и оказался Брелов. Латы были разукрашены орнаментом из листьев клевера разного размера, они оказались действительно совсем небольшими и малы Брелову, однако рок-менестрель не стал ломаться. Хранители дали Брелову ещё и узелок с едой, а настоятель решил проводить его до ворот. Брелову стало немного стыдно за то, с какой ненавистью и яростью набросился он на этих добрых служителей. Он постарался извиниться, как умел, что вышло, впрочем, не очень убедительно, поблагодарил за приют и помощь и вместе с настоятелем отправился к выходу.

Они шли по тропинке, ведущей к выходу через чудесные сады, и Брелову даже как-то не хотелось покидать это удивительное место. А настоятель всё время молчал до половины пути, и только, когда показались врата, заговорил.

— Я вижу, что ты храбр и силён, — начал он, — но картина говорила о том, что мечом твоим завладеет чудовище, которое придёт на смену Гиртрону, а существо это будет ужасающим!

— Ну и что? — возмутился Брелов, ему показалось, что настоятель советует ему трусливо сбежать подальше.

— Лучше выброси меч, и найди себе другое орудие, ибо вместе с мечом ты отбросишь от себя и силу древнего стремления! — "стремлением" в древнегеоральдическом обозначали движение силы, направленной на какую-нибудь цель. В данном случае монах-настоятель имел в виду стремление нового воплощения Гиртрона завладеть мечом рок-музыканта, как то было показано на картине. Брелов же сразу припомнил то странное четверостишие, авторство которого приписывали Гиртрону:

Нас с тобой объединяет
Сила древнего влечения
Жажда крови, жажда власти
Страсть к войне и разрушениям...

Брелов отрицательно мотнул головой.

— Нет! Спасибо, конечно, но я хочу сразиться с Гиртроном именно этим мечом, который я сделал сам, который мне как самый лучший друг.

— Что ж, будь, по-твоему, и я не стану отговаривать тебя дольше, ибо за длинную жизнь узнал я истину, что отговаривать героев от их затей — дело пустое и неблагодарное.

— Это точно! — рассмеялся Брелов, немного нервным смехом, ведь легенда всё-таки напрягала его. — Дело пустое и неблагодарное, я бы даже сказал самое пустое и самое неблагодарное на свете!

Вскоре они дошли до ворот. На линии, отделяющей монастырские земли от смрадной пустоши Кйа-Ори, Брелов заметил Ариллию, которая стояла в развивающихся на ветру лохмотьях, словно жалкая нищенка, и смотрела в его сторону.

— Это и есть твоя спутница? — изумился настоятель.

— Да, а что, рожей не вышла?! — резко и немного раздражённо поинтересовался Брелов.

— Избавься от неё! — настоятель погрозил пальцем. — Ибо это не женщина, а Чёрная Ткачиха, она проклятая, в ней проросло семя зла и порока, она опасный спутник!

Брелов наградил старца презрительным взглядом.

— Если кожа её не гладкая и душа изранена, это ещё не значит, что она не заслуживает человеческого отношения, — Брелов укоризненно покачал головой. — Как же это не ясно вам, уважаемый настоятель? — добавил он с презрением и злобой.

Лицо старца стало немного сердитым.

— Это сильнее её, тёмная часть её тела давно возобладала над светлым ключом души, и если бы она могла избавиться от проклятия Демона Сновидений, что пожрал её разум, то не слонялась бы под стенами, а вошла бы сюда, как и ты!

— А, я понял! Это у вас тут типа магия на вратах, — Брелов натрыжно помахал

пальцами в воздухе, пародируя магические пассы. — Как бы отделяющая хороших людей от плохих?

— Это защита Элмэороса от всякой твари Свиртенгралля! — возмутился невежеству настоятель.

— А меня это не устраивает, — Брелов сверкнул глазами, — мне надоели эти заумные выкладки, словно вокруг все всё знают, разумеется, кроме меня. Ариллия привела меня сюда, она жаждет отомстить Гиртрону, в ней добра больше, чем во всех вас, потому что она сохранила душу, живя в крепости Гиртрона, а вы не научились сострадать, даже прячась в зелёном раю своей цитадели!

— Ты молод и горяч, и не знаешь, как истратить свою силу, но я не стану наставлять тебя, ибо скоро твой меч перейдёт в руки демоноборца...

В этот момент они вплотную приблизились к границе врат, Брелов встал перед настоятелем и пристально посмотрел в его длинное бледное лицо.

— Ну, это ещё бабка надвое сказала! — самоуверенно произнёс он и шагнул за пределы монастырской стены. — Попрошу его залететь к вам и научить нормальному отношению к людям, а то, как я погляжу, внутри вы не многим лучше герддронов! — сказал он, обернувшись через плечо.

Как только он оказался вне границ монастыря, его лёгкие тут же наполнились смрадом пожарищ. В ноздри ударил скверный запах Гиртроновской земли, а солнце, что сияло с той стороны, так сильно поблекло здесь и потускнело, что превратилось лишь в бледный жёлтый кружок, словно бы нарисованный исписавшимся фломастером прямо на скудном небосклоне этого края Адальира.

Ариллия куда-то исчезла, очевидно, заметив приближение монаха. Брелов поглядел по сторонам и увидел, что девушка сидит на своём месте, у подножья колонны ворот. Он поспешил подойти к ней и присел рядом прямо в дорожную пыль. Неожиданно он заметил тонкие зелёные травинки, пробивающиеся у самого основания колонны, очевидно, корни их были на стороне монастыря и они могли расти, таким образом, силой древнего волшебства, даже здесь.

Сражение с Визирнтом

Вокруг стоял плотный туман. Река сама вынесла лодку вавилонцев к нужному берегу, радуга продолжала ограждать их защитной стеной, не позволяя дартгротам обрушить на путешественников свою демоническую ярость.

Нос лодки с треском прошёлся по прибрежным кустам, сорвав с них изрядное количество листьев. В воздухе поплыли кружащие голову ароматы цветов, тех самых, которые росли только в этом краю Адальира на побережье божественной реки. Казалось, что всё позади и главный рубеж эпического путешествия пройден, но дартгроты шли на новую атаку. Они погрузились в воду невдалеке от кормы и стали вибрировать крыльями, поднимая огромную волну. Волшебство, завладевшее рекой, стало ослабевать и теперь им вновь удавалось разгонять некогда замёрзшие воды.

Фариселл обернулся: из тумана сияло что-то похожее на утреннюю звезду. Он спешно подбежал к борту и взмахнул руками, словно раздвигая незримые шторы. По мановению его рук, клубящийся у кромки воды туман, расступился, обнажив небольшой утёс, возвышающийся над берегом совсем близко к кораблю. На камне в позе "лотоса" восседал человек в сияющих доспехах голубого цвета, расшитых золотом и украшенных изумрудами,

это был Крафтсман. В правой его руке, обращённой ладонью к небу, танцевала серебрянная электрическая дуга, а в левой лежал жезл, точно такой же, как тот, что упал с небес в руки Фариселла на середине великой реки. За спиной старика виднелись руины стен какого-то строения, по-видимому, магического хэза, коих было просто не счесть в этих краях.

— Бодхисаттва Электрического Рима! — восторженно воскликнул Авельир.

Крафтсман раскрыл глаза и приветствовал путников довольной улыбкой. Теперь всем стало понятно, кто именно даровал им это чудесное спасение от черни Фаур-Каста. Силий не просчитался, послав своего старинного друга на помощь вавилонскому отряду.

Тем временем волны всё поднимались. Все обратили взоры в сторону кормы, где, наполовину погрузившись в воды реки, дартгроты неистово били крыльями, вызывая бурление потока. Внезапно река стала "кипеть" по всей своей ширине, откуда не возьмись, показалась огромная волна, словно бы сама собой выросшая на центре некогда спокойной реки. Водяной вал, грохоча, ринулся вперёд, руша при этом прибрежные деревья, вздымая со дна скользкие коряги и выворачивая огромные валуны.

— Все на берег! — скомандовал Фариселл.

Авельир подхватил Алёну на руки и первым перемахнул через борт. Следом прыгнули Дэльвьир, Килль и Фариселл. Силль замешкался на центре палубы, он, остолбенело глядел на приближающуюся волну, словно это зрелище загипнотизировало его.

— Прыгай же! — прокричал Дэльвьир.

Крафтсман вскочил на ноги, думая помочь, но тут же огромная коряга ударила в корпус корабля, отбросив его вперёд по течению. Алёна в ужасе вскрикнула, Килль метнулся к берегу, но корабль был уже далеко. Волна перевалила через палубу, и мачта повалилась вслед за ней. Раздался ужасающий треск расщеплённой древесины. Судно относило всё дальше. Дартгроты взмыли вверх из воды, и, увлекая её за собой, подняли ещё одну волну, много выше предыдущей. Всё произошло за считанные секунды, бурный поток, словно молот, ударил в растрескавшийся под натиском стихии корпус старенького судёнышка, разбив его в щепки. Силль ещё раз показался над бурлящей водой и вновь скрылся. Среди несущихся в волнах щепок от разбитого корпуса и древесного бурелома ещё мелькнула ладонь Силля, тщетно пытающаяся за что-нибудь уцепиться, и тут же новая волна скрыла её из виду.

Алёна прижалась к Авельиру, и из глаз её покатились слёзы.

Фариселл нахмурился и обвёл своих друзей напряжённым взглядом.

— У него есть шансы, — неуверенно сказал он.

— Утешил, спасибо! — злобно отозвался Дэльвьир.

Килль продолжал бесцельно бродить по берегу, всматриваясь вдаль. Дартгроты отчего-то не нападали, а напротив, ушли с обозримой части небосвода, и это настораживало.

Крафтсман встал в полный рост на камне и поглядел на Алёну, его умудренные жизненным опытом очи и её заплаканные глаза встретились, Крафтсман по-отечески улыбнулся:

— Совсем такая, как он описывал! — изрёк он.

— Кто? — удивился Авельир, он отстранился и сам оглядел Алёну, словно первый раз её видел.

— Гердроны! — раздался крик Килля, парень тыкал пальцем в сторону тумана, откуда медленно выплывали шелестящие на ветру знамёна Фаллен-Граундского воинства.

— Бежим! — закричал Фариселл.

Все бегом бросились вдоль кромки воды. Сзади раздался истошный рёв, временами переходящий в завывающий свист, волна этого угрожающего звука словно бы катилась следом за беглецами. Вместе со звуком за отрядом Брелова неслась какая-то неистовая мощь, неопишущего происхождения. Волна этой поистине чудовищной силы заставляла дрожать землю, вздымала песок и крушила на своём пути всё, от деревьев до гигантских валунов. Фариселл на бегу обернулся, и, перед тем, как волна сшибла его с ног, успел рассмотреть, как из тумана показалась неуклюжая фигура какого-то монстра с ящиком вместо головы.

— Визиронт! — успел выкрикнуть он, падая наземь.

Волна прокатилась по упавшим и унеслась прочь. Когда они поднялись, то герддроны были уже совсем близко. Отряд, ранее скрываемый туманом, предстал теперь перед вавилонцами во всей своей красе. Впереди ровной стеной располагались герддроны Фаур-Каста с закопчёнными забралами и изъеденными ржавчиной мечами. Сзади виднелись простые воины, набранные в дружину Даркфлесса из числа жителей окрестных земель, на высоко вытянутых руках они несли флаги Фаллен-Граундского королевства. Возглавлял воинство трёхметровый великан в, расшитом узорами, светлом плаще, который полностью скрывал его тело и был таким длинным, что тащился по земле, это существо двигалось прямо и равноускоренно, казалось, оно просто плывёт над землёй, а не идёт или бежит. Головой монстру служил огромный квадратный шлем из потемневшего железа на манер ящика, немного сужающегося к верху, с шипами на углах, покрытый к тому же рядами заклёпок. Спереди на этой уродливой конструкции был приделан череп какого-то существа, напоминающий африканскую маску. От чудовища исходило утомительное ощущение подавляющего ужаса, и, то, как оно двигалось, делало облик его ещё более пугающим.

— Отступаем к руинам хэза! — воскликнул Фариселл, рукой указав путь.

Авельир тут же подхватил девушку на руки, и, взбежав на утёс, скрылся за колоннами круглого полуразрушенного сооружения. Дэльвьир и Килль последовали за ним, и приняли оборонительные позы, встав у входа, и готовясь отражать возможную атаку герддронов.

Плащ Визиронта колыхнулся, вновь зазвучал тот истошный рёв, переходящий в завывающий свист: от великана отделилась мутная волна, искажающая пространство подобно грязной линзе, которая устремилась на руины хэза. Уши заложило, вой монстра был столь неистовым, что выстоять против него было практически невозможно. Лишь только вавилонцы успели укрыться за камнями и развалинами хэза, волна ударила в колонны. Хэз качнуло, под чудовищным напором неистовой силы Визиронта и по камням пролегли трещины.

— Ещё одной волны хэз не выдержит! — воскликнул Дэльвьир.

Визиронт встал подле утёса, в полный рост поднявшись над своими вассалами, герддроны в ожидании новой волны собрались вокруг него плотным кольцом, освободив фронт. Алёна закрыла уши руками и прижалась к подножью колонны. Визиронт взревел, рёв перешёл в оглушающий свист, от монстра отделилась новая усиленная волна, которая тут же устремилась к вершине утёса, где располагался древний хэз... Но вдруг всё прекратилось. Между скрывающимся среди развалин дворца отрядом и воинством Фаллен-Граунда возник Крафтсман. Он взмахнул руками, осыпав неприятеля россыпью серебряных искр неопишущей красоты, и волна энергии Визиронта тотчас сошла на нет.

Визиронт на мгновение застыл, очевидно, не поняв, что произошло с его неодолимой силой. Воспользовавшись моментом, Авельир выбежал из своего укрытия, бросился вперёд,

с края утёса вскочил одному из герддронов на доспехи, ловко пробежал по головам двух других, и, добравшись до вершины всей пирамиды, с прыжка нанёс удар мечом прямо по шлему Визиронта. Когда клинок рассёк костяную инкрустацию, приделанную спереди, во все стороны брызнули ослепительные искры молний. Прогремел гром и герддроны стали пятиться от собственного предводителя, Визиронт повалился назад, а вместе с ним и Авельир, который намертво вцепился серебряными ногтями своих перчаток в плащ чудовища.

Визиронт падал довольно долго, когда Авельир почувствовал, что спина монстра коснулась земли, он резко сместил центр тяжести, и, поддаваясь инерции, полетел вперёд. Продолжая движение, упавшего Визиронта, Авельир перекувырнулся через голову, кубарем прокатился между растерявшихся воинов Даркфлесса, и вновь вскочил на ноги за их могучими спинами. Стоявшие в хвосте отряда герддроны попытались, было, атаковать, но не успели. Авельир совершил поистине змеиный прыжок, молниеносно и ловко взмыв в воздух между неповоротливыми гигантами, с одного удара он сокрушил сразу двоих. Раскалившееся от удара лезвие вспыхнуло в сером прибрежном тумане, и тут же дымящиеся шлемы полетели в разные стороны, оставляя в воздухе дымный шлейф и отбрасывая клубы тающего на ветру огня. Визиронт начал подниматься, из-под плаща его показалась уродливая железная рука огромных размеров, сжимающая жезл-палицу. Чудовище начало неистово колотить своим оружием вокруг, пытаясь поразить противника, и попутно обращая в груды металла своих же воинов, казалось, что удар Авельира ослепил монстра, сделавшегося ныне совсем неуклюжим.

— Молодец, Авельир! — Дэльвьир бросился на помощь другу, спрыгнул с утёса и словно танк вонзился в ряды воинов Даркфлесса.

Завязалось сражение. Дэльвьир ловко отбивал все атаки напирających герддронов, которые теснили его к реке. Тем временем, пятеро таких же герддронов бились против Фариселла и Килля, упорно защищавших вход на утёс, на котором находились руины магического дворца.

Поняв, что долго они так не выстоят, Фариселл бросился бежать. Герддроны, решив, что побеждают, ринулись следом, но бегство низкорослого рыцаря было лишь обманным ходом. Фариселл взбежал на утёс всего на несколько метров, там он остановился и резко развернулся к преследователям. Он обратил к ним свою левую ладонь, а правую руку с мечом поднял высоко к небу, с губ его слетели еле слышимые слова, и в тот же момент с небес на металл клинка сошла молния. Электрический разряд скользнул по мечу, серебряным вихрем окутал руку Фариселла, двинулся дальше, и, пробежав по его телу, сорвался с левой ладони. Из пальцев брызнули искры, которые ослепительной волной отбросили герддронов назад. В воздухе запахло озоном, герддроны Фаур-Каста неуклюже покатались по склону, натываясь по пути, друг на друга и разваливаясь на части. К подножью горы рухнули лишь дымящиеся доспехи, молния просто выжгла чудовищ насквозь.

Фариселл недобро ухмыльнулся, и стал спускаться со склона. Подоспевшие герддроны попятились, Фариселл вновь поднял руку, сжимающую всё ещё сверкающий меч, вверх, и уверенно двинулся вперёд, направлял свободную руку на отступающих оппонентов. В глазах его читалась неумолимая ярость. Килль, воспользовавшись замешательством, сумел отбить от подкрепления двоих герддронов и ловко расправился с ними. Прорвавшийся сквозь

герддронов Авельир успел как нельзя кстати, и с прыжка сокрушил ещё одного карабкающегося на утёс, высвободив путь к реке, и Килль тут же поспешил на выручку к Дэльвьёру.

Дэльвьёр тем временем стоял уже по колени в воде, отступать дальше он не мог, но и сдерживать натиск троих навалившихся на него герддронов становилось всё сложнее. Килль подоспел вовремя, он словно тигр выскочил из тумана справа, и, врезавшись в самую гущу противника, сумел разбить сгруппировавшихся воинов. С замаха парень съел голову одному чудовищу, и, продолжая движение, сбил с ног второго, клинок Килля вонзился в железное тело герддрона, выпустив на волю столб едкого дыма и оранжевого пламени. Дэльвьёр же с лёгкостью одолел оставшегося.

— Группируемся! — скомандовал Фариселл, возвращаясь к руинам.

Килль и Авельир взбежали к нему и стали спина к спине возле колонн при входе в хэз. Вскоре, прорвавшись через герддронов, к ним примкнул и Дэльвьёр.

— А где этот мужик с жезлом? — стал озираться он. — Куда он подевался-то?!

Оставшиеся герддроны стали смыкаться в кольцо, окружая утёс. Часть воинов двинулась к хэзу по склону. За их спинами вновь поднялся Визиронт, он шарил рукой спереди по шлему, пытаясь нащупать осколки разбитого Авельиrom украшения, и, очевидно, в этот момент ничего не видел.

— Ты лишил его зрения, — догадался Фариселл, — он видит глазами своих масок.

Авельир понимающе кивнул.

— Мы по ходу дела перебили добрую половину воинства! — радостно воскликнул Килль, явно ликующ по этому поводу.

— Я бы сказал "злую" половину! — поправил его Дэльвьёр.

— Не думаю, что оставшиеся гораздо лучше, — заметил Авельир. — Надо что-то придумывать, а то не прорвёмся!

Герддроны остановились на склоне всего в нескольких метрах, но почему-то теперь не пробовали атаковать. Вероятно, они просто не ожидали отпора такой силы всего от четырёх вавилонцев. Поистине воины с Земли в Адальире стоили доброй половины их образцового войска.

— А чего это они ждут? — возмутился Килль, он всё ещё тяжело дышал, но рвался сражаться.

— Его они ждут, — упавшим голосом произнёс Фариселл, указывая рукой на задние ряды герддронов, где между воинами Фаур-Каста медленно плыл полуразмытый силуэт, напоминающий человеческий, но выглядящий как-то несуразно и пугающе. — Это фаворит Даркфлесса — Шэугкан!

Появление Шэугкана

Герддроны, звеня доспехами, расступились, образовав живой коридор. Шэугкан вышел на прямую линию с вавилонцами Брелова, он повернулся к ним лицом, продемонстрировав странный шлем, напоминающий оскалившийся драконий череп, доходящий нижним концом до самой груди, с дюймовыми зубами и двумя парами ещё более огромных клыков. Его изрядно порванный и сплошь увешанный репейником плащ развивался на ветру, а длинная кольчужная накидка звенела при каждом его шаге, где он только валялся и из какой дыры вылез! В руках Шэугкан сжимал длинный, чуть изогнутый меч с зазубринами на обратной стороне лезвия. Фариселл окинул приближающегося воина оценивающим взглядом.

Авельир, явно занервничав, начал переминаться с ноги на ногу, вроде даже и не понимая, что следует предпринять.

— Перекройте подходы к хэзу, а я попытаюсь поставить защиту! — сказал Фариселл, отвязывая от пояса мешочек с золотатом платины — волшебным порошком.

— У меня сейчас сердце в пятки провалится! — пробормотал Авельир. — Что ж это ещё за напасть такая?!

— Это он, — Фариселл кивнул в сторону приближающегося Шэугкана, — он создаёт такое поле, его энергия выводит из равновесия и провоцирует эмоции.

— Да, я читал, только не думал, что увижу его воочию! — Дэльвьир встал перед входом в руины, готовясь отбиваться от герддронов, если они решат ринуться внутрь.

— Он какой-то там демон из когорты живущих во снах вроде Гиртрона, — сбивчиво пробубнил Фариселл, которому явно было не до обсуждений. — Ещё одно порождение Древних Миров, обретшее плоть в землях Фаллен-Граунда!

— Да знаю я, знаю! — Авельир в панике хватался то за меч, то за лук, а то за арбалет, не в силах справиться с наступающей энергией противника.

Шэугкан приблизился, теперь до него было не более десятка метров, он остановился и стал основательно рассматривать противников. Чудовище медленно вращало своей неуклюжей головой, наклоняя её, то влево, а то вправо, как делает это собака, когда пытается понять слова хозяина. Из чёрных глазниц шлема, казалось, глядели огненные глаза того самого дракона, которому некогда принадлежал этот вытянутый череп, взгляд этот безжизненный внушал трепет и ужас. Вдруг Авельир, чьё восприятие было необыкновенно сильным, ощутил, что начинает думать не свои мысли. Словно кто-то читал его разум, как книгу, переворачивая воспоминания на нужную страницу.

— Что с тобой?! — вскричал Дэльвьир, заметив, как изменилось лицо готического рыцаря.

Но Авельир уже плохо понимал, что происходит. Он схватился руками за голову, пытаясь избавиться от чужой воли, но ничего не мог поделать. В его памяти невольно всплыла вся история последних нескольких дней, от звонка подружки и сообщения Вавилона до путешествия в Адальир и похода с Фариселлом и Алёной в Илвергленн. И как только мысли дошли до текущего момента и Авельир подумал про Избранную, что пряталась сейчас в руинах дворца магии, разум его сразу очистился. Гот начал падать, и чтобы удержаться ухватился за колонну. В голове всё перемешалось, казалось, что кто-то вывернул его разум наизнанку. Без сомнений это был Шэугкан, через мысли готического рыцаря он получил все необходимые сведения, узнал об Избранной и истинной цели путешествия отряда Брелова.

Фариселл взмахнул руками, осыпав колонны разрушенного сооружения порошком золотата, и меж них возникло яркое серебристо-синее сияние. Чтобы защитная стена не ослабла, низкорослый рыцарь продолжал бормотать волшебные слова, призывая стихии на помощь, то и дело, подбрасывая золотата в завесу. Защитная стена, выстроенная Фариселлом, однако, постоянно слабела, её не хватало на все выходы.

Шэугкан что-то прокричал на своём языке и герддроны, повинувшись приказу, ринулись в атаку. Вот только почему-то они не стали подниматься на утёс по-прямой, а, обойдя, его начали карабкаться с флангов.

— Что они задумали?! — недоумевал Авельир.

— Скорее внутрь! — крикнул Фариселл. — Закрывайте бреши в стене, а то моей энергии не хватит!

Вавилонцы тут же поспешили в хэз, заслонив собой расползающиеся дыры в энергетическом вихре, кружащем меж колонн. В этот момент герддроны уже вскарабкались на утёс и, обнажив мечи, кинулись в атаку. Первые, из взобравшихся штурмовиков, попытались нахрапом ввалиться в хэз, но энергостена, выстроенная Фариселлом, сдержала их натиск. Герддроны лишь воткнулись лбами в сверкающую завесу и тут же были отброшены назад. Некоторые из них, в полёте, сбивали своих товарищей, все вместе катясь после к подножью утёса. Следующие за ними были уже осмотрительнее, они заметили брешь в защите, сконцентрировав натиск именно в этих местах.

Авельир с Киллем и Дэльвьиром не успевали отбить волну штурмовиков Даркфлесса и одной прорехе, как начинала расползаться соседняя стена. Герддроны кидались туда, и приходилось спешно менять дислокацию. Увидев, что энергозавеса поползла по швам в дальнем конце полуразрушенной цитадели, и, поняв, что добежать туда он не успеет, Авельир отбросил меч и вынул лук.

— Прикрой меня! — крикнул он Дэльвьиру, а сам кинулся к прорехе, на ходу метая стрелы. Стрелял Авельир так быстро и ловко, что ни один герддрон не смог прорваться внутрь хэза.

Когда же очередной герддрон всё же прорвался, он тотчас был сражён стрелой, вот только Авельир не понял, когда успел её выпустить...

Тут подоспел Фариселл и спешно восстановил защиту. Сражение продолжалось уже довольно-таки долго, алмазный золотат в мешочке Фариселла практически закончился, а, значит, надо было искать другой выход. Очередной воин Даркфлесса, воспользовавшись слабеющим волшебством, вскарабкался на крышу и через прореху прыгнул в хэз, сразу кинувшись ан Фариселла, но очередная стрела, внезапно вылетевшая из глубин дворца, сразила чудовище. Герддрон не успел даже замахнуться мечом, как уж был повергнут мастерским выстрелом. Фариселл не сразу понял, что произошло, лишь, когда дымящиеся доспехи повалились к его ногам, низкорослый рыцарь обернулся к Авельиру и в знак благодарности кивнул тому, на что гот лишь растеряно огляделся, он сам не знал, чей выстрел спас его товарища...

Герддроны продолжали атаковать только с флангов, оставляя центральный вход в дворец нетронутым. Фариселл поэтому даже не заметил, когда там закончилась энергозавеса. Шэугкан, что стоял всё это время точно перед центральным входом, только этого и ждал, и план его сработал. Он вскинул меч над головой и ринулся вверх по склону. В одно мгновение чудовище оказалось внутри хэза.

Киль бросился на перерез, но Шэугкан, неистово взревев, одним взмахом руки вышвырнул вавилонца из руин.

— Он знает про Избранную! — вскричал Фариселл, сдерживая натиск троих герддронов на правом фланге.

Собрав всю оставшуюся силу, Дэльвьир схватил за доспехи лезущего в брешь герддрона, с которым с переменным успехом боролся уже несколько минут, и вышвырнул обратно, а сам запрыгнул на Шэугкана, принявшись изо всех сил гвоздить его мечом сверху. Шэугкан шарахнулся, не поняв, откуда была атака, и взмахнув своим клинком, с замаху обвалил одну из внутренних колонн, часть потолка рухнула следом. Поднявшаяся туча каменной пыли сразу заполнила хэз, снизив видимость до ноля. Сцепившись в остервенении, они начали метаться по руинам. Шэугкан изо всех сил пытался сбросить Дэльвьира со спины, но тот никак не разжимал рук и продолжал гвоздить его своим изрядно затупившимся мечом, хотя

и не мог нанести чудовищу по-настоящему большого вреда.

Алёна слышала шум сражения и от ужаса не могла даже пошевелиться, притаившись в глубине строения возле большой колонны. Только когда Шэугкан обрушил своды, и поднявшаяся пыль образовала спасительную завесу, она решила бежать прочь из хэза. Алёна вскочила на ноги и кинулась, как ей казалось, по направлению к выходу. Из пыльного тумана доносился лязг мечей, звон кольчуги, рёв герддронов и гул их огненных доспехов. Алёна ничего не видела, пыль просто-таки забивала глаза, лишь по мелькающим пятнам оранжевого света, она могла понять, где сейчас находились огнеголовые воины. Как в странном сне из пелены вдруг показалась огромная фигура повергнутого стрелой герддрона, его массивное железное тело проскользило совсем рядом, и, рухнув на пол, скрылось в тумане у самых Алёниных ног, но это была не стрела Авельира. Гот в это время был с другой стороны...

Алёна резко обернулась в ту сторону, откуда должна была прилететь стрела: среди пыльного тумана грациозно промелькнул чей-то силуэт, в руках незнакомца сверкнул золотой лук... Сзади послышались звуки близкого сражения, это Шэугкан продолжал бороться с неугомонным Дэльвьиром, приближаясь к центру хэза. Вместе с чудовищем сюда следовала и его странная энергетика. В этот момент девушку просто парализовало ужасом. Она вдруг отчётливо поняла, что это не компьютерная игра, не странный сон, а реальные чудовища, действительно пришедшие уничтожить их. Здесь не будет дополнительных жизней, нельзя сохраниться или поставить паузу. Ей вдруг страшно захотелось обратно в свой родной город к привычным мелким делам и житейским проблемкам, чтобы всё оказалось лишь дурным сном. И куда же подевался былой энтузиазм и жажда волшебства? Да, энергия Шэугкана действовала на всех разлагающе...

Шэугкан тем временем извернулся и, ухватив Дэльвьира за горло рукой, одним рывком сбросил его с себя. Вавилонец с надсадным воплем улетел в клубящуюся пелену и, судя по грохоту, врезался в противоположную стену.

Пыль начала медленно оседать, клубы её всё ещё большие заворачивались спиральями, ложась на грязный пол. Шэугкан двинулся вглубь хэза, но вдруг остановился, ощутив присутствие той, о ком думал Авельир. Он сразу понял, что Избранная где-то рядом... Алёна тоже чувствовала его присутствие, утомительно-гнетущее ощущение росло по мере его приближения... Думая, что всё-таки такого не может быть, и всё это лишь кошмарный сон, Алёна стала неистово щипать себя за ногу, в надежде проснуться. Тем временем пыль, оседая, обнажила верхнюю часть Шэугкана, который стоял прямо за ней, медленно занося меч... Вдруг, в очередной раз безрезультатно ущипнув себя за ногу, Алёна случайно нащупала что-то в кармане юбки, что странным образом покалывало пальцы, и сразу же вспомнила встречу с путником из Электрического Рима. Она спешно вынула подаренную им искру и с удивлением обнаружила, что та сильно преобразилась: теперь она сияла просто ослепительно и даже жгла пальцы. Алёна резко обернулась: Шэугкан стоял прямо напротив неё с занесённым над головой мечом и сверлил ей безжизненным взглядом пустых смотровых щелей своего шлема, напоминающего череп крокодила... Почему-то теперь, сжимая в ладонях подарок бодхисатвы, она не чувствовала бывшего парализующего ужаса, эта звездочка в руках странным образом придала ей сил и уверенности.

— Крокодил больше огня боится её, воспользуйся лишь в самом крайнем случае! — произнесла она вслух, припоминая слова путника и медленно поднося сверкающую искру к лицу.

Вдруг и уныние как ветром сдуло, а как только свет коснулся её кожи, Алёна сразу ощутила ещё больший прилив сил и бодрости. Шэугкан вдруг заметил странное светило, и попятился назад, это было немыслимо, казалось, чудовище чего-то испугалось! В присутствии Шэугкана искра стала расти и сиять всё сильнее, словно ощущала его близость. Не долго думая, Алёна размахнулась и как сумела метнула сверкающий шар в монстра. Раздался оглушительный хлопок, вспышка света озарила хэз изнутри. В том месте, где искра столкнулась с доспехами Шэугкана, сверкнула молния, которая тотчас распалась на миллион других. Эти молнии скользнули в разные стороны, образовав нечто вроде сферы и, возникшая электрическая волна повыбрасывала оставшихся герддронов из руин, устремилась дальше и очистила от них склоны утёса, на котором расположился хэз. Уязвлённый Шэугкан с истощенным рёвом ухватился за голову, и, шатаясь, как оглушённый, на подкашивающихся ногах выбежал из хэза. Там чудовище рухнуло на колени и извергло из-под нагрудного доспеха волну чёрного дыма. Покачавшись на месте, Шэугкан повалился наземь и с рёвом скатился по склону к подножью утёса.

Алёна изумлённо наблюдала за повергнутым ею чудовищем и даже не знала, что делать дальше. На заднем фоне иллюзорной тенью среди тумана маячила неуклюжая фигура Визиронта: чудовище по-прежнему металось в поисках ускользнувших противников, бесцельно размахивая жезлом и уничтожая собственных же вассалов. Шэугкан валялся под утёсом, расточая едкий чёрный дым и продолжал истощно вопить голосом уязвлённого крокодила. Потрёпанные и перепачканные в каменной пыли вавилонцы поспешили к Алёне и обступили её кольцом. Хоть одежда их и пострадала, сами парни были, вроде, целы.

— А где этот старикан? — воскликнул Авельир, оглядываясь по сторонам в поисках Крафтсмана, но того нигде не было видно. Гот как будто даже не заметил валяющегося у входа в хэз Шэугкана, словно так и полагалось.

Казалось, что кульминация пройдена и можно вздохнуть свободно: главные фавориты Граса Даркфлесса необоримый Визиронт и огнеподобный Шэугкан были волшебным образом повергнуты, а их войско отбито. Однако не всё было так просто, и вновь из тумана раздалось лязганье доспех и на границе эфемерной завесы начали проступать ряды новых воинов. Подоспевшие герддроны стояли плечо к плечу, плотным кольцом окружая хэз, прорваться через такое войско было не под силу даже сверхвоину. На возвышающемся из тумана за спинами вавилонцев утёсе, чуть повыше хэза показались, гремящие железными крыльями, дартгроты. Они отсекали последний путь к отступлению. Шэугкан приподнялся и на четвереньках уполз назад, протиснувшись сквозь ряды герддронов.

— Сейчас пойдёт вторая волна! — сообразил Фариселл.

— Мой меч затупился об этого монстра! — пожаловался Дэльвьир, наспех водя по лезвию большим точильным бруском. Тот шёл нехотя, с лязганьем, и больше делал зазубрин, нежели точил клинок.

— Пошло! — утомлённо произнёс Авельир, ощутив, что неприятель готовится к атаке. Он отпихнул Алёну в центр "живого" кольца и встал наизготовку, замахнувшись своим красивым готическим мечом.

Войско герддронов двинулось на утёс. На этот раз они шли плотной стеной, выставив вперёд копья и мечи, извергая из забрал волны огненных вихрей. Огонь гудел, вырываясь из темницы чудовищного нутра и даже возле хэза чувствовался его жар.

— Не сдюжим! — вскричал Дэльвьир. — Надо бежать!

Строй герддронов неумолимо приближался...

— Некуда, — констатировал Фариселл. — Придётся принять бой, сзади дартгроты!

Толпа герддронов, исчисляемая сотнями, уже была совсем рядом. Они плотной стеной обступили пятерых вавилонцев, не оставляя тем ни единого шанса...

Как вдруг прямо перед войском на пыльную землю С'арруса сошла ослепительная молния, среди ветвящихся электрических дуг возник человек в расшитых золотом и украшенных изумрудами голубых доспехах, то снова был Крафтсман. В его руке сиял жезл, совсем как тот, что помог Фариселлу укротить вольную реку. Он криво ухмыльнулся, обводя непобедимое воинство Фаллен-Граунда уничижительным взглядом, и тотчас припал на одно колено. Размахнувшись, Крафтсман обеими руками вонзил жезл в землю и, словно каменный, застыл в этой позе. Герддроны тоже замерли, ожидая атаки Крафтсмана, но пока ничего не происходило. От жезла по земле стремительно растёкся световой круг, проскользивший под их железными ногами и растаявший за их спинами. Вавилонцы переглянулись, никто не понимал, что всё-таки сделал Крафтсман. Вдруг всё начало проясняться: Крафтсман вновь поднял на герддронов всё тот же взгляд, преисполненный неуважения, и издал призывный крик, прозвучавший не человеческим голосом, а громовым раскатом. Небо вмиг наполнило тучами, редкие пустынные облачка потемнели и налились водой. Сразу после этого под небосводом засверкали молнии. Герддроны бросились на Крафтсмана, стараясь уязвить его мечами. Толпа огнеголовых на мгновение полностью скрыла человека в лазурных доспехах, герддроны навалились сверху, как игроки в американский футбол. Вавилонцы даже не успели среагировать, как с небес в толпу слетела ещё одна молния. Прогремел взрыв, вспыхнуло белое пламя, а воздух наполнился озоном. Электрические разряды разбросали неповоротливых воинов Даркфлесса в разные стороны, с той же лёгкостью, с которой осенний ветер разметает сухую листву. Когда свет ослаб, стало видно Крафтсмана, который оказался на том самом месте, куда только что ударила молния. Теперь он стоял в полный рост, весь опутанный потрескивающими голубыми нитями.

Крафтсман поднял руку и махнул ею в сторону войска Шэуткана. За его спиной на землю с оглушительным грохотом сошёл целый сноп новых молний, надёжной стеной защитивший вавилонцев от неприятеля. Начался ливень, поднялся сильный ветер. Визиронт, до этого времени, шарившийся позади отряда с разбитым забралом, на ощупь двинулся сквозь ряды герддронов напрямик к Крафтсману, словно почувствовав его энергию. Из-под сводов дождливых туч сорвалось несколько сияющих капель, напоминающих шаровые молнии. Ударившись о каменистую землю С'аррусовой степи, капли обратились слепящими вспышками, а когда свет ослаб, то на их месте уже стояли статные воины в красивых лазурных доспехах. Латы и оружие их были также окутаны серебристыми вихрями. Вместо лиц у возникших воинов за забралом шлемов танцевали безудержные электрические дуги.

Крафтсман вновь взмахнул рукой, и вновь наземь обрушились волшебные капли, ставшие красивыми воинами. Через считанные секунды за спиной его выросло целое войско воителей с мечами из света и голубых молний и щитами, на которых у одних красовалась изящная буква "R", а у других было изображено дерево с молниями вместо веток и звёздами вместо листьев.

— Что это?! — воскликнула изумлённая Алёна.

— Чудо Электрического Рима, — пояснил Апельир. — Вот только надолго их не хватит!

— Очистите же пространство сие от скверны, да посрамите тьму несущих и гибель насаждающих! — ликующим голосом вскричал Крафтсман. — Да обратится воинство нечестивое в бегство, да станет свет и благодать на землях этих навсегда, как то положено

изначально! Круши неприятеля, защитники Адалыра!

Окутанное молниями, эфемерное войско тотчас ринулось вперёд, сметая герддронов, как невесомый пух. Чудовища валились на землю, и под натиском обращались в груды рухляди. А молнии всё сходили, умножая воинство, призванное Крафтсманом.

Разыгралась настоящая баталия, электрические воины уверенно крушили чудовищ Фаур-Каста и теснили их к горам, отгоняя от реки. Герддроны тщетно пытались отбиваться мечами, которые просто таяли, едва соприкасаясь с сияющими клинками воинов-молний. Шэугкан бросился прочь, но не удержался на ногах и свалился в реку. Воины-молнии тем временем заполонили всю пустошь, и среди тумана движение их угадывалось лишь по отдельным вспышкам света, когда они, соприкасаясь с герддронами, уничтожали их.

Ощувив прибывающую силу противника, Визиронт наугад выпустил в разные стороны несколько оглушающих волн, как он решил, по воинству Крафтсмана. Волны с грохотом пронеслись по прибрежному ландшафту, сокрушив, в том числе, и его собственных герддронов, однако на этот раз необоримый фаворит не просчитался и воителям-молниям досталось тоже. И когда электрические воины попадали наземь, Визиронт сам бросился крушить их жезлом, теперь глаза ему были не столь необходимы, ведь он мог ориентироваться по энергии призванного воинства. Само же чудище было просто недостижимо для воинов Адалыра.

Из тумана начали прибывать герддроны, дартгроты сорвались с соседних утёсов и также устремились в гущу сражения. Дождь прекратился, и земля тотчас высохла. Но небеса продолжали осыпать равнину молниями, за которыми возникали всё новые воины Электрического Рима, однако с каждым новым всполохом их становилось всё меньше.

— Волшебство слабеет! — воскликнул Дэльвьир.

— Надо что-то предпринять, сейчас, или никогда! — воскликнул Фариселл.

Из бушующего под утёсом сражения показался Крафтсман, доспехи его сияли. Он ласково взглянул на девушку и кивнул ей, давая понять, что всё будет хорошо.

— Я открою вам путь, сейчас, — пообещал он чистым, звенящим на ветру голосом. — Следуйте по нему, и берегите Избранную!

Бегство и волшебная радуга

Крафтсман закрыл глаза и что-то прошептал, в ответ на произнесённые им заклинания с небес заструилась радуга. Когда свет её достиг подножья утёса, во все стороны фейерверком брызнули разноцветные искры, земля содрогнулась, и через равнину пролегла сияющая тропа, словно нарисованная светом на пыльной пустоши. Следом за радугой с небес на тропу стали сходить странные лучи белого света, притом, что солнца видно не было. Тропа пролегла прямо через ряды герддронов, неведомой силой разбросав тех в стороны. Стало ясно, что воины Фаур-Каста не могут войти на эту странную дорогу.

— Все на тропу, живо! — скомандовал Фариселл.

Авельир подхватил Алёну на руки и первым спрыгнул на тропу, вступив в широкий радужный столб, следом поспешили Дэльвьир и Фариселл.

— Килль, сюда, скорее! — крикнул Дэльвьир.

Но Килль вместо того, чтобы последовать за друзьями кинулся в противоположную сторону. Герддроны наконец прорвали оборону электрических воинов и атаковали Крафтсмана, и парень бросился ему на помощь.

— Надо им помочь! — Авельир ринулся, было, обратно, но понял, что не может выйти

за пределы светящегося пути, проложенного Крафтсманом.

— Уходите! — крикнул Крафтсман, вместе с Киллем отбиваясь от толпы разъярённых герддронов. — Доставьте Избранную!

— Нет, что происходит?! — вскричал Дэльвьир, когда ещё оставшиеся воины Электрического Рима стали таять в воздухе.

— Волшебство теряет силу! — выдохнул Фариселл.

— Идите по пути, герддроны не могут одолеть эти чары! — напутствовал Крафтсман. — Не покидайте радуги!

Радуга, окружавшая вавилонцев, стала двигаться вдоль тропы, подгоняя беглецов. Отряд Брелова бегом бросился по тропе, уходя от переправы. Последнее, что увидел Авельир, обернувшись на бегу, это была разъярённая толпа герддронов, накатывающая на обороняющихся из последних сил Килля и Крафтсмана. В последний момент, когда герддроны были уже вплотную, Крафтсман вновь припал на одно колено и со всех сил ударил руками в землю. В том месте вспыхнул яркий зелёный свет, а когда он погас, то ни Килля ни Крафтсмана уже не было, только ошарашенные воины Даркфлесса с недоверием шарили руками по пустой земле, недоумевая, куда же подевались их противники. Беглецы не знали, что произошло с их друзьями-вавилонцами, но знали, что возвращаться к реке им было нельзя. Они бежали по иллюзорному пути, сопровождаемые яркой радугой и яростными взглядами огнеголовых, бессильных причинить им какой-либо вред. Алёна скоро совсем выдохлась, и Авельиру пришлось взять её на руки. Так они ещё долго бежали через степь С'арруса, преследуемые герддронами, и дартгротами, кружащими над их головами, пока преследователи, наконец, поняв тщетность погони, не отстали. Световой путь пролегал весьма странно, трудно было сообразить, куда он ведёт. Ясно было только то, что он направляется к горам преддверий Кэльвиарона...

Поцелуй Ариллии

Ариллия сидела, склонив голову, и казалось, улыбалась, поглаживая пальцами тоненькие стебельки, выбивающейся из-под камня травы. А те вроде бы отклонялись от её пальцев, но девушка не теряла надежды и продолжала трогать их.

— Ты проголодалась? — спросил Брелов, участливо заглядывая в лицо спутнице.

— Что? — Ариллия спросила это настолько ошарашенным голосом, словно Брелов сказал, что-то несусветное.

— Ну, э... — замялся он. — Я тебе поесть принёс, взял у монахов, вот, — он развернул узелок, данный ему настоятелем. — Здесь какие-то ягоды, похожи вкусом на виноград, что растёт в Илверре, но весьма сочнее, попробуй!

С этими словами рок-музыкант протянул Ариллии светло-зеленую гроздь с большими сочными чуть продолговатыми ягодами лилового цвета. На поверхности ягод ещё поблёскивали капли росы.

Ариллия замерла, подобно каменному изваянию, сквозь свои антрацитовые волосы она пристально смотрела в лицо Брелову, словно хотела что-то сказать, но не могла найти слов. Брелову стало даже как-то не по себе от этого пронзительного взгляда новой знакомой, он развёл руками, как бы вопрошая, в чём дело, но Ариллия в ответ только молча приблизилась к его лицу и нежным движением коснулась пальцами его плеч.

— Что ты?! — разволновался Брелов.

Ариллия прижалась к музыканту и спешно поцеловала его в губы. Брелов опешил, он

провёл пальцами по губам, будто не доверяя глазам, хотел потрогать этот спонтанный поцелуй, и в ожидании уставился на Ариллию.

— Что это значит?! — наконец вымолвил он, когда оцепенение понемногу сошло.

— Просто вот уже много лет никто не приносил мне поесть, никто не заботился обо мне, ты первый... — из-под густых волос, надёжно закрывающих лицо девушки, выкатилась огромная сверкающая слеза, похожая на кусочек горного хрусталя. Она пробежала по щеке до шеи, и по ней сбежала в складки истрёпанной накидки.

В следующую минуту Ариллия беззвучно расплакалась, Брелов прижал её к себе и начал гладить по голове и плечам, приговаривая какие-то успокаивающие и утешающие слова, почему-то теперь, после жестоких слов настоятеля монастыря, ему вдвойне стало жалко эту женщину, впрочем, утешатель из него получался тоже никудышный.

— Я такая уродливая! — всхлипывала Ариллия, то и дело, вздрагивая. — Не только снаружи, но и внутри, от моей души уже, наверное, ничегошеньки не осталось! Видишь, я не могу войти в ворота, это всё, потому что я одна из них, одна из прихвостней Гиртрона!

— Успокойся.

— Нет, я одна из них, он сожрал мою душу и наполнил сосуд чем-то иным, я словно себе не принадлежу! — продолжала плакать Ариллия.

— Никто не может отбирать души, только Бог, но не какой-то там демон средней руки, — возражал Брелов. — Силий поможет тебе, я уговорю его, поверь, он величайший волшебник, его сила способна сокрушить Гиртрона в два счёта, я уверен в этом, просто у него какие-то свои соображения. Главное, нам его найти, он всё сделает!

— Ладно, — Ариллия отстранилась от музыканта и поплотнее закуталась в накидку, будто замёрзла. — Я всё понимаю, прости меня за это... Ты позаботился обо мне, и я растаяла, ведь это так хорошо.

— Я тоже всё понимаю, — Брелов неторопливо покивал. — Гиртрон всё здесь пронизал.

— Я не хочу, чтобы ты жалел меня, это скверная эмоция, жалость не нужна мне...

Брелов усмехнулся, и устало провёл рукой по голове, убирая волосы с лица на затылок.

— Силий говорит, что весь Мир зиждется исключительно на любви и... жалости, именно жалости, и я с ним согласен, — он вновь улыбнулся. — А теперь, можно тебя попросить?

Ариллия обратила к нему самый внимательный взор.

— Конечно, говори, что ты хочешь?

— Сейчас ты на мгновение раскрыла свою давно запертую душу, и была так близко, хоть знаешь меня всего ничего, и я хотел попросить... Ариллия, не отдаляйся сразу, я не обижу тебя, просто хочу узнать получше... Я обязательно помогу тебе, хорошо?

Ариллия прижала ладони к лицу, глубоко вдохнула, собирая, как видно, свои растрёпанные чувства, а потом взяла из рук Брелова, принесённые им плоды.

— Хорошо, — тихо ответила она. — Я не буду отдаляться, я тебе верю...

Всё, что произошло со времени появления Брелова в Шадоуроке, заставляло его думать, что Силий ошибся, выбирая его в качестве ведущего в отряде. Гравюра на стене говорила, что некто иной заберёт его меч, а неудача в тоннеле Волгаллиона и потеря Филирд явно свидетельствовали, что рок-музыкант никакой не избранный. Кроме того было и ещё одно обстоятельство, говорящее не в пользу Брелова, о котором он теперь вспомнил. Как-то, лёжа

на склоне Монастырской горы, у подножья Шадоурока, он беседовал с Силием:

— Почему, — поинтересовался Брелов, — все рекруты, которых я знаю в войске Вавилона, имеют фамилии, происходящие от каких-то заделий, вроде Плотника, Дворника, Гончара, как ты сам, и прочих, что это значит?

На что Силий ответил:

— Это не так, ибо в Вавилоне есть люди и с другими фамилиями, например Крафтсман, некогда достигший великой "стихийной" силы, в чём-то превосходя меня, и ты, вероятно, слышал легенды об этом человеке.

Брелов хитро рассмеялся.

— Не хитри со мной, Силий, — сказал он задорно и искоса взглянул на Арбитра Стихий. — Я, конечно же, слышал о нём, но фамилия Крафтсмана происходит от английского слова "ремесло", что вбирает в себя все прочие отдельные умения и профессии, вот потому, скорее всего, он и обрёл столь большую силу, — Брелов замолчал и выжидающе уставился на Силия.

Тот по-философски улыбнулся и расправил свою бородёнку в три волосинки. По выражению его лица невозможно было понять, раскусил ты его или же нет, он всегда улыбался так, с глубоким выражением вселенского понимания сути вещей на лице.

— Ты прав, — глаза Силия лучезарно засияли. — Но люди с другими фамилиями в войске Вавилона действительно есть, просто ты их не знаешь. Тебе досталось крыло ремесленников, чьи фамилии, а, следовательно, род восходит к первоначальным ремёслам их семей на заре цивилизации, поэтому они обладают большей силой и энергией в общении со стихиями, к которым мы должны быть близки, как никто на планете. Дело в том, что настоящей профессией, или ремеслом человека является то, что делает он собственными руками: пахарь пашет землю, крестьянин растит пшеницу, затем ждёт урожая долгими днями, заботиться о посевах, трудолюбиво убирает его и несёт зёрна на мельницу мельнику. Мельник делает из них добрую муку и отдаёт её пекарям, пекарь выпекает тёплый сдобный или свежий ржаной хлеб... Это и есть продукт их ремесла, как и кузнец, куящий в кузнице добрые латы для защиты земли своей любимой, или соху для земледелия. Но, скажем, вряд ли в эту когорту войдут когда-то люди будущего с фамилиями типа "Менеджеров", "Мерчендайзеров", "Логистиков" и так далее, — Силий засмеялся. — Их работа не является ремеслом в том смысле, в котором оно было изначально, поэтому обделено энергией веков.

— А художник?

— Конечно, творческий труд стоит обособленно, энергия творчества максимальна и наиболее применима для понимания стихий. Я говорю "понимания", чтобы не использовать слов "управление стихиями", ибо, как я уже говорил, мы не смеем и не можем управлять стихиями, природой, мы можем лишь путешествовать с ветром, течь с водой, танцевать с благодатным пламенем, жить в мире с землёй. Художник создаёт свою реальность, он, сидя всегда дома, может многое поведать нам, путешествующим по всему Свету, ибо видит его иным зрением, зрением души и зрением таланта, равно, как и музыкант, музыку творящий в келье своей. Поэтому и нельзя сдерживать вдохновение:

Когда художник экономит краски,
Ну а писатель бережёт свой слог,
Становится непросто их талантам
С вершин искусств изобличать пороки...

— Красиво! Сам придумал? Ну всё-таки, а я? — Брелов нахмурился. — Ведь моя фамилия не связана с ремеслом...

— Вот тебе и подтверждение моих слов, не у всех фамилии связаны с ремеслом! Но, хотя, — он хитро улыбнулся, — возможно, твоя, — он сделал нажим на этом слове, — происходит от какой-нибудь брадобрейской профессии, — Силий снова рассмеялся, но Брелову показалось, что Арбитр Стихий не до конца честен с ним.

Потом, Брелову так и не удалось встретить посвящённого в тайны Адальира, с не ремесленнической фамилией. А те, у кого были таковые, обязательно брали ремесленнические псевдонимы, для усиления собственной энергетики, и вывести "девичью" становилось практически невозможно.

Этот факт, проверенный личным опытом, убеждал Брелова в том, что он вовсе не избранный, и, быть может, не обладает и частью той энергии, которая необходима настоящему воину Вавилона. Теперь к сомнениям добавился страх неведомого крылатого монстра, что овладевал его мечом на картине, и страх этот только усиливал сомнения в самом себе.

Отряд прячется от преследователей-герддронов в горах Кэльвиара

— Всё, всё, мы в безопасности! — размахивая руками, прокричал Дэльвьир. — Да остановитесь же вы!

Только теперь все заметили, что сияющая тропа куда-то подевалась, а под ногами зеленел вереск южных склонов Драконьих гор. Здесь уже начинались первые деревья с торчащими из земли толстыми извитыми корнями. Местами на склонах ковром росла земляника, а где-то совсем рядом журчал подгорный ручей.

Авельир замер, он, обессилевши, упал на колени и склонился над землёй, переводя дух, упершись в неё руками. Алёна, которой тоже изрядно пришлось побегать пусть и всего часть пути, плюхнулась рядом и, тяжело дыша, откинулась на поросший земляникой склон. Фариселл ещё какое-то время озирался по сторонам и то и дело напряжённо прислушивался, затем аккуратно вытер остриё своего простого меча листьями дерева и спрятал его обратно в ножны. Дэльвьир подошёл к нему и несколько мгновений молча, смотрел тому в лицо, напряжённо, встревожено и недовольно.

— Мы потеряли уже троих из отряда, надеюсь, она действительно так важна для Адальира, — Дэльвьир бросил в сторону девушки презрительный взор. — Очень на это надеюсь!

Фариселл задумчиво почесал переносицу, поднял глаза к серому небу и вдруг неодобрительно посмотрел на собеседника.

— Мне не нравится твой настрой, смени его, а то рискуешь потерять над собой контроль, ты вроде как забыл, что говорил нам *Ubertima Fides*?

— Всё я помню! — отмахнулся Дэльвьир. — Просто я не могу взять в толк, почему на таком несложном пустяковом деле мы встретили столько препон. Можно подумать, что все армии Даркфлесса за ней одной гонятся! Сколько лет мы здесь лазим, и ни разу, ни единого прокола, а тут сразу оба этих слона Визиронт и Шэугкан в одном флаконе! Вот что они здесь делали?!

— Их послал Гиртрон! — начал закипать Фариселл.

— Да мне всё равно, это чучело чуть меня к праотцам не отправило! — вскричал

Дэльвьир. — Я думал, конец мне, когда он меня швырнул об стену хэза!

— Я тебе отвечу, как ответил Бальтазару Уэрну из Мелоди Кастл, когда он выпил последнее вино из моего подвала: ты начинаешь меня раздражать, друг! — низкорослый рыцарь явно разозлился, его зубы оголились, волосы на затылке и шее встали дыбом, и он тихо, но свирепо зарычал. В этот момент Фариселл стал больше похож на собаку, нежели на человека.

— Может, вы не будете ссориться, это ж не игра вам! — попыталась примирить их Алёна.

Дэльвьир потупил взгляд, и сделал вид, что собирается уйти, сам, профессиональным движением, потянувшись к рукоятке меча. Фариселл сразу заметил это, ножны дрогнули, и клинки, со свистом разрезав прозрачный вечерний воздух, встретились, осыпав противников дождём искр.

— Брось, а то мне придётся призвать тебя к порядку, смутьян! — сквозь зубы проревел Фариселл.

— Блажишь, коротышка! — злобно отозвался Дэльвьир. — Я фехтовал, когда ты ещё под стол пешком ходил, сам бросай!

Алёна бросилась к ним и попыталась растащить дерущихся, но они словно бы насмерть сцепились. Лезвия со скрежетом тёрлись друг о друга, но противники находились слишком близко и не могли нанести сильного удара с замаха. Когда злость противоборствующих сторон дошла до точки кипения, внезапно со стороны ручья раздался громкий истеричный смех. Дэльвьир с Фариселлом тут же перестали бороться и обратили взоры к источнику звука. Это смеялся Авельир, он стоял на коленях возле ручья под пригорком, смотря на своё отражение, и истерично хохотал. Парни переглянулись, не понимая, что случилось с их другом.

— *Per risum multum cognoscimus stultum!*[1] — с ехидцей заметил Дэльвьир. — Ты чего, свихнулся? — добавил он уже с испугом в голосе. — Что с тобой?!

Авельир приподнялся с колен и повернулся к Дэльвьиру, вся его одежда была изорвана, в пылу схватки с герддронами он потерял все свои любимые фенечки. Но, самое страшное, его безупречный грим весь истёрся и смылся брызгами на переправе, а волосы, из блестящего шёлка стали грязными клочками. В тумане он не замечал этого и лишь теперь, узрев собственное отражение в подгорном ручье, впал в истерику. Авельир чувствовал себя сверхгероем, нося, в этом чудесном краю, своё красивое одеяние, но увидев себя в рванье и без привычного грима, потерял всяческое самообладание.

— Да что с тобой?! — Дэльвьир не на шутку перепугался, потеряв интерес к предыдущим распрям.

— Это уже не игра! — истерично вскричал Авельир. — И я больше не воин сакрального Адальира, я просто человек, которого занесло в какой-то чудовищный край, где всюду бродят монстры! Я сейчас свихнусь! Да что ж это такое?!

Дэльвьир растерялся, он ошарашено смотрел на друга и совершенно не представлял, что делать. Фариселл спрятал меч, и присел у корней дерева.

— Скоро мы так все свихнёмся, дай ему время, пусть успокоится.

Но Авельир и не думал собираться, перемежая истеричный смех, слезами, он упал на четвереньки и пополз к Алёне. Та вовремя нашла, она вскочила на ноги и бросилась ему навстречу, обняла и прижала к себе. Так, вместе они вновь свалились на траву. Алёна приподнялась и постаралась сесть, а Авельир, нервно вздрагивал, и продолжал всхлипывать,

вжимаясь лицом в подол её юбки.

— Да что ты совсем-то раскис? — с укоризной вопрошала девушка, глядя воина по растрёпанном волосам. — Что за ужас, можно подумать? Всего-то макияж смылся! Ну, хочешь, я тебе сама новый нарисую?

Авельир вдруг сразу успокоился. Дэльвьир с Фариселлом, затаив дыхание, уставились на эту странную парочку. Авельир поднял голову и взглянул Алёне в глаза, теперь он вновь выглядел самоуверенным и победоносным, как и обычно.

— Хочу, — сказал он, правда, всё ещё немного дрожащим голосом. — А ты сумеешь?! Я его три часа делал!

— Не издевайся, я всё-таки девушка, макияж-то делать умею, небось! — Алёна потянулась к своему узелку, вытащила из него край пальто с карманом и вытрясла на траву содержимое. Здесь было всё, пудра, помада, правда только красная, тушь и ватная подушечка.

Авельир устало вытер лицо, и, перевернувшись, сел на траву рядом с девушкой.

— Ну, вот так, всё в порядке, — приговаривала Алёна, напудривая ему щёки. — Сейчас я всё исправлю, не пойму только как это раньше ты не сталкивался с такой проблемой!

— Я раньше никогда не встречал в Адальиरे столько сражений за такое короткое время, — пояснил Авельир, говоря при этом только краешком рта, чтобы не помешать накладывать грим.

— Да не дёргайся, потом скажешь! — одёрнула его Алёна, видать, он всё-таки помешал её рукам выполнять задуманное. — И не ной, а то смоешь всё, что я рисую!

Тем временем Дэльвьир с виноватым видом подошёл к сидящему у корней дерева Фариселлу, тот неторопливо покуривал длинную трубку, то и дело нервно почёсывая за ухом.

— Я погорячился, — сказал он, немного смутившись. — Не было причин хвататься за меч, я иногда забываю, что нужно соответствовать своему положению...

— Я уже забыл, — ответил Фариселл. — Ты на своём месте в нашем отряде, ибо только великий воин способен признавать свои ошибки так, как это делаешь ты! — Фариселл поднял к нему своё серьёзное лицо и вдруг несвойственно себе пакостно ухмыльнулся, энергия Шэугкана подействовала и на него тоже.

Дэльвьир ответил ему такой же своей усмешкой и направился к ручью вымыть меч и почистить плащ.

— Что-то не то с нами произошло, наши эмоции взяли верх над разумом и целью, — сказал Фариселл, как будто самому себе. — Это всё Шэугкан, его энергия действует разрушающе на волю, и мы не избежали его сетей.

— Шум крыльев дартгровов тоже сильное деморализующее средство, — добавил Дэльвьир, стирающий в ручье изрядно запачкавшийся край плаща. — Их вибрации на реке чуть не свели меня с ума, я думал, мы не выберемся оттуда...

— А Авельира проняло только здесь, увиденное им собственное отражение вызвало этот взрыв чувств, — продолжал Фариселл, в перерывах между словами, покуривая трубку и отпуская в небо кольца серого дыма. — Несмотря на обострённое восприятие, он оказался куда сильнее нас. И всё же я обязан ему жизнью, ведь не уложи он того герддрона, спрыгнувшего с крыши внутрь хэза, Бог знает, чем бы это могло закончиться!

— Это была не моя стрела, — попытался возразить Авельир, оборачиваясь к Фариселлу. — Там был ещё кто-то...

— Не дёргайся ты! — перебила его Алёна, руками возвращая голову гота в прежнее положение и продолжая возиться с макияжем.

— А чья? — Фариселл скептически приподнял одну бровь. — Не скромничай! Это, конечно, добродетель, но сейчас не тот случай. Тем более, после встречи с Шэугканом и не такое может померещиться, просто ты уж сам забыл, что делал.

Дэльвьир покачал головой, он присел рядом, положил руку Авельиру на плечо и участливо заглянул тому в глаза:

— Я понимаю, что тебе было сегодня очень трудно, — начал он вкрадчиво и с пониманием. — Ты поразил Визиронта, но теперь тебе следует включить в гардероб ещё и какую-нибудь розовую тряпку! — Дэльвьир разразился громогласным хохотом и, упав на спину, начал кататься по земле.

Алёна хихикнула, сразу поняв намёк Дэльвьира. Авельир же наградил друга лишь обиженным взглядом, затем поднялся на ноги и отряхнулся. С новым гримом его лицо стало не таким белым, а скорее бледным как у вампира, но всё равно теперь он вновь чувствовал себя в своей тарелке.

— *Barba non facit philosophum!*[2] — латынью откомментировал он замечание Дэльвьира, теперь уже даже с каким-то пренебрежением.

— Ладно, не обращай внимания! — Алёна вынула из узелка маленькое зеркальце и протянула его готическому рыцарю. — Держи, дарю! Это, чтобы ты мог смотреть, не стёрся ли грим.

Авельир аккуратно взял подарок из Алёниных рук и с благоговением прижал его к груди, забота Избранной чрезмерно его тронула.

— Спасибо, Алён, — он улыбнулся. — Ты меня просто выручила сегодня, просто супер как выручила!

— Ничего страшного, ради Бога! Хотя, конечно, странноватый подарок парню...

— Особенно крутому воителю из параллельного мира!

Они оба рассмеялись. Влияние энергии Шэугкана ослабло окончательно, Авельиру показалось, что именно Алёна каким-то образом смогла одолеть его чары. Теперь парню стало стыдно за то, как он раскис и показал собственную слабость, и он попытался поскорее перевести разговор на другую тему:

— Почему дартгроты не последовали за нами в горы? — спросил он, обращаясь к Фариселлу.

— В самом деле, почему? — поддержал вопрос Дэльвьир, который к тому времени уже просмеялся и, усевшись на траву, тяжело отдувался.

— Не знаю, — покачал головой Фариселл. — Ума не приложу, может, не успели ещё... Правда, если мы сейчас там, где я думаю, то об этом месте ходят всякие легенды, может, они боятся заходить в хищные леса?

— Почему хищные? — спросила Алёна.

— Ну, это долгая история, а нам надо осмотреться и определить, куда двигаться дальше, — Фариселл встал на ноги и огляделся.

— Надо вернуться за Киллем и Силлем, — воодушевлённо предложил Авельир. — Мы должны их найти!

— Да, — Фариселл сдержанно кивнул. — Но, сперва, мы должны доставить Избранную к Конструктору, это главная цель!

— Но... — возмущённо начал было Авельир, но Дэльвьир не дал ему договорить.

— Фариселл прав, если мы сейчас туда вернёмся, то вновь напоремся на армаду Даркфлесса, просто сложимся там безо всякой пользы и смысла, тут паузу не поставишь, чтоб потом доиграть, и с прежнего сохранения не зайдёшь ещё разок, сожрут в один счёт! Тем более, мы даже не знаем, живы ли они, и куда могло отнести течением Силля.

— Нам нужно выйти в Арвельдон как можно быстрее, теперь главное найти путь! — подытожил Фариселл.

Авельиру пришлось согласиться, хотя ему, как, впрочем, и всем остальным, больше хотелось вернуться за друзьями, но сейчас, как, ни крути, надо было думать только о главной цели их путешествия: доставить Избранную в Вавилон.

Они быстро переложили свои походные сумки, освободив их от всего лишнего, и оставили только самые необходимые предметы, оружие, какую-то пищу и немного воды. Несмотря на объёмность Алёниного тюка, было решено не оставлять вещи из параллельного мира в Адальире, чтобы приспешники Гиртрона не смогли использовать их энергию для своих злокозненных дел.

— Сейчас мы двинемся на запад через лес, — Авельир расстелил на пыльной тропе небольшую походную карту, нарисованную, очевидно, от руки, и распечатанную после на дешёвом принтере. — Затем, — его палец в изорванной перчатке с накладными металлическими ногтями скользнул вдоль извилистой линии, изображающей тропу, — пройдем через перевал, преграждающий путь в Кэльвиарон. На развилке повернём на север, и по дну вот этого распадка тропа выведет нас в Арвельдон!

— Да, точно! — воскликнул Дэльвьир. — Мы выйдем в Арвельдон как раз за Гаур-Хэс, обойдя, таким образом, опасные степи С'арруса.

— Тем более, — Авельир явно повеселел, — весь распадок полон густыми лесами, деревья своей кроной укроют нас от глаз дартгров, здесь самый безопасный путь на этой стороне Свиреаля!

— И сколько это путешествие может занять времени? — вмешалась в разговор Алёна. — У меня ноги уже гудят!

— Мы будем делать остановки и привалы, — пообещал Дэльвьир. — Ну а если ты совсем выбьешься из сил, мы по очереди будем нести тебя, как намердн.

Алёна кивнула и рукой потёрла свои исцарапанные колючками ноги в районе голени, слова Дэльвьира не очень-то её воодушевили.

Ночлег и второе появление Шэугкана

Солнце уже стало клониться к закату, новый день, проведённый в Адальире начинал казаться Алёне слишком длинным и бесконечно долгим, никогда ранее она так не уставала, даже голова вдруг заболела, наверное, от долгого пребывания на солнце.

Всё ещё опасаясь преследователей Фаур-Каста, Фариселл решил взобраться повыше в горы, он нашёл ровную площадку справа от тропы, практически вертикально всходящей по склону, на которой можно было хорошо скоротать время до восхода. Со стороны обрыва площадка была надёжно защищена огромными камнями, которые, казалось, были выточены рукой великого мастера, неся на себя следы рукотворного происхождения. Сзади, продолжающийся склон горы был сплошь покрыт прозрачным лесом из тонких кружевных деревьев, похожих на сосны, со светло-зелёной листвой, которая звенела тысячей колокольчиков при каждом дуновении ветерка, словно сделана она была из хрупкого кристалькраутского льда.

Алёна улеглась возле огромного валуна, закутавшись во все имеющиеся вещи, Фариселл прилёг рядом, облокотившись на другой камень, и надвинув капюшон на лицо. На всякий случай низкорослый рыцарь вынул меч из ножен и положил его в траву рядом с собой. Авельир устроился в кустах возле выхода к тропе, с другой стороны, чтобы слушать шаги, если кто вдруг решится лезть в Драконьи горы, а Дэльвьир спустился на уступ, ниже их, и притаился в зарослях густого кустарника. Конечно, Авельиру хотелось бы побыть рядом с Алёной, но больше всего гота сейчас заботила безопасность девушки, поэтому он решил избрать роль дозорного, не доверяя это никому другому.

Ночь была тёплой, вскоре проглянула светлая и круглая как голубое блюдо, луна, которая показалась Алёне гораздо более крупной, чем в привычном ей мегаполисе. Подножье гор быстро устало туманом, что струился словно вода, плавно и изящно, но вместе с тем смело и настырно.

Когда совсем стемнело, и небосклон засиял от миллиардов звёзд, в тумане у подножья горы, и дальше на струящихся дымкой голубых подлунных равнинах Арвельдона и С'аррусовой пустоши, стали различимы точки далёких костров, расположенные группами и по отдельности. Предположение Авельира, высказанное в Гленнвудском трактире оказалось стопроцентно верным, и Дэльвьир тотчас смекнул, что это стоянки дартгротов и герддронов Фаур-Каста. Наиболее яркие точки принадлежали кострищам, которые разжигали воины Фаллен-Граунда для поддержания собственной энергии, собираясь на ночлег, а слабые светлячки, небрежной рукой рассыпанные по степи — то были огненные головы самих герддронов, блуждающих в потёмках и, выискивающих, чем бы поживиться. Чудовища хоть и были железными, но и им необходимо было питаться, чаще всего они пожирали древесный уголь, остающийся после костров, так уж был устроен их организм.

Дэльвьир искренне удивился, сколько же здесь было воинов Граса Даркфлесса, ведь он и предположить не мог, что Фаллен-Граундский колдун, стараясь выслужиться перед Гиртроном, выслал в дозор добрую половину всех своих элитных войск, оставшихся в Фаллен-Граунде. Парень даже ощутил некую гордость, ведь они таки смогли прорваться сквозь эту несметную армаду прихвостней Граса Даркфлесса, а ещё он подумал, что с таким подходом к отоплению, дартгроты вмиг изведут все окрестные леса и от Гвирендорфа останутся одни пни.

Когда Дэльвьир на своём пяточке уже было, задремал, над горами разнёсся хрипловатый и величественный голос волынки, возможно, это играли монахи какого-то горного монастыря, обозначая закат светила. Когда звук стих со стороны руин древнего гирльдского хэза на соседнем утёсе немного южнее вполголоса заиграла скрипка. Дэльвьир сразу проснулся, ведь инструмент звучал совсем близко. В Адальире не знали скрипок, сходные инструменты криальтльиры имелись только в землях магистра Сан-Киви Фарфаллы, но и они звучали иначе, нежели привычные нашему слуху Страдивари. Значит, на соседнем утёсе был кто-то с Земли... Сон как ветром сдуло, Дэльвьир устремил взор в сторону развалин, и, напрягая зрение, рассмотрел среди камней слабый еле видный огонёк, словно кто-то был в развалинах, кто-то, кто развёл там костёр и играл на скрипке, созерцая его резво пляшущее пламя.

Дэльвьиру даже показалось, что он видит тени, танцующие изнутри на остатках стен, что выросли в утёс с незапамятных времён. Путник явно не случайно выбрал для ночлега именно этот полуразрушенный хэз, туда никак нельзя было добраться со стоянки вавилонцев, зато должно было быть отлично видно всю округу. Свет костра становился ярче,

будто бы огонь разгорался, и подсвечивал тоненькую струйку дыма, поднимающуюся вверх из-за торчащей зубцами полуразрушенной каменной кладки у края обрыва. Скрипка продолжала играть, и голос её пронизывал всю обозримую темноту окружи, продолжая своё движение эхом в пещерах и распадах. Дэльвьир успокоился и понял наконец, что странный музыкант недостижим для него. Он устроился поудобнее, подложив руки под голову, и прилёг на правое ухо, левым чутко слушая чарующую музыку, какой давно уже не доводилось ему слышать. Ему сразу вспомнилась его деревня, где прошло всё его длинное солнечное детство. Та речушка, где он так любил купаться и клеверные луга, где паслись чёрно-белые бурёнки, и звенящие соловьиные рощи, и красивый белый домик с большой дружной семьёй, и всё прочее, что он так любил в своей жизни. И откуда, скажите, взялась эта ностальгия?! Потом ему вдруг подумалось о противоположной стороне Арвельдона, и той земле, что лежала у подножья могучего Свиреальского хребта с южной стороны. Его разум стала занимать мысль о том, а могут ли таинственные жители пещер Кау-Инс слышать сейчас голос этой скрипки, или он не долетает на такое расстояние? Его мысли становились всё более расплывчатыми и пространными, уводя разум от конкретики форм в нирвану логического бессмыслия, где только животворящие образы воображения повелевают энергией бытия, и всё, что ты можешь себе тогда представить — и есть твоя реальность.

Но вскоре музыка оборвалась так же резко, как и началась, со стороны развалин хэза донёсся еле слышимый звук, словно кто-то откашлялся или что-то сказал, затем последовало слабое шипение, и из-за полуразрушенной стены в небеса поплыли клубы пара, белые, они на чёрном фоне были видны отлично. Это кто-то там за старинной стеной залил костёр водой. Дэльвьир прислушался, из-за развалин хэза донесли ещё лёгкие ночные шорохи, потом кто-то стал насвистывать простую полуночную мелодию, какие обычно поют здешние пастухи, надолго уходящие в луга высокогорий, затем ещё какие-то пощёлкивания и постукивания, наверно, человек на другой скале, заботливо прятал в футляр свой инструмент.

"— Странно, что она занялась этим в полной темноте, затушив костёр", — подумал он про себя, решив, почему-то, что это женщина. Возможно, услышанный голос показался ему немного высоким для мужчины. Хотя, признаться честно, он не очень хорошо расслышал. Вот сейчас бы пригодилось суперухо Авельира...

Всё стихло, и по высоко стоящему звёздному небосклону поплыли серебристые кометы с длинными хвостами. Дэльвьир устроился поудобнее и уже собирался отправиться в страну сновидений, как вдруг крик птицы под утёсом заставил его вновь подняться. Он осторожно выглянул из кустов и подполз к краю уступа. Он прикрыл глаза рукой, чтобы их зеленоватое свечение не выдало его, и посмотрел сквозь пальцы вниз под утёс. Птица, чёрной тенью скользнула куда-то влево, он опустил взгляд к самому подножью скалы, где в клубящемся тумане медленно плыл огонёк. Человек с факелом на вытянутой руке, осторожно пробирался сквозь туманные кольца, войлоком устилавшие ночную землю. Он медленно водил рукой с факелом из стороны в сторону, и выглядел странно и эфемерно. По навалившемуся, откуда не возьмись, чувству сильной ностальгии по своему родному селу, Дэльвьир сразу сообразил, что под горой шарится Шэугкан, но что он мог здесь делать в столь поздний час совершенно один и без свиты?

Шэугкан тем временем добрался до подгорного ручья, того самого, где ещё вечером Дэльвьир стирал свой плащ, и встал на одно колено прямо у русла. Он снял свой костяной шлем, но поскольку стоял спиной к скале, Дэльвьир не смог увидеть его лица. Тогда

вавилонец поспешил вынуть из-за пазухи бинокль и принялся его спешно налаживать. В приближении обзор улучшился: Шэугкан опустил шлем в резво бегущую воду, и вода тут же покраснела, благодаря биноклю Дэльвьир увидел это даже отсюда с высоты в факельном свете. Наверное, монстр уже сожрал кого-нибудь по пути сюда. А он тем временем поболтал шлемом в ручье, смывая грязь, и начал протирать его, положив в сухую траву, кусочком какой-то белой тряпицы, издали смахивающей на дорогой кэвердэнский шёлк. Кто-кто, а Шэугкан-то знал толк во всяческом тряпье, в конце концов, именно он ввёл моду на это чудо Кэвердэна. Оказалось, что волшебная тропа, проложенная Крафтсманом, во много раз ускорила их движение, ведь чудовище добралось сюда только теперь, а бегал Шэугкан здорово...

Дэльвьир затаил дыхание и медленно отполз назад, продолжая неотрывно следить из-за кустов за всеми действиями Шэугкана. С одной стороны, его обуял страх близости чудовища, с которым он уже столкнулся прошедшим днём, а с другой, он еле сдерживал нестерпимое, практически неконтролируемое силой воли желание сбегать вниз по склону и обрушить на Шэугкана всю мощь своего меча. Однако, будучи человеком большой силы воли, Дэльвьир сдержался, он-то знал, как важно бывает иногда контролировать собственную ярость, чтобы не быть рассекреченным. В нём бурлили ярость и бахвальство, но чувства эти негожи для истинного воина.

Шэу дотёр свой шлем, полюбовался на него, повертев разными сторонами, и, как показалось Дэльвьиру, в этот момент чудовище даже засмеялось легко и довольно. Затем он снова надел шлем на голову, встал, и зашагал в противоположную сторону, было заметно, что чудовище прихрамывает, всё-таки Алёна здорово достала его в хэзе. Дэльвьир проводил его напряжённым взглядом. Внушительная и угрожающая, но вместе с тем немного странная фигура Шэугкана стала удаляться, и вскоре растаяла в плывущем над равниной тумане так же неслышно, как стихли его крадущиеся шаги, а вскоре и оранжевая точка факела в его руке растворилась во мгле. Всё это казалось очень странным, просто в пылу схватки у переправы Дэльвьир не заметил, чем именно Алёна сразила Шэугкана. Он не знал, что путник из Электрического Рима одарил её сконцентрированным светом молний, что собирают служители Армильд-Клианор во время бушующих там гроз. Свет этот исключительный, владеют им избранные и лишь его одного боятся демоны Адальира. Получив удар чистой энергией, Шэугкан сильно ослабел. Ему требовалось восстановить силы, поэтому-то он и отправился в одиночку через равнины. Сожрав кого-то по пути, он восстановился физически, а к ручью пришёл, чтобы смыть не столько грязь и пыль, сколько освободить доспех от остатков энергий, ведь всем известно, что именно водная стихия лучше других снимает любую энергетику. Ногу же полководец повредил физически, очевидно, спешно покидая хэз, или падая в Кристеллию на переправе, поэтому и не мог исцелиться очищением энергий.

Дэльвьир перевёл дух, перевернувшись на спину и раскинув руки, теперь он стал умиротворённо созерцать звёздное небо, по воле вольного ветра свободное ныне от туманных вихрей низких серых туч, что обычно блуждают в здешних местах. Поскольку Шэугкан пришёл сюда в поисках *unio mystica*[3], стало быть, воинов Фаур-Каста поблизости не было, и это вселяло некоторую уверенность. Возможно, отстав, они так и не поняли, куда подевались вавилонцы, и доберутся досюда не раньше утра, может быть, рискнут штурмовать подступы к Кэльвиарону, но пока они всё ещё лишь рыщут в степях С'арруса.

В поле его зрения попадал и край скалы с большими камнями, нависающими над

обрывом, за которыми расположились его друзья, и, каждый раз просыпаясь, он первым делом смотрел именно наверх, боясь, что проспал прихвостней Граса Даркфлесса, могущих подкрасться к спящим незамеченными.

Ночь была невообразимо красива, внизу у земли, где стелился туман, глухая и глубокая, а вверху, под сводом небес ясная и светлая. В степи разгорались костры, ветер доносил их дым даже сюда, а, быть может, это сами герддроны коптили воздух своими огненными головами. Несколько раз за ночь откуда-то из степи подавала голос робкая флейта, словно какой-то юный музыкант пробовал голос, Дэльвьир, который к середине ночи уже уверенно спал, на эти звуки лишь лениво открывал один глаз, и вновь задрёмывал, но и это движение, было, вероятно, во сне. Тогда его губы сладко улыбались, ведь он так любил эти чарующие, обволакивающие волшебством ночи в Адальири, даже, несмотря на опасность встречи с дартгротами и герддронами Фаур-Каста.

Один раз Дэльвьиру даже показалось, что он слышит современный мотив в стиле "рэйв", но к утру он решил, что это ему почудилось.

* * *

Вновь из темноты показался силуэт человека в розовой куртке. Парень небрежно бросил тень на кирпичный фасад и проскользнул к каменной стене, сплошь исписанной блёклой бранью. Баллончики брызнули краской, сменяя серые буквы радужными пейзажами... Вот гранитное чудище лезет из стены тоннеля, а рядом возвышается воин с пылающим мечом как раз напротив рокера... К рисунку подключилась женская рука, всё сразу стало ярче: цвета засияли как сама флюоресцирующая кепка художницы: она врисовала на картину изящную воительницу в зелёной накидке. Розовая куртка принялась за остальную часть стены, упорствуя в своём: здесь вырос чёрный замок, развернулось сражение на реке, в воздух взмыли железные чудища... Жёлтая кепка перехватила инициативу: засияла радуга. И вновь сражение, крушение корабля и бегство в горы от чудовищ. Вот облако с лицом старца, а супротив него уродливая фигура железного паука-великана, вот высокие стены монастыря и человек с мечом в воротах... Девушка в кепке завершает картину, старательно вырисовывая трогательный поцелуй...

Граффитеры старого города... Они всегда первыми узнают о событиях в Адальири и его окрестностях, их старенькие радиоприёмники настроены только на радио Вавилонского сообщества и из его щедрых волн они черпают все свои идеи...

[1] Смех без причины — признак глупца (Лат.).

[2] Борода ещё не делает философом (Лат.).

[3] Мистическое уединение (Лат.).

Анимированные иллюстрации: Ariel Wright

Глава V

Утро в Драконьем лесу

В зелени колышущихся трав, волной перекатывающейся по склону, заспанные Алёнины глаза встретили золотистые нити яркого солнечного света, что, искрясь, спадали с неба, пронизывали хрустальные бусины росы сверху на листьях, и устремлялись в зелёный мрак самой глубины поросли. Дальше был лес, могучие склоны гор из чистого белого камня, величественные вершины и подобные королевским коронам острые угёсы, над которыми кружили сияющие стаи белоснежных птиц. Девушка приподнялась на локте и тут же встретила взглядом с Авельиrom. Тот, примостившись на большом камне, напоминающем те, что Алёне доводилось видеть лишь на картинках в книгах о кельтах, штопал порванный во вчерашнем сражении сюртук, и чуть искоса смотрел на неё, при этом ещё и лукаво улыбался. Вдруг он оторвался от своего занятия и протянул Алёне лист какого-то растения, мелко исчерченный чем-то острым, вроде штопальной иглы. Девушка присмотрелась и с изумлением обнаружила, что здесь гот изобразил её портрет.

— Я нацарапал это своим ногтем, — пояснил Авельир, демонстрируя необычные перчатки.

— Красиво, хоть и не очень похоже, — Алёна улыбнулась.

— Ну, я не Рафаэль, — ответил Авельир, который вроде как и сам понимал, что его творение далеко от совершенства.

— Вовремя проснулась, — раздался голос Фариселла. — Надо выдвигаться, чтобы успеть к ночи до следующей стоянки, если я всё помню верно, то нам нужно пройти где-то двадцать — двадцать пять миль, и там будет поселение, где можно переночевать.

— А ты когда здесь последний раз был? — спросил Дэльвьир. — Я, вот, что-то не очень узнавал пейзажи в С'аррусовой степи. Здесь всё очень сильно изменилось за каких-то пару лет.

— А здесь? — Авельир окинул округу взглядом, остановившись на Дэльвьире.

— А здесь я вообще в первый раз, — откровенно признался Дэльвьир. — Мне ещё не приходилось посещать эти леса, вот, значит, наверстаю упущенное! Ибо, как говорит Силий: "Каждый уголок великого Адальира, от самых высоких горных вершин Свиреаля, до самых дальних долин Илверра заслуживает того, чтобы им восхищался ликующий взор истинного художника бытия"!

— Красиво! — протянул Авельир. — Силий вообще мастер на красивые и витиеватые высказывания, но это не единственное достоинство *Uberrima Fides*!

— А что такое, э, ну это, что ты сейчас сказал? — спросила Алёна.

— Это латынь, означает высшую степень доверия, а звучит, как имя, правда? Вот, кто-то его и окрестил этим словосочетанием, — просто пояснил Авельир. — Короче, на него всегда можно полностью положиться, я иной раз доверяю Силию больше, чем самому себе, а всё началось с тех пор, как он впервые взял меня с собой в волшебный Адальир...

— Ясно, — девушка в ответ сонно кивнула и всем сразу стало ясно, что ей ничегошеньки не ясно.

— Собираем вещи и двигаемся, пока солнце ещё не совсем поднялось, — подытожил Фариселл. — Дартгроты снова поднимутся в воздух, только когда солнце войдёт в зенит, — добавил он, поясняя свою спешку. — До этого времени нам нужно как можно дальше углубиться в чащи Кэльвиарона, туда они, как вы сами могли вчера убедиться, залетать опасаются.

— Они что, на солнечных батареях? — попытался пошутить Авельир, но никто почему-то не оценил его остроумия, и не улыбнулся, наверное, вспомнив вчерашнее сражение.

— Ночью вся долина, насколько хватает взгляда, была усыпана точками костров, — Дэльвьир обвёл рукой округу, указывая на места ночных стоянок герддронов. — Они тут все леса произведут на отопление! — парень был явно недоволен.

— И всё-таки мне невдомёк, почему Даркфлесс прислал сюда столько войск, — сказал Фариселл, как заправский пёс, неистово почёсывая за ухом. — Всё это очень странно, очень странно, — повторил он, — я впервые не знаю, что и думать!

Авельир сделал понимающее лицо и покивал, сам продолжая коситься на Алёну уже с нескрываемой симпатией. Девушка заметила это и смущённо отвела глаза, Авельир незаметно усмехнулся.

— Ладно болтать! Двинули! — скомандовал Фариселл, поднимаясь и закидывая рюкзак на плечо.

Вавилонцы быстро собрали свой небогатый скарб и двинулись по открытой части склона вдоль стройных рядов золотистых деревьев, похожих на сосны, которые растут на морском побережье. Эти стройные великаны росли достаточно редко, на большом расстоянии друг от друга, местами образуя плотные скопления — рощи, а местами и вовсе отсутствовали, отчего лес выглядел прозрачным и искрящимся среди солнечного света, который легко проникал в кружевные кроны и самые дальние его уголки.

Пройдя какое-то, не очень большое расстояние, Фариселл, ведущий отряд, вдруг остановился. Он присел, одним коленом коснувшись песчаной земли, и провёл по ней ладонью, словно следопыт, изучающий тайную тропу.

— Что там? — немного взволнованно спросил Дэльвьир, заглядывая ему через плечо.

— Вот, — Фариселл собрал с земли какую-то рассыпанную шелуху и продемонстрировал её остальным. — Что это такое?

— Похоже на плевелы какого-то растения, — пожал плечами Дэльвьир.

— Наверное, это остатки от обмолоченного зерна, — обрадовался Авельир. — Их здесь так много, возможно, где-то рядом молотильня или мельница, а, значит, поселение! Мы сможем там пополнить запасы провизии и воды.

Алёна заулыбалась, её уже давно волновал вопрос, что они будут есть и пить, ведь она видела, как её спутники накануне опустошили свои рюкзаки.

— Не думаю, — покачал головой Фариселл. — Скорее, уходим отсюда!

Фариселл побежал, и все бросились за ним. Минут десять они неслись, сломя голову, по склонам, потом Фариселл сделал жест рукой, призывая остановиться. Он спрыгнул в сторону с еле заметной тропы и, ещё немного пробежав, остановился на глинистом склоне возле больших серых камней.

Авельир, Алёна и Дэльвьир поспешили следом.

— Да что произошло-то?! — нервно воскликнул Авельир, когда они наконец остановились.

Фариселл несколько раз окинул округу пристальным взглядом, словно что-то высматривая.

— Да что такое-то? — Дэльвьир потихоньку начал тянуть свой меч из ножен.

— Я слышал легенды о здешних лесах, я уже говорил об этом, — Фариселл понизил голос.

Все затихли, ожидая, что Фариселл станет рассказывать какую-нибудь древнюю историю.

— Говорят, — продолжил низкорослый рыцарь, — что здесь водятся драконы, — он обвёл собравшихся многозначительным взглядом. — Древесные драконы, но не те, — упредил он собиравшегося раскрыть рот Авельира, — которые живут на деревьях в Зирвельдоне, а те, что, по рассказам старожилов, сами сделаны из дерева и размером с огромную сосну.

— Это как?! — испугалась Алёна.

— Эти чешуйки, которые мы нашли на тропе, очень похожи на те, что оставляют эти твари. Иной раз путники принимают их за отвалы шелухи обмолоченных зёрен, как Авельир, вот я и вспомнил об этом, услышав его слова.

— Лес здесь совсем не глухой, — возразил Дэльвьир. — Я бы даже сказал, прозрачный как горный хрусталь, где здесь спрятаться такому большому дракону?

— Древесные драконы не живут в лесах, они там растут...

— В смысле?! — с ошеломлённым видом спросил Дэльвьир, которому ещё не доводилось слышать про такое.

— Они растут из земли, подобно деревьям, но на самом деле это драконы. Как росянка, знаешь? — Фариселл попытался показать ладонями хлопающие створки хищного растения.

— Ну, вроде, видел, — кивнул Дэльвьир.

— Или как Карльинский сиаорт, растущий в лесу Кэльвиара.

Авельир поморщился, как будто сам часто общался с этим растительным хищником.

— Они очень опасны, — продолжил низкорослый рыцарь, — но только в пределах определённой территории, той, где произрастают, и ещё той, докуда позволяет дотянуться их шея. Он выслеживает своих жертв с высоты, раскачиваясь подобно дереву, а когда путник проходит слишком близко, дракон стремительно бросается сверху, вонзает клыки в землю и разом проглатывает разиню.

— И что мы собираемся с этим делать? — Авельир воткнул свой чёрный как ночь меч в землю и опёрся на него обеими руками.

— Будем пробираться вдоль обрыва, идти там, где меньше деревьев, иначе путешествие может стать весьма опасным! — Фариселл многозначительно покивал головой, стараясь этим движением добавить весомости сказанным словам.

Так и решили. Они долго шли по лысой стороне склона вдоль самой кромки обрыва, под которым пушистым ковром расстилался изумрудный лес, и дорога вроде бы не была такой уж сложной, но вскоре отряд упёрся в высокую скалу из чистого белого камня, похожего на каррарский мрамор. Горный выступ был довольно высок и широк, чтобы вот так запросто обойти, а гладкие, как зеркало глади кристального сооружения не оставляли никакой возможности перебраться через него.

— Пряма, какой-то мини-Кайлас! — заметил Дэльвьир. Ему в своё время довелось побывать на Тибете и полюбоваться на это чудо света собственными глазами.

— Придётся всё-таки идти через лес, — нехотя констатировал Фариселл, — несмотря даже на то, что мы можем встретиться там с древесными чудовищами.

— Но мы можем отклониться от курса только на немного, и сразу за утёсом вернёмся на прежний путь, — предложил Дэльвьир. — Тем более что мы ведь не "крестьяне", а истинные воины Вавилона, будем пристальнее присматриваться к кронам, следить за каждым движением в листве... — следует пояснить, что "крестьянами" вавилонцы именовали тех, кто не знал о существовании Адалыра, а лишь играл в него.

— Тем более что раз никто из нас ранее не слышал об этих тварях, кроме тебя, Фариселл, — добавил Авельир, — то, может статься, что это всего лишь городские легенды местных обитателей, чьё воображение, как и у всех прочих лесных жителей, населяет округу самыми невероятными существами.

— А вдруг они там взаправду есть! — встревожилась Алёна. — Может, всё-таки, не стоит так рисковать?

— Но ведь и назад нам идти, смысла нет, там армии Граса Даркфлесса, Визиронти Шэугкан, — Дэльвьир развёл руками. — Я ещё раз вам говорю, мы ж не сосунки какие, прорвёмся!

— Ну, так что мы решаем? — деловито спросил Авельир. После вчерашней истерики ему хотелось поправить свою репутацию в глазах Избранной, поэтому он изо всех сил старался делать серьёзно-озабоченный вид, по правде сказать, немного переигрывая.

— Дэльвьир прав, — вздохнул низкорослый рыцарь. — Придётся идти через Драконий лес.

Все посмотрели в сторону высоких кружевных деревьев, раскачивающихся на приятно освежающем ветру горных вершин. Авельир аккуратно поправил свои длинные волосы, убрав их с лица, и задумчиво приложил палец к кончику носа, вероятно, оценивая риск нового маршрута, предложенного товарищами. Конечно же, больше всего готического рыцаря беспокоил вопрос безопасности полюбившейся спутницы.

Страна древесных драконов

Лес, через который они шли, не выглядел пугающим. Слева высокие мачты сосен, справа склон, поросший молодыми деревцами и горный перевал, а за ним прекрасный вид душистой долины, полной цветов и благоуханных ароматов. Дальше лежали ещё не до конца проснувшиеся горы Малого Свиреаля, последний зеленеющий хребет, поросший благодатным лесом, пред жёлтой пустошью С'аррусовой равнины. Отсюда могло показаться, что дальше ничего нет, что за той горой кончается Адалыр, и лишь в самой голубой и далёкой дали, выше тумана виднелись, а скорее, едва угадывались вершины Армильд, подтверждающие бесконечность сего мира.

Вскоре на пути показались овраги, пересекающие склон. Снова требовалось сворачивать вправо и углубляться в заросли. Все старались ступать тихо, и всё время прислушивались к поющему ветру и раскачивающимся на ветру величественным деревьям.

— Смотрите! — воскликнул Авельир, указывая рукой куда-то в сторону.

Отряд остановился и все обернулись: вниз уходила изрядно заросшая травой тропинка, которая шла через небольшую долину, напоминающую след от чьей-то огромной ноги, к противоположной её стороне, где возвышались почти отвесные склоны гор, укрытые богатыми лесами. Местами тропинка терялась в зарослях кустарника, но вскоре вновь очерчивалась на дне долины, позволяя невооружённым взглядам наблюдать себя.

Создавалось впечатление, будто тропу сознательно забросили, чтобы скрыть подход к селению, но, пока прошло ещё недостаточно времени, и путь сохранялся. На дальнем краю долины виднелась роща, которая, очевидно, располагалась у самых склонов гор противоположной стороны, а из-за рощи тянулись полупрозрачные хвосты дыма.

— Там какое-то поселение, — догадался Дэльвьир.

— Дружественное или нет, как ты думаешь? — спросил Фариселл. — Я здесь мало кого знаю из населяющих округу существ и народов.

— Согласно той карте Адальира, которую я наблюдал в сети, — начал Авельир тоном знатока, — здесь нет недружественных жителей за пределами Фаллен-Граунда...

— От границ которого мы уже удалились миль на пять, — добавил Дэльвьир.

— Значит, пойдём в деревушку? — уточнила намерения вавилонцев Алёна.

— Ну, давайте, — опять нехотя согласился Фариселл. — Возьмём провизии, может быть ещё, что полезное найдём...

— Ой, а есть-то, как хочется! — подхватила идею проголодавшаяся Алёна.

Они свернули с главной тропы и углубились в приземистые заросли, произрастающие на дне долины.

— Хорошее место выбрали, чтобы поселиться! — сказал Авельир. — Завидую!

— Почему это? — удивилась Алёна.

— Это самое благодатное место на этой стороне гор, и в плане плодородья и в плане погоды, — ответил Авельир, вдруг, воодушевившись.

Алёна удивлённо поглядела на него, не понимая, чего это он так развеселился.

— Авельир любит бывать в местных деревеньках, — наклоняясь к Алёнину уху, с улыбкой, прокомментировал Дэльвьир. — Гот из него явно некудышний, скорее деревенский эмо...

— На себя посмотри, — отозвался Авельир. — Не забывай о том, что я всё слышу! Уши-то у меня лучше твоих.

— Да, я ж совсем забыла про твоё суперухо! — Алёна улыбнулась.

— Да, у меня всё супер, все чувства в сотню раз сильнее, чем у прочих. Ну а в Адальире они обостряются ещё сильнее.

— Здорово! — неподдельно восхитилась девушка.

— Это, как и наше оружие, — добавил Дэльвьир, ступающий сзади. — Видела, как Авельир врезал Визиронту? У того аж забрало надвое развалилось, простой меч его броню не взял бы...

— И чем сильнее духовно его владлец, тем мощнее и оружие, — добавил Фариселл.

— Проблема в том, что не каждый готов верить в чудеса, причём долго верить и не получать никаких подтверждений, это не просто. А всё дело именно в этом, в вере в свои способности, в вере в себя! — Авельир развёл руками

— Но я-то ни во что не верила, — возразила Алёна. — Почему же Силий решил, что я какая-то там избранная? На реке я вдруг ощутила какую-то энергию, но сейчас от неё и следа нет.

— Это ничего. Самое удивительное, что ты сразу восприняла связь миров, — задумчиво пробормотал Фариселл. — У иных уходят годы, а тут сразу! Возможно, Силий прав, и ты действительно избранная.

— А откуда ты знаешь, что восприняла? — удивилась Алёна. — Из чего сие следует?!

— Иначе ты просто не перенеслась бы с нами, — просто ответил низкорослый рыцарь.

— Как с вами? — изумилась Алёна. — А разве ты переносился? Я тебя там не видела.

Фариселл открыл рот, чтобы что-то ответить, но не успел, потому что Авельир ликующим возгласом прервал разговор:

— Смотрите, поселение!

— Действительно, — Дэльвьир замедлил шаг. — Деревушка, точно Гленнвудская!

— Нет, это не дома... — неуверенно протянул Авельир.

Деревушка вэльмов

Отряд вошёл в небольшую ложбину, вокруг которой, под раскидистыми ветвями деревьев-великанов скрывались округлые строения, напоминающие огромные грибы. У некоторых вокруг ножки было по несколько этажей с плетёными ограждениями. Водопадом спадающие с деревьев и конусовидных крыш цветущие гирлянды плюща, прирастали у основания домиков, надёжно скрывая их. Архитектура здешних жилищ чем-то смахивала на Ревельерт, но и немного отличалась от неё.

Долина воронкой сходилась к центру, где в заметной низменности располагалось нечто, напоминающее каменную жаровню, закрытую сверху. Под каменным сводом этого сооружения то и дело проблёскивали язычки пламени, указывая на горящий в ней огонь.

По поселению с деловитым видом блуждали странные существа, покрытые пушистой белой шерстью, и напоминающие оживших плюшевых мишек. Шерсть их шелковистая аж сверкала, столь белоснежной она была.

Существа занимались каким-то своим делом, и, казалось, не обращали на пришельцев абсолютно никакого внимания. Несколько существ следили за огнём, раздувая жаровню через специальное отверстие большими мехами, двое на другой стороне поселения копались в посадках, собирая плоды с каких-то кустов и так далее... Вся долина была заполнена этими неспешными белоснежными существами, и каждый занимался своим делом. Отовсюду доносились уютные звуки работающих рук, постукивание молотка, потрескивание огня и посвистывающие мелодии каких-то странных музыкальных инструментов. И Авельир, специально изучающий Адальир каждую свободную минуту своего драгоценного времени, сразу же понял, кто перед ними.

— Неужели они ещё остались?! — неосмотрительно воскликнул он.

Заслышав голос человека, существа "испарились" буквально за мгновение. Долина вмиг опустела, и все звуки стихли. От царящей здесь ещё минуту назад идиллии в момент ничего не осталось, даже птицы затихли.

— Что ты наделал?! — укоризненно воскликнул Дэльвьир. — Распугал всех своими воплями!

— Да ведь это же вэльмы! — растерянno попытался оправдаться Авельир. — Я-то думал, их давно всех извели!

— Вэльмы? — удивилась Алёна. — Кто их извёл?

— Tradidit mundum disputationibus![1] — задумчиво произнёс Дэльвьир.

— Дэльвьир сказал, что споры погубили мир, — пояснил латынь Фариселл. — Но это отдельная история.

— А кто они, откуда?

— Сейчас покажу! — обрадовался Авельир. Он побежал по деревушке, заглядывая в домики и криком призывая жителей показаться, но, увы, они, очевидно, не были

расположены доверять готу.

— В определённой мере он меня иногда очень утомляет, — посетовал Дэльвьир, с удручением глядя на бегающего по деревушке Авельира.

— Я тоже хочу посмотреть! — Алёна вдруг сорвалась с места и побежала вслед за готом, надеясь отыскать-таки этих странных вэльмов.

Дэльвьир только тяжело вздохнул, и эта туда же!

Она была просто в восторге от увиденного здесь. В странной деревушке неведомых существ сразу же позабылись все тревоги и волнения минувших дней. Пугающие образы фаворитов Даркфлесса, что каменной стеной стояли на переправе, сменили резные листочки чудесных растений, подобно косам свисающие с крыш. Усталость от долгого похода унёс с собой свежий ветерок, а страхи растворились в журчании ручьёв, что резво бежали где-то в глубине окрестных зарослей.

Алёна робко зашла в одно из строений, похожее на тибетскую пагоду, которое напомнило ей игрушечные домики в парке развлечений, где она бывала ещё совсем ребёнком. И теперь она что-то увидела, вернее не увидела, а почувствовала, и медленно-медленно подняла взгляд: а над ней, вцепившись в деревянную перекладину, за плетёным навесом висело одно из тех самых белоснежных существ. Алёна невольно рассмеялась. Она протянула руку и попробовала дотронуться до незнакомца, но тот только спешно ретировался, ускользнув по качающимся конструкциям вглубь домика.

— Нашла одного! — радостно воскликнула девушка.

— Да, выходите же вы, мы мирные путники и не сделаем вам дурного! — громко заверил Дэльвьир, приложив, сложенные рупором руки, к губам.

— Стоп! — воскликнул Авельир, и прислушался. Откуда-то из леса доносился еле различимый звук, напоминающий современную танцевальную музыку. — Вы это слышали?!

Дэльвьир с Фариселлом переглянулись и пожали плечами, их слух был гораздо слабее, чем у Авельира. Авельир перевёл напряжённый взгляд на Алёну:

— А ты? — спросил он, почему-то решив, что Избранная непременно должна была это слышать.

Алёна в ответ помотала головой.

— А что ты имеешь в виду? — почему-то шёпотом поинтересовалась девушка.

— Я слышу странный звук...

— На что похожий? — по привычке Дэльвьир сразу потянулся к рукояти меча.

— Не знаю, — Авельир на мгновение задумался. — Не поверишь, — рассмеялся он, — как будто за лесом рэйв играет! Но откуда здесь Ди-джеи?!

— Это последствия общения с Шэугканом, — Дэльвьир озабоченно взглянул на Авельира. — Он, негодяй, мало того, чуть меня не зашиб, — парень потёр рукой повреждённое в сражении плечо, — так ещё и другу Авельиру ум за разум завёл!

— Тебе, наверное, померещилось, остаточные иллюзии мира Земли, — Фариселл понимающе покивал, он-то знал, как трудно порой бывает отличить один мир от другого, особенно, если они так похожи между собой, как Земля и Адальир.

— Как же нам объяснить вэльмам, что мы просто хотели купить у них немного провизии? — спросил Дэльвьир. — Ведь так мы и их напугали и сами останемся не у дел, Авельиру, вон, уже звуки рэйва мерещатся от голода.

— В древнем Георальде символом дружелюбия служил меч, воткнутый в землю, —

сказал Фариселл на ухо Дэльвьiru. — Если воин втыкал меч посреди двора своего противника, это означало, что он отказался от вражды и более не будет воевать.

— Думаешь, это сработает? — Дэльвьир скептически скосился на низкорослого рыцаря.

— Пойди, попробуй! — Фариселл подкрепил слова утвердительным кивком.

Дэльвьир прокашлялся, поправил сползший пояс, ещё раз взглянул на Фариселла с недоверием, и стал спускаться к центру деревни. Подойдя к жаровне, огонь в которой, к слову сказать, уже практически потух, он резко выхватил меч и, припав на одно колено, мастерским движением вогнал его в землю до половины. Затем он медленно выпрямился и осторожно огляделся, при этом невольно втягивая голову в плечи и пригибаясь, словно ожидая подвоха или атаки стрелами. Сперва вокруг было тихо, а после из кустов и из-за больших деревьев со всех сторон на лужайку стали боязливо выходить белые пушистые существа. Росту в них было немного, самый высокий, казалось, не дотягивал и до метра.

— Это не вэльмы, — сказал Дэльвьир, прикрыв рот рукой, и скосился на Авельира. — Те должны быть побольше!

— Возможно, это какие-то их далёкие родичи, — в ответ предположил Авельир.

Увидев, что сородичи покинули укрытие, тот вэльм, что прятался под потолком в лачуге, ловко спрыгнул на пол и встал подле Алёны. От неожиданности девушка взвизгнула и шарахнулась назад. Так бы она и вывалилась из домика, если бы не упёрлась спиной в ограждение. Вэльм, замерев на месте, долго разглядывал гостью своими большими голубыми глазами, словно не понимал, что это за странное существо стоит перед ним. Тем временем, остальные вэльмы в центре деревни обступили Дэльвьира и Авельира плотным кольцом.

— Мы их языка не знаем, — сказал Авельир, пятясь. — Вот ведь незадача, какая!

Фариселл сбежал к центру долины, вэльмы расступились, пропуская его к друзьям, и вновь сомкнув ряды, начали с интересом наблюдать и за ним тоже. Фариселл порывлся в кармане накидки, и, что-то вынув оттуда, подбросил это в воздух. Всех собравшихся осыпало искрящейся пылью, как будто бы над ними пролетела сразу тысяча фей Телльменторрета.

— Языковая магия! — сообразил Авельир. — Думаешь, эта пыль поможет нам лучше понимать друг друга?

— Конечно, поможет! — ответил самый высокий вэльм, одетый в расшитую узорами тунику, низким поскрипывающим голосом. — Ваш друг, очевидно, посвящённый, раз владеет порошком знаний.

— Говорящий вэльм, с ума сойти! — воскликнул Авельир.

— Да нет, я просто долго жил в Илвергленне, а там часто бывают проездом разные маги, волшебники... — поскромничал Фариселл. — Они такие хвастуны! Всегда можно выпросить что-нибудь из их магического арсенала.

— А кто вы, и куда путь держите? — вновь спросил вэльм.

Алёне, на которую не попал чудодейственный порошок, со стороны казалось, что все участники беседы, и вэльмы, и её друзья из Вавилона говорят на каком-то странном языке, из которого она не могла даже вычленить отдельного слова, не то что догадаться о смысле сказанного. Это звучало даже не как речь, а, скорее, как странная мелодия, сотканная из стеклянных звуков виброфона, если вам доводилось слышать этот чудесный инструмент, и трелей флейт. Вряд ли голосовой аппарат какого-нибудь существа может производить подобные звуки.

— Мы всё расскажем, — пообещал Дэльвьир. — Только, пусть сперва Фариселл

наделит даром и нашу спутницу, а то, как-то неловко, ведь она не понимает, о чём мы говорим!

— Это будет разумно, — одобрил вэльм. — А вы, — обратился он к соплеменникам, — продолжайте заниматься своими делами. Эти люди заземлили мечи и, значит, пришли с миром.

Алёна тем временем уже практически подружилась с новым знакомым.

— Я думаю, ты не понимаешь, что я тут болтаю, — говорила она со смехом, восхищённо разглядывая "ожившую куклу", — но ты, сам того не зная, так похож на медведика, который был у меня в детстве! Правда, у того шерсть была не такая белая и искорок в ней голубых как у тебя тоже не было!

Набравшись храбрости, Алёна затаила дыхание, и, наконец, решилась: протянула руку и осторожно дотронулась самыми кончиками пальцев до правого уха существа, полукругом выступающего из шерсти чуть выше огромных голубых глаз. Вэльм, как ни странно, не испугался, а напротив, взял Алёнину руку и заинтересованно начал разглядывать, потирая её гладкую поверхность своим мохнатым пальцем с длинным перламутровым когтем. Затем этот белый пушистик, в свою очередь осторожно протянул лапку и коснулся Алёниного носа. Девушка чуть вздрогнула, но улыбнулась, почему-то её очень растрогал этот жест незнакомого существа. Вэльм улыбнулся ей в ответ и дотронулся до своего носа, вероятно, совершая, принятый у них, обряд знакомства. Неожиданно странный зверёк зевнул, на мгновение, продемонстрировав довольно большой рот, ранее скрываемый в густой белой шерсти. При этом движении те голубые искры, что были "рассыпаны" по его мордочке спешно "растеклись" ото рта к щекам, образовав сияющие скопления. Внутри пасти вэльма сверкали четыре ряда острых как иглы зубов серебряного цвета. Теперь Алёна сама немного испугалась, ведь такими зубками "игрушка" легко могла бы откусить всю руку. Алёна попятилась назад, перебирая пальцами по перилам, нащупывая дорогу к выходу. Развернувшись в дверях, девушка столкнулась с низкорослым рыцарем. Фариселл щедро обсыпал её волшебным порошком и, усмехнувшись, заглянул ей в лицо.

— Ну, как ощущения? — спросил он несвойственно игривой интонацией.

У Алёны зашумело в ушах, все звуки окружающего мира слились в единую мелодию, которая постепенно наполнила всё её тело умиротворением и какой-то волшебной благодатью. Затем мелодия стала распадаться на отдельные звуки, дифференцироваться и упорядочивать их. Через мгновение, слух Алёны вновь наполнился всей гаммой птичьих трелей, шелестом листвы, журчанием ручья, голосами её друзей и насвистыванием ветра в высоких кронах. Но теперь к уже знакомым звукам добавился целый рой новых голосов, они доносились со всех краёв долины, и, о, чудо! Она понимала всё, о чём говорили эти странные существа вэльмы, словно прожила рядом с ними не единый год!

От избытка новых ощущений Алёна зажмурилась, и мотнула головой, ей показалось, что она сейчас оглохнет, но этого не произошло. Когда она вновь открыла глаза, то всё было, как прежде, только теперь и она могла понимать язык вэльмов.

— А я всегда думала в детстве, как это — ощущать волшебство? — протянула она задумчиво.

— Ну, и как? — улыбнулся подоспевший Авельир.

— Как будто долго на компе играла, голова гудит, хотя... — она прищурилась, прислушиваясь к себе. — Нет, сейчас уже нормально! И теперь я смогу и говорить как они?!

— Теперь ты сможешь понимать много языков этого удивительного края, — пообещал

Фариселл. — Но акцент, конечно, останется, ведь у них четыре ряда зубов, а не по два, как у нас с тобой. Хочешь спросить о чём-нибудь своего нового знакомого?

Алёна обернулась к вэльму, стоящему внутри домика.

— Простите, вы кто? — неуверенно пробормотала она, обращаясь к странному белоснежному существу.

— Я — Тор из племени вэльмов, а ты? — спокойно отозвался чудесный зверёк.

— Я, это... — Алёна запнулась на полуслове, ей вдруг стало жутко смешно от странности ситуации. Она внезапно осознала, что находится в параллельной реальности и заводит непринуждённую беседу с маленьким белым медвежонком, смахивающим на ожившую игрушку из супермаркета детских товаров, да ещё и овладела по воле волшебства новым языком за одну секунду, не посещая курсов и не читая умных книжек. Вы и сами, наверно, знаете это чувство, когда мы вдруг очень остро ощущаем, что находимся именно здесь и именно сейчас, и тогда реальность становится как бы выпуклой. Все предметы кажутся какими-то ирреальными, словно мы впервые здесь оказались и всё необычайно удивляет нас своей явностью и удивительной простотой.

— Мы прибыли издалека, — уклончиво ответил за неё Дэльвьир.

— Вы посланцы Кэльвиара? — предположил Тор, прищурившись.

— Конечно! — подтвердил вэльм, с которым они говорили минуту назад. — Я сам читал о них в старинных книгах.

— В каких книгах? — удивился Авельир, который узнал об Адальире всего пару лет назад, и не мог предположить, что отряд Брелова стал столь известным за столь короткий срок.

— Не забывай, что время здесь движется иначе, — поняв сомнение друга, шепнул Дэльвьир. — Я уже встречался с такими вещами в Адальире.

Фариселл обернулся к парням и усмехнулся.

— Да нет, друзья, — сказал он им, — просто все рекруты Вавилона носят такую же одежду, как и древние воители, боровшиеся с Т'эраусом на заре времён.

Дэльвьир пристыжено отвёл взгляд, попытавшись, впрочем, сделать вид, будто он сам это знал. А как хотелось побыть сверхизвестным воином, о котором уже слагают легенды. Фариселл тем временем обратился к вэльмам, снова обступившим их кругом.

— Вы приняли нас за других, — пояснил он. — Но мы продолжатели их благородного дела, и надеемся, что вы будете считать нас друзьями.

По рядам вэльмов прокатился шум оживлённых обсуждений. Казалось, что, несмотря на волшебство, они всё-таки плохо понимают речь иноземцев, насчёт акцента Фариселл оказался прав.

— Чувствуйте себя, как дома! — наконец изрёк высокий вэльм. — Я — старейшина общины и зовут меня Тэльт, можете располагаться у очага нашего племени, — гостеприимным жестом своей белой лохматой лапы он указал на каменное сооружение в центре полянки с вновь раздуваемым огнём.

Фариселл почтительно склонился, приложив руку к груди. Это был жест уважения и благодарности, понимаемый во всех уголках чудесного Адальира.

К вечеру они уже совсем обжились в маленьком селении. Вэльмы оказались очень гостеприимными хозяевами, дали путешественникам провизию, молоко, какие-то до жути вкусные ягоды, большую тыкву и даже немного сыра, который, как оказалось, в этих краях

считался деликатесом. Вкус его не походил на обычный сыр, к которому привыкли мы с вами на Земле, он был немного кисловатым и вязущим, но оттого не менее вкусным. Лагерь разбили под большим раскидистым дубом, как раз между двух вэльмских домов, среди гирлянд хмеля и плюща. Здесь, у подножья дерева, вавилонцы поставили импровизированную палатку из какой-то сверхтонкой материи светло-зелёного цвета, которая была очень лёгкой, но чрезмерно прочной и должна была хорошо сохранять тепло, а на выступающих из земли корнях устроили постель для своей спутницы, чтобы она не замёрзла ночью. Сами-то парни были привычно ко всяким походным условиям и могли спать прямо на земле, как прошлой ночью на входе в Кэльвиарон.

Как оказалось, ко всему здесь имелся ещё и Карльинский сияорт, хищно разинувший свои зелёные створки у подножья одного из домов, и готовящийся проглотить какое-нибудь небольшое животное. К всеобщему удивлению, выяснилось, что вэльмы совершенно не боялись этого опасного растения.

— Он здесь не больше ладони вырастает, а, как известно, это умное растение никогда не попытается взять в рот больше, чем сможет проглотить, так, что вам нечего его опасаться, — пояснил Тор, сделавшийся по приказу старейшины их гидом и проводником по долине.

— Почему ты сказал им, что мы продолжатели дела вавилонцев, а не сами эпические герои? — удивился Авельир.

— Вэльмы остро чувствуют ложь, их, если верить древним сказаниям, невозможно обмануть, — пояснил свой поступок Фариселл. — Вряд ли мы что-нибудь выиграли бы, соврав, но, зато, наверняка, вызвали бы к себе недоверие.

— Так кто же эти вэльмы и почему ты так удивился, увидев их? — Алёна повернулась к Авельиру.

— Это один из народов, уничтоженных Гиртроном, но было это очень давно, — начал рассказывать Авельир. — Завоевав Георальд, Гиртрон не знал, как одолеть вэльмов, живущих восточнее на южной стороне Векового Свиреаля, и тогда он придумал: расселил гирльдов на земли Вэльмвельдона и перемешал их с вэльмами. Вэльмы были тогда очень большими и оттого медлительными, они любили поспать, работали хоть и добротнo, но неспешно. А вот гирльды наоборот всё время сустились, бегали с места на место, таская вслед за собой тюки с товарами. В конце концов, никто из них так и не смог примениться к соседям, и оба великих народа сначала утратили самобытность, а после и вовсе вымерли. Я и удивился, как, если бы, скажем, встретил живую Стеллерову корову...

— Грустная история, — заключила Алёна. — Хитрец ваш Гиртрон, и почему его никто не может одолеть!

— Трудно сказать, — Авельир развёл руками. — Есть масса легенд о том, кто повергнет чудовище Свиртенгралля, но пока все они остаются только несбыточными мифами.

— Не мифы изучать надо, а собственными руками добиваться требуемого! — безапелляционно заявил Дэльвьир и направился в сторону палатки.

В чём-то он был, конечно, прав, но и мифы нужно знать тоже, ибо, без Божьего проведения одними руками пользы мало добьёшься.

Когда совсем стемнело, Алёна выбралась из-под импровизированного навеса и приблизилась к Дэльвьиру, что сидел неподалёку, наблюдая танцующее пламя костра.

— Слушай, а как тебя зовут? — спросила Алёна, присаживаясь рядом на траву.

— Дэльвьир, — отозвался бородач и усмехнулся.

— Нет, ты меня не понял, я помню... — начала Алёна, но Дэльвьир не дал ей договорить.

— Да, ладно, — махнул он рукой. — Не переживай, меня все переспрашивают, просто трудно сразу запомнить такое слово.

— Да нет же, я спросила про настоящее имя, — пояснила девушка. — Как тебя зовут на самом деле?

Дэльвьир удивлённо поглядел на Алёну и на мгновение замешкался:

— А это важно? — он искренне удивился, обычно это мало кого интересовало. — Борис, Борис Сталеваров, — представился он, одновременно сбрасывая рукой капюшон назад и приглаживая богатую шевелюру.

— Хорошее имя! — Алёна улыбнулась. — А, почему псевдоним такой "Дэльвьир", что это значит?

— Ну, это из древней мифологии Адальира, — Дэльвьир вынул меч, и принялся точить, его, затупившийся в битве с Шэугканом, клинок. — Дэльвьир был третьим сыном Готрорна, который победил неборимого великана Лемерона на заре эпох, но это достаточно долгая история, — парень задумчиво поглядел в темнеющую лесную даль взором истинного философа-рассказчика. — Если захочешь, я когда-нибудь расскажу тебе этот героический эпос.

— Слушай, Дэльвьир, можно я тебя и дальше буду так называть?

— Конечно! — Дэльвьир улыбнулся.

— Дэльвьир, а, ты не знаешь, — начала Алёна, — что это может быть, помнишь, мы, когда были в трактире...

— В Гленнвилле или у зарльсов? — уточнил Дэльвьир.

— Ну, да, в Гленнвилле. Там я видела вроде как бы грозу, но без молний, понимаешь? — девушка взглянула Дэльвьиру в глаза.

— Не совсем, — честно признался растерявшийся парень. Ему очень не хотелось показаться мало знающим, лучше бы было, конечно, блеснуть эрудицией! Поэтому, ожидая новых вопросов, он сильно нервничал, хотя и старался не подавать виду.

— Там была грозовая туча, вот только молнии были внутри облака, а снаружи ничего. Что это такое?

Дэльвьир понимающе кивнул, было видно, что он внезапно догадался, о чём говорит Алёна.

— Ты видела кусочек волшебства, — туманно начал он.

— То есть как?

— Ну, это, — Дэльвьир сделал руками в воздухе неопределённый жест, — как бы тебе объяснить? — он в раздумьях почесал бородку. — Это называется пространственный трансферт, или, как говорят некоторые "обобратить Зевса".

— Почему? — удивилась девушка.

— Ну, потому что пространственный трансферт совершают чаще всего, используя именно молнию. Ну, вот представь, где-то гремит гром, идёт гроза, а молний нет, ты сама это видела, понятно?

— Ну, — Алёна кивнула.

— Чародей может, как бы переместить молнию, то есть он перемещает следствие, а

причина, то есть грозовой фронт, и статика остаются на прежнем месте. Ты видишь тучи, льёт дождь, гром гремит, а молнии в это время беззвучно и неуловимо валяются на землю прямо с чистого неба где-нибудь в совершенно другом краю Адалыра, — Дэльвьир вновь пригладил рукой непослушные волосы и посмотрел на Алёну, пытаясь догадаться, поняла его девушка или же нет. — "Обобрать Зевса"! Теперь ясно?

— А, скажем на Земле, ну в нормальном мире, — продолжала расспрашивать Алёна, на этот раз рассмешив Дэльвьира словом "нормальный". — Там, у нас можно делать такие штуки?

— Конечно, — Дэльвьир уверенно кивнул. — Можно и через миры переносить явления.

— А это ещё как? — Алёнино лицо сделалось серьёзным и внимательным.

— Легко! — непринуждённо воскликнул Дэльвьир. — Но только это уже будет межпространственный трансферт, и надо быть чародеем большой силы, чтобы творить подобные явления. Межпространственное перемещение явлений неминуемо приводит к дисбалансу, поэтому, забирая, скажем молнию из мира Земли, творящий заклинание должен возратить на её место что-нибудь равнозначное по энергии...

— Например?! — Алёну явно заинтересовал рассказ бородача-вавилонца.

— Ну, ты же видела звездопад?

— Видела, — подтвердила Алёна. — А как это связано?

— Не все падающие звёзды это звёзды, — Дэльвьир лукаво ухмыльнулся.

— Ой, только вот не надо меня подлавливать! — Алёна махнула рукой. — Знаю я, что это метеориты, сгорающие в атмосфере от трения! Неужели я так наивно выгляжу?!

— Нет, — нарочито оживлённо запротестовал Дэльвьир, — что ты! Я просто пошутил, но только про звёзды, а не про звездопад, — добавил он. — Так вот, если чародей почувствует своим внутренним зрением, что где-то родился нужный ему по мощности электрический разряд, он тотчас перемещает его в нужное себе место. А на Землю посылает заменяющий эквивалент, чем часто становится звёздная пыль, или просто сгусток равноценной энергии, маскируемый под падающую звезду.

— А зачем такие сложности, если можно взять молнию в своём мире? — не поняла Алёна.

— Понимаешь, не всегда есть молния столь сильная, сколь нужна она заклинателю, вот и приходится перемещать из соседних миров, хотя, честно сказать, я сам плохо понимаю принцип действия трансферта и всю технологию в целом, — неожиданно признался Дэльвьир. — Я хорошо орудую мечом, но в вопросах стихий и управления ими я довольно-таки слабоват!

— А Силий, он может управлять стихиями, да? — Алёна снова пристально посмотрела Дэльвьиру в лицо.

— Не совсем так, — уклончиво ответил тот, сам плохо понимая, как Силий общается с волшебством.

— Но я сама видела, как он совершал чудеса! Оживил таракана, например, значит, он может управлять окружающим миром!

— Я тоже сперва так думал, — Дэльвьир снова задумчиво почесал свой заросший густыми волосами подбородок. — Но Силий утверждает, что ничем не повелевает. Он говорит, что просто вливается в естественный ход мироздания и всё само начинает делаться так, как нужно.

— Как нужно ему?

— Ты лучше у Силия спроси! — Дэльвьир рассмеялся. — Это всё так трудно для понимания, он говорит, что всё всегда происходит так, как нужно для блага всех, что есть только безграничная любовь и благодать, и наша цель не мешать этой доброй силе, тогда всё станет правильно.

— Так Руссо говорил... — подметила Алёна.

— Жан-Жак? — уточнил Дэльвьир.

— Вроде, — Алёна кивнула, — да-да, именно он, говорил, что достаточно убрать всё дурное и добро возникнет само собой, как естественный ход вещей.

Дэльвьир вопросительно поглядел на девушку, казалось, он не совсем понял сентенцию Руссо.

— Нам на философии ещё в институте читали, — пояснила Алёна.

— Да к тому же, — Дэльвьир вновь заговорил о том, с чего они начали, очевидно, ему нравилось просвещать Избранную в столь сложном для неё и простом для него вопросе, — знаешь ли, молнию трудно создать, легче взять уже готовую, это, так сказать, простой путь.

— А сложный? — продолжила расспрашивать Алёна, ведь её здесь всё так интересовало.

— Есть три основных способа создания молний, — Дэльвьир говорил обстоятельно и неторопливо, с расстановкой, и было видно, что он собирается рассказывать всё долго и детально. — Первый, "обобратить Зевса", ты уже знаешь. Ещё можно создать разряд концентрацией рассеянного света, при этом вокруг всё меркнет на мгновение как при солнцепомрачении...

— Как при чём? — переспросила девушка, не поняв странного слова.

— Так с лёгкой руки древнего мудреца Филлерста в Адальире именуют солнечные затмения, — пояснил Дэльвьир.

— Ясно, — Алёна кивнула подобно усердному ученику, слушающему своего мудрого наставника.

— Так вот, — продолжил Дэльвьир, — когда при метании молнии меркнет свет, значит, чародей пользуется концентрацией рассеянной энергии фотонов. Это довольно сложно, и свидетельствует о великой силе волшебника. Третий способ самый сложный, им могут пользоваться только величайшие заклинатели-чародеи, заключается он в действии стихий, чародей как бы влияет на природу, создавая в конкретной точке все необходимые условия для требуемого явления, ну, и то происходит само собой. Про такое умение говорят: "Не вызывай молнию, вызови тучу, и природа сама подарит требуемое".

— А ветер можно так переместить? — спросила Алёна, вероятно, от разыгравшегося интереса.

— А зачем? — удивился Дэльвьир. — Ветры перемещать смысла нет, воздух-то всюду, бери да и используй! В воздухе заключена огромнейшая энергия движения атомов, просто они движутся хаотично и гасят энергию друг друга. Можно просто направить всю энергию в одну сторону и, пожалуйста, вот тебе и ветер! Это называется "векторными заклинаниями".

— А что-нибудь другое, предмет, например? — не унималась Алёна, всё больше становясь похожей на неугомонного ребёнка. — А как чародей видит свою молнию?

— А, — протянул Дэльвьир, догадавшись, — хочешь увидеть это в действии?

Алёна сразу же усердно затрясла головой, подтверждая своё самое жгучее желание.

— Ну, это не ко мне, а к другу Авельиру, он специалист по всяким там чарам и магии! — Дэльвьир немного приподнялся и оглядел темнеющую округу. — Авельир! —

крикнул он, и голос эхом раскатился по долине.

— Да здесь я! — отозвался Авельир, что, как оказалось, был совсем рядом. — Сейчас приду!

— Да мы хотели просто...

— Да, Дэльвьир, я всё слышал, хотите посмотреть, как я колдую!

Алёна смущённо улыбнулась. Авельир поднялся из высокой травы, где умиротворённо отдыхал, лёжа на спине и созерцая высокое звёздное небо. Он подошел ближе и присел к костру рядом с девушкой. Вся одежда парня была усеяна мельчайшими листиками какого-то ядовито-зелёного растения.

— Ну, — глаза парня победоносно сверкнули, — что хотите?

— Покажи-ка ей ту свою фишку с цветком! — Дэльвьир по-свойски толкнул Авельира локтем в бок. — Сможешь?

— Ладно, только у меня меллеора уже практически не осталось, — Авельир пошарил в кармане. — Видать, ещё и у реки посеял часть, — недовольно добавил он.

[1] Споры погубили мир (Лат.).

Авельир показывает Алёне своё волшебство

Над травой прошумел заплутавший ветерок, слегка качнув ветви дубов. Почуввав свежий воздух, костёр радостно всколыхнулся и запотрескивал.

— Смотри, один раз показываю! — сказал Авельир, растирая между ладоней сверкающую пыль. — Это меллеор, а по-научному алмазный золотат платины — волшебный порошок, он, как бы восстанавливает реальность такой, какой она должна быть, понимаешь?

Алёна мотнула головой, всё-таки, ей трудно было воспринимать такое количество информации за один день.

— Насколько я помню из школьного курса химии, золото кислот не образует, — возразила Алёна.

— Это у нас там, а в Адальире аурраты и аргентаты обычное дело, но сейчас не об этом.

— И как работает твой золотат?

— Объясняю: в реальности весь наш мир един, ибо, если ты рассмотришь любой предмет на микроуровне, то он окажется состоящим из сходных частиц — атомов, а все атомы состоят из ядра и электронов, а электроны представляют собой облака энергии. То есть все объекты и явления состоят так же из энергии, ясно?

— Не грузи барышню околонуточной ересью, — рассмеялся Дэльвьир. — А, то она уснёт раньше, чем ты сотворишь волшебство! Скажу по-секрету, дружище Авельир просто сам не понимает, как это делает, вот и несёт всякую околесицу.

— Да, нет, нет! — спешно возразила Алёна. — Пусть рассказывает, это же всё, наверно, очень важно!

— ОК, Авельир, только покороче! — Дэльвьир усмехнулся, заложил руки за голову и вальяжно откинулся на поросший пушистыми травами склон. Глаза его устремились ввысь, где уже звонко вспыхивали ранние звёздочки.

— Короче, это вещество, которое мы называем магическим порошком меллеором, каким-то образом способно делать окружающий Мир единым, так, что с лёгкостью можно использовать скрытые ранее силы природы.

— А как это выглядит на практике? — Алёне не терпелось "увидеть настоящих чудес".

Авельир лукаво улыбнулся, став при этом, благодаря Алёниному гриму, похожим на злобного клоуна из американских триллеров, и, взмахнув руками, рассеял порошок перед собой в воздухе. В правой ладони чудадея в гриме что-то неразлично засверкало. Алёна и глазом не успела моргнуть, как Авельир уже сжимал в пальцах прекрасный розовый цветок, на лепестках которого ещё дрожали капли утренней росы. Алёна восторженно уставилась на цветущий подарок, боясь даже прикоснуться к нему.

— Как ты это сделал? — воскликнула она в изумлении.

Авельир протянул ей цветик, а сам скосился на Дэльвьира, как бы спрашивая одобрения в чём-то. Дэльвьир приоткрыл левый глаз, оглядел им Авельира и вновь усмехнулся.

— Покажи ей, покажи, раз так нестерпимо! — он махнул рукой. — В конце концов, она ж Избранная, ей можно.

— Да, наверное, и нужно! — добавил Авельир.

— Что можно и нужно? — занервничала Алёна, которая ужасно не любила, когда при ней говорят о чём-то для неё не понятном.

— Сейчас я покажу тебе, как я это сделал, — пояснил Авельир. — Придвинься поближе, и положи мне руку на плечо, — с этими словами он сам двинулся к девушке, но та невольно подалась назад. — Да не бойся ты, я ж не приставать собрался! — заверил готический рыцарь.

— А, кто тебя знает? — с наигранным недоверием отозвалась Алёна, но всё же прижалась к Авельиру, и даже сильнее, чем тогда в лесу, когда у парня случился нервный припадок после встречи с Шэугканом, а ей пришлось его успокаивать и делать новый грим.

— Смотри внимательно, я попробую показывать помедленнее, — пообещал Авельир.

Он приобнял Алёну правой рукой, плотно прижав к себе, и вновь подбросил щепотку меллеора в воздух. Только теперь Алёна заметила еле видный золотистый ореол, окруживший их со всех сторон.

— Смотри вперёд! — скомандовал Авельир.

Алёна оторвала глаза от сверкающего ореола и, подняв взгляд, устремила его прямо перед собой. Она тут же невольно дёрнулась назад от увиденного, потому что на неё с огромной скоростью нёсся лес, тот самый, что ещё мгновение назад стоял на противоположной стороне долины так далеко. Алёна аж взвизгнула от страха, когда деревья оказались совсем близко, но тут же поняла, что это только мираж. Авельир целеустремлённо глядел вперёд, словно притягивая взором, лежащую впереди панораму. Казалось, между глазами гота-вавилонца и рощей установился некий связующий луч, невидимый глазу, но чувствуемый на уровне подсознательной уверенности. Видение внезапно поблекло, краски перемешались, и теперь уже казалось, они вместе летят над вечерними равнинами, над реками и полями, через какие-то совершенно неведомые края. Впереди зажелтела пустошь, покрытая мельчайшим песком-пылью, где всюду сверкали точки горящих костров, которая вскоре сменилась густыми зарослями поистине тропических растений. Удивительнее всего было то, что Алёна даже могла чувствовать запахи цветущих деревьев и слышать, как чудесно поют там птицы. Путешествие, которое показалось Алёне невероятно долгим, длилось не более незаметного мгновения. Движение прекратилось, вокруг вихрями закружили все виденные пейзажи, сплетающиеся во что-то единое и странное. Алёна зажмурилась и мотнула головой, как обычно, когда пыталась разогнать дремоту, засыпая перед рабочим компьютером, и вновь осторожно раскрыла глаза: перед ней задумчиво

покачивали головами те самые розовые цветы, чьего собрата она только что увидела в руках Авельира. Вокруг стоял древний лес, витиеватые деревья очень плотно сплетали свои извитые ветви, покрытые ажурными листьями обалденного изумрудного цвета с ядовито-зелёными прожилками. В глубине рощи, то там, то здесь, сквозь толщу роскошных крон, словно нити люрекса струились тонкие золотистые лучи солнца. Алёна сразу догадалась, что это место где-то очень далеко, раз здесь ещё день, а, может быть, даже и утро. А, может быть, они двигались ещё и во времени? Она огляделась по сторонам, и с удивлением обнаружила, что за её спиной, и частично с боков по-прежнему стоит деревушка вэльмов. Чудесный лес с цветами находился только с одной стороны, как бы вклиниваясь в реальность, но вклинивание это было настолько естественным, что, как не старалась она, а найти границу двух миров, на первый взгляд вроде бы явственную, глазам её так и не удалось. Казалось, вот-вот и она увидит, где ночной уют деревушки вэльмов становится дивным утренним лесом с цветами, но в то же мгновение эта граница ускользала куда-то очень далеко. Так бывает при мигрени, попробуйте-ка уследить за этой танцующей змейкой и поймать её взглядом! Или во снах, и вы сами знаете эти странные видения, когда абсолютно нереально сочетаемое пространство кажется вполне возможным и, более того, даже логичным.

— Где мы? — воскликнула она. — То есть, где мы сейчас, в деревне или куда-то перенеслись?!

— Мы в гостеприимном доме лесных жителей вэльмов, щедростью Богов, встреченных на тернистом пути, — пояснил Авельир. — А это лес у подножья Свиреаля, где растут эти чудесные цветы, мы просто пропустили пролегающее между ними расстояние и время и приблизили их к себе.

— Но это же невероятно! — Алёна наклонилась к удивительным цветам и с наслаждением вдохнула их насыщенный аромат.

— На самом деле это достаточно просто, — Авельир провёл рукой по розовым лепесткам, его потёртые за время путешествия перчатки на фоне чистых, совершенных цветов выглядели несколько гротескно. — Просто, надо научиться понимать мир, чем больше ты понимаешь, тем легче что-то делать, это какой-то божественный закон.

Алёна не могла наглядеться на окружающие красоты, теперь она заметила и странные золотые цветы, напоминающие морские звёзды, что выстилали землю в чудесном лесу, но спрашивать про них у Авельира она не стала, боясь словами спугнуть благодатное чувство неиссякаемого наслаждения от созерцания совершенства царства девственной природы.

— Хочешь, сорви себе, — предложил Авельир.

— Нет, — сразу резко возразила Алёна. — Пусть себе растут такие красивые! Цветы, они лучше, когда живые, тем более что ты уже сорвал один зазря! — она ещё раз погладила цветы, зачерпнув ладонями лепестки, словно чистейшую родниковую воду. — А ты не можешь того, обратно его приделать?

Готический рыцарь протянул цветок обратно, и он тотчас вновь прирос к стебельку, пока меллеор дрейфовал в воздухе, легко свершались любые чудеса.

— Вот так-то лучше, — одобрила Алёна. — Зачем же их изводить, если такие красивые!

— Согласен, — Авельир улыбнулся, но вдруг взгляд его скользнул в сторону и лицо вмиг сделалось серьёзным и напряжённым. — А эти что здесь делают? — спросил он, как бы сам у себя.

— Что там? — забеспокоилась Алёна, устремляя взор туда же, и стараясь разглядеть,

что же привлекло внимание готического рыцаря.

Там, сквозь просвет в кронах виднелась залитая солнцем долина, где едва угадывалась цепочка в несколько человек, осторожно ступающих по её дну. Алёна не могла даже разглядеть, сколько точно их было, но для Авельира такое расстояние, видать, не было проблемой.

— Да это долгая история, просто есть народец, которому неймётся полазить, где не следует! — Авельир как будто даже рассердился.

Цветущая роща тут же исчезла, и если бы не оставшиеся у Алёны в ладонях розовые лепестки, ей теперь трудно было бы поверить, что ещё мгновение назад здесь покачивали головами эти чудесные создания природы.

Рассказ о диггерах-параллельщиках

— Представляешь, Дэльвьир, кого я только что видел? — воскликнул Авельир, едва вернувшись из волшебного путешествия.

— Кого?!

— Диггеров-параллельщиков, по моим прикидкам они где-то на западных границах леса Зирвельдона.

— Да?! — Дэльвьир вновь принял вертикальное положение. — Честно сказать, они мне надоели!

— Ты не прав! — вмешался в разговор, внезапно возникший из темноты Фариселл. — Они делают своё дело, без них у нас не было бы карт тех земель Адальира, где боятся ступать даже воины славного Ормунда!

— Ну, здесь ты прав! — согласился Авельир.

Дэльвьир же немного скривился, поскольку он всё равно не любил этих пройдох.

— Кто это такие, диггеры-параллельщики? — заинтересовалась Алёна.

— Знаешь, кто такие диггеры вообще? Вот это, то же самое, только путешествуют они не по заброшенным заводам и пустым городам, а по параллельному Земле миру Адальира, — просто объяснил Авельир.

— И изрядно мешаются под ногами, — недовольно добавил Дэльвьир.

— Когда как. К их чести надо сказать, один раз такой вот диггер-параллельщик меня здорово выручил, — признался Авельир.

Потом повисла пауза, все затихли, заметив приближающуюся фигуру Тэльта. Белоснежный пушистый вэльм с редкой сединой в полумраке Адальирской ночи выглядел совсем ирреально, и Алёна, которая раньше никогда не видела подобных существ, находила в нём всё большее сходство со своим любимым игрушечным медвежонком из детства.

— Его звали Пушистиком, — со смущённой улыбкой на устах прошептала Алёна, склонившись к самому уху Авельира.

— Кого? — удивился тот.

— Медвежонка моего...

— Какого медвежонка?

— В детстве у меня был любимый медведик, белый и пушистый, я без него не могла уснуть, засыпала всегда только в обнимку с ним, — пояснила она, смущённо пряча глаза.

— Ты что, смутилась? — искренне удивился готический рыцарь. — Да чего такого-то?

— Ну, это, как-то неловко такие вещи рассказывать, — растерялась Алёна.

— Брось! — Авельир махнул рукой. — Я и сейчас храню под подушкой куклу, типа,

чтоб сны были хорошими.

— Правда? — Алёна действительно удивилась такой откровенности своего нового друга.

— И в этом нет ничего зазорного, ибо даже древние знали, что такие талисманы приносят много доброго. Ты, наверное, слышала о таких вещах у североамериканских индейцев. Они называли их хранителями снов, такие своеобразные куклы-обереги существовали во многих культурах, как на Земле, так и в Адальдире, где присутствие Гиртрона делало их насущно необходимыми. Кстати сказать, на Земле эта культура пошла ещё с тех времён, когда миры были едины и Гиртрон влиял на сны людей Земли тоже.

Тем временем Тэльт уже что-то горячо обсуждал с Фариселлом, присев у костра рядом с низкорослым рыцарем. Алёна вдруг вспомнила то, о чём хотела спросить старейшину, и слегка подёргала его за рукав. Вэльм удивлённо обратил к ней своё белоснежное лицо, и широко раскрыл глаза, который в свете костра казались светящимися изнутри.

— Простите, Старейшина, — начала она неуверенно, — а, правда, что у вас в лесу живут какие-то плотоядные деревья?

Тэльт нахмурился, словно не поняв вопроса, и обернулся за разъяснениями к Фариселлу.

— Вы про них? — вэльм указал рукой на ростки Карльинского сияорта, выбивающиеся из-под основания одного из соседних домиков.

— Нет, Старейшина, она имеет в виду кэльвирнов, — Фариселл изобразил руками клацающую драконью голову.

— Кэльвирны многие лета охраняют покой наш и берегут сию долину от злого люда проклятого замка Вильтрага, — с этими словами Тэльт привстал и погрозил пальцем в ту сторону, где должен был находиться Фаллен-Граунд.

— Вильтрагом на вэльмском языке называют Фаур-Каст Граса Даркфлесса, — повернувшись к Алёне, объяснил Фариселл. — Те чудовища, что встретились нам у переправы — его фавориты.

— И много этих кэвлирнов в вашем лесу? — занервничал Авельир.

— Кэльвирнов! — поправил его старейшина. — И их действительно очень много, все леса кругом просто-таки кишат ими. Только в нашей долине воины Кэльвиара не обитают.

— А как же вы сами не боитесь путешествовать по окрестным лесам? — резонно удивился Фариселл.

— Мы мало куда ходим, вэльмы народ оседлый... — Тэльт почесал за ухом.

— А, почему ты назвал их воинами Кэльвиара? — спросил Дэльвьир.

— Потому что это он создал кэльвирнов, чтобы противостоять злым людям, набеги которых на наши земли творил Т'эраус.

— Точно, — воскликнул Авельир, — я же читал об этом! Кэльвиар не мог создавать животных или людей, поэтому он создал защитников долины из деревьев, но в том тексте их называли, э... как же это?

— Забыл? — Дэльвьир наморщил лоб, будто хотел помочь другу и сам вспомнить это слово.

— Сьиорны, точно! — вспомнив, воскликнул Авельир. — Сьиорны были единственными существами, которым удалось остановить завоевание Кэльвиарона пробуждёнными дартгротами из Фаллен-Граунда!

— Верно, — Фариселл утвердительно кивнул, — это, очевидно, георальдское

произношение, а у вэльмов их именуют по имени создателя Кэльвиара кэльвирнами, всё правильно!

— Та тропа, по которой вы пришли и есть единственный путь в долину, — сказал Тэльт своим поскрипывающим голосом. — Вы, видать, не из простых, раз сумели отыскать сей путь и не стать добычей кэльвирнов.

— Скажите, старейшина, — подчёркнуто почтительно начал Фариселл, обращаясь к Тэльту. — Как же нам теперь выбраться из лесу? Дело в том, что нам как можно быстрее нужно попасть в Арвельдон.

— Пойдёте обратно по тому же пути, по которому пришлю сюда, — старейшина задумчиво почесал кончик своего белого носа. — Я, пожалуй, дам вам проводника, — добавил он.

— Проводника? — Авельир удивлённо поднял брови, он считался отменным следопытом, и воспринял последние слова вэльмского старейшины, едва ли ни как оскорбление.

— Если вы, конечно, не возражаете, — поспешил добавить старейшина, заметив недовольный взгляд Авельира. — Тора, скажем, пусть он выведет вас на главную тропу, а там рукой подать до Божественного Пути!

Авельиру стало как-то неловко за своё чрезмерное самолюбие и нетактичность, он поспешил улыбнуться старейшине, и сделал это максимально дружески. Максимально, насколько это позволял его готический грим, призванный в иное время пугать противников, обращая целые армии в бегство.

— Конечно, конечно мы только "за"! — поспешил согласиться он. — Здесь у вас легко заплутать, а помощь опытного проводника будет весьма кстати! — добавил он, желая подбодрить гостеприимных вэльмов нехитрым комплиментом. Ведь известно, что все жители глуши безумно обожают, когда кто-то заезжий замечает их умение ориентироваться на местности, отмечая превосходство коренных обитателей и расписываясь в собственном неумении.

— Только, выходить вам следует на рассвете с самыми первыми лучиками солнца, — старейшина понизил голос, словно опасаясь, что его кто-то может услышать. — Ибо только в этот рассветный час кэльвирны по обыкновению своему дремлют, — пояснил он, указывая пальцем вверх.

Над долиной вновь пронёсся легкий ветерок, костёр затрепал и выбросил вверх охапку оранжевых искр, наверное, ему очень хотелось быть настоящим вулканом.

— Надо поспать, а то скоро придётся продолжить движение к Арвельдону, — подытожил Фариселл. — Не будем менять планов и попробуем выйти к нему сзади со стороны Кэльвиарова распадка, где долина древнего божества становится Арвельдонской пустошью.

Ночь была тиха и безмятежна, палатка, поставленная вавилонцами, хоть и была из какой-то невесомой материи, но и та казалась лишней, будучи действительно непроницаемой для внешних сред, и надёжно храня тепло. Прохладу ночного воздуха скрадывало полное безветрие. Алёна спала крепко, сильно устав за долгий переход днём. Она свернулась клубочком на импровизированной лежанке и прикрыла лицо рукой, как будто закрываясь от солнца. Дэльвийр и Фариселл расположились у входа снаружи, подложив под головы свои рюкзаки и укрывшись плащами. Только Авельир всю ночь

безмолвно бродил в высокой траве, невольно отряхивая серебро росы с мохнатых травинок. К половине ночи его силуэт исчез из виду, что означало, что готический рыцарь всё-таки нашёл место для ночлега, которое устроило его. Наверное, он расстелил свой плащ где-то в одном из домиков вэльмов на первом этаже или забрался по обыкновению на дерево, откуда было можно незаметно наблюдать за всей округой. Осмотрительность была вторым важным качеством Авельира, которое развилось до гипертрофированности подобно всем его семи чувствам.

— Я слышала, как днём Авельир сказал, будто у него семь чувств, — прошептала Алёна, выглядывая из палатки, лицо её выглядело заспанным, а глаза блестели, как звёзды. — Это была шутка, или что он имел в виду?

Дэльвьир приподнялся на локте и обернулся к девушке.

— Ну, это... Как тебе сказать? — отозвался он тоже шёпотом. — На Земле у нас их только пять, плюс интуиция, а здесь их семь. То есть активизируется подсознание и ещё есть такое чувство нужного пути, будешь его тренировать и научишься всегда находить верное решение... — он зевнул. — Хотя, лучше тебе об этом сам Авельир расскажет, он у нас, как я уже говорил, спец по вопросам теории, ведь он единственный, кто прочитал всю доступную информацию об Адальире, он настоящий фанатик! Спи!

Дэльвьир поудобнее устроился и захрапел. Алёна вернулась обратно в палатку и вновь погрузилась в страну сновидений. Ей долго снились далёкие земли, чудесные луга и чарующие красотой рощи. Она заморожено блуждала в райских садах, наслаждаясь чудесными песнями неведомых птиц. Плохо различая, где кончается сон, а начинается явь, она вдруг ощутила странное волнение. Ей вдруг привиделся странный воин в чёрных доспехах и с мечом, чьё лезвие окутывало лимонное пламя.

Гиртрон не имел власти в здешних землях, его дух никогда не бывал здесь. Он лишь зацепил сон Алёны краем своей энергии, витающей ныне за многие мили от деревушки вэльмов где-то в самых глубоких глубинах Свиртенгралля. Тень плаща древнего демона растворилась столь же мгновенно и неожиданно, как и появилась, уступив место краскам свежего леса, журчанию ручьёв и птичьим трелям. Но его появление говорило о том, что либо лес вэльмов находился на прямой линии со Свиртенграллем, либо сила его стала уже просто невообразимой, и готовится его новое воплощение, четвёртое в мире Адальира. На самом же деле, ожидая поединщика и желая привлечь его, Гиртрон возжёт на башнях Свиртенгралля все огни, и вместе с их светом энергия чудовища смогла долететь даже до самых отдалённых уголков Кэльвиарона.

Первым воплощением древнего демона в Адальире, как известно, был Даосторг, тогда энергия чудовища завладела доспехами, сделанными небезызвестным кузнецом, и сила демона стала осязаемой. Вторым воплощением Демона Сновидений стал Старгерольд (Даосторг воин), пожранный собственными пороками и силой Даосторга, Киллз Фортен не многие годы стал пристанищем чудовища, использовавшего его тело для свершения самых варварских своих походов против близлежащих королевств. Старгерольд поработил всю Кйа-Ори, а впоследствии завоевал Южные Преддверия Кристалькраута и разбил основные сиворийские силы на севере от Свиртенгралля. В обличие воина Даосторг безгранично расширил свои территории влияния, всё время он проводил в бесчисленных набегах на города, дворцы и крепости, пока власть Свиртенгралля не утвердилась до самого Тарнтгора Пограничного. Затем была Война Разочарования. Торильтар, король Ормунда, разбил силы Старгерольда и поверг его самого.

Обрётённая за годы войн и бесчисленных сражений сила теперь переполняла дух Демона Сновидений, ему требовалось новое перевоплощение. Тогда со стороны Арвельдона, как сказано в древних летописях, к южным вратам Кйа-Ори прибыл человек в высоком шлеме. Глаза его горели ровным алым пламенем, которое издавало ужасающий гул. Из складок плаща струился ледяной туман, а лезвие старинного меча окутывало лимонное пламя. Воин назвался Гиртроном, и потребовал коронации на трон Свиртенгралля. Как ни странно, но его требование выполнили сразу же и беспрекословно.

Гиртрон завершил задуманное Даосторгом ещё на заре времён.

Даосторг в своём истинном облики Демона Сновидений спровоцировал грехопадение Т'эрауса, разъединил народы, посеяв вражду и ненависть, пожрал сны гирльдов, превратив их цветущее королевство в проклятые руины, привнёс в мир Адальира смуту, разруху и уныние. Став воином Старгерольдом, Даосторг без труда завоевал созданный им же мир разрухи и грехов. План его свершился, теперь нужен был тот, кто будет править всеми награбленными землями, и вот пришёл Гиртрон — Даосторг король, увенчавший сие мерзкое творение древнего Демона Сновидений.

Однако, не всё так просто. За те годы, что правил Гиртрон, дух древнего Демона Сновидений вновь стал сильнее, ему требовалось новое воплощение, чтобы стать на новую ступень силы, возможно, для вторжения в иные миры, в том числе и на Землю...

В пророчестве Филлерста было сказано, что в день великого солнцепомрачения в Шадоуроке окажется величайший демоноборец, которому суждено повергнуть Гиртрона, приняв в себя его дух для перерождения, и этот человек станет самым страшным воплощением Даосторга в Адальире ещё на тысячу лет...

Дух Гиртрона улетучился, и сон её вновь наполнился солнечным светом и ароматами луговых трав. Она ещё долго блуждала в собственных грёзах, нежели чем рассветные лучи из-за дальних, заросших лесом, гор осветили макушки самых высоких сосен на пригорке. Когда лучи пронзили заросли, наполнив пространство пробуждающейся природы просветлённым сиянием, листва тут же заиграла каплями росы в полумраке, словно какой-то чудодей рассыпал здесь миллиарды стразов.

Сражение с кэльвирами

— Пора выдвигаться! — голос Дэльвьира прозвучал мягко и мелодично, плавно влившись в расплывчатые картины тающего сна.

Алёна открыла глаза, огляделась и приподнялась на локте. То и дело моргая, словно пытаясь очистить зрение от картин, пришедших из грёз, она медленно выползла из палатки на четвереньках, усевшись на траву прямо при входе.

Ей всё ещё хотелось спать, она даже не сразу сообразила, что находится в Адальире, почему-то ей показалось, что она вновь спит в своей маленькой квартирке среди промозглого мегаполиса. Лица её новых спутников, собравшихся у палатки, показались ей только отдалённо знакомыми, а вэльм-проводник вообще просто шокировал девушку.

— Я думала, мне всё приснилось, — пробубнила она низким со сна голосом и таким тоном, что трудно было понять, недовольна она этим, или просто констатирует факт.

— Сейчас пойдём на прежний путь, Тор нас проводит! — уверенно произнёс Фариселл.

— А, медведик, — улыбнувшись, протянула Алёна и потрепала зверька по сытой, мохнатой щеке. — Вот кого я действительно рада видеть, так это тебя!

Тор улыбнулся, продемонстрировав свои, заострённые как бритва зубы.

— Мы пойдём из деревни с другой стороны, там дорога лучше, — сказал он, накидывая на плечи странный плащ, сделанный, словно из листьев.

— А это зачем? — удивился Авельир, указывая рукой на новый предмет одежды вэльма.

— Чтоб не сожрали! — откровенно признался Тор, намекая на древесных драконов Кэльвиара. Он отвязал от полы плаща маленький мешочек, засунул в него свою мохнатую лапу и долго-долго там рылся. Закончив, он вынул что-то и протянул это Алёне.

— Что это? — удивилась девушка. — Это мне?

— Подарок, — пояснил Тор.

Алёна взяла из белых пушистых рук проводника что-то маленькое и сверкающее, что при ближайшем рассмотрении оказалось кусочком горного хрусталя...

— Зачем? — растерялась девушка, всё волшебство сцены растрогало её до глубины души.

— Это очень полезно! — пояснил Тор. — Это *Uberima Fides*!

— Что?! — Алёна от удивления широко раскрыла глаза.

— Так называют горный хрусталь из Вавилона, — пояснил Фариселл. — Он, что, действительно оттуда? — спросил он, обращаясь на этот раз к вэльму.

Тор в ответ кивнул, и лицо его стало довольным и гордым.

— Это хрусталь из Вавилона, священный адальир воинов Кэльвиара!

— Они носили его на шее ещё на заре времён, это большая честь получить в дар кусочек именно того хрусталя, — Авельир многозначительно посмотрел Алёне в глаза.

— Большая польза, пригодится, поверь мне! — Тор встряхнулся, и его густая шерсть засверкала, словно алмазная россыпь.

— А у вас он откуда? — удивился Дэльвьир.

Вэльм Тор только улыбнулся на это:

— Ну, это же лес Кэльвиара! — сказал Фариселл, смотря при этом на Дэльвьира, как на дурака. — Разве забыл?

— Понятно! — Дэльвьир немного смутился от собственной недогадливости, но тут же вновь сделался уверенным в себе.

— А что мне с ним делать? — Алёна покрутила подарок в пальцах.

— Можешь провертеть дырочку и носить на шнурке, а можешь взять его с собой обратно, туда, откуда ты пришла, — ответил Тор, словно знал, что Алёна прибыла в Адальир с Земли.

Алёна смущённо улыбнулась, спрятала камешек в карман и в благодарность чмокнула вэльма в макушку. Увидев это, Авельир завистливо скривился, по-видимому приревновав Избранную. Авельир и сам был не прочь получить такую благодарность.

Отряд двинулся к выходу из деревушки. Здесь, с поросшего струящимся ковылём склона, вниз спускалась рукотворная лестница, выложенная разноцветными камешками причудливой формы и разного размера, переходящая в основании холма в покрытую золотистым мхом тропинку. Тропа петляла между светло-зелёных склонов, заросших деревьями-великанами, и терялась где-то в сияющей ранним солнцем глубине древнего леса.

Вдоль тропы струился ручей, сопровождающий все её причудливые повороты и изгибы. Очевидно, подумал Авельир, вэльмы должны были очень любить воду, коль тропы их, вытаптываемая столетиями, пролегла точно вдоль резвого ручья, и это было действительно

так. Пушистый народец с испокон веков жил в богатых влагой долинах Кэльвиарона и на южных склонах Свиреаля, покрытых густой сетью полноводных рек и бесчисленным множеством ручьёв, вода была для вэльмов святой стихией, поскольку несла им благодатную жизнь. Когда Гиртрон уничтожил вэльмов Вэльмгленна, оставшиеся могли выжить лишь здесь, в гостеприимном доме Кэльвиара.

Все путники, включая Алёну, чувствовали, как наполняются энергией их тела. Ступая по тропе, проложенной вэльмами, они получали невероятный заряд бодрости и здоровья, ах, если бы гнусные дартгроты и герддроны смогли бы почувствовать это! Они бы тотчас побросали свои щиты, перековали мечи на орала, и стали бы наслаждаться первозданностью здешних мест, но, увы, все эти порождения чудовищного разума Даркфлесса и Гиртрона, не имели такой возможности. Их огненный разум был восприимчив лишь к обучению военному делу, но не к познанию таинств природы и наслаждению созерцанием красот Мира.

— И, всё-таки, почему мы двинулись этой дорогой? — спросил Дэльвьир, заглядывая Тору через плечо.

— Здесь безопаснее, — Тор стрельнул по сторонам своими большими голубыми глазами. — В отличие от старейшины, я лично вообще не представляю, как вы прошли к нам с той стороны...

— Посмотри-ка сюда! — раздался голос Авельира откуда-то сзади.

Дэльвьир обернулся: Авельир сидел на корточках под большим деревом, растущим на осыпающемся склоне, ковыряясь остриём изящного, антрацитового меча среди его спутанных корней.

— Что ты там нашёл? — спросил Фариселл, подходя к нему.

— Сам не знаю, но что-то красивое! — воскликнул Авельир.

Остриё меча отрывистыми движениями разгребало нападавшие сухие листья, вздымая с земли облака сверкающей пыли.

— Похоже на меллеор, — Дэльвьир недоверчиво прищурился. — Или на снежную крупку, знаете, такая образуется под настом.

— Это и есть меллеор, — раздался голос Тора, — мы называем такие места Россыпиями Мироздания.

— Почему? — удивилась Алёна.

— Эти мельчайшие частички делают мир таким, каким он был задуман, — пояснил Дэльвьир. — Помнишь, Авельир показывал тебе его чудное действие?

— Помню.

— Давайте наберём себе, пока можно, а то у меня лично уже совсем ничего не осталось, — предложил Авельир.

— Если Тор разрешит, — Фариселл обернулся к вэльму-проводнику. — Это всё-таки ваша земля, можно мы возьмём себе этого порошка? Впереди длинный путь, мало ли, где он может понадобиться, да и вообще...

— Берите, конечно! — Тор почесал коготком кончик носа. — Здесь его очень много, да и к тому же мы сами редко прибегаем к силе его действия.

Это действительно был алмазный золотат платины самой высокой пробы. Вавилонцы быстро наполнили свои мешочки для волшебного порошка, прикреплённые у пояса, и отряд двинулся дальше. После ночного волшебства, мешочек для магии Авельира куда-то подевался, и тому пришлось ссыпать драгоценный золотат в сумочку для мобильного

телефона, что, впрочем, тоже оказалось неплохо, застёгивалась ведь она вполне надёжно.

— Родники мои серебряные, золотые мои россыпи... — с сильным акцентом шёпотом протянул Тор, уставившись на россыпи ауррата, чем немало ошарашил Авельиара.

Парень, впрочем, виду не подал, но слова вэльма свидетельствовали, что кто-то с Земли уже побывал здесь и вавилонцы Брелова вовсе не первопроходцы. Этот кто-то был явно не из Вавилонского сообщества, раз не рассказал другим о затерянном селении, считающихся вымершими вэльмов, возможно, кто-то из диггеров-параллельщиков летал сюда специально за алмазным золотом. Предполагать, таким образом, можно было всё, что угодно, одно было ясно наверняка: прошлый посетитель гостеприимного дома вэльмов любил слушать Высоцкого...

Тропа петляла всё больше, превращаясь в нечто, напоминающее серпантин. Местами она шла по нависающему над пропастью обрыву, потом уводила в глухие заросли изумрудных древесных великанов, а иной раз всходила на высокий холм, где ярко светило солнце и громко пели птицы.

— Дальше идите сами, — сказал вэльм-проводник Тор на выходе из леса. — Держитесь тропы и сторонитесь высоких рощ, кэльвиры обожают подобные заросли. И, запомните, ускользнуть от них невозможно, когда они совершают свой вертикальный прыжок, но перед их атакой земля покрывается мелкой рябью, и по этому признаку можно определить приближение этих драконов, — напутствовал он.

— Спасибо, Тор, — Фариселл похлопал чудесное создание по белоснежному плечу. — Мы никогда не забудем вашей помощи и гостеприимства!

— Да ну, не стоит, — смутился вэльм.

Алёна присела на корточки перед Тором и погладила его по голове.

— Ты такой классный! — сказала она, улыбаясь. — Жаль, нельзя тебя с собой забрать, то-то бы все удивились! Да, и спасибо за подарок! — она приблизилась и снова чмокнула вэльма в лоб.

— Не выпускай камень из рук, — Тор напустил на себя чрезвычайно серьёзный вид, очевидно, смутившись. — Пусть всегда будет при тебе, с ним тебе ничего не грозит. Да, и слушайся своих товарищей, они знают, что делают, ступайте осторожно и смотрите в кроны!

— Обязательно! — пообещала девушка.

Они быстро поднялись на пригорок, оставив непроходимые чащи позади, и с вершины помахали Тору рукой. Тот слегка и неумело махнул своей белой лапой в ответ, очевидно, не понимая значения этого жеста, но скорее из приличия, и скрылся за изумрудной зеленью листвы.

Дальше отряд двинулся быстрее, Фариселл, ведущий людей, наращивал скорость, и все спешили за ним. Со стороны сильно рассечённых скалистых гор, в прорехах между которых виднелись оранжево-коричневые полосы Фаллен-Граундской земли, доносились пустынные запахи, приносимые сюда тёплым ветром равнин С'арруса. С другой стороны, где, покрытые лесом горы, подпирали небесный свод, на тропу зеленоватыми облаками стекала прохлада вершин. В центре они перемешивались, образуя некую ирреальную пелену, стелящуюся вдоль пути, проложенного вэльмами и рождающую в мозгу странное смешенное чувство, какое бывает, наверно, только в фантастичных снах.

Кэльвиарон на поверку оказался действительно самым удивительным краешком Адальиара, здесь, сочетание не сочетаемого становилось особенно выпуклым. Увлечённые

продолжающимся путешествием, вавилонцы и думать позабыли об опасности встречи с кэльвирами, древесными драконами Кэльвиара. Одурманенные странным коктейлем из тепла пустынь и прохлады горных лесов путешественники, было, совсем расслабились, как вдруг выяснилось, что отряд оказался среди достаточно плотно растущих деревьев.

— А, помните, что говорил про этих чудовищ тот медведик? — спросила Алёна, замедляя шаг.

— Точно, — спохватился Дэльвийр, — мы слишком далеко зашли в лес, это туман сыграл с нами шутку!

— Да чего опасаться-то? — вяло возразил Авельир, опираясь спиной о ствол большого дерева. — Здесь, вроде всё путём, лес как лес... — Он вынул из кармана маленькое зеркальце, подаренное ему Алёной, и, глядя в него, стал прихорашиваться.

— Тебе это не поможет, — усмехнулся Дэльвийр, — ты теперь похож на клоуна из американских триллеров, Шэугкан смыл с тебя весь лоск!

— Тебе не понять красоты, — в ответ надменно произнёс готический рыцарь, круговыми движениями растирая пальцем пудру на недостаточно покрашенные места, — готика — это целая наука!

Послушав их диалог, Фариселл громко рассмеялся. Авельир закончил свои действия, и удовлетворённый результатом, собирался уже убрать зеркальце обратно, как вдруг, случайно направил его вверх. В зеркальце отразилось что-то, беззвучно летящее на него прямо сверху.

— Врассыпную! — прокричал он, молнией отпрыгивая в сторону.

По земле пробежала рябь, Фариселл подхватил Алёну и кинулся в кусты слева. Дэльвийр метнулся назад и полетел под уклон с пригорка. Через мгновение в землю врезалась огромная, покрытая листвой голова древесного цвета. Из-под клыков дракона с грохотом полетели камни и брызнули фонтаны земли вперемешку с грязью. Авельир скатился со склона, всё ещё слыша над собой грохочущие камни, он прокатился по небольшому выступу и оказался на краю обрыва. Преодолев высокую траву, ограждающую край скалы, готический рыцарь спрыгнул ещё ниже и прижался к скале под нависающим уступом. Несколько мгновений он мучительно напрягал свои феноменальные слух и зрение, пытаясь понять, где может быть чудовище сейчас, но различить среди грохота что-то было довольно сложно.

— Эй, где вы все? — раздался откуда-то сбоку испуганный голос Алёны.

— Я здесь! — отозвался бас Дэльвиара сверху.

Авельир отряхнулся, ещё раз прислушался, и уже, было, решил выбираться из своего укрытия, как вдруг услышал голос Фариселла, который доносился с той же стороны, что и Алёнин.

— Оставайтесь там, где сидите! — прокричал низкорослый рыцарь. — Помните, что говорил вэльм про территорию дракона? Я выведу девушку, а вы ступайте другими путями! Быстрее, бегом через чащу, встретимся на той стороне холма!

— Ты что, с ума сошёл?! — прокричал Авельир. — Нам ещё разминуться не хватало!

— Они здесь везде, кэльвирины, я только сейчас увидел их воочию, придётся рассредоточиться! — настаивал Фариселл.

И правда, теперь и Алёна, сидящая сейчас рядом с Фариселлом в кустах, видела отстоящие отдельно деревца, в кронах которых скрывались драконьи головы. Их было так много, и они были так похожи на обычные чуть кривоватые сосны, что отличить их на глаз можно было, только если смотреть под правильным углом. Лишь отведёшь взгляд и тут же

теряешь их из виду, и снова всюду растут самые обыкновенные деревья. Молодые кэльвирины, прорастая, смотрели вверх, именно были наиболее опасны для дартгротов, перехватывая их на лету. Более зрелые же под весом собственных голов, клонились к земле и были вынуждены охотиться на наземных существ. Мудростью Кэльвиара, таким образом, создавшего их, растительные драконы Кэльвиарона защищали все возможные пути, не позволяя воинам Граса Даркфлесса прорваться в запретные долины.

— Что нам делать? — дрожащим голосом спросила Алёна, наконец рассмотревшая ужасающих драконов в кронах деревьев.

— Вон, — Фариселл вытянул руку вперёд, указательным пальцем показывая на едва заметную в зарослях тропу, — мы пойдём туда и перехитрим драконов, к нашему счастью они не умеют бегать!

— Я тоже не очень умею бегать, — пробормотала Алёна. — А ты не можешь наколдовать там как-нибудь, чтобы их не стало? — она с мольбой поглядела на низкорослого рыцаря.

— Зачем? — изумился Фариселл. — Это самые обычные животные, то есть, я хотел сказать, растения. И не надо причинять им дурного без особой нужды, тем более, если есть возможность обойти их, к тому же я не владею такими навыками...

— Так бы и сказал, что не умеешь! — Алёна, будто бы обиделась, скорее, это было от испуга.

В этот момент из-за заросшего кустарником пригорка раздался голос Авельиара:

— Ладно, тогда я двинулся, — крикнул он, — увидимся на той стороне!

— Вперёд! — скомандовал Фариселл, бросаясь со всех ног в заросли и увлекая за собой девушку.

Невдалеке за кустами раздался грохот тяжёлых шагов Дэльвиара, который, очевидно, услышав призыв друзей, тоже поспешил на противоположную сторону холма.

Среди ветвей что-то сверкнуло, и небо прочертила яркая линия, как тогда у переправы. Серебристый предмет, напоминающий ракету со свистом пересёк небосклон и скрылся в зарослях где-то совсем недалеко.

Таинственная незнакомка

Авельир высунулся из своего укрытия, бегло огляделся, а для него и беглого взгляда хватало, чтобы мгновенно сориентироваться, и кинулся вперёд. Подобно пантере ловко, он вскарабкался по плющу на соседний утёс, одним прыжком преодолел ровный его участок, перекувырнулся через голову и кубарем скатился на небольшой уступ, всего в метре нависающий над лесной тропой. Тут же сзади раздался треск ломающихся ветвей, сопровождающийся истошным рёвом, как от взлетающего самолёта, а в воздух взмыла туча перемешанных сухих и свежих листьев, первые поднялись с земли, а вторые сорвал атакующий кэльвири. Авельир аж вспотел, его пробила дрожь, и он даже не решился обернуться, пока чудовищная голова не вернулась в крону. Когда волнение мало-помалу улеглось, он вновь осторожно огляделся. Недалеко виднелась тропа, теряющаяся в зарослях слева и справа, буквально через пару метров. Весь ландшафт здесь был неровным: среди леса гордо вздымались утёсы, а заросшие земляникой едва уловимые тропы так сильно петляли, что пройти по ним мог только настоящий следопыт. И не пришлый, а тот, что жил в здешних краях многие годы с самого своего рождения. Уступ, на котором восседал Авельир, сплошь был покрыт крупным сияющим капельками росы мхом ядовито-зелёного цвета, а справа у

его ноги рос тот самый далёкий предок лесных драконов кэльвиринов Карльинский сияорт. Один из его цветочков, разросшийся до неприлично больших размеров почти с ладонь, настойчиво пытался откусить кусочек от сапога Авельира, но никак не мог прокусить его поверхность своими маленькими зубами.

— Иди отсюда! — Авельир наклонился и лёгким движением пальца попытался оттолкнуть от себя хищное растение. Едва сияорт ощутил осмысленное прикосновение человеческой руки, цветочек тут же отшатнулся назад и спрятался в листве, зарывшись своей несмышлёной пастью в собратьях по корню. А ведь вэльмы утверждали, будто эти хищные цветочки не берут в рот больше, чем могут проглотить, может быть, это был другой вид.

— Не на того напал! — гордо рассмеялся Авельир, и тут же мысленно поблагодарил Бога за эту дарованную ему порцию эндорфина, ибо он знал, как много значит вовремя рассмеяться, и как одна единственная улыбка способна изменить весь мир в лучшую сторону.

Вокруг было тихо. Дракон вновь растворился среди листвы, было время немного передохнуть. Авельир уселся на уступе, свесив ноги на тропу, проходящую внизу. Он сумел даже немножко расслабиться в столь сложной ситуации, к слову сказать, это была ещё одна его отличительная черта — умение давать отдых разуму в самые напряжённые моменты путешествий в Адальире. Избыточность чувств, переполняющих его по воле чрезмерно острого восприятия, компенсировалась умением отключать сознание от текущих вопросов с тем, чтобы потом вновь набрать обороты с утроенной силой.

Авельир закрыл глаза, сразу ещё сильнее ощутив ароматы здешних лесов и ещё громче услышав птичьи трели. Минутная медитация на этом уступе позволила Авельиру вернуть баланс внутренних сил разума и тела, столь грубо нарушенный Шэугканом накануне у речной переправы. Разрозненные части мира вновь привычно встали на места.

Авельир ощутил благодатную лёгкость в теле и прозрачность мыслей, снова можно было приниматься за дела. Ему даже показалось, что он слышит музыку, но не флейты Герронии или волынки Илверра, а ту самую музыку из своего мира, сотканную из технологических клубных звуков, уверенного бита и синтезатора, коей не было в Адальире нигде, кроме, как в наушниках плееров на поясах путешественников между мирами. Внезапное осознание того факта, что музыка не чудится ему, а действительно звучит где-то неподалёку, заставило Авельира вздрогнуть и открыть глаза. Звук напористого рэйва длился не более мгновения, затем раздался щелчок, спешно выключенной клавиши и кто-то произнёс что-то шёпотом. Несмотря на феноменальные способности, Авельир не сумел расслышать слов, определив лишь, что голос принадлежит женщине, что он мелодичен и красив и то, что говорящая была явно не довольна, обнаружив себя музыкой.

— Кто здесь?! — Авельир, забыв об осторожности, вскочил на ноги и обернулся на источник звука за спиной. — Ты из наших, ты где?! — он опрометью ринулся карабкаться вверх по склону, заросшему высокими мачтами сосен.

Впереди в кустах скользнула чья-то фигура. Авельир непроизвольно дёрнулся в сторону убегающей тени, да так сильно, что соскользнул с очередного камня и неловко скатился на другой уступ холма повыше первого.

— Да покажись же! — с бессильной досадой выкрикнул он, понимая, что девушка оказалась ему не по зубам. — А, может мы и подружимся? — добавил он, то ли в шутку, а то ли всерьёз.

Над головой его что-то прошуршало, следом за звуком на Авельира посыпались

обломанные сучья и ворох свежих листьев. Авельир взметнул взор ввысь, едва успев различить несущуюся в кроне дерева огромную голову древесного монстра, как, со скоростью молнии пронзив пространство, откуда не возьмись, сразу две стрелы поразили атакующего кэльвирина. Чудовище издало оглушительный вопль и стало заваливаться на левый бок, нарушив прежнюю траекторию движения, итогом которой неминуемо стало бы попадание Авельира в его зубастую пасть. Воспользовавшись секундным замешательством произрастающего монстра, Авельир метнулся в сторону, кубарем уйдя от атаки метровых зубов дракона. Не рассчитав силы рывка, и, очевидно, переусердствовав от неожиданности, сделав слишком резкий выпад, Авельир вновь полетел с уступа слишком далеко, а дракон, с треском врезавшись в землю на вершине холма, пронёсся в противоположном направлении. Скатываясь по мокрому, заросшему густой травой склону, парень успел обернуться и разобрать причудливый узор, что так грациозно красовался на поверхности древесного змея. И вправду, он был так похож на ствол большого дерева или на одревеневшую лиану, но уж никак, ни на животное!

Таящий рёв уязвлённого великана унёсся вслед за своим обладателем на другую сторону холма, а Авельир благополучно скатился к его подножью прямо во влажные заросли кустарника. Упав, он встал на четвереньки, опершись руками о землю. Авельир пару раз мотнул головой, поднял взор и огляделся. Перед ним в лучах яркого солнечного света открылась небольшая лесная полянка. Травы на ней искрились росой, запахи цветущих здесь цветов дурманили, а вокруг них порхали бесчисленные бабочки и стрекозы аз-зурри, такие большие, что и Авельир уже не мог припомнить видел ли он таких когда-либо или только читал о их существовании.

От разнообразия оттенков зелёных красок, богатых ароматов и красот у Авельира закружилась голова, и взгляд стал сам собою расфокусироваться. Парень снова помотал головой из стороны в сторону и постучал ладонью по лбу, стараясь вытрясти дурман, и ему это удалось: теперь картинка стала чёткой и мысли больше не летали в голове бесцельно, а каждая строго занимала своё положенное место. Расплывавшиеся намеренно образы стали чёткими и едиными, и прямо перед собой Авельир увидел девушку в зелёной накидке с капюшоном, который ловко скрывал лицо особы, демонстрируя лишь смеющиеся её уста. В руках девушка держала изящный золотой лук, на поясе справа болтался старенький кассетный плеер...

— Я узнал тебя, — закричал Авельир, поднимаясь на ноги, — это ты была тогда в трактире в Гленнвилле и в речном хэзе! Но почему же ты прячешься?! — недоумевал он. Конечно же, гот заметил и золотой лук и колчан со стрелами, точно такими же, какие разили герддронов в хэзе у великой Кристеллии, и, разумеется, догадался, кто именно помогал отряду в течение всего путешествия. — Я же говорил, что то была не моя стрела!

Девушка усмехнулась и, отступив назад лишь на шаг, растворилась в зелени.

Авельир начал нервно шарить глазами по округе, а заслышав едва уловимый звук сверху, сразу понял, что таинственная воительница уже карабкалась на вершину соседнего каменистого холма. Всё-таки Авельир тоже не лыком был шит, и его обострённое восприятие трудно было провести. Как же это ободрило его в тот момент, и он ещё раз поблагодарил Бога за свой невероятный дар.

Диана спасает отряд

Авельир начал стремительно карабкаться по склону на слышимый лишь им звук

тигриного движения девушки. Он раздвинул огромные сильно рассечённые листья какого-то исполинского растения, напоминающего венерин волос, и попал на небольшой уступ с северной стороны утёса, сплошь покрытый мхом и лишайником. Справа находилось старое трухлявое дерево всё увитое ярко-зелёным плющом с пышными листьями. Авельир спрятался за ветхим древесным стволом и притаился, выжидая, когда здесь появится его новая знакомая.

Девушка не заставила себя долго ждать, она показалась в зарослях впереди уже через мгновение и опрометью двинулась через вершину холма напрямик на Авельира. Радость от достижения цели вдруг сменилась ощущением опасности, девушка двигалась с такой скоростью, так ловко и стремительно, что Авельиру сделалось не по себе. В этот момент он на самом деле засомневался сможет ли вообще противостоять таинственной воительнице, а уж в то, что он сумеет взять девушку в плен Авельир давно не верил.

Через мгновение изящная зелёная фигура, так удачно сливающаяся с листвой, оказалась уже совсем рядом. Авельир по странному стечению обстоятельств впервые в своей жизни не смог правильно рассчитать время и оказался полностью неготовым. Девушка совершила молниеносный прыжок прямо на Авельира, готический рыцарь и опомниться не успел, как уже летел с уступа вниз. Вверху над утёсом разнёсся ужасающий рёв и раздался оглушительный треск, а вокруг калейдоскопом кружились листья, цветы и ветви. Как только девушка столкнула Авельира с уступа, и они вместе полетели к его подножью, утёс сотряс невероятный удар. Голова исполинского кэльвиерна буквально разворотила каменистый выступ, разнеся его, и, обратив в облако щепок старое дерево, за которым ещё мгновение назад скрывался Авельир.

— Благодарю за помощь, сударыня! — учтиво произнёс Авельир, катясь по склону в обнимку с воительницей, когда до него, наконец, дошло от какой опасности она его уберегла.

Та бросила на вавилонца беглый взгляд, на мгновение показав из-под капюшона плаща свои огромные голубые глаза. Взгляд спасительницы сразил Авельира просто наповал.

— Я, право, сам бы... — он не успел договорить, потому что оказался на земле, путешествие с вершины утёса завершилось не очень-то мягким приземлением на траву у его подножья. Авельир упал на спину, сверху на него приземлилась воительница в зелёном плаще. Она встряхнула головой, поднимаясь на руках, и из-под капюшона выпали её пушистые белые волосы.

— Наверное, уже всё-таки можно познакомиться?! — уже просто возмутился готический рыцарь.

В ответ девушка нахально улыбнулась, скользнула в сторону, перекатилась по траве и словно тень вновь скрылась в зарослях. Возможно, она при движении опять случайно нажала кнопку на плеере, потому что тут же зазвучал всё тот же рэйв. Авельир приподнялся на локте и, оглядевшись, утомлённо вздохнул:

— Да что ж это такое!

Дэльвьир тем временем, пригнувшись и нервно озираясь, бежал через лес в противоположном направлении. Он, хоть и был много опытнее других в Адальире, но тоже впервые встретился лицом к лицу с древними хранителями Кэльвиарона и просто не знал, куда стрелять и кого рубить мечом, если каждое дерево могло оказаться могучим

противником. Да и одобрит ли древнее божество Кэльвиар сражение с его же помощниками?

Он выбежал на поляну, сплошь заросшую огромными пыльными одуванчиками. Здесь, в самой глубине леса стояло полнейшее безветрие, деревья, чьи вершины терялись под самыми небесами, надёжно укрывали тайный мир здешних мест от бурь и непогоды, и поэтому прозрачные парашютики цветов оставались нетронутыми на своих местах. Дэльвьир начал пробираться сквозь цветы, и каждый шаг его заставлял сотни крохотных зонтиков взмывать вверх, наполняя солнечно-зелёную тишь серебристым сиянием. Вот они, доказательства несостоятельности эволюционистского учения: ну, зачем этим зонтикам было увеличивать число былинки, и чем это изменение помогало выжить одним из них относительно других?

Вокруг всюду порхали бесчисленные бабочки, стрекозы азури и прочие насекомые с золотыми глазами и блестящими брюшками, а птицы здесь пели так, что и не расскажешь. Внезапно, услышав за спиной свист, Дэльвьир совершил резкий манёвр ухода в сторону и упал на землю. В воздух взмыли пушистые облака пыльцы и парашютиков с семенами, и снизу он увидел, как две прошившие воздух стрелы вонзились во что-то огромное древесного цвета, скользнувшее в чаще прямо перед ним. Раздался оглушающий рёв, уязвлённый дракон шарахнулся в сторону, сшибая на своём пути сосны и дубы. Стрелок целился в дракона и не собирался стрелять в вавилонца, теперь Дэльвьир понял это. Он мгновенно оценил ситуацию и ползком направился в ту сторону, откуда прилетели стрелы.

Верхушки трав качнулись, вновь стрелы прошили воздух, штук пять или семь. И все они как одна вновь поразили цель, кэльвири ринулся в другую сторону, свалив ещё несколько деревьев. Дэльвьир на ходу обернулся и увидел, как огромная змееподобная голова кэльвирина с треском упала в заросли, отзвук удара сотряс землю так, что парня аж подбросило. Вокруг заросшей листьями, извивающейся шеи чудовища, кружили растревоженные птицы, выпорхнувшие из-под рухнувших деревьев-великанов.

Дэльвьир едва смог оторваться от пугающего и вместе с тем завораживающего зрелища, сошедшего словно с древней гравюры Гвирендорфа, иллюстрирующей сражение первопоселенцев с кровожадными драконами Фаллен-Граундской пустоши. Взгляд его устремился вперёд, где среди звенящих зеленью кружевных деревьев стояла стройная девушка в зелёной накидке с капюшоном, который скрывал верхнюю часть её лица и лишь губы её, украшенные лёгкой улыбкой, были видны. Она ловко вынула из колчана, висящего за правым плечом, стрелу и, вложив её в изящный золотой лук, стала целиться в Дэльвьира. Лук сверкнул на солнце, вавилонец потянулся за мечом, хотя сам не понял, зачем он это делает, вряд ли бы он сумел отбить стрелу, пущенную с такого близкого расстояния, да ещё и столь талантливой воительницей, запросто уложившей древнего дракона прямо на его глазах.

— Пригнись! — чистым, безумно красивым голосом командовала незнакомка.

Дэльвьир припал к траве, тетива спружинила, выбросив стрелу... Уязвлённый кэльвири, уже готовящийся впить в Дэльвьира свои клыки рванулся назад и вновь скрылся в чаще.

— Бежим! — прокричала девушка.

Дэльвьир мгновенно вскочил на ноги и бросился следом. Какое-то время они неслись через изумрудные джунгли, не разбирая дороги, а потом Дэльвьир потерял спасительницу из виду. То есть он лишь на мгновение опустил взгляд, чтобы разобрать дорогу и не угодить в яму или не зацепиться ногой о торчащий корень, а когда вновь поглядел перед собой, то был

уже один. Сосны кончились, вокруг пошли заросли ярко-зелёного орешника, белые стволы которого были плотно увиты цветущими лианами. Он остановился и огляделся, через эти белые деревья и зелень листьев впереди проглядывало голубое небо, и виднелись тонкие золотистые нити солнечного света, очевидно, что девушка-воительница вывела его к склону горы, у подножья которой с другой стороны начинался Арвельдон.

К этому моменту Фариселл с Алёной уже выбрались к тропе, с которой свернули прошлым днём. Фариселл так ловко петлял по лесу и лавировал между чрезмерно густых рощ, где могли бы скрываться кэльвиры, что не оставил драконам древности ни единого шанса. Пару раз, правда, зубы древесных монстров впивались в землю неподалёку от беглецов, но всё же им не хватало каких-то метров до цели, всё-таки Фариселл умел ориентироваться в лесах, как никто другой. Ещё Алёна вдруг заметила, что перед принятием решения, в какую сторону следует двигаться, Фариселл тщательно принюхивался, как это обычно делают собаки, очевидно, подумала она, обоняние было его самым сильным из всех семи чувств.

— Был бы здесь Брелов, он бы им показал! — наконец изрёк низкорослый рыцарь, отдышавшись, несмотря на собственные умения, Фариселл, как оказалось, искренне восхищался рок-менестрелем.

Алёна растерянно огляделась:

— Всё? — она растеряно посмотрела на Фариселла. — Мы уже оторвались?

— Да, — Фариселл кивнул, — можно передохнуть! Вон, видишь впереди тропа? Она ведёт к выходу из леса, там мы спустимся по распадку на его дно и вдоль ручья выйдем в преддверья Арвельдона со стороны славной Герронии...

Алёна, обессиливши, опустилась на траву и нервно разрыдалась. Фариселл присел рядом, пытаясь успокоить её, гладил по голове, что-то говорил, но у него не очень-то выходило, всё-таки он был рыцарем, а не психологом... Вдруг сбоку от тропы раздался шорох, Фариселл молниеносно обернулся и обнажил меч. Алёна, продолжая нервно всхлипывать, спряталась за его спину. Из кустов показалась какая-то ужасная рожа клоуна с растёкшимся гримом, это был Авельир. Волосы его, некогда блестящие, все перепутались и перемазались в грязи, он даже не шел, а буквально полз на четвереньках, тяжело дыша, и волок за собой на порванном ремешке свой меч. Увидев это зрелище, Алёна нервно рассмеялась, да и Фариселл разразился оглушительным хохотом, до этого времени, Алёна и не думала, что низкорослый рыцарь умеет так заразительно смеяться, ведь и улыбался-то он через раз. Авельир невозмутимо поглядел на валяющихся со смеху друзей, встал на ноги, с важным видом поправил изорванный сюртук и попытался пригладить растрёпанные волосы.

— Что смешного-то? — спросил он с некоторым недовольством в голосе. — На себя поглядите! Я, вообще-то, с горы свалился, а у Фариселла вона весь плащ в дырах, где он только валялся!

Алёна продолжала заходиться истеричным хохотом. Авельира это явно начинало раздражать, он злобно швырнул меч на землю и сел рядом, отвернувшись в противоположную сторону. Тогда Алёна немного успокоилась, она приблизилась к готическому рыцарю и крепко обняла его за плечи.

— Ну, что ты надулся? — воскликнула она. — Мы так рады тебя видеть!

— Ну да, — с сарказмом усомнился Авельир, — как же!

— Давай я тебе грим заново нарисую, лучше прежнего! — предложила девушка, по-

прежнему не отпуская парня из объятий.

— Действительно, — одобрил Фариселл, — а то будешь ныть, и впрямь тебе подарим с Дэльвьиром что-нибудь розовое, хотя, по правде сказать, я так и не понял, что он имел в виду!

— Он имел в виду, что нашему дорогому готу нужно переквалифицироваться в эмо! — сюсюкающей интонацией пояснила Алёна и погладила Авельира по голове, словно ребёнка.

— Да хватит уже издеваться! — разозлился Авельир. — Просто это Шэу на меня повлиял!

— Да конечно, мы ж не спорим! — подхватила Алёна. — Давай я тебе грим исправлю, идёт?

— Соглашайся! — поддержал Фариселл.

— Идёт, — неохотно выдавил Авельир. — Только сделай всё как в прошлый раз, так же хорошо, о'кей?

— Даже лучше! — пообещала в ответ Алёна.

Они устроились на большом валуне, и Алёна усердно, как и обещала, занялась исправлением размазанного грима Авельира. А тот в свою очередь терпеливо сидел в одной позе, полностью доверившись ей. Вскоре на тропе показался ещё один воин, это был Дэльвьир. Алёна так обрадовалась его возвращению, что едва не задушила парня в своих радостных объятиях. Теперь, собравшись вместе, оставшиеся воины отряда Брелова, устроили небольшой привал на краю драконьего леса. Спускаться в распадок и идти к Арвельдону было решено утром. За день все сильно устали и измотались, беготня от драконов по каменистому лесу преддверий Кэльвиарона была делом не из лёгких даже для таких опытных воинов, как Авельир, Дэльвьир и Фариселл. А что уж тогда говорить про урбанистическую девушку Алёну, что лишь намеревалась вступить в ряды вавилонцев?

Фавориты встречают гонцов Фаур-Каста

Несмотря на известные опасности Кэльвиарона, воины Даркфлесса не могли послушаться приказа Гиртрона, и, едва достигнув скал, начали штурм хищного леса. Однако совладать с кэльвирами им не удалось. Штурм длился несколько часов, за это время много герддронов, сброшенных драконами со скал, было уничтожено, и ещё больше дартгровов, перехваченных в воздухе, обращено в рухлядь.

Когда утро уступило место дню, а солнце вошло в зенит, дартгроты вновь поднялись в воздух, по новой пытаясь штурмовать склоны преддверий Кэльвиарона в надежде догнать вавилонцев. С высоты полёта, чудовища первыми заметили слабый пыльный след, клубящийся в степи со стороны Фаллен-Граунда. Знаменосцы опроретью неслись к позициям армий Визиронта, то были гонцы из Фаур-Каста. Шэугкан ещё не вернулся из ночного похода, поэтому к гонцам вышел сам Визиронт. Завидев приближающихся воинов, вассалы поспешили сменить повелителью забрало на более новое, которое вышло даже страшнее предыдущего. Вскоре у шатра послышался стук копыт, и показались фигуры всадников на взмысленных конях. Воины в чёрных накидках и серебряных полумасках на лицах ловко спрыгнули наземь, и, приблизившись, встали перед Визиронтом. Несколько мгновений они стояли, молча, пристально глядя друг на друга, потом Визиронт отклонился назад и издал всё тот же пронзительный вопль, всадники переглянулись. Правый что-то проревел на своём языке, левый огляделся и сделал знак рукой, указывая в сторону Фаур-Каста. Визиронт развернулся и, взыв, с остервенением выбросил в сторону шатра мутную

волну энергии: пространство исказилось, и шатёр незамедлительно рухнул. Визиронт бы, конечно, с большим удовольствием съёс самих всадников, но в стране Граса Даркфлесса к гонцам относились бережно и с уважением. Тут из тумана со стороны Кэльвиаровых гор показалась уродливая и прихрамывающая фигура Шэугкана.

— Развернуть войско! — проревел он, поняв, что произошло в замке.

Гонцы приложили руки к груди и почтительно склонились, все в Фаур-Касте были уверены, что именно Шэу станет новым королём Фаллен-Граунда. Войска тут же пришли в движение, изрядно поредевшие после длительного штурма, подчинённые Визиронта и Шэугкана двинулись обратно в Фаур-Каст, сняв, таким образом, осаду с Кэльвиарона, а гонцы поскакали далее.

Ошарашенные вестью о гибели Граса Даркфлесса, отряды герддронов и дартгровов спешно снимались со стоянок по всему Арвельдону и устремлялись на юго-восток к Фаур-Касту. Вскоре гонцы донесли новость и до самых дальних дозорных отрядов Фаллен-Граунда в Зирвельдоне, и те также двинулись обратно. Возможно, это был самый большой исход чудовищ Даркфлесса за сто лет, ведь охотиться за вавилонцами отправилась добрая половина всех его лучших воинов. Вавилонцам стоило подождать всего несколько дней и они смогли бы пройти безо всяких препон по пустым степям и чистым лесам, но в том-то и дело, что лишь истинные мудрецы знают, где подстелить соломки. Однако не будь этого путешествия, Аэл'орри не отправилась бы вслед за вавилонцами, не попала бы в Фаур-Каст и не освободила бы Элмэороса, Грас Даркфлесс по-прежнему бы правил Фаллен-Граундом и войска его, выпущенные в дозор, остались бы там, где и были. Хитрая всё-таки это штука, теория ветвящейся Вселенной...

Плотник смотрит телевизор

Плотник укрылся на квартире одного из знакомых вавилонцев ремесленного крыла, который, правда, не был ещё посвящён в истинные тайны ордена, и считал Адальир всего лишь очередной онлайн-игрой. После общения с Силием, Плотника буквально накрыло невероятной эйфорией, всё казалось удивительным и радующим. И эта старенькая раскладушка, и продранный плед на ней, и потёртые простыни, даже обшарпанный шкаф и ободранные стены этой захудалой коммуналки. Ему кроме всего прочего очень хотелось музыки, но после сражения с герддроном возвращаться обратно было нельзя ещё хотя бы какое-то время. У приятеля он отыскал старый, тянущий плеер и осыпавшуюся кассету "Кино" с белыми пятнами на ленте. Возможно, это, некогда завидное устройство, покажется ныне пресыщенным технологиями снобам чем-то из каменного века, но в тот момент Плотник был на седьмом небе от счастья. "Танец на улице, танец на улице в дождь..." — пел Виктор Цой, и Плотник в такт песне пристукивал пальцами по шкафу. В доме все давно уже спали, и воодушевление Плотника пришлось не ко двору, приятель попросил его вести себя потише, и тот, продолжая блаженно улыбаться, переполз на кухню. Создавалось впечатление, будто он совершил путешествие на машине времени, либо технологии нового века вовсе обошли это место своим электронным вниманием. На холодильнике стоял старенький совковый телевизор, доживший каким-то чудом до наших дней, делали их всё же на славу, даже без джойстика. Завидев доисторическую машину, Плотник решил посмотреть, что происходит в мире, отложил плеер, и включил первый попавшийся канал. На экране медленно проступило сосредоточенное лицо всё того же Алёниного "знакового" диктора,

который нервно тараторил новости с пометкой "молния":

— И вернёмся к главной теме, которую муссируют все ведущие новостные агентства мира. Мы только что получили новые сообщения из королевства Адальир, они приходят по всем каналам связи. Как нам удалось выяснить, бежавший накануне из плена один из захваченных ранее дипломатов правительства официального Адальира напал на штаб мятежных генералов. Мы по-прежнему не располагаем данными, кто именно это был, но ему удалось прорваться в генеральный штаб Объединённой Армии Освобождения Адальира и поднять мятеж. По последним данным в результате завязавшегося сражения был убит один из основателей Армии Освобождения Адальира и правая рука самопровозглашённого правителя, а также несколько его подчинённых... Также сообщается, что атаковавший штаб дипломат в перестрелке был ранен, пока это все новости. Мы будем следить за ситуацией, и информировать вас, оставайтесь с нами!

Плотник бросился к телефону, стоявшему здесь же на столике у подоконника, свой мобильный он оставил в квартире. Аппарат был старым, с эбонитовой трубкой, таких, наверное, уже и не выпускают. Плотник сразу вспомнил те славные времена, когда, чтобы позвонить, нужно было бежать к приятелю или искать работающий таксофон, которых, к слову сказать, в городе было крайне мало. Он резко схватил трубку и быстро набрал хорошо знакомый номер.

— Алло, Дэйв? Мне нужно, чтобы ты срочно вышел в сеть на сайт Адальира, прочти, что там происходит, все последние новости! — чётко проговорил он.

— Какой ещё сайт, я адреса не знаю, — донеслось сонное с другого конца. — А самому слабо?

— У меня Интернета сейчас нету, а ты просто набери в поисковике: "Адальир — официальный сайт королевства" и первую же ссылку щёлкай, он по релевантности всегда вверху! Давай, я перезвоню!

Он нажал клавиши и сразу набрал другой номер.

— Хай, Пекарь, мне нужно срочно узнать новости из Адальира! — скороговоркой выпалил он. — Там... Это... Один из прихвостней Гиртрона, возможно, Шэу, или Визиронт!

— Нет, нет! Это Грас Даркфлесс, — раздался из громкоговорителя перевозбуждённый голос. Говорящий с другого конца провода, был явно в курсе дел, и его сильно волновала эта ситуация. — Я сейчас на сайте видео смотрю из Фаллен-Граунда. Там такая суета! Все носятся, паника, истерика!

— А что произошло-то?! Что про Граса Даркфлесса?!

— Он пал, Грас Даркфлесс пал! Я не знаю подробностей, внутрь замка даже навигаторы пробиться не могут, не то, что наблюдатели, они сейчас как раз над этим работают. С окрестных скал виден весь этот переполох! Там какое-то сражение было, видимо, внутри Фаур-Каста. Замок разнесли здорово, а снаружи дождь хлестал, гроза бушевала, весь двор замка в обгорелых рытвинах от разрядов! Герддронов покрушило много!

— А что именно случилось у них?! — Плотник нервно бегал по кухоньке взад-вперёд. — Ну, говори, говори же, не тяни!

— Не знаю, пока информации очень мало, но они стягивают к Фаур-Касту все силы, ранее покинувшие Фаллен-Граунд и части, рассредоточенные в других краях Адальира, что-то крупное затевается!

В этот момент в кухоньку заглянуло заспанное лицо приятеля Плотника, парень явно собирался что-то сказать или спросить, но замешкался.

— Они боятся атаки сопредельных королевств! — догадался Плотник, словно не заметив вошедшего. — Эти товарищи не преминут воздать вассалам Даркфлесса за все годы унижения!

Приятель вяло махнул рукой и удалился, ну, в самом деле, что можно взять с человека, несущего подобную ахинею посреди ночи?!

— Возможно, но сейчас, правда, ничего нельзя утверждать точно, кроме того, что такого зрелища я ещё ни разу не видел! Даже фавориты ещё не вернулись из похода...

— Будут новости — сразу свяжись со мной! Видишь телефон, с которого я звоню, набери его обратно, я пока здесь буду!

— О'кей, приятель, как навигаторы пробьются, я тебе сообщу! Это фантастика, это шок просто, никто не ожидал такого поворота! Грас Даркфлесс кончился!

— Ладно, держи меня в курсе!

Плотник опустил трубку обратно на клавишу и погрузился в глубокие раздумья: за прошедший день он много насмотрелся чудесного и необычного, но такого продолжения истории он никак не ожидал, Грас Даркфлесс пал, и это было действительно вехой не только в истории Фаллен-Граундского королевства, но и всего великого Адальира. Гиртрон потерял главного сподвижника за пределами собственной резервации в Свиртенгралле, теперь будущее Фаллен-Граунда, как оплота власти демона сновидений, находилось в руках его правителей. Всё зависело от того, сумеют ли они правильно разыграть попавшие в руки карты или начнут грызню, окончательно развалив обезглавленный Фаур-Каст. Это понимали все, и вавилонцы по эту сторону экрана и колдуны, гильдийцы, воины и все прочие, населяющие этот край света в Адальире. Зная нрав Даркфлессовского окружения, Плотник всё же робко надеялся, что сейчас они все передерутся меж собой и ненавистный замок утратит былое могущество, это было бы шансом для вавилонцев и надеждой на скорую победу над силами Т'эрауса и Даосторга для всего Адальира.

Фавориты Даркфлесса возвращаются в Фаур-Каст

Вскоре фавориты вечного колдуна вместе со своими армиями достигли Фаллен-Граундского замка и вступили в главный зал магической гильдии. Гильдийцы Фаур-Каста встретили их с трепетом и ужасом, каких ранее не имели. Все ожидали, что вот-вот разразится сражение между фаворитами и уже оглядывались по сторонам, присматривая щель, в которую можно будет уползти в случай чего. Вассалы Даркфлесса ещё не оправились от праведной бури, обрушенной на них Элмэоросом, а уж ожидали новых проблем с властолюбивыми фаворитами. Однако произошло непредвиденное: после посещения пьедестала, где возлежали доспехи Даркфлесса, Шэугкан отказался от престола Фаур-Каста. Хотя именно он обладал преимущественным правом претендовать на него, Шэугкан всё-таки предложил власть Визиронту, но и тот не захотел садиться на трон.

Грызни не произошло, но и сложившаяся патовая ситуация не приносила Фаллен-Граунду пользы, поэтому на верховном совете с подачи Визиронта и Шэугкана было принято решение о том, что новым королём должен стать человек со стороны. Это решение, согласились все, не вызовет кривотолков и недовольства разных каст, усмирит прочих претендентов и не даст расползтись трещинам раздора в руководстве государства. После совета Шэугкан вызвал верховных гонцов, передал им какой-то свиток, скреплённый королевской печатью Даркфлесса, и приказал им скакать в некое королевство Ревельерт к тамошнему королю Вильвильерентэ Сано. После королевская печать была уничтожена в

жерле вулкана Гоаронта, из чего можно было заключить, что внутри свитка содержалось предложение занять трон, вот только кого имели в виду фавориты, осталось тайной.

Парень не успел откусить, как вдруг отложил пончик на стол возле компьютера и бросился судорожно набивать сообщение. Это был очередной вавилонец, который только что получил запись веб-камеры одного из навигаторов, которому всё-таки удалось к этому времени, воспользовавшись неразберихой, проникнуть в Фаур-Каст. Он не мог поверить увиденному собственными глазами! Непобедимый Грас Даркфлесс пал, но что там произошло?! Это был настоящий шок! Мало того, ещё и Шэугкан с Визиронтом отказались от трона Фаур-Каста, что являлось главной интригой, ведь никто и представить себе не мог, кто сумеет заменить вечного колдуна на Фаллен-Граундском престоле! Это королевство было столь велико, и власть его простиралась по всем южным землям настолько, что если бы политический кризис в руководстве затянулся, это могло обернуться катастрофой для чудовищного государства. Если короля не будет на троне, когда вчерашние вассалы смекнут что к чему, то они просто разорвут Фаллен-Граунд. Это было на руку Вавилону, подрыв твердыни Фаур-Каста ослабил бы силы Т'эрауса и лишил Гиртрона военной поддержки на этой стороне Адалыра, куда, как считалось, путь воинам Свиртенгралля был заказан. Нужно было как можно скорее сообщить новость всем вавилонцам с тем, чтобы противные Фаллен-Граунду силы успели скооперироваться и нанести удар по королевству Граса Даркфлесса. Об этом он и писал всем, кого знал, ибо тоже был буревестником, и это входило в его обязанности...

"С ума сойти, Грас Даркфлесс кончился!" — писали тысячи рук, пересылая удивительную новость друг другу через сеть. "Шэугкан и Визиронт отказались от трона Фаллен-Граунда! Что же теперь будет?!" — писали другие. Сообщество вавилонцев просто лихорадило от поступившей информации, а через несколько часов сообщение с пометкой "new"[1] уже висело на главной странице Вавилонского сайта, и каждый мог узнать о произошедших в Падших Землях событиях, даже поглядеть видео.

[1] Новый (Англ.).

Королевство Ревельерт

Это небольшая долина, окружённая Восточно-Свиреальскими горами, расположившаяся на возвышенности севернее Фаллен-Граунда за Гвирендорфом. Раньше это место именовали не иначе, как медвежьим углом и старались даже не заговаривать о нём, не то что посещать. Но это было раньше, а ныне здесь маленькая, но весьма процветающая лесная империя, впрочем, тоже совсем не туристический рай. Чтобы попасть в Ревельерт, нужно свернуть влево перед самыми границами Фаур-Каста и двигаться по северным окраинам Фаллен-Граунда вдоль гор, пока не покажется первая дорога. Это и есть тот самый единственный путь в королевство. За его границами лежат только горы и леса, ни проехать, ни пройти, поэтому Ревельерт в течение многих лет живёт припеваючи. Возможно, многие короли древности и хотели бы разгромить сие государство, но Фаур-Каст, как верный страж защищает вход в Ревельерт только тем, что стоит на пути. Говорят, будто на северо-востоке Ревельерта есть тайный выход в Илверр, что географически в принципе возможно, но пройти по нему пока никому не удавалось отчасти из-за населяющих окрестные леса чудовищ.

Кроме живописной местности и необычного географического местоположения на карте Адалыра, Ревельерт славится также своей архитектурой. Большинство домов в королевстве имеют не свойственные для здешних краёв круглые плоские крыши, расписанные к тому же причудливыми узорами чёрным по белому. Годами ходят упорные слухи, что такое украшательство придумал сам король, в своё время побывавший в Далёких Землях, где и подсмотрел сие чудо. Строения в Ревельерте очень удачно вписываются в кружевную зелень лесов округи и смотрятся странно, но красиво.

Здесь вот уже больше века правит наистраннейший король Вильвильерентэ Сано — высокий, статный и на все вкусы очень красивый человек. Король Сано с рождения был наделён нечеловеческой силой и ловкостью, хоть ему уже больше полутора столетий, а он всё ещё молод и красив и фору даст десятку молодых богатырей. Окрестные жители и сюзерены Ревельерта утверждают, что Вильвильерентэ пьёт кровь людскую и поэтому сохраняет свою молодость и силу. Когда Вилль Сано в красивых доспехах да в окружении вассалов скачет чрез свои селения, крестьяне в ужасе разбегаются по домам, бросая скудный инструмент на пашне, и крепко-накрепко запирают все двери, боясь, как бы король не съел их.

Сано же хищник не больше всех прочих правителей, хотя и не гнушается ничем, налоги в королевстве весьма высоки. Больше всего Вильвильерентэ любит забавы, которым посвящает много времени. Любит он скакать по лесам, нападать на торговцев, но не для наживы, а просто ради веселья или жечь селения лесных жителей, с которыми он, к слову сказать, давно враждует. Вражда короля Сано с жителями окрестных лесов — разговор отдельный, а началось всё с того, что задумал Вильвильерентэ жениться, да нашёл себе невесту из числа лесных красавиц Ормолунда, маленького лесного городка близ Фаллен-Граундского вулкана. Снарядил он сватов, послал их в Ормолунд по тропе к Гостеприимным Вратам, а сам тайком через лес сзади к селению пробрался с воинами, и когда сватов жители Ормолунда добросовестно принимали, исподтишка напал на их славный город. Разгромил всё, что сумел, да хотел приглянувшуюся деву выкрасть, только не нашёл её. Как оказалось, правитель Ормолунда тоже не дурак был, сразу сообразил, что с Сано дел иметь не стоит, да и приказал избранницу его из города спасти от греха подальше. Разозлился Сано, решил сравнять Ормолунд с землёй, но пока воротился к себе в Ревельерт, да собрал войско и обратно двинулся, жители город уж оставили, по лесам разбежались, поклявшись впредь бороться с варваром. Старики говаривали, будто после избранница Сано обвенчалась с воителем Гвирендорфа, также в своё время бежавшего из Ормолунда, по имени Тир'Рн, и будто у них родилась удивительно ловкая и сильная дочь.

К этому человеку и отправились гонцы от Визиронта и Шэугкана. Воины Фаллен-Граунда без особых препон вошли в королевство и попали ко двору короля. Дворец был большим деревянным сооружением из целых брёвен и стоял посреди вытоптанного конями широкого земляного двора. Ворота дворца украшала золотая лепнина с вкраплениями драгоценных камней, Вильвильерентэ, как и Шэугкан, просто обожал роскошь. Двое воинов в чёрных одеждах с серебряными полумасками на лицах доскакали почти до самых дверей дворца и встали, ожидая аудиенции, в руках одного из них был тот самый свиток с королевской печатью, полученный от Шэугкана ещё в Фаур-Касте. Вильвильерентэ скоро вышел к ним в окружении всей своей роскошной свиты.

Король действительно был высок и красив. У него были длинные и вьющиеся чёрные

волосы, огромные глаза, сияющие изнутри пленительным магнетизмом, густые брови, небольшой нос и пухлые губы. Лицо его было чуть полновато, но его это только украшало. Голову Его Величества венчала серебряная корона, а сам он был разодет настолько роскошно, что и представить трудно. Синий плащ Сано, сплошь расшитый золотыми и серебряными узорами украшали к тому же россыпи бриллиантов и изумрудов. Вильвильерентэ обворожительно улыбнулся, и, приветственно раскинув руки, двинулся навстречу дорогим гостям.

— Гости! Обожаю гостей! — задорно воскликнул он. — Сейчас такой пир закатим по этому поводу, пиши королевский указ! — добавил он, перейдя на приказной тон и обращаясь к придворному писарю.

— Вы нужны в Фаур-Касте! — проревел один из гонцов.

— Вы от Граса? Удивительное дело! — обрадовался Сано. — Я давненько не посещал его чертога и с гордостью отправлюсь туда сейчас же!

— Вы очень нужны в Фаур-Касте, — повторил гонец. — Но мы присланы не Его Величеством Грасом Даркфлессом...

— Вас приглашают ко двору фавориты нашего владыки: неодолимый и смертоносный Визиронт и огнеподобный Шэугкан! — добавил второй гонец, передавая Сано свиток.

Вильвильерентэ проворно сорвал печать, развернул свиток, и, бегло прочтя текст, привычным в таких случаях движением повернулся к советнику. Седовласый старец в длинной фиолетовой накидке, точно такой же, как была у гильдийца в Гленнвудском трактире, приблизился к королю и шепнул ему что-то на ухо. Сано согласно кивнул и вновь перевёл взгляд на гонцов.

— Отправляемся немедленно! — провозгласил он, и через полчаса они уже неслись по лесной дороге, покидая Ревельерт, в направлении Фаур-Каста.

Новый король Фаур-Каста

Как только Сано со свитой прибыл в Фаур-Каст, слуги тотчас проводили его в главную залу дворца магической гильдии Фаллен-Граундского королевства. Визиронт и Шэугкан пропустили Вильвильерентэ вперёд, и тот, едва войдя за порог, в изумлении замер: на пьедестале пред ним возлежали уже сильно изъеденные ржавчиной обломки доспехов некогда непобедимого Граса Даркфлесса. Латы, державшиеся столетиями лишь силой магии, ныне просто рассыпались под действием навёрстывающей упущенное коррозии.

— Что произошло с королём?! — воскликнул Вильвильерентэ в ужасе.

— Вы должны стать новым королём Фаур-Каста и всего Фаллен-Граундского королевства! — произнёс Шэугкан, уставившись на Сано. В подтверждение сказанного Шэугканом Визиронт откинулся назад и выдал пронзительно-свистящий крик.

Вильвильерентэ сразу приосанился, подбоченился и по-хозяйски оглядел чертог, вновь остановившись взором на обломках лат бывшего короля.

— Я согласен! — без долгих колебаний заявил он. — Но почему никто из вас не претендует на трон? — добавил Вильвильерентэ с нескрываемым удивлением. Не сказать, чтобы ему так уж хотелось отдать бразды правления в другие руки, скорее Сано пытался выяснить настроение фаворитов, чтобы знать стоит ли ждать от них подвоха в будущем.

— Король Фаур-Каста должен неотлучно прибывать в столице, мы же служим Фаллен-Граунду, путешествуя по всему Адальиру, и не пристало нам менять порядков, — проревел Шэугкан. — Занимайте место на троне и правьте Фаур-Кастом до возвращения единого

правителя всех миров великого Т'эрауса!

— Назначаю вас своими главнейшими фаворитами! — воскликнул в ответ новоиспечённый король. — Служите мне, служите Фаур-Касту и Фаллен-Граунду до становления власти Т'эрауса во всём Адальире! А теперь, проводите меня в мой тронный зал!

— Прежде чем отправиться в тронный зал, вы должны посетить чертог королевского уединения, — произнёс входящий в залу придворный чародей Симпериум.

— Что ж, давайте, — снисходительно согласился Вильвильерентэ, всё больше поглощаемый ощущением новой безграничной власти.

В окружении вассалов Даркфлесса новый король и старые фавориты двинулись вглубь замка, где находилось искомое место. Двери в тайное святилище, если так можно выразиться, Граса Даркфлесса, были обиты железом и держались на мощных навесах. Сразу бросалось в глаза, что чертог надёжно охранялся, засов скрепляла большая королевская печать из гоаронтской лавы. Вильвильерентэ приблизился и тщательно осмотрел двери, даже подёргав за открывающее кольцо.

— Чертог королевского уединения закрыт для всех, кроме короля, — пояснил Симпериум исполненным почтения тоном. — Последнее время владыка Даркфлесс подолгу просиживал внутри, но и мудрейшим не догадаться, о чём были его мысли. Сие святилище открывалось для вассалов лишь раз при коронации Граса Даркфлесса на трон Фаур-Каста, и никто не знает, что там теперь. Теперь вы король Фаур-Каста, и вам следует войти в запретное место!

— Я и так знаю, что там, дорогой Симпериум! — уверенно заявил Сано, чем немалос огорошил собравшихся.

— Вы поистине величайший кудесник, но мне никогда не постичь, откуда вам это может быть известно! — в словах Симпериума скользило осторожное недоверие. — Может быть, вы пожелаете рассказать об этом до того, как мы вскроем чертог? — казалось, хитрому колдуну понадобились доказательства.

Вильвильерентэ усмехнулся:

— Разумеется!

— И что же?

— Её портрет...

— Чей? — Симпериум явно растерялся, ведь он не ожидал подобного ответа.

— Я поведаю эту историю позже. А пока позволь нам не томиться и вступить в чертог!

Симпериум согласно кивнул и, сбив посохом, печать с замка, распахнул двери. Они вошли в высокое узкое помещение с окнами под самым потолком, здесь было холодно и сумрачно. Напротив входа в стене располагался огромный камин с гигантскими, ещё не до конца прогоревшими брёвнами. Возможно, последнее время Даркфлесс часто бывал здесь именно для того, чтобы подзарядиться энергией огня. Симпериум прошёл в центр комнаты и только теперь увидел то, о чём говорил Вильвильерентэ: действительно на стене красовался гигантских размеров портрет какой-то женщины в длинном синем платье и с чёрными волосами. Не один художник трудился здесь, и, как видно, рисовали сей портрет очень долго. Чародей остановился подле картины и поднёс к ней факел. Оранжевый свет озарил портрет, и черты незнакомки проступили отчётливее.

— Это единственная женщина, которая покорила Даркфлесса, — с сожалением вымолвил Вильвильерентэ, подходя сзади. — Именно она сотворила нашего почитаемого

короля!

— Что вы имеете в виду?

— Расскажу позже. Вечером жду тебя в зале магической гильдии.

Вечером Симпериум пришёл в назначенное место. Унылые пейзажи Фаллен-Граундской пустоши за окном уже совсем потускнели, и в зале царствовал сиреневый сумрак. Вильвильерентэ был один. Он сидел не на троне Даркфлесса, который был для него слишком велик, а за столом совета гильдии и перебирал в пальцах горсть разноцветных камешков-релаксаторов. Возможно, среди них попался и один нивелировщик, поскольку Сано то и дело вдруг растворялся в пространстве и тут же вновь возникал на прежнем месте, словно бы мерцая. Очевидно, Вильвильерентэ всё-таки несколько нервничал, враз из грязи в князи став единым правителем столь огромного государства.

— Ваше Величество, я прибыл! — неумело отрапортовал Симпериум, всё-таки был он магом, а не солдафоном.

— Да, да, — задумчиво протянул Сано. — Вы, как оказалось, совсем не знали Граса...

— Расскажите мне, — колдун присел на соседний стул. — Я с удовольствием послушаю про нашего великого короля!

— Незадолго до больших празднеств в Ревельерте, — начал Сано, — я был здесь, мы говорили с Грасом в чертоге, и он вдруг поведал мне свою историю. Мало кто знает, и уж тем более, меньше людей в это поверят, но Даркфлесс потерял свой человеческий облик и поселился в доспехе не из-за сражений и волшебства, даже не из-за того, что возродил этих своих чудовищ...

— Значит, виной всему было вовсе не то, что король Даркфлесс дал новую жизнь дартгротам?! — изумился Симпериум.

— А тебе известно, друг Симпериум, как происходит возникновение новой жизни?

Старик немедля стыдливо покраснел, ведь был он так стар, что уже не подобало думать о таких вещах.

— Нет, я имел в виду, вообще.

— Откуда же я могу знать премудрости мироздания?! Сие есть право лишь богов и им подобных.

— Я открою тебе тайну, но в Адальире нет богов. Те, кого мы считаем богами, некогда являлись такими же, как мы, просто они неимоверно взрастили свои силу и энергию. Однако хоть им и открылись многие сокровенные тайны, но и они ведомы, и над ними есть некая единая сила, я подозреваю, что это некий верховый Бог.

Старец задумался.

— Вполне себе возможно, — подумав, согласился он.

— Я, в общем, однажды... Не спрашивай как, но мне удалось частично прочитать "Тайную Книгу Созидания", и постичь смысл жизнетечений и жизненного круговорота... Каждое живое существо в Адальире начинает свой путь с крохотного сгустка энергии, частички света, он так мал, что ты не сумеешь разглядеть его простым глазом, они всюду и слагают всё, вокруг нас. И каждому даётся шанс взрастить свою энергию и набрать её из окружающего мира. Я слышал, что некоторые путешественники из Далёких Земель называют их атомами, электронами и квантами, но что значат эти слова, постичь мне не удалось...

— Поистине наистраннейшее представление!

— Так вот, Грас действительно отдавал свои кванты дартгротам, чтобы потом иметь возможность возродить их целиком... Но этих частичек в каждом из нас столько, что чтобы израсходовать их все ему нужно было бы создать тысячи тысяч тысяч дартгротов, так что, это утверждение верно лишь отчасти. На самом же деле причиной всему была любовь, огромная любовь к самой простой женщине...

— Это она изображена на портрете? — уточнил Симпериум.

— Да, Симпериум, именно она!

— Ах, я же предупреждал короля Даркфлесса, чтобы он не оставлял в живых ту пленницу! — начал искренне сокрушаться колдун, хотя больше, чем короля, он жалел собственный авторитет, который вряд ли сохранится при новом правителе. — А кем была эта дама с портрета?

— Её звали, уж не помню как, но знаю, что имя было очень длинным и таким же красивым. Даркфлесс любил её с каждым годом всё больше, поэтому и проводил так много времени в своём чертоге, любуясь изображением. Короче, она была из степного племени Валльиса, что кочевало по С'аррусовым степям. Даркфлесс сам рассказал, как безумно влюбился, как неудержимая страсть переполняла его в часы их свиданий, но продолжалось это всё не долго.

— И что же случилось, о, Ваше Величество?

— Отец девы был против её союза с бродячим колдуном с сомнительной репутацией, поэтому Даркфлесс и взялся за изучение самых древних и сильных заклинаний, надеясь произвести впечатление на ворчливого папашу. Потом он понял, что не сумеет заслужить расположение родителя возлюбленной и решил силой овладеть предметом обожания. Он собрал армию и напал на лагерь кочевников Валльиса. В сражении отец девы пал, и она прокляла Даркфлесса, а сама стала женой другого. С тех пор Грас стал совсем другим. Все его дела, магия и коронация были лишь ступенями к достижению всё той же одной единственной цели. Когда он достиг всего, чего собирался и воротился к возлюбленной, то вдруг обнаружил, что прошло уже больше ста лет, и его избранница давно состарилась и умерла, Грас был в шоке. Получалось, что время для него текло иначе. Он пережил свою возлюбленную на сотни лет, но был уверен, что набрав необходимое количество знаний и магической энергии, сумеет воскресить её и завладеть её сердцем. Грас был романтиком и безнадежно влюблённым страдальцем, но в ржавых латах его рукотворного тела это мало кто мог разглядеть, даже я, хоть мы и были близкими друзьями с владыкой Даркфлессом...

Они ещё долго беседовали о мироустройстве и таинственных загадках душ, о том, что любовь правит миром и даже теми из нас, кто утверждает, что никогда не знал её уверенного влияния. Можно не согласиться с Вильвильерентэ и не поверить в то, что Даркфлесс был способен любить по-настоящему, у каждого своё мнение. В одном Сано оказался прав стопроцентно, каждый из нас хотя бы раз в жизни испытывал это животрепещущее всепоглощающее чувство...

Старые долги Фаллен-Граунда

Если бы вы только видели, что уже творилось в окрестных Фаллен-Граунду королевствах в это время! Все бывшие вассалы его и сюзерены, обычно разъедаемые враждой, как железо ржавчиной, вдруг объединились. Раньше они годами не могли

собраться с мыслями, а тут за считанные дни собрали все лучшие войска под общие знамёна объединённого воинства и двинули на Фаур-Каст. Грас Даркфлесс так долго притеснял их, душил налогами, досаждал варварскими набегами, что у каждого из окрестных королей от Ревельерта до Арвельдона имелся к древнему королю свой собственный счёт. Ныне, полагали они, Фаллен-Граунд заплатит свои старые долги...

Властители сопредельных Фаллен-Граунду королевств были жестоки и проворны, но не отличались большим умом, поэтому рассудили они довольно просто, меряя всяк по себе: раз Грас Даркфлесс пал, думали они, то наследники трона ринутся делить корону (в чём никто не сомневался, ибо сами они поступили бы именно так), некогда твердокаменный Фаур-Каст качнётся под натиском их алчной злобы, тогда-то коалиция и нанесёт свой удар и вернёт отобранное Грасом Даркфлессом добро.

Некоторые заходили даже совсем далеко в своих прогнозах на будущее Фаллен-Граунда, утверждая, что в сражении за трон среди фаворитов, перебив остальных, непременно победит Шэугкан, но поскольку он лишь военачальник, то не сможет удержать власти и это будет на руку всем недругам Фаур-Каста. Воодушевлённые грядущим крахом ненавистного королевства, несметные войска, включая, как элитные части, так и ополченцев-крестьян, вооружённых лишь вилами и факелами вскоре достигли запретного рубежа, остановившись перед воротами первого оборонительного уровня. Ждать им пришлось довольно долго, обитатели крепости Граса Даркфлесса специально тянули время, выказывая, таким образом, своё неуважение пришедшим. После же на привратную башню поднялся пехотинец воин-простолудин в самом низшем чине и потёртых доспехах и обратился прямо к королю Орминторна Тордиору, ведущему войска, что само по себе являлось глубочайшим оскорблением.

— Чё надо? — крикнул он подчёркнуто неучтиво, чем просто взбесил пришедших.

— Подавай сюда правителя! — гневно заорал король. — Ваш король пал, Граса Даркфлесса больше нет, мы знаем это, а вам придётся заплатить его долги!

Человек на башне вяло зевнул и исчез за зубчатой крепостной стеной. Через мгновение, на удивление всем, ворота открылись полностью! Они-то думали, что новые правители запрячутся как можно дальше и ни за что не раскроют спасительных ворот, что придётся долго осаждать Фаур-Каст, а тут они сами открыли вход. Это было странно и немного пугающе. Непременно за воротами должна была показаться несметная армада герддронов и дартгротов Даркфлесса, которая тут же будет брошена в сражение, но и этого не произошло. А даже наоборот, дартгроты и герддроны сейчас сидели на склонах Гоаронта, покрывая весь вулкан живым движением, набираясь энергии огня, его тепла и дыма для будущих свершений. К опешившим стервятникам вышло лишь несколько всадников во главе с новым королём Вильвильерентэ Сано. Очевидно, он уже ждал гостей, иначе, зачем выбрался в третий круг крепостной стены? Конечно же, буревестники Фаур-Каста уже успели донести новому королю о приближающихся силах коалиции.

— Кто требовал правителя Фаур-Каста, Фаллен-Граунда и семидесяти сопредельных королевств?! — гневно воскликнул Сано, окидывая собравшихся испепеляющим взором.

Задние ряды, крестьяне и все те, кто потрусливее сразу попятились, не дожидаясь продолжения начали медленно расползаться в разных направлениях, лишь бы подальше от Фаур-Каста.

— Какие вам долги вернуть захотелось?!

Король Орминторна сразу сник, и хоть армия его ныне в разы превосходила горстку

воинов Фаллен-Граунда, оставшихся целыми после сражения с Элмэоросом, тем более, что значительные силы были переброшены в Шадоурок, никто из войска не смел перечить новому королю, Грас Даркфлесс просто-таки вбил в них повиновение.

— Грас Даркфлесс пал, — специально разгневанным тоном воскликнул Тордиор, — теперь вы вернёте нам всё, что отобрал ваш бывший король!

Воины коалиции крепче ухватились за рукояти мечей и копья, готовясь броситься на противника. По воинству прокатилась волна железного звона. В ответ Сано лишь скорчил разочарованную гримасу и с явным неодобрением покачал головой. Затем он произнёс речь, которая просто шокировала всех присутствовавших:

— Много лет, — начал он, без капли страха, проезжая на красивом статном коне вдоль выстроенных рядами воинов противной армии, — наш великий король Грас Даркфлесс служил народу Фаллен-Граунда и семидесяти сопредельных королевств, сотни лет он преумножал наши сокровища, возвеличивал имя нашего государства, заботился о вас и защищал. И все эти годы король верил в преданность вашу, в вашу честность, а вы оказались хуже, чем враги, вы оказались настоящими предателями!

Наиболее благородные воины стали стыдливо отворачиваться и прятать взгляд, даже такая топорная псевдопатриотическая бредь влияла на их умы. А Сано тем временем всё расходился, гневно крича:

— И когда ваш король пал, вы как стая стервятников бросились разграблять оставшееся добро, рвать зубами народное достояние! Я думал снизить вам налоги, но теперь нет!

Тут уже более зажиточные пришельцы задумались, стоило ли ввязываться во всю эту авантюру, а вдруг бы он и вправду избавил их от лишних сборов и налогов?

— Теперь, раз посрамили вы свои земли и не оправдали доверия вашего короля, положу вам платить в троё от прежнего, чтобы знали вы, как милостив был Грас Даркфлесс! А теперь, убирайтесь прочь! У Фаллен-Граунда новый король, Эльсенто-Сиренто Вильвильерентэ Сано Первый, запомните моё имя, имя вашего нового короля! — с этими словами Сано развернул коня и ускакал обратно за крепостную стену, а несколько оставшихся герддронов распугали все несметные войска.

И сколько не пытался удержать трусливых воинов Тордиор со своими приближёнными, а так ничего и не вышло. Все логически понимали, что Сано взял их лишь хитростью и напором, что войди они сейчас в Фаллен-Граунд, то завоюют это королевство, но первобытный страх перед коронованным властителем Фаур-Каста сильнее был любой логики. С тем они и разъехались, не солоно хлебавши, со злостью и недовольством обсуждая новые налоги и считая потерянную прибыль. В конце концов, как это обычно и бывает, обвинили они во всём Тордиора и помощников его, забыв, правда, что виной всему оказалась собственная их тупость и стадный инстинкт.

Аэл'орри и Грассеротеп

Крохотная крылатка скользила сквозь траву, едва успевая хватать губами капельки росы. Ей очень хотелось пить, ведь летела она уже очень долго, но останавливаться было никак нельзя. Созданная волшебством Элмэороса, Аэл'орри чувствовала, что Грас Даркфлесс идёт по её пятам. Она не видела преследователя, но ощущала его энергию, и действительно, железная птица, выпорхнувшая из нутра Даркфлесса, голодный Грассеротеп уже почти настиг её. На стальных крыльях он нёсся над окраинными лугами Фаллен-Граунда, высматривая среди редкой растительности Аэл'орри. Глаза Грассеротепа сияли лимонным

пламенем, а железные перья, подобные оперенью дартгровов, скрежетали почище доспеха самого Граса.

Аэл'орри свернула и направилась в сторону опушки Гвирендорфских чащ. Наконец-то пустыни Фаллен-Граунда закончились, уступив землю благодатным зарослям. Она сделала вираж над цветущей поляной и устремила дальше в лес, но силы были на исходе и вновь обретенные крылья переставали слушаться свою хозяйку. Выбившись из сил окончательно, Аэл'орри-крылатка зацепилась ножкой за лепесток большого белого цветка и свалилась на его лист.

Здесь было тихо и уютно, никакой пыли и никаких ветров, только птицы щебетали да перешёптывались кроны дубов. Аэл'орри сразу уснула, вернее, просто вырубилась от усталости, а когда проснулась, то солнце уже было в зените и стояло точно над поляной. Поразительно, но проспала она что-то около часа, а чувствовала, будто прошло куда, как больше. Уменьшившись, эрфния и время ощущать стала иначе...

Аэл'орри приподнялась, старательно отряхнула крылышки и огляделась: вокруг стеной стояла зелень, благоухали цветы и пели птицы. Внезапно раздался треск ломающихся веток, птичьи голоса в момент стихли, и на противоположном крае поляны показался Грассеротеп. Отвратительного вида железная птица с лязгом вывалилась из цветущего кустарника, пронеслась над ковром из трав и, взмыв по дуге, уселась на вершине высокого пня. С высоты трухлявого трона Грассеротеп принялся тщательно рассматривать округу своими жёлтыми огненными глазами, но Аэл'орри ныне была так мала, что легко спряталась за листьями. Она сделала это инстинктивно, повинувшись порыву, даже не понимая зачем. Ведь Грассеротеп смотрел не глазами, как человек, а чувствовал её энергию, и прятаться, в таком случае, было просто-напросто бессмысленно. Откуда-то ей было известно, что энергия природы ослабляет силу Даркфлесса, и в лесу тот видит плохо, возможно, это Элмэорос рассказал ей.

Грассеротеп тем временем, вращая головой, уже несколько раз совершил полный круг, он тоже знал, что силы природы ослабляют его энергетическое зрение, и старался воспользоваться обычным.

Поляна была небольшой, и Грассеротеп находился всего в нескольких метрах от Аэл'орри. Если бы она сейчас попробовала улететь, он наверняка бы её настиг. Крылатка медленно сползла по стеблю, и, прикрываясь листьями, юркнула под полог трав, где продолжила движение, осторожно перебираясь со стебля на стебель. Грассеротеп с подозрением скосился на зелёный ковёр, укрывающий поляну, завидев едва подрагивающие листовые пластинки. Ветра здесь не было, а сами по себе листья качаться не могут...

Чудовище истошно взревело, взмахнуло ржавыми крыльями, и, вернув их в прежнее положение, метнуло на поляну мощную воздушную волну, подобную оглушающим вихрям Визиронта. Травы, как по команде, расступились, и глаза разъярённого Грассеротепа узрели ошарашенную крылатку. Аэл'орри метнулась прочь, трухлявое дерево закрипело под когтями сорвавшегося следом Грассеротепа, и железная птица устремила за крылаткой. Когти были уже совсем рядом, Аэл'орри зажмурилась и поняла, что не сможет уйти от атаки Даркфлессового духа, но продолжения почему-то не последовало. Она осторожно раскрыла глаза и увидела, как огромная уродливая птица, вместо того, чтобы атаковать, раскинув железные крылья, заваливается на противоположный бок и как в замедленном сне падает в густую траву. Из крыла Грассеротепа торчала стрела с ярко зелёным опереньем...

Спаситель был тут же, человек, весь закутанный в рваную накидку коричневого цвета и

с таким же подобием капюшона на голове показался из зарослей спереди. Он вспрыгнул на поваленный бурей ствол дерева и вновь прицелился из лука в грохочущего среди кустарника Грассеротепа. В прыжке голова лучника обнажилась, и на волю выпорхнули длинные каштановые волосы, на прядях которых помахивали крылышками белоснежные бабочки. Лучник оказался девушкой лет двадцати с синими глазами и чуть смуглой кожей. Грассеротеп издал пронзительный крик, скользнул крылом по траве и ринулся прочь. Синеглазка пустила ему вслед ещё несколько зелёных стрел, которые, судя по металлическому звуку, настигли чудовище где-то в соседних зарослях. Дух Граса Даркфлесса скрылся из виду, спасительница приблизилась, и, осторожно взяв крылатку, усадила её на свою ладонь. Руки девушки оказались грубыми и шершавыми от мозолей, очевидно, она с детства очень тяжело трудилась.

— Эк, тебя занесло! — воскликнула она, рассмотрев Аэл'орри. — Твой дом там за горами, — она махнула рукой в сторону Кэльвиарона, — что ж ты здесь-то забыла?

— Мне нужно в Герронию, добрая спасительница, — ответила Аэл'орри. — Не укажешь ли ты мне верный путь?

— В Герронию? Я, право, даже не знаю, где бы это могло быть, — растерялась девушка. — Но, думаю, это где-то на западе, так что лети в эту сторону, — она показала на противоположный край долины, — там выход из Гвирендорфа, потом сориентируешься, только следует быть более осторожной!

— Спасибо, добрая спасительница, я буду стараться! — Аэл'орри взмахнула крылышками и уже, было собиралась лететь прочь, но девушка закрыла ладонь и не позволила ей этого.

— Подожди, малышка, — сказала она, — тебе нужно скрыться от летающего чудовища, а то оно может вернуться!

С этими словами девушка сунула руку в карман накидки и вдруг растворилась в воздухе, вновь возникнув уже через мгновение. Из кармана она вынула дротик и маленький изумрудный камушек, точно такой же, какой был у Аэл'орри, затем положила его на дерево и ловким ударом дротика отколола от него несколько крупиц.

— Возьми кусочек и всё время держи в руке, — она протянула Аэл'орри каменную частичку. — Так чудовище не сможет тебе обнаружить!

Аэл'орри взяла камень и сжала его в пальцах. Сомнений не осталось, когда она ощутила знакомые покалывания как от сотен иголок, это действительно был нивелирующий камень, только значительно более сильный, нежели её, ведь он сумел скрыть воительницу, лишь дотронувшуюся до него.

— Спасибо, добрая спасительница! — Аэл'орри в знак благодарности склонила голову. — Назови своё имя, чтобы я могла рассказать о своей спасительнице моему народу.

— Я Феллс, дочь Тир'Рна из Ормолунда...

Путешествие через вечнозелёную долину бога Кэльвиара

Ночь прошла спокойно, уставшие за день путешественники спали крепко и не заметили, как пролетело обычно долгое и неторопливое в Адальиरे время.

Утром вновь поднялось солнце. Алёна уже успела полюбить его раннее тепло в этих чудесных краях, где и на рассвете Бог древних был ласков и, не жалея тепла, согревал всех ранних пташек.

Теперь Алёне казалось, что вокруг начинает петь свою вдохновенную песнь осень, хотя

ещё только вчера здесь царило великолепное лето. Листья в рассветных лучах теряли глубину цвета, словно желтели, однако, было ясно, что это лишь красивая иллюзия, и к полудню благодатное лето вернётся, вновь наполнив листву былыми красками.

Алёна впервые с радостью раскрыла глаза после сна, казалось, что она и выпалась по-настоящему тоже впервые. Обычно, она вставала с чугунной головой, слезящимися глазами и жутким раздражением на всё и вся, и сил у неё не было, и весь божий день клевала она носом, а сейчас к собственному удивлению ощущала бодрость и прилив энергии. Она осторожно выбралась из-под накидки, хотя не помнила, как укрылась этой тонкой, но очень тёплой зеленоватой материей, скорее всего, это кто-то из вавилонцев позаботился о ней. Избранная огляделась: все вокруг ещё спали. Фариселл устроился под небольшим раскидистым деревом, Дэльвьир на краю утёса, очевидно, по привычке, контролируя периметр. И только Авельир, ранняя птаха, вновь сидел на камне напротив Алёны и смотрел на неё искоса, слегка улыбаясь и с каким-то странным выражением на лице. То ли это было умиление, то ли симпатия, понять этого Алёна не могла, ей просто было приятно встречать поутру такой дружелюбный взгляд готического рыцаря. А он по обыкновению поправлял на лице свой боевой макияж, используя подаренную Алёной косметику. Туши осталось, видать, совсем мало, поэтому ему пришлось накрасить глаза помадой. Вышло достаточно странно, но врагов, думается, напугать могло, что, собственно говоря, и требовалось...

— По-моему, у меня ресница в глаз попала, — деловой интонацией пожаловался он, — помощи вытащить, а?

Алена молча приблизилась и помогла Авельиру справиться с непослушным волоском.

— Слушай, — спросила она, закончив, — а как же ты раньше обходился с гримом, в смысле, что делал, когда он смывался?

— А я уже говорил, кстати, он не смывался, ведь я никогда раньше и не был в столь долгих рейдах, — честно признался Авельир. — Конечно, я мог бы сказать, что полжизни провёл здесь, чтобы побахвалиться, но я не люблю пускать пыль в глаза своим.

— Да ладно! — девушка махнула рукой, ей было приятно, что Авельир назвал её "своей", но она почему-то смутилась. — Один тот твой выпад у реки, когда ты разбил забрало тому чудовищу, уже произвёл достаточное впечатление! — она была явно поражена умениями готического рыцаря. — Я бы не поверила, что до него даже просто дотянуться можно без лестницы или ещё чего-то в этом духе!

Авельир самодовольно улыбнулся.

— Да уж, я такой! — уверенно подтвердил он, переполняемый изнутри гордостью и самолюбованием. — Однако нужно двигаться дальше, спуск в долину сильно размыло, я уже успел сходить на разведку, будем спускаться по уступам, это не сложно, — подбодрил он Алёну. — Если что, я тебе помогу!

Скоро проснулись Дэльвьир с Фариселлом. Едва завидев спросонья новый боевой макияж Авельира, Дэльвьир не преминул съязвить:

— Ну, ты даёшь, вылитый Starchild из "Kiss"! — заметил он с ехидцей.

— Просто ты завидуешь, что не тебе подарили это чудо прогресса! — возразил Авельир.

— Да уж, — произнёс Дэльвьир таким тоном, что всем сразу стало понятно, что именно об этой помаде он и мечтал всю свою сознательную жизнь.

Затем все вместе они отправились в дорогу. Трудно было представить, как они сумели пройти такое расстояние всего за один день и оказаться уже на выходе из преддверий Одиннадцатиречья. Оказалось, что таинственная помощница в зелёной накидке не только

спасла отряд от драконов Кэльвиара, но направила их тайной тропой, волшебным образом сократив путь.

Склон горы, завершающей Драконий лес, оказался действительно сильно размыт и почти отвесен. Однако на нём было множество больших, крепких уступов, которые покрывала яркая растительность ядовито-зелёного цвета. По ним можно было спускаться, как по ступеням лестницы, конечно, при должной сноровке, которой, к слову сказать, обладали все участники отряда, кроме, разумеется, Алёны.

Много в Адальире красивых и чарующих мест, и Алёна уже повидала немало: и великолепные бескрайние леса Гленнвуда, и очарование величественных скал Гвирендорфа, и затерянную в лесах, пришедшую словно бы из сказки долину вэльмов, но то, что теперь предстало её взору, затмило всё виденное ранее. Распадок, по дну которого они собирались двигаться, был поистине прекрасен. Величественные горные хребты, покрытые густыми лесами, окружали дивную долину. Слева из исполинских скал, напоминающих крепостную стену, на границе истинного Кэльвиарона, неспешно струились водопады. Несмотря на расстояние, здесь, на противоположной стороне долины, также отчётливо слышался их королевский шум, и становилось понятно, что именно эта вода, и спадающая со скал и резво бежавшая рекой в глубине распадка, некогда стала наравне с Богами участницей творения этой чудесной долины...

Над долиной плыл утренний туман, солнечные лучи без труда пронзали его, но не могли развеять окончательно, широкая река и тысячи ручьёв, опутывающие все близлежащие склоны, не позволяли этого сделать. Картина завораживала, внизу искрились тончайшие серебряные нити ручьёв, издавдала шумел величественный водопад, вокруг по склонам зеленели юные рощи, и неприступной стеной поднимались вековые леса, а над всем этим великолепием из-за далёких гор со стороны, откуда они пришли, сияло утреннее просветлённое солнце, и ширился речной туман.

Авельир, пытаясь сориентироваться по времени, прикрыл глаза рукой и поглядел на Бога древних, который ещё не высоко поднялся, было около семи утра. Часы готического рыцаря подтвердили это.

— Спустимся в распадок, а там видно будет, — предложил Фариселл, и они начали спускаться по еле видной тропе с одного уступа на другой.

Двигались они неспеша, понимая, что Алёна не приспособлена для таких путешествий и не может нести их темп. На некоторых уступах они делали непродолжительные привалы, тогда Алёна усаживалась на свой узелок с вещами и ненасытным взглядом рассматривала округу, желая запомнить всё до мелочей, чтобы потом не решить, будто чудесный край ей просто приснился.

Уступы покрывала мягкая шёлковая трава, перекатывающаяся цельной волной при каждом дуновении ветерка то в одну сторону, а то в другую. Среди травы местами виднелись какие-то сверкающие точки, словно прошлой ночью здесь был сильный звездопад, и звёзды, как в песне Виктора Цоя, остались лежать в траве, ожидая счастливчика, которому повезёт их найти.

На очередном уступе Алёна, не в силах более сдерживать любопытства, склонилась к траве и с удивлением обнаружила, что это вовсе не звёзды... Искорки среди подножной зелени оказались кристаллами горного хрусталя, которым вокруг всё было просто-таки засыпано. Некоторые кусочки минерала висели на траве и в цветах, поднятые и оплетённые их стеблями, очевидно, во время прорастания. Выглядело это особенно сказочно и

необыкновенно. Алёна вновь не смогла удержаться и набрала в карман плаща, выглядывающего из узелка, горсть прозрачных камешков.

— Не стоит переносить предметы из Адальира на Землю, — заметил Фариселл, — особенно хрусталь, ибо он, как никакая другая вещь, концентрирует скрытые энергии стихий.

Алёна удивлённо поглядела на него и потянулась к узелку, чтобы выложить кристаллы обратно, но тут Фариселл смягчился и одобрительно махнул рукой.

— Возьми, я это в принципе сказал, просто, чтоб ты знала, а так все что-нибудь да таскают, и в этом нет ничего дурного!

— Нет, ну я не хочу, чтобы это было как-то неудобно, — пробормотала Алёна, — если нельзя, то нельзя...

— Можно, — заверил Дэльвьир, — это же не что-нибудь совсем уж сакральное, бери смело!

Алёна с некоторым сомнением повернулась к Авельиру, словно ожидая и его одобрения. Казалось, что она считала его самым умным в отряде. Авельир покивал, мол, можно брать. Алёна довольно улыбнулась и застегнула карман.

— Положу в цветы на окне, — пояснила она. — Такая красота, да ещё и натуральные!

Авельир усмехнулся, во-первых, в Адальире всё было исключительно натуральным, да и к тому же так странно было слышать наивные и столь обыденные речи в этом волшебном месте, но, мы, где бы мы ни были, остаёмся самими собой, тем, что мы есть в реальности. Вот и Алёна, даже познав великие тайны Адальира и путешествий в параллельные миры, по-прежнему подспудно думала лишь о своём быте, о том мирке, где она существовала все эти годы. Где были её домашние цветы, что радовали её своими бутонами даже в слякотные зимы, о которых нужно было заботиться и которые непременно нужно украсить какими-нибудь безделушками...

Вскоре, где-то к полудню, они спустились в долину и начали движение по её дну вдоль резвой реки, именуемой Эрверсдэн. Вокруг них в долине всё цвело и благоухало, всюду порхали огромные бабочки и стрекозы, а небо, подобно ангелам, рассекали сияющие в солнечных лучах, огромные стаи белых птиц. Они летали по невероятным траекториям, выполняя головокружительные фигуры, и издавали при этом пронзительные крики, наполняющие пространство объёмом и смыслом бытия. Птицы верхнего уровня леса и нижнего яруса кустарников пели иначе, мелодично, романтично и заливисто, от этих песен душа переполнялась радостью и сакральным ликованием, какое бывает лишь в земных храмах и церквях.

Всё это, журчание воды, шелест листьев, пение птиц и шорох крыльев бабочек, создавало в долине непередаваемую атмосферу всеобщего благоденствия. И как не похож был этот затерянный в лесной глубине среди гор мир, на тот, что пришлось пересекать Алёне в преддвериях Фаур-Каста. Неужели Шэу или Визиронту на самом деле мог нравиться их образ жизни, неужели двум этим существам было в радость носить отвратительные маски и тяжёлые доспехи, жить среди пустынь и наводить ужас на окрестные поселения? И разве не хотелось им хоть раз за жизнь избавиться от этой ноши и просто пожить в уединении и умиротворении далёких лесных земель?

— Когда-то здесь ничего этого не было, — сказал Авельир, заметив, с каким восторгом Алёна глядит по сторонам. — Ни леса не было, ни рек, всё было пустошь одна великая да

пересохшие русла во все стороны, как в пыли нарисованные.

— Серьёзно? — не поверила девушка.

— Да, — Авельир кивнул, — но это было очень и очень давно, когда ещё Т'эраус правил всем на север и восток до самых дальних рубежей.

— Это то падшее божество? — уточнила Алёна, с трудом припоминая поведенное ей вавилонцами в Гленнвудском трактире. — А, что он такого сделал?

— Ах, мы же не рассказали тебе самого главного! — сообразил готический рыцарь. — Т'эраус был величайший созидательный Бог Третьего Круга, он пошёл войной против всех живых тварей Адальира, но со временем был побеждён. Когда он по-наущению Даосторга начал свою великую войну, Боги Первого круга послали в Адальир величайшего воина истребителя богов, который должен был призвать Т'эрауса к ответу за все бесчинства, но Т'эраус к тому времени уже обрёл небывалую мощь и снарядился первым в истории оружием — мечом Низерельдером...

— И что произошло потом?

Авельир остановился и присел на большой валун, принесённый сюда, очевидно, рекой при разливе.

— А потом Т'эраус в бою с этим истребителем, имя ему Ронгторн, применил Низерельдер, и весь Адальир поглотила мгла и смута. Удар Низерельдера оказался столь мощным, что энергия переполнила миры, и портал, связующий Адальир с Землёй схлопнулся...

— Но Брелов в трактире говорил, что портал уничтожило падение Вавилонской башни...

— Как бы это тебе объяснить? — Авельир задумался. — Дело всё в том, что наши миры тесно взаимосвязаны, когда в Адальире что-нибудь происходит, то это событие имеет отклик и на Земле. На Земле причиной закрытия портала, связующего миры стало падение Вавилонской башни, в Адальире это было результатом удара Низерельдера в бою с Ронгторном.

Алёна кивнула, кажется, начиная что-то понимать.

— Кроме этого удар Низерельдера уничтожил Ронгторна и сокрушил самого Кэльвиара, выжег леса и осушил реки. Лишь многие сотни лет спустя эта земля стала столь же прекрасной, какой и была, и какая она есть сейчас перед твоими глазами! После сражения всё изменилось, Боги Первого Круга больше не могли попасть в Адальир, и власть целиком перешла к Т'эраусу и Даосторгу.

— И что стало потом?

— Однако Т'эраусу не удалось полностью одолеть добрые силы Адальира. Дух Кэльвиара смог всё-таки возродиться в здешних лесах. Он поселился в большом дереве, собрав вокруг себя множество последователей. Объединённые Кэльвиаром люди дали отпор разбушевавшемуся чудовищу и сами сокрушили его армии. Т'эраус был разбит, и больше о нём никто ничего не слышал. Кэльвиар же продолжает жить внутри дерева, он говорит со жрецами и учит их, что и как нужно делать, и однажды он вернётся обратно полноправным хранителем Адальира.

— Как это, если он стал теперь деревом?

— Жрецы Вавилона верят, что однажды, когда Кэльвиарово дерево вырастит достаточно большим, они выточат из него Кэльвиара, и тот оживёт.

— А почему они не сделают этого прямо сейчас? — удивилась Алёна.

— Дерево, в котором сосредоточен дух Кэльвиара, ещё слишком мало, а, значит, и созданный из него герой будет мал. Вот они и ждут, когда дерево вырастет. Только растут божественные деревья очень-очень медленно.

— А что стало с Ронгторном?

— После победы над воинами Т'эрауса люди Герронии создали из его обломков защитника себе, каменного великана Т'аоса, и поставили его охранять горный проход из Кйа-Ори крепости Т'эрауса в Зирвельдон, поэтому воины Гиртрона больше не могут попасть на эту сторону Адалыра. Т'аос не пропускает ни одного существа из Свиртенгралля, и Адалыр надёжно защищён. Здесь власть имеет лишь Грас Даркфлесс со своими слугами.

— А что стало с этим, как его, ну, мечом?

— С Низерельдером?

— Да, с Низерельдером, где он сейчас? — Алёна начала отряхивать пыль с подола.

— Никто не знает, — Авельир пожал плечами, — меч Т'эрауса канул в лету вместе с древними эпохами и своим божественным хозяином, кое-кто думает, что он всё ещё хранится в Фаллен-Граунде. Говорят, будто некоторые навигаторы видели его собственными глазами в стенах Фаур-Каста, хотя, я лично в это не верю.

— Почему?

— Даркфлесс вассал Гиртрона, древнего демона сновидений, который живёт и правит в противоположном краю Адалыра. Даркфлесс непременно нашёл бы способ передать древнее оружие своему господину. А если бы Низерельдер был у Гиртрона, то сразу бы началась война, это чудовище не стало бы ждать с нападением, обладай он такой мощью! Думаю, они спутали его с другим мечом Флесскаутом, подаренным Даркфлессу самим Лемероном, королём Сальвордера. Понимаешь? — судя по выражению лица, Авельир даже и не рассчитывал услышать от девушки утвердительный ответ.

— Ну, — вопреки ожиданиям она всё-таки кивнула.

— Если бы Низерельдер был у Гиртрона, то он бы начал войну против всего остального Адалыра, поэтому кое-кто пытался да и пытается поныне отыскать эту чудовищную реликвию древности. Возможно, этого не происходит только благодаря магии хранителей Адалыра и слугам святыни Клианор...

Алёна нахмурилась, вспоминая, где могла слышать это слово.

— А то б давно эти твари вылезли из своих пещер под Свиртенграллем, — Авельир многозначительно покачал головой и прищурился. — Они только и ждут, когда ихний король, проклятый Гиртрон, обретёт Низерельдер, а уж тогда спуску не дадут! — добавил он устрашающим шёпотом.

— А кто они? — спросила Алёна, почему-то тоже перейдя на шёпот и непроизвольно оглянувшись.

— Они — это вассалы Гиртрона, герддроны его армий, герддроны и дартгроты Граса Даркфлесса, слуги Шэугкана, нашего Шэу и Визиронта, — сказал он в ответ, упомянув с чудовище с черепом дракона на голове даже как-то по-свойски.

Алёна удивлённо подняла брови, она-то помнила встречу с этим жутким существом Фаллен-Граунда и не могла понять, отчего это Авельир зовёт монстра ласково "наш Шэу". Авельир заметил перемену и сразу сообразил, чем именно смутил Избранную.

— Я знаю его так долго, что уже привык к его существованию, — спохватившись, поспешил пояснить Авельир. — Хотя он положил многих наших воинов, и его походы против славного Эрнонда тоже были весьма гнусными мероприятиями...

— Всё равно не понятно, — Алёна мотнула головой.

— А я думаю, чего это вы отстали? — вступил в разговор, подошедший спереди Дэльвьир. — Понимаешь, Алён, есть он-лайн-игра, как бы прикрытие нашего братства на Земле, мы общаемся через неё. Так вот, там образ Шэугкана один из самых популярных, поэтому он уже не воспринимается, как реальная личность, а скорее как персонаж, вот поэтому Авельир и говорит о нём не как о реальном воине, надо сказать, очень опасном воине Фаллен-Граунда...

— Ясно, — сообразила девушка, — вы так долго играли в него на Земле, что не можете воспринимать его настоящего?

— Что-то вроде этого, — Авельир задумчиво поглядел в сторону. — Хотя, я чуть не сдох при одном его виде, там, у руин древнего хэза.

— Ну и силищи у него, швырнул меня, как пылинку! — пожаловался Дэльвьир, в словах его сквозила опаска и неприязнь. — Если бы не ты, Алён, нас бы там всех положили!

— Да я-то тут при чём? Это всё спасибо тому путнику римскому...

— Да уж, он нам здорово подсобил! — подтвердил Авельир.

Выход из Кэльвиарона

Густущие леса слева и справа уступили место звенящим росой равнинам, подобно морским волнам колышущимся следом за вольным ветром. Горный хребет здесь размыкался, переходя в причудливо изогнутые цепочки каменистых холмов, заросших вереском и клевером. Казалось, что горы, лежащие по обеим сторонам тропы, это доисторические животные, устроившиеся на ночлег и так вольно распростёршие свои хвосты.

На выходе из распадка даже воздух становился иным, более прозрачным и чистым. Благоухания глубоких лесных чащ Кэльвиарона уступали здесь место свежести Арвельдонской Пустоши с её необъятным простором, вольными ветрами и голубыми облаками. Раскрасившая небо лазурь, словно бы стекала вниз с полотна, небрежными мазками сливаясь с зеленью трав там, где Великий Художник махнул своей чудесной кистью.

Будто осязаемый ветер, такой чистый и прозрачный, исполненный бодрящей свежести, в этих краях не путешествовал в одиночку, вместе с ним неотлучно следовали той же тропой голоса полевых птиц, пересекающих просторы бескрайнего небосвода с лёгкостью пушинки и быстротой молнии в самом зените хрустального купола неба.

Долина, раскинувшаяся в обе стороны, насколько хватало взора, дальше понижалась ступенями, так, что с этого места весь Арвельдон был виден, как на ладони. Пред взорами путешественников предстали и все самые мелкие и извилистые ручьи с солнечными бликами, заплутавшими в излучинах, и все самые широкие реки, играющие солнечными искрами на перекатах и стремнинах. И пыльные дороги, вытопанные конными отрядами славного Ормунда, и рассыпанные по пейзажу там и сям человеческие поселения, коричневые домики с красными и зелёными крышами, пасущиеся в лугах лошади и прочий скот...

А в самой дальней дали виднелись в туманной дымке еле заметные вершины великого Свиреаля. Да, где-то там лежал Южный Георальд, где-то там на самой вершине высокогорий Армильда стоял священный монастырь Клианор. А правее должен был находиться Эрнонд, некогда славный Вэльмгленн и Гаур-Хэс, сокровище Арвельдона и неусыпное око, следящее за тем, чтобы люди этих золотых земель жили в правде и справедливости, в добре и заботе

друг о друге...

Авельир взял Алёну за руку и ненавязчиво повернул лицом к себе.

— Мы почти преодолели недружественные земли, — сказал он девушке, улыбаясь, — скоро ты встретишься с Конструктором Вавилона, он мудр и всё знает.

Алёна улыбнулась:

— Это было б здорово, — согласилась она.

Фариселл двинулся дальше, на ярком свету дыры, зияющие на его накидке, смотрелись особенно явственно и выпукло.

— У тебя плащ в непотребном виде, — Дэльвьир усмехнулся. — Совсем как рожа у Авельира!

Авельир на это замечание, казалось, даже не обиделся. Он продолжал слегка улыбаться, радуясь тому, что путешествие закончилось. Вот, поди ж ты, так и становится ясно откуда у Силия эта вечная благодать на лице и вселенское спокойствие в душе. Видать, столько набродился он по Адальиру, что как и Авельир сейчас, полностью обновил своё восприятие Мира.

— Ещё немного, и мы прибудем к цели! — обрадовано воскликнул он и побежал вслед за Фариселлом, увлекая за собой и Алёну.

Встреча с Конструктором

Так, бегом они быстро пересекли каменистую опушку Кэльвиарона, ступив на совсем иную землю Арвельдона. Справа из-за высоких гор медленно выплыла величественная башня дворца магии Гаур-Хэс, гранитного цвета с красноватым камнем на сводах главного купола и в некоторых других частях стен. Несмотря на размеры, отсюда её было нелегко разглядеть как следует, однако из-за гор внизу панорамы виднелись странные сужающиеся выступы, словно от подножья башни в стороны звездой расходились каменные балконы в виде лучей.

— Гаур Хэс — дворец магии Адальира! — воскликнул Авельир, указывая рукой на башню. — Мы на месте!

— Стойте! — голос Фариселла прозвучал встревожено и даже немного испуганно.

Все посмотрели вверх и вперёд, где прямо по курсу в прозрачном небе стремительно расширялись тучи, возникающие словно ниоткуда и совершенно беззвучно.

Дэльвьир первым выхватил меч и начал пятиться, тесня друзей обратно к опушке.

— Гроза?! — изумилась Алёна.

— Магия! — уверенно отозвался Дэльвьир. — Отступаем!

— Нет, пока, — возразил Фариселл, — я не чувствую волшебства, только движение стихий, но что это, сказать не возьмусь, давайте посмотрим!

— И всё-таки, что же это? — Авельир завёл Алёну себе за спину, неотрывно следя за бушующей впереди стихией.

— Совсем чистое движение, естественный ход стихий! — восторженным шёпотом добавил Фариселл.

Отряд застыл в ожидании, рыцари заслонились мечами и обступили девушку кольцом, чтобы защитить её от возможной опасности. Тучи в небе тем временем стали совсем большими, они собрались в круг и начали вращаться над участком земли прямо перед вавилонцами. Внутри кольца прогремел гром, и засверкали молнии, сперва робко, отдельными ниточками, но вскоре электрический вихрь обуял уже всё клубящееся кольцо.

Все в смятении попятились, когда между пыльной землёй Арвельдона и сияющим туманным кольцом облаков стали неспешно вырисовываться стройные столбы радуг. Медленно они оформились и засияли пуще молний, что хозяйничали в это время под сводом неба. Из-за ярких цветов, радуги казались, чуть ли не осязаемыми, словно колонны, подпирающие хоровод сердитых туч. Поднялся ветер, он закружил вокруг странного сооружения из радуг и облаков, затягивая всё окружающее пространство лёгкой дымкой, как той, что стоит по утрам над полями и озёрами Гленнвуда. От этого видение казалось размытым и ещё более необычным, словно нарисовано было акварелью. У земли туман стал совсем белым и густым как молоко, словно фундамент, из которого уже вырастали колонны-радуги...

— Свои! — выдохнул Фариселл.

Алёна удивлённо приподняла брови.

— Слуги Т'эрауса не владеют силой вызывать радугу, ни при каких обстоятельствах! — гордо пояснил Авельир, явно довольный тем фактом, что это чудо природы целиком принадлежит только сподвижникам Вавилона, к которым он относил и себя, хоть и не был реальным волшебником.

Грохот грома стих, туманная пелена подобно шёлку стала сползать вниз по радугам, обнажая их ослепительное сияние, такое близкое, что, казалось, можно его рукой коснуться. Внутри этого волшебного Капитолия медленно соткался силуэт человека, всё стало ясно. Лицо Фариселла просияло, а глаза заблестели, словно он нашёл горшок с золотом.

Между двух радуг, что служили незримому сооружению колоннами, показался человек в лазурном одеянии, расшитом странными серебряными узорами. Они переливались, словно это были молнии, запутавшиеся в складках ткани. Сверху тело воина покрывали сияющие доспехи, а за спиной висели сложенные две пары таких же железных крыльев...

Все облегчённо выдохнули, казалось, что кто-то снял с их плеч тяжёлый груз и освободил лёгкие для нового свежего вдоха. Ощущение благодати нарастало по мере того, как человек в доспехах приближался к отряду. Туман у основания, сотканного радугами дворца, расступился, обнаружив широкую лестницу из белого камня. Человек в доспехах остановился у парапета, но не стал спускаться, а вместо этого сделал жест рукой, приглашая гостей подняться к себе.

Не ощущая никакой опасности, вавилонцы взойшли по лестнице. Внутри сооружения танцевали разноцветные блики радуг и водили хороводы беззвучные молнии. Всё выглядело как в ирреальном и чарующем сне.

Они приблизились к человеку в доспехах, Фариселл вышел вперёд, Алёна же спряталась за спину Авельира в самом хвосте отряда.

— Конструктор! — приветствовал странного человека Фариселл.

— Путешествие успешно, — объявил Конструктор чистым, как горный ручей, голосом, — вы все можете возвращаться! — лицо его странно светилось, делая неразличимыми черты, казалось, что он сам состоит из молний и искр.

— Мы там растеряли троих из отряда, — сказал Дэльвьир, указывая большим пальцем себе за плечо.

— Ага, — кивнул Авельир.

— Я знаю, — заверил Конструктор, — но вы должны вернуться, Actum est, ilicet![1] Все, кроме Алёны, я должен поговорить с ней.

— Но у нас нет навигатора, — Дэльвьир развёл руками. — Как нам это сделать?

Конструктор задумчиво потёр пальцем переносицу.

— Я перемещу вас, как только будете готовы...

— Но, мы ещё увидимся? — встревожилась Алёна. Она приблизилась к друзьям-вавилонцам и поглядела на них исполненным надеждой взглядом.

— Конечно! — пообещал Авельир, беря её за руку.

— Непременно! — Дэльвьир улыбнулся и посмотрел на девушку с такой нежностью, которой обычно мало кого баловал.

— Это безусловная истина! — добавил Фариселл, и провёл пальцами по её волосам.

Авельир молниеносно и незаметно для всех прочих вытер глаза, в которых набежали слёзы.

— Вот, — он снял с шеи одно из своих украшений и надел его на девушку, — это тебе от меня. *Ad futuram memoriam!*[2] Так мы точно встретимся! — он опустил глаза.

Алёна взяла подарок руками, это было так трогательно, что и её глаза блеснули слезами.

— Спасибо, — она обняла Авельира и поцеловала его в щёку, — но я тебя и так не забуду!

— Мы готовы, — нарочито бодрым голосом вымолвил Дэльвьир, который сам готов был расплакаться, но не хотел выглядеть сентиментальным при своих друзьях.

— Пока, парни! — крикнула Алёна, отходя назад.

— Увидимся! — пообещал Дэльвьир и добавил, толкнув Авельира локтём в бок: — А тебе по возвращении подарю розовые носки! — он громко рассмеялся.

Авельир поглядел на него с наигранным сожалением, как на убогого, и снова улыбнулся Алёне.

— Увидимся! — уверенно произнёс он почти шёпотом.

Конструктор взмахнул рукой: Фариселла, Дэльвьира и Авельира окружили радужные столбы, как совсем недавно Крафтсмана, их силуэты обернулись слепящим светом, и через мгновение растаяли в радуге, уносясь куда-то ввысь. Затем радуги погасли, Конструктор улыбнулся. Он приблизился к девушке и заглянул ей в глаза, где ещё дрожали робкие слезинки.

— Вы так ловко обращаетесь с пространством, зачем же понадобилось, чтобы они вели меня через весь Адальир? — недоумевающее спросила Алёна.

— *Expiencia est optima magistra!*[3] — Конструктор положил руки ей на плечи.

— Что? — переспросила она, не поняв сказанного.

— Это значит "опыт — это лучший учитель" на латыни. Важно было, чтоб ты побывала в священных землях и смогла воспринять энергию Адальира.

— Вы проверяли меня? — предположила Алёна.

— Нет, — ответил он серьёзным голосом, — но теперь я уверен, что Вавилон не ошибся, и ты вправду избранная, ты действительно нужна Адальиру... Но, как ни странно, тот, кто нуждается в твоей помощи больше всех остальных, сейчас на Земле в твоём родном городе...

— Силий?! — почти вскрикнула девушка.

— Не бойся, — успокоил её Конструктор, — всё ещё можно поправить, всё в твоих руках, ты должна вернуться...

Алёна слушала слова Конструктора, затаив дыхание, и ощущала, как трепещет внутри её взволнованное сердце.

— Ты должна вернуться, — повторил Конструктор, — и всё исправить! Теперь ты

знаешь всё, что тебе нужно знать!

— Но, что я могу сделать?!

— *Medica mente non medicamentis*[4], так говорили древние, запомни эти слова, они означают "исцеляй разумом, а не лекарствами"! Это нужно понимать дословно, ты поняла?

Алёна не смогла вымолвить ни слова, так сильно разволновалась, лишь согласно кивнула в ответ.

— Доброго путешествия! — быстро пробормотал Конструктор. Он вновь сделал пас рукой и улыбнулся.

Алёна ощутила нахлынувшее чувство уверенности в себе и силы, и ещё, то странное ощущение, которое она испытала, лишь несясь сквозь зелень листвы и трели птиц в самом начале путешествия. Вновь впереди неразлично танцевала листва, вновь в лицо летел свежий ветер, и тёплая волна обволакивала тело... "Солнечного света на путях Адальира!" — донёсся сзади чистый голос Конструктора. Впереди показалась Алёнина кухня, старенький стол с остатками недоеденной еды в тарелках и чашках, потёртый линолеум и даже тот таракан, доедающий рассыпанные ею крошки на полу возле холодильника... И всё это было таким родным и привычным, что и словами не передать!

Конструктор продолжал смотреть ей вслед, его волевое, исполненное уверенности и спокойствия лицо, выглядело в этот момент даже немного наивным. Он незаметно улыбался, но, казалось, старательно прятал эту улыбку даже от самого себя, вернее только от самого себя, ведь сейчас он был один и никто не смог бы увидеть её. Он смотрел на тающую в воздухе радугу с умилением, с которым глядят на своих собачек пожилые люди, или как дети смотрят на любимую игрушку...

Сзади послышались лёгкие шаги, грациозно ступая в туманной дымке, стелящейся по полу, за его спиной показалась Диана. Конструктор, не поворачиваясь, поднял руку и сделал жест, приглашая воительницу подойти ближе. Диана подошла и устремила взгляд своих огромных голубых глаз через плечо Конструктора на то самое место, где ещё мгновение назад стояли вавилонцы.

— У меня для тебя есть подарок, — произнёс Конструктор, продолжая скрывать улыбку, блуждающую на его волевом лице. Возможно, поэтому он и не стал оборачиваться к госте, впрочем, скрыть что-либо от её цепкого взора было не под силу даже ему.

— Для меня? — её голос был чуть низким и безумно красивым. — Что?

Конструктор развернулся к ней лицом, и, вынув из кармана что-то зажатое в кулак, протянул это ей.

— Это дефендэр тридцать седьмого уровня... — пояснил Конструктор.

В Дианины ладони плавно лёг небольшой хрустальный шар, внутри которого что-то мерцало голубым и зелёным цветом.

— А что там внутри? — спросила девушка, протирая подарок краем своей широкой перчатки ядовито-зелёного цвета.

— Капля воды из клинка и зелень с перекрестья Апплоусерта...

В шаре действительно кружило несколько крохотных голубых ручьёв, среди которых дрожали светло-зелёные листья необычайной красоты, такие чистые и свежие, будто они только что развернулись из весеннего побега.

— Неужели это тот самый Одиннадцатый адальир?! — воскликнула Диана, сама до конца не веря происходящему. — Но почему мне?!

— Так надо, боги не ошибаются, — сухо ответил Конструктор, — и, потом, ты это заслужила честно! — добавил он более мягкой интонацией.

— И что мне теперь с ним делать? — растерялась Диана.

— Ничего, — Конструктор пристально поглядел ей в глаза, словно собирался сказать нечто очень важное. — Только никогда с ним не расставайся, это величайшая ценность всегда должна быть при тебе!

Диана кивнула.

— Да, и вот ещё, — Конструктор протянул девушке красивый клинок, рукоять его была украшена семью серебряными клыками, торчащими из перекрестья вперёд по направлению лезвия, — это тебе просил передать Кудесник, помнишь такого?

— Тот самый! — Диана улыбнулась.

— С зубами Лиандерикса, подарками величайшего дракона, — подтвердил Конструктор.

— А где же он сам? — она широко раскрыла свои и без того большие голубые глаза.

— Присматривает за "диггерами-параллельщиками", которые много на себя берут, — Конструктор сделал неопределённый жест рукой в воздухе, — он будет занят ещё какое-то время... А клинок готов, мастера постарались на славу, надо сказать! Просто он не хотел, чтобы ты ждала лишнего...

— Спасибо, — кивнула голубоглазая красавица, — передай ему спасибо, если увидишь его раньше!

— Присматривай за ними, — спокойно произнёс Конструктор, — они без тебя пропадут просто! Хорошо? Иногда мне кажется, что ты даже сильнее Силия...

Диана улыбнулась и снова утвердительно покивала, глаза её и без того искрящиеся просто-таки засияли ультрамарином.

— Обязательно, Конструктор! — пообещала она. — А сейчас мне нужно возвращаться, сам знаешь...

— Да, да, конечно, нужно Варю покормить, верно? Она у тебя там одна и голодная... — он заложил руки за спину и, улыбнувшись, чуть запрокинул голову, словно будучи ниже воительницы всё-таки хотел посмотреть на девушку свысока. — Отправляйся!

— Угу!

Диана направилась к выходу и не заметила, как Конструктор бросил в сторону Гаур-Хэс странный настороженный взгляд. Диана спустилась по лестнице, и, как только сошла она на землю Арвельдона, волшебное строение с радугами вместо колонн, сразу же растворилось в воздухе. Сохранявшийся ещё какое-то время контур его, вскоре развеяло свежим ветром. Воительница ещё раз оглядела дефендер, покрутила в руках клинок, улыбнулась, и уверенно зашагала в сторону Кэльвиарона.

— Только подумать, я всего лишь хотел помочь влюблённым, а вместо этого втянул кучу народу в древнейшую борьбу...

Алёна раскрыла глаза: перед ней зеленели хорошо знакомые обои. Она сидела на своей кухне, одетая в странный средневековый наряд, рядом на полу лежал её плащ с завёрнутой в него прежней одеждой. На шее у девушки красовался подарок Авельира, горный хрусталь на зелёном шнурке, а из динамиков вдруг по-волшебству заработавшего радио звучала лиричная песня Менелика "Je me souviens"[5]...

Желая проверить правдивость своих новых ощущений, она даже не знала, что

предпринять. Алёна собралась позвонить своей хорошей знакомой, чтобы рассказать всю невероятную историю, казавшуюся теперь лишь странным сном. Она невольно потянулась к карману лежащего на полу плаща и вынула оттуда старенький телефон. Из корпуса гаджета тут же во все стороны брызнули полчища зелёных жучков. Крышка телефонного аппарата медленно соскользнула с остального корпуса, и Алёна увидела, как блестит полированный пластик внутри устройства. Жучки, несущие в лапках детали от телефона, ловко разбежались по кухоньке, растаяв в воздухе подобно утреннему туману.

Тогда она вспомнила слова Брелова и прочих о том, что нельзя раскрывать тайны Адалыра, и историю с КПК Дэльвира.

— Прав был Дэльвир, — усмехнулась она. — Теперь мне понятно, зачем они туда набиваются!

Теперь было точно ясно, что путешествие в волшебную страну настоящее, что всё было на самом деле, а не во сне. Надо было действовать, она вернулась в тот же самый день, и тут же повторила свой утренний путь, вернувшись на заснеженную улицу.

Алёна спасает Силю

Она вновь очутилась на привычной улице хорошо знакомого города. Вот только теперь рядом не было ни волшебства, ни радуг, ни Конструктора. Алёна сделала первые шаги неуверенно, с каким-то страхом, но, убедившись, что Мир вокруг осязаем, как и раньше, бегом бросилась к тому коллектору, в который недавно спускался Арбитр Стихий. Теперь всё было иначе, от тех чувств, что бушевали в ней ранее, ничего не осталось, ей даже казалось, будто всё произошедшее — лишь сон или видение, она даже не знала, какой теперь день недели и сколько времени провела она в Адалыре.

Она неуверенно склонилась к канализационной решётке и, кряхтя, невероятным усилием оттащила её в сторону. Сразу же на морозную улицу стал валить пар. Алёна услышала неприятный запах канализации и на мгновение застыла. Никакого волшебства вокруг не было и в помине, а вдруг всё это лишь выдумка, игра воображения?! Что тогда?! Так, размышляя, не сошла ли она с ума, она стояла ещё какое-то время, но, вскоре, собрав всю волю в кулак, всё же двинулась дальше. "- Верить, даже когда не видишь" сказала она сама себе, ускоряя шаги по тоннелю.

Алёна вошла в затопленный коллектор, где у стены сидел Силю. Девушка сняла с компьютера кристалл горного хрусталя, приблизилась к Арбитру, и, склонившись, коснулась рукой его груди. Силю раскрыл глаза и ласково улыбнулся.

— Ты пришла! — улыбка его стала лукавой и довольной. Он приподнялся, и Алёна помогла ему вновь надеть кристальный медальон. Лицо Арбитра Стихий вдруг засияло, и теперь он был в полном порядке.

— Твоя ниточка, — поняв, что всё хорошо, Алёна с улыбкой протянула Силю его красную шерстинку.

— Спасибо! — он ловко вновь заплёл ей свою непослушную бородёнку.

— Надо бы свет как-то зажечь, — сказала она, копаясь в кармане в поисках спичек, ах, как же она забыла, что бросила курить?!

— Не надо, — Силю расправил плечи и взял девушку за руку, — ты всё сделала правильно, и теперь мне светит свет твоих глаз!

— Неужели?! — искренне изумилась Алёна.

И действительно, её глаза теперь сияли тем же зелёным светом, что и у всех прочих

землян, побывавших в Адальире...

Сумма

Много ещё было впереди, войны и праздники, победы и поражения, но тогда никто об этом ещё не знал. Да и в самом деле, кто из мудрецов мог бы предположить, что баланс сил в Адальире может измениться за мгновение, всего лишь из-за одного проснувшегося вулкана...

* * *

Яркими красками на серой стене расцвёл странный и незнакомый нам мир. Граффитеры, видать, только сейчас завершили работу, краска ещё не высохла, и, вот, среди невероятных красот и умопомрачительных пейзажей неземных королевств вновь шагают бродяга в рваном пальто и его спутница в старом шарфе, следом бежит всё тот же безродный пёс, ибо путешествие продолжается...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[1] Дело сделано, можно расходиться (Лат.).

[2] На долгую память (Лат.).

[3] Опыт — лучший учитель (Лат.).

[4] Исцеляй разумом, а не лекарствами (Лат.)

[5] Я вспоминаю (Франц.).